ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

БОРИС АКУНИН

Разрушение и воскрешение империи

1917 – 1953

Annotation

Очередная книга серии «ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА» описывает драматический период с Февральской революции до смерти Иосифа Сталина. В центре повествования — эволюция государственной системы и перемены в общественной жизни страны.

- Борис Акунин
- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ВРЕМЯ ПОТРЯСЕНИЙ 1917–1922
  - РЕВОЛЮЦИЯ
    -
    - Империя Романовых рухнула под грузом внутренних проблем
    - Революционное правительство пытается создать новую, демократическую Россию
    - Демократии угрожают две опасности — справа и слева
    - Самой действенной из соперничающих партий оказываются большевики
    - Ленин и Троцкий готовят переворот
    - Большевики захватывают власть
    - Революционный период заканчивается и устанавливается диктатура
  - ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
    -
    - Главную роль играет «германский фактор» (конец 1917 — конец 1918)
    - Инициатива переходит к белым (конец 1918 — конец 1919)
    - Красные наступают (конец 1919 — конец 1920)
    - Советская власть подавляет очаги сопротивления и восстанавливает контроль над окраинами (конец 1920 — конец 1922)
  - ГЛАВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
    -

        - Советский лагерь
        - Антисоветский лагерь
- ВРЕМЯ КОЛЕБАНИЙ, 1922–1929
    - БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ
        -
        - «Маленькие» вожди объединяются против «большого»
        - Основным претендентом на власть становится Сталин
        - Сталин устраняет конкурентов одного за другим
        - Диктатура партии превращается в диктатуру Сталина
    - БОЛЬШЕВИКИ И ДЕРЕВНЯ
        -
        - Большевики смягчают аграрную политику
        - Новый курс дает как позитивные, так и тревожные результаты
        - Побеждает линия Сталина
    - СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ
        -
        - «НЭП» решил некоторые проблемы экономики, но не самую главную
        - Коренным образом изменился социальный облик страны
        - Изменилась повседневная жизнь всех слоев населения
    - МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НОВОГО ГОСУДАРСТВА
        -
        - Лозунг мировой революции создает стране проблемы
        - Международное положение СССР улучшается
        - Внешнеполитический кризис 1927 года
- ВРЕМЯ ПЕРЕЛОМОВ, 1929–1941
    - НА ПУТИ К НОВОЙ ВОЙНЕ
        -
        - Экономический кризис обостряет социальные и политические конфликты
        - Сформировались агрессивные режимы, делавшие ставку на военную экспансию
        - В разных регионах планеты происходят вооруженные конфликты

        - Внешняя политика Советского Союза подчинена одной главной цели
        - Пакт с Германией побуждает Сталина перейти к экспансии
    - СССР ГОТОВИТСЯ К ИСПЫТАНИЯМ
        -
        - Грандиозные планы кажутся неосуществимыми
        - Правительство переламывает ситуацию
        - Красная Армия растет и перевооружается
    - ДЕАГРАРИЗАЦИЯ
        -
        - Первые попытки насадить социализм в деревне
        - Ужесточение «коллективизации»
        - Сломанная деревня
    - ТЕРРОР
        -
        - Террор для элит
        - Террор как способ контроля над обществом
        - Террор как способ формирования армии рабского труда
- ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ, 1941–1945
    - ФРОНТ
        -
        - Провал Блицкрига
        - Война на истощение
        - Союзники одерживают победу
    - ТЫЛ
        -
        - Советская промышленность выдерживает испытание
        - Мобилизация населения
        - Материальная помощь союзников
    - ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
        -
        - Запад и Восток преодолевают противоречия
        - Отношения между союзниками осложняются
- ВРЕМЯ ЭКСПАНСИИ, 1945–1953
    - РАНЕНАЯ СТРАНА
        -

        - Цена победы
        - Восстановление хозяйства
    - ЗА КУЛИСАМИ ВЕЛИЧИЯ
        -
        - Социалистическое государство превращается в самодержавную империю
        - «Самодержец» утрачивает адекватность
        - Борьба за влияние
    - ГЕОПОЛИТИКА
        -
        - Новое, биполярное устройство мира
        - Возникновение «социалистического лагеря»
        - Начало «Холодной войны»
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- ХРОНОЛОГИЯ

Борис Акунин
Разрушение и воскрешение империи. Ленинско-сталинская эпоха. (1917–1953)

В оформлении использованы иллюстрации из свободных источников

ПРЕДИСЛОВИЕ

События, описанные в этой книге, охватывают период протяженностью в 36 лет, для истории совсем немного, но с марта 1917 года до марта 1953 года Россия изменилась почти до неузнаваемости. Она не только стала по-другому называться, она превратилась в полную свою противоположность: из самого свободного государства мира — в самое несвободное. Столь же разительно изменилось положение России. Из распадающейся, отсталой страны она превратилась в военно-промышленную сверхдержаву, претендующую на мировое лидерство.

Как произошли эти метаморфозы, мы знаем, все основные факты известны, а те, из-за которых до сих пор идут споры (получали ли большевики «немецкие деньги», убивал ли Сталин Кирова «в коридорчике», существовал ли на самом деле «заговор Тухачевского» и прочее), большого значения для истории не имеют. Важно понять, почему судьба России сложилась именно таким, а не каким-то иным образом.

Я придерживаюсь взгляда, что история — не хаотическое сцепление случайных событий, а нелинейный, но при этом закономерный процесс, который может быть объяснен логически. Исходя из этого постулата я попытаюсь разобраться, что в российско-советском историческом процессе было неизбежным, а что стало результатом случайных факторов.

Согласно классическому марксизму, творцом истории являются не отдельные личности, а народные массы. Деятельность марксиста Ленина и в особенности марксиста Сталина — аргумент, ставящий этот тезис под сомнение. Вот почему подзаголовок книги «Ленинско-сталинская эпоха». В государственной системе, заложенной Лениным и достроенной Сталиным, народные массы были всего лишь глиной в руках Вождя — так это выглядело тогда, так это выглядит и сейчас, с временной дистанции. Но тот же Сталин однажды (в беседе с писателем Эмилем Людвигом) сказал: «Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение народилось. И великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять

эти условия, понять, как их изменить. Если они этих условий не понимают и хотят эти условия изменить так, как им подсказывает их фантазия, то они, эти люди, попадают в положение Дон-Кихота». И это действительно так. Ни один правитель не может совершить со своим народом такого, против чего народ категорически возражает. Мы увидим, что Ленину удалось достичь одних целей и не удалось достичь других, «донкихотских», и что Сталин, начисто лишенный донкихотства, в своей деятельности оказался намного результативней. Значит ли это, что второй Вождь «понимал условия» лучше первого, и, если так, что это были за «условия», отвечавшие потребностям российского государства? Вот вопрос, поиск ответа на который является главной авторской задачей, определившей структуру книги и ее тональность.

В мои намерения не входит изложение всех событий политического, экономического, социального, идеологического, национального, гуманитарного характера, всех драматичных коллизий этой трагической эпохи. Я держусь лишь одной основной линии — следить за траекторией, по которой государство следовало из точки А (март 1917 г.) до точки Б (март 1953 г.), концентрируя внимание на ключевых развилках этого «крутого маршрута». Он напоминает пресловутое «дерево возможностей», да в общем им и является.

В 1917 году Россия могла двинуться по гораздо большему количеству векторов, чем в 1920-м; в 1920-м — чем в 1927-м; в 1927-м — чем в 1934-м, и так далее. Как ни странно это прозвучит, важность каждого предшествующего разветвления выше, чем следующего — потому что диапазон возможных вариантов постепенно сужался.

Этим объясняется композиция книги. Вы увидите, что подробнее всего она описывает ситуации революционного и постреволюционного периода, когда были приняты магистральные решения, определившие дальнейшую судьбу государства. По мере продвижения от десятилетия к десятилетию повествование будет становиться лаконичней.

Стремление выделить главную логическую фабулу тома определило и принцип организации материала. Читателю, открывшему эту книгу не для погружения в факты (допустим, хорошо ему известные), а лишь для того, чтобы узнать, как автор понимает и интерпретирует ленинско-сталинскую эпоху, будет достаточно прочитать «Оглавление». Оно расположено в необычном месте, сразу за

предисловием, и представляет собой связный текст. Каждая его строчка предельно сжато описывает суть соответствующей главы, а вместе эти предложения складываются в нечто вроде «твит-истории» всего периода.

Есть у моей книги и еще одна особенность, которая может покоробить кого-то из российских читателей. В отличие от большинства других отечественных авторов, описывая даже самые душераздирающие факты и давая характеристики самым зловещим историческим деятелям, я стараюсь оставаться рассудочно-безэмоциональным, как если бы излагал историю какого-нибудь царства Урарту. Это не означает, что трагедия российского прошлого не затрагивает моих чувств, просто у меня как у писателя имеется возможность выплескивать их в другого рода литературе — беллетристическом сопровождении тома или в романах серии «Семейный альбом», описывающих ту же эпоху в художественной форме. Историческое же исследование, по моему глубокому убеждению, не должно окрашиваться никакими лишними «красителями», будь то моральные оценки, патриотизм, политические пристрастия, сведение исторических счетов, обоснование территориальных претензий и прочее. Исторические книги, в которых я вижу смысл и пользу, помогают правильно понять прошлое ради того, чтобы извлечь из него правильные выводы для будущего. С этой точки зрения я и прошу читателя оценивать мое сочинение.

ВРЕМЯ ПОТРЯСЕНИЙ 1917–1922

РЕВОЛЮЦИЯ

Хаотичные события рокового 1917 года можно суммировать следующим образом:

— Империя Романовых рухнула под грузом внутренних проблем, не выдержав испытания войной.

— Революционное правительство попыталось создать новую демократическую Россию, но в военных условиях это было невозможно.

— Демократии угрожали две опасности — справа и слева.

— Самой действенной из соперничающих партий оказались большевики.

— Их вожди Ленин и Троцкий несколько месяцев готовили вооруженный переворот.

— В конце концов большевики захватили власть.

— С разгоном Учредительного Собрания революционный период закончился и установилась диктатура.

Теперь посмотрим, как это происходило.

Империя Романовых рухнула под грузом внутренних проблем

Главное открытие, ожидающее всякого, кто изучает историю русской революции, заключается в том, что самодержавие никто не свергал. Оно рухнуло само. В феврале 1917 года все революционеры сидели по тюрьмам или эмигрировали; столицу стерег огромный гарнизон; оппозиция была вполне травоядна и совершенно не склонна к насильственным действиям.

И всё же государственная система, строившаяся веками, основанная на безраздельной власти, охраняемая лучшей в мире тайной полицией, рухнула в несколько дней, почти без сопротивления.

Причины кризиса следует искать в особенностях страны, в структуре государства и в ошибках власти.

Начнем со страны.

Что собой представляла Россия в начале XX века?

Это была мощная военная империя с самой большой в мире армией, но в культурном и экономическом отношении сильно отставшая от других «великих держав». Городское население составляло максимум 15 %, почти две трети не умели читать, средний класс был слаб и немногочислен, бóльшая часть подданных жила очень скудно — согласно тогдашней статистике 78,5 % принадлежали к «пролетариату», «полупролетариату» или беднейшему крестьянству.

Историческая особенность российского империализма заключалась в том, что его колониальные захваты были не морскими, а сухопутными: завоеванные территории примыкали к метрополии, поэтому любой взрыв национально-освободительного движения становился угрозой для всего государства. Национальная политика самодержавия строилась на принудительной русификации. Этнические русские («великороссы») при этом были в меньшинстве — их насчитывалось 43 %. Польский, еврейский, украинский, финляндский и множество других «национальных вопросов» были миной замедленного действия. К моменту революции все они обострились до предела, а в Средней Азии происходило обширное антиколониальное восстание.

Единственной проблемой, которую правительство, казалось, решило, было, как ни странно, подавление революционного движения, едва не свергнувшего монархию в 1905–1907 годах. С этой опасностью полицейское государство вроде бы справилось. Подпольные партии были разгромлены, а оппозиционные круги Общества (этим термином, когда он пишется с большой буквы, я называю слои населения, участвовавшие в политической жизни) после начала мировой войны перенастроились на борьбу с внешним врагом. Однако именно Общество, вовсе не стремившееся к деконструкции государства, представляло для него главную угрозу.

Генератором конфликта, однако, было не Общество (оно редко бывает виновато в политических катастрофах), а исторически сложившаяся конструкция российского государства.

Оно возникло в XV веке на развалинах монгольской империи и унаследовало основные принципы, заложенные еще Чингис-ханом. Эта модель государства (я называю ее «ордынской») была предназначена для управления территориально обширной и при этом «лоскутной», то

есть состоящей из множества разноплеменных частей державы. Для того чтобы удерживать ее под контролем, требовалось неукоснительно соблюдать четыре условия.

Во-первых, это **сверхцентрализация** и тотальная вертикальность управления; во-вторых, **сакрализация государства** как некоей сверхидеи, которой всё подчинено; в-третьих, **обожествление** фигуры **правителя**; в-четвертых, **верховенство административной власти над законами**.

Это и есть истинные «скрепы» российской государственности. Ни одна из западных абсолютных монархий подобной степенью ригидности не обладала, ибо не имела в том необходимости, но страна, постоянно расширявшаяся и поглощавшая всё новые и новые регионы, населенные иноконфессиональными и инокультурными народностями, никак иначе сохранять единство не смогла бы. Альтернативный, автономно-федеративный путь сосуществования разносоставных областей в рамках очень большого государства будет более или менее успешно опробован лишь Соединенными Штатами Америки на гораздо более позднем историческом этапе.

«Ордынская» архитектура обладает целым рядом важных преимуществ, к числу которых относятся высокая ударостойкость, быстрая мобилизуемость ресурсов, оперативность выполнения государственных решений. Эти качества позволяли России территориально разрастаться и с успехом отражать иностранные нашествия, а после победы над Наполеоном даже вывели империю на лидирующие позиции в Европе. Однако у сверхцентрализованного государства есть очень серьезный дефект: оно подавляет частную инициативу, а это тормозит развитие страны. В девятнадцатом веке, в эпоху стремительного экономического и социального роста, этот фактор стал решающим. Россия всё больше отставала от других великих держав. После поражения в Крымской войне даже российским традиционалистам стало ясно, что государство нуждается в коренной перестройке.

И тут выяснилось, что любая попытка реформирования ослабляет несущие опоры государства, а это неминуемо приводит к кризису. Общественное обсуждение проблем страны («гласность») заканчивается критикой власти, то есть покушается на ее сакральность. Верховенство закона, необходимое в первую очередь для нормального

развития предпринимательства, ослабляет административную вертикаль. Освобождение крепостных крестьян ставит вопрос о землевладении — для аграрной страны очень острый. Либерализация колониальных методов управления приводит к сепаратизму (сразу же разразилось восстание в Польше). Ну а самый опасный конфликт возникает между правительством и Обществом, которое, чувствуя свою крепнущую силу, требует всё больше прав, причем наиболее радикальная часть даже берется за оружие.

После 1881 года шокированная убийством Александра II верховная власть, стремясь к восстановлению стабильности, попробовала заморозить ситуацию и провела ряд контрреформ, но это не стало решением проблемы. Архаичность традиционного «ордынского» самодержавия вновь, как полвека назад, была продемонстрирована поражением в войне с Японией — еще более унизительным, чем Крымское, ибо на сей раз империи противостояла не коалиция ведущих европейских держав, а небольшая, но динамично модернизирующаяся азиатская страна.

Последовал новый виток судорожных, плохо продуманных реформ, снова подрубивший колонны российской государственности и приведший к революционному взрыву 1905–1907 годов. Самодержавие устояло, сочетая насилие с политическим маневрированием, однако конфликт с Обществом стал константой, а все проблемы остались нерешенными. Развязку на время отсрочила большая война, но она же и многократно усилила детонирующую силу взрыва, когда он наконец грянул.

К февральской катастрофе помимо коренных, трудноразрешимых причин привели еще и ошибки, совершенные верховной властью.

Скандал «распутинщины» нанес сильный удар по самому уязвимому пункту всей самодержавной конструкции — престижу трона. Бережное отношение любящего мужа-императора к желаниям и суевериям жены-императрицы обошлось монархии очень дорого. Вся страна сплетничала о «царе Николашке», «царице Сашке» и «блудодее Гришке». От былого благоговения перед царской фамилией мало что осталось.

Почти такой же ущерб «распутинщина» нанесла и кадровому составу правительства. С 1915 года Николай, приняв пост верховного

главнокомандующего, при назначении министров всё больше доверялся царице, которая очень активно лоббировала приятных ей — и распутинской клике — людей, как правило, мало на что способных. В результате на двух ключевых должностях — председателя совета министров и министра внутренних дел — оказались очень приятные, но абсолютно недееспособные Николай Голицын и Александр Протопопов, растерявшиеся в критической ситуации.

Да и само решение царя лично возглавить вооруженные силы было фатальной ошибкой. Советники пытались отговорить Николая от этого шага, но он никого не послушал. Во-первых, это означало, что отныне император нес личную ответственность за все неудачи и поражения (а их хватало). Раньше можно было снять одного назначенца и поставить другого, теперь же за всё в ответе оказывался сам царь. Во-вторых, и это не менее важно, в сверхцентрализованном государстве все рычаги управления — в столице. Кто владеет столицей, владеет всей империей. Николай же теперь постоянно находился близ фронта, в Ставке. Не окажется его в Петрограде и в момент, когда всё зашатается.

Наконец, тяжелой ошибкой было превращение столицы в центр сосредоточения армейских резервов. В Петрограде и его окрестностях накопилось около 300 тысяч «запасных». Логистически это объяснялось тем, что столица являлась главным железнодорожным узлом, отсюда легче было перебросить пополнения на тот участок огромного фронта, где возникала потребность. Но праздность солдат, малочисленность офицерского состава, усталость от войны, да и просто нежелание попасть в окопы делали эту огромную массу вооруженных людей крайне взрывоопасной. Довольно было искры, чтобы гремучая смесь воспламенилась. Это в итоге и произошло. Монархию не свергли мифические «трудящиеся», ее развалили запасные солдаты. «Трудящихся» разогнала бы выстрелами полиция; против вооруженных гвардейцев Волынского, Павловского, Литовского, Преображенского и других полков полицейские ничего поделать не могли.

Еще 27 февраля император считал панические донесения из столицы «вздором» и верил, что во всем виновата Дума — довольно ее распустить, и восстановится порядок. Дума послушно распустилась, но самые радикальные депутаты в тот же день создали Временный комитет. Одновременно возник самопровозглашенный Совет рабочих и солдатских депутатов, то есть у восстания возникло сразу два штаба.

Бездарное правительство тут же ушло в отставку. Два дня спустя самодержец остался в полном одиночестве — ему отказали в поддержке все командующие фронтами. 2 марта он отрекся от престола в пользу брата Михаила. 3 марта отказался от короны и Михаил. Монархия закончилась, революция же еще только начиналась.

Ей предстояло пройти через обычные для всякой революции этапы: эйфорический, хаотический и диктаторский.

Революционное правительство пытается создать новую, демократическую Россию

Особенностью сверхцентрализованной державы является то, что страна привыкает безоговорочно повиноваться решениям, принятым в столице. Поэтому огромная Россия наблюдала за поразительными петроградскими событиями в ошеломлении, но безо всяких попыток противодействия. В защиту режима царской власти, казалось бы так прочно державшейся, не выступил никто, даже ультрамонархические черносотенные союзы (впрочем, управляемые сверху провластные организации по-настоящему общественными не бывают и собственной политической волей не обладают).

Многие, конечно, растерялись, но преобладали настроения энтузиастические. Все устали от тяжелых испытаний, лишений, военных тревог, все были недовольны властью. Революции происходят, когда потребность в обновлении становится сильнее естественного страха перемен — когда большинством овладевает пресловутое настроение «так жить нельзя». Сколь бы колоссальным ни было терпение привыкшего к трудному существованию народа, на третьем году ужасной войны, невиданных потерь, обнищания, дороговизны оно истощилось. Всем хотелось надеяться на лучшую жизнь.

И новая власть, еще толком не сформировавшись, старалась соответствовать этим чаяниям. На страну посыпались декреты один революционней другого, причем из обоих штабов революции — и от правительства, наскоро созданного Временным комитетом распущенной Думы, и от петроградского Совета.

За две недели Россия стала самой свободной страной на свете.

Были амнистированы все политзаключенные, а уголовникам скостили половину срока. Репрессивные органы прежней власти — Департамент полиции, Жандармский корпус, Охранное отделение — упразднялись, а полиция заменялась народной милицией.

Провозглашались свобода слова, печати, союзов и собраний.

Снимались все губернаторы, обязанности которых переходили к земским деятелям. Смертная казнь была отменена. Все нации и религии уравнивались в правах, а еврейская «черта оседлости» отменялась. Женщинам предоставлялось избирательное право. Наконец, заявлялось, что высшим органом власти станет всенародно избранный парламент — Учредительное Собрание, по примеру Assemblée constituante Французской революции. Правительство заявило, что оно «временное» — только до созыва Собрания.

Петроградский совет, опиравшийся прежде всего на революционных солдат, своим «Приказом № 1» исполнил запрос этой шумной и напористой среды: установил революционные отношения в

армии. Нижние чины уравнивались в правах с офицерами, старорежимные уставные строгости отменялись, главное же — вместо единоначалия вводилась демократия, власть выборных солдатских комитетов. Формально постановление касалось только петроградского гарнизона, однако новые правила скоро распространились на все вооруженные силы.

Оба органа революционной власти расположились в одном и том же здании, Таврическом дворце, где заседала Дума, только в разных его крыльях: Временный комитет, а затем Временное правительство — в правом, Совет — в левом, и это выглядело символично. Российский орел, лишившись короны, сохранил две головы и два крыла, причем одно забирало вправо, а другое влево.

О феномене Двоевластия, то есть о конфронтации Временного правительства и Советов, написано во всех учебниках истории, однако в самом начале никакой враждебности между этими инстанциями не существовало. Они нуждались друг в друге и вполне ладили между собой.

Странная на первый взгляд конструкция революционной власти объяснялась естественными причинами.

Депутаты Прогрессивного блока, наиболее радикальной части распущенной Думы, обладали в глазах страны какой-никакой легитимностью, символизировали некоторую преемственность государственной системы. Не надо было объяснять всей России, что это за люди и почему они объявили себя «временным правительством». Но думские деятели не имели никаких рычагов для восстановления порядка в столице. Погромы магазинов и винных складов, самопроизвольные расправы, да и просто грабежи при полном отсутствии полиции и какого-либо начальства погрузили Петроград в хаос. Нужно было, чтобы кто-то отправил разбушевавшихся солдат назад в казармы, а рабочих по домам. Сделать это мог только Совет солдатских и рабочих депутатов, пользовавшийся у восставших авторитетом.

При этом руководители Совета, почти исключительно социалисты, популярные среди солдат и рабочих, вовсе не стремились к захвату власти. Согласно марксистской доктрине, которой придерживались социал-демократы (а они составляли большинство), общество должно было сначала пройти через этап буржуазно-демократического развития,

«дозреть» до социализма постепенно. Кроме того, петроградский Совет был силен только в столице, у него не существовало никакой организационной структуры для управления огромной страной. У либералов же, каковыми являлись партии Прогрессивного блока (кадеты и октябристы), такая структура имелась в виде земств, местных управ и созданного во время войны «Земгора», мощной общественной организации, ведавшей снабжением армии.

Таким образом, образовался тандем, в котором Совет управлял столицей, а бывшие думцы — страной. Скоро расклад сил начнет меняться: окажется, что руководить страной гораздо труднее и что правительство с этой задачей справиться не может, а Советы постепенно создадут параллельную инфраструктуру власти по всей стране и будут становиться всё более популярными. Это и естественно: критикуя исполнительные органы и при этом ни за что не отвечая, стяжать популярность нетрудно. Тогда и возникнет конфронтация.

Пока же, сразу после падения старого режима, всё выглядело в высшей степени лучезарно. Социалисты обеспечили относительный порядок в Петрограде; либералы, немного поспорив из-за портфелей, 2–3 марта создали Временное правительство, сплошь из депутатов Прогрессивного блока.

Председателем и министром внутренних дел стал руководитель «Земгора», всеми уважаемый Георгий Евгеньевич Львов, кадет. Лидер той же партии, Павел Николаевич Милюков, возглавил министерство иностранных дел, важное прежде всего тем, что оно ведало отношениями с союзниками по Антанте. Военным и морским министром — ключевая должность в условиях войны — назначили октябриста Александра Ивановича Гучкова, считавшегося человеком волевым и энергичным.

Георгий Львов, Павел Милюков, Александр Гучков

Поскольку новая власть собиралась издавать много законодательных актов, призванных изменить всё государственное устройство, особенное значение приобретало министерство юстиции. Возглавить это ведомство пригласили адвоката Александра Федоровича Керенского, который представлялся исключительно удачной кандидатурой: с одной стороны, он был думским депутатом от партии «трудовиков», с другой — товарищем председателя Петроградского Совета, то есть олицетворял собой союз обеих ветвей революционной власти.

Александр Керенский

Однако никто из либеральных звезд первой величины, столь ярко оппонировавших царскому режиму и, казалось, твердо знавших, куда и как вести Россию, не проявил способностей к управлению. Все они — и князь Львов, и профессор Милюков, и представитель деловых кругов Гучков — в условиях революционного становления (действительно очень непростых) оказались мало на что годны. Львов, по выражению В. Набокова (видного кадета, отца писателя), только «сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи». Милюков руководствовался умозрительными представлениями о «правильности» и совершенно не

чувствовал настроений страны. Либеральный государственник Гучков, столкнувшись с революционным хаосом в подведомственной ему армии, сделал резкий поворот вправо — в то самое время, когда общество так же резко смещалось влево. Очень скоро все трое сойдут с политической арены, большой роли в истории они не сыграют.

Иное дело — Керенский, до февраля фигура куда менее известная, но быстро выдвинувшаяся в волатильной ситуации, которая требовала острого общественного чутья и гибкости. Александр Федорович безусловно свой след в истории оставил — правда, неглубокий и довольно извилистый, но яркий. Для того, чтобы разобраться в событийных зигзагах 1917 года, достаточно проследить за маневрами и эволюцией Керенского — он «ловил момент» лучше всех остальных «временных» и, в отличие от Милюкова или Львова, не имел твердой идеологии, так что готов был лавировать и вправо, и влево.

Поразительно, что обе главные фигуры семнадцатого года — Керенский и Ленин — выросли в одном и том же небольшом городе Симбирске. (Владимир Ульянов закончил гимназию, директором которой служил отец будущего главы Временного правительства). Выступая защитником на политических процессах, молодой красноречивый адвокат приобрел известность в обществе, был избран в Думу и возглавил там небольшую фракцию «Трудовой группы». Политическая звезда Керенского взошла в первые же дни февральских беспорядков — когда они еще не переросли в революцию. В Думе он занял самую радикальную позицию и одновременно стал одним из лидеров только что созданного Петросовета, причем перешел из «трудовиков» в эсеры — то есть переместился из либералов в социалисты.

Мемуаристы, активные участники событий — и правые, и левые, и умеренные — как правило поминают Александра Федоровича недобрым словом, обвиняя в вероломстве, интриганстве, властолюбии, позерстве, краснобайстве, слабохарактерности. К этим упрекам следует относиться с осторожностью. Позиция Керенского менялась, потому что всё время менялась ситуация. С теми соратниками и союзниками, кто отставал от хода событий, правителю приходилось расставаться.

Что же касается «позерства», то вообще-то, выражаясь по-современному, речь идет об имидж-мейкерстве, непременном атрибуте публичной политики. В этом плане Керенский, несомненно, был человеком талантливым. Его зажигательные речи при отсутствии реальных инструментов власти являлись чуть ли не единственным средством общественной мобилизации, и тут Керенский совершал истинные чудеса. Перед летним наступлением он проедет вдоль линии фронта, выступая на митингах перед разложившимися военными частями — и сумеет-таки заразить солдат боевым духом.

Ну, а обвинение в «слабохарактерности» означает лишь, что Керенский не хотел проливать реки крови, без чего на очередном витке напряженности удержать власть станет уже невозможно. Она достанется тем, кто крови не боится.

Стартовало Временное правительство очень бодро. Противодействия и сопротивления нигде не было. Города бурно приветствовали революцию; в деревнях, как при любой перемене наверху, стали ждать, что наконец дадут землю; в армии солдаты обрадовались «Приказу № 1», а офицеры преисполнились надежды, что теперь обновится высшее командование и наладится снабжение.

Союзники по Антанте сразу признали новую власть, получив от нее заверения, что Россия из войны не выйдет.

Правительство обрушило на страну град прекрасных демократических указов (что способствовало росту известности и популярности министра юстиции Керенского), а военный министр Гучков заменил командующих всеми шестью фронтами и назначил на важные посты несколько десятков генералов с хорошей репутацией. Было объявлено, что все сложные вопросы — в том числе главный для крестьянской страны вопрос о земле — решит всенародно избранный парламент, и на этом эйфорический этап революции завершился.

Уже в апреле начала проявляться обратная сторона революции — хаотическая. Британский автор Орландо Файджес нашел формулировку, передающую самую суть произошедшего: «Революцию 1917 года следует понимать как всеобщий кризис устоявшихся авторитетов. Отвергнуто было не только государство, но вообще всё, прежде вызывавшее пиетет: судьи, полиция, учителя, работодатели,

помещики, деревенские старосты, отцы семейств, мужья. Революция происходила буквально во всех сферах жизни».

Подорваны были и четыре опоры, на которых издавна стояло российское государство, в результате чего оно сразу же зашаталось.

Вместо «помазанника Божия», за которого полагалось молиться в церкви, в далекой столице правили какие-то неизвестные широкой массе люди, которые к тому же постоянно менялись. Какая уж тут сакральность? По всей стране развернулся процесс образования собственных советов, не признававших никаких других институтов власти.

Ослабление Центра запустило механизм распада колониальной империи. Национальные окраины немедленно заволновались. Польшу к этому времени оккупировали немцы, это был уже «отрезанный ломоть», но теперь потребовала независимости Финляндия, в Средней Азии с новой силой вспыхнуло подавленное было антирусское восстание, в Закавказье активизировались националистические движения, в Киеве возник собственный орган власти, Украинская Центральная Рада, где сторонники автономности спорили с «самостийниками», требовавшими полной независимости. Центробежные силы разрывали империю на части, что для адептов «единой и неделимой России» было совершенно неприемлемо.

Деревня, подождав несколько недель, не выйдет ли декрета о земле, и не дождавшись его, уже в апреле взялась за дело сама. Крестьяне повсеместно нападали на помещичьи усадьбы, растаскивали инвентарь, уводили скот, самопроизвольно распахивали землю. При отсутствии полиции остановить этот стихийный процесс было невозможно. Итальянский историк Джузеппе Боффа приводит статистику: в марте было зарегистрировано всего 17 инцидентов с захватом помещичьей собственности, в апреле — 204, в июле — 1122.

Еще интенсивнее хаос ощущался на заводах и фабриках, ведь рабочие были активнее и организованнее крестьян. Повсюду возникали «фабзавкомы», диктовавшие владельцам и директорам свои условия, часто невыполнимые. Постоянно происходили забастовки и беспорядки. Ответом стало массовое закрытие предприятий. Производство падало, росла безработица, что повышало градус напряжения. В рабочей среде росло влияние самых радикальных агитаторов — большевиков.

Острее всего хаотические процессы происходили в вооруженных силах. Идея великой державы, служение которой есть долг и обязанность всех подданных и ради которой почетно пожертвовать жизнью, сменилась идеей свободы — и каждый понимал ее по-своему. Патриотические настроения, и без того сильно истощившиеся, если так можно выразиться, вышли из моды. Зачем погибать и терпеть лишения ради «великой державы», если свобода важнее величия?

Приказ № 1, изданный Петроградским советом, подорвал дисциплину и единоначалие, а это самое страшное, что может произойти с армией. Семь миллионов мобилизованных россиян перестали бояться своих командиров. Большинство солдат и матросов хотели только одного — поскорее вернуться домой.

Вопрос о продолжении войны и стал камнем преткновения, на котором споткнулось первое Временное правительство. Оно не продержалось даже двух месяцев.

Кризис разразился из-за министра иностранных дел Милюкова.

На Западном фронте шли тяжелейшие бои. Союзники России — Франция, Британия и Италия — истекали кровью. Страх перед тем, что революционный Петроград заключит сепаратный мир, и Германия с Австро-Венгрией перекинут миллионы солдат на западные театры войны, побуждали Париж, Лондон, Рим, а теперь еще и Вашингтон (к коалиции только что присоединилась Америка) оказывать на Временное правительство постоянное давление. В мемуарах Милюков рассказывает, что в первые же дни дал обещание «свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнять заключенные с союзниками соглашения». Этой же линии держался он и в дальнейшем, хотя вся страна жаждала только одного: мира.

Проблема российских либералов, типичнейшим представителем которых являлся Павел Николаевич, заключалась в том, что им очень хотелось быть «настоящими европейцами», а в условиях войны это означало — сохранить хорошие отношения с Антантой, заслужить ее уважение и одобрение. Соблюдение союзнических обязательств, по убеждению Милюкова, было долгом порядочности. Но в революции ничего порядочного нет, и того, кто пытается плыть против течения, бурный поток выбрасывает на берег.

18 апреля министр Милюков отправил в Париж и Лондон депешу с уверениями о том, что слухи о сепаратном мире неверны и что в России

усиливается «всенародное стремление довести мировую войну до победного конца». Во-первых, это совершенно не соответствовало действительности, а во-вторых (процитирую историка Роберта Сервиса), Милюков «проявил самоуверенную тупость, чрезмерную даже для профессора истории». Содержание ноты стало известно Петросовету, который только искал повода предъявить претензии Временному правительству, и разразилась буря.

Толпы революционных солдат, матросов и рабочих заполонили улицы. Демонстранты требовали отставки не только Милюкова, но и всего правительства.

Петроградским военным округом командовал генерал Корнилов, креатура военного министра Гучкова. Корнилов пользовался популярностью в войсках, имел достаточное количество верных частей и был готов навести порядок с использованием военной силы. Но если бы правительство либералов отдало приказ стрелять, оно перестало бы быть либеральным. Вместо этого князь Львов пошел на уступки: пожертвовал Милюковым и пригласил в правительство представителей Петросовета.

Новый состав кабинета, наскоро сформированного в начале мая, был коалиционный, либерально-социалистический, и тон теперь задавали социалисты, причем на первый план вышел Керенский, получивший портфель военного и морского министра.

На этом красивая «либеральная» фаза революции и закончилась. Теперь всё будет некрасиво — и чем дальше, тем некрасивей. Достигнув высшей точки, свобода превратилась в хаос и была обречена на постепенную деградацию.

Новые правители страны, умеренные социалисты, вовсе не собирались повернуть исторический процесс вспять, но у революции свои законы, с которыми стране предстояло познакомиться.

Непреложный закон всякой революции, произошедшей в стране, где средний класс малочислен или недостаточно силен, заключается в том, что слом прежней государственной машины к созданию демократической системы привести не может. Дело неизбежно заканчивается диктатурой.

В независимом суде, независимой прессе и независимой депутатской власти жизненно заинтересованы предприниматели, самодостаточные производители сельскохозяйственной продукции,

образованные профессионалы — одним словом, люди, обладающие собственностью и зависящие от своей деятельности больше, чем от государства. Как мы видели по статистике, в России этот слой населения был немногочислен. Даже в мирное время — скажем, осенью 1905 года, в разгар всеобщей забастовки, или летом 1906 года, в период жесткой конфронтации Думы с правительством — если бы царизм не устоял, смена власти никак не могла бы превратить вчерашнюю самодержавную империю в европейскую демократию. При ослаблении центра сразу начались бы те же самые процессы: национально-освободительное движение в колониях, крестьянские волнения и заводские конфликты. Страна погрузилась бы в хаос и кому-то пришлось бы восстанавливать порядок силой оружия — либо под правым лозунгом «спасения отечества», либо под левым лозунгом «спасения революции». Альтернативой была бы новая Смута, с тотальным распадом страны на регионы, в каждом из которых шла бы борьба за власть.

Тем более благополучный исход (когда мирно выбирают парламент и разрешают все противоречия на его трибуне) был невозможен в 1917 году, в условиях тяжелейшей войны.

Демократии угрожают две опасности — справа и слева

Из хаоса, в который погрузилась революционная Россия, имелось только два выхода, и оба плохие. Либо крайне правый — с «белым» террором, либо крайне левый — с «красным». Восстановить хоть какое-то подобие порядка можно было лишь посредством жестких и даже жестоких мер, через насилие и страх. Ни либералы, пришедшие к власти в марте, ни умеренные социалисты, вошедшие в правительство в мае, выполнить эту задачу не могли.

Те, кто готов стрелять, всегда находятся. Но просто стрелять было бы недостаточно. Если бы Временное правительство перешло от увещеваний к решительным действиям, ему пришлось бы вешать рабочих на фонарях, убивать без суда и следствия мятежных солдат, заливать кровью крестьянские восстания по всей России и направлять карательные отряды во взбунтовавшиеся колонии. Это была бы не демократия, а протофашистская диктатура.

Из-за того, что в конце концов верх в политической борьбе одержали ультралевые экстремисты (большевики), почти все авторы, пишущие о событиях семнадцатого года, склонны недооценивать альтернативу — опасность справа. А она летом 1917 года выглядела реальней.

Левые тогда были разобщены, разделены на множество фракций, часть которых поддерживала Временное правительство, часть — Советы, где пока тоже верховодили умеренные. И все левые, даже самые неистовые ниспровергатели, были плохо организованы. Отряды рабочей самообороны и разложившиеся воинские части охотно митинговали, но были мало приспособлены к совместным действиям. Во время вышеописанного майского кризиса командующий столичным округом Корнилов, предлагая подавить беспорядки, заявил, что у него всего три с половиной тысячи надежных, дисциплинированных бойцов, но он без труда справится со стопятидесятитысячным петроградским гарнизоном. И справился бы. Однако Временное правительство испугалось кровопролития, а устраивать переворот генерал был не готов.

Антиреволюционный лагерь, никак себя не проявлявший на эйфорической стадии революции, сформировался как защитная реакция на анархию и распад. Идея правого переворота под лозунгом восстановления порядка приобретала всё большую поддержку в среде крупного капитала, испуганного рабочим движением, и офицерства, возмущенного развалом армии. Таким образом возник союз денежных людей с решительными людьми — для захвата власти вполне достаточно.

Перспектива правого путча стала реальной, когда из правительства (в мае) ушел деятельный Александр Гучков. Он утратил надежду на то, что эта «говорильня» сможет исправить ситуацию, и стал готовить заговор. «Уход от власти не означал для меня отказа от борьбы. Я только думал, что карта на центральное правительство бита», — объяснял впоследствии Александр Иванович. Он вернулся на должность председателя военно-промышленного комитета, позволявшую часто бывать на фронте, и стал собирать «здоровые элементы» — договариваться с генералами, которые в нужный момент, рассказывает Гучков, повели бы войска «в поход на Москву и Петербург».

Подготовка отставного военного министра к путчу не ограничивалась фронтовыми поездками, и Гучков в своих планах был не одинок.

Самый влиятельный и богатый из капиталистов Алексей Путилов тем временем создал «Общество экономического возрождения России», которое несмотря на безобидное название на самом деле аккумулировало средства для будущего путча и в короткое время собрало 4 миллиона рублей. Так что с финансами у заговорщиков проблем не было.

С кадрами тоже. Существовало несколько офицерских организаций правого толка, готовых к выступлению: «Военная лига», «Союз офицеров», «Республиканский центр», «Союз георгиевских кавалеров». Дело было только за военным предводителем. Газеты правого толка в открытую обсуждали, кто из генералов мог бы стать российским Бонапартом.

«С самого начала я подумал, что без гражданской войны и контрреволюции мы не обойдемся, и в числе лиц, которые могли бы возглавить движение, мог быть Колчак [тогдашний командующий Черноморским флотом]. Я думал и о Гурко [командующий Западным фронтом], об Алексееве [до конца мая верховный главнокомандующий] …», — рассказывает Гучков.

Если бы выбор остановился на решительном и умном Колчаке, правый путч, вероятно, удался бы и в России установился бы репрессивный режим не левого, а правого толка. Но заговорщики решили оставить адмирала на месте, поскольку Колчак силой своего авторитета удерживал вверенный ему флот от разложения. В результате остановились на том же Корнилове, у которого в критический момент окажется недостаточно решительности и ума.

Однако это произойдет в августе. Пока же, в начале лета, когда самым прозорливым политикам уже было ясно, что Временное правительство не удержится и что роковой поворот резко влево или резко вправо неизбежен, сторонники «военного решения» выглядели силой более серьезной, чем адепты социалистической революции.

«Левая голова» российского революционного орла, Советы, в этот период была еще менее дееспособна, чем правительство.

Как уже говорилось, во время февральских событий народное движение в Петрограде возглавили вовсе не думские либералы, а деятели двух антимонархических партий — социалисты-революционеры и социал демократы.

Первая партия была наследницей народничества и представляла интересы крестьянства; вторая, марксистская, отстаивала права рабочего класса.

Естественно было бы ожидать, что в преимущественно крестьянской стране первенство будет принадлежать эсерам. В целом по стране — когда повсюду начнут возникать советы — так и получится. Но «колыбель революции» Петроград был городом рабочих, и в столичном Совете социал-демократы пользовались не меньшим влиянием, чем эсеры. Возглавлял Петросовет бывший глава думской фракции РСДРП Николай Чхеидзе. Однако у эсеров были сильные позиции в гарнизоне (ведь большинство солдат составляли крестьяне), и это уравновешивало позиции.

Объединяло две партии, во-первых, отношение к Временному правительству: при всех трениях, эсеры и эсдеки поддерживали эту демократическую форму власти и готовы были дождаться выборов в Учредительное Собрание, где рассчитывали одержать победу и потом возглавить страну на законных основаниях. Во-вторых, выступая за мир без аннексий и контрибуций (общий лозунг всех социалистов), они не желали заключать невыгодный для России мир и призывали к «защите революционного отечества» — это называлось «оборончеством».

По множеству других важных вопросов оба крыла социалистического движения не могли договориться не только между собой, но и внутри собственных партий.

Социалисты-революционеры делились на «правых эсеров», с самого начала (в лице Керенского) участвовавших в работе либерального правительства, а в мае получивших еще несколько министерских портфелей; на радикальных «левых эсеров», которые требовали свержения Временного правительства, безоговорочного выхода из войны и немедленного раздела земли — не дожидаясь Учредительного Собрания; а еще имелись «центристы», занимавшие промежуточную позицию. При большой популярности эсеровских идей и массовом притоке новых членов (к лету уже миллион человек), это

была аморфная и разномастная общественная сила, раздираемая непримиримыми противоречиями.

Примерно такая же ситуация сложилась и в РСДРП. По заведенной советскими историками традиции, партию называют «меньшевистской», но этот термин вводит в заблуждение. Он был запущен Лениным после раскола на лондонском съезде 1903 года, где социал-демократы разделились по вопросу о принципах устройства партии, и сторонники жесткой дисциплины получили большинство, однако в дальнейшем «большевики» подчинили своему влиянию довольно немногочисленную часть рабочего движения, а главную роль в нем играли умеренные социал-демократы, следовавшие классическому марксизму.

Слабой стороной РСДРП, как и у эсеров, была та самая партийная дисциплина, за которую бился Ленин. «Меньшевики» (будем для краткости называть их так, как традиционно принято) тоже раскололись на три фракции — по тем же ключевым вопросам отношения к Временному правительству и войне. Левое крыло, «интернационалисты», подобно левым эсерам, мало чем отличались от большевиков: тоже требовали немедленного прекращения войны и разрыва с «временными».

В общем и целом социалистический, советский (в первоначальном значении слова) фланг политической жизни в начале лета выглядел весьма пестрым и дезорганизованным, что в полной мере продемонстрировал Первый Всероссийский Съезд Советов, состоявшийся в июне. Председательствующий Ираклий Церетели, меньшевик, резюмировал: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет». Тогда, согласно канонической легенде, с места поднялся Ильич и громко крикнул: «Есть такая партия!»

На самом деле было не совсем так. Заявление о том, что его партия «готова взять власть целиком», Ленин сделал не из зала, а с трибуны, на следующий день — и оно было встречено смехом присутствующих. Так называемые «большевики» составляли малозначительное меньшинство съезда, всего десятую часть делегатов.

Эту легендарную сцену многократно запечатлела советская иконография (слева — картина А. Кулакова, справа — Е. Кибрика)

Невозможно было представить, что через пять месяцев эти маргиналы действительно придут к власти.

Самой действенной из соперничающих партий оказываются большевики

В предыдущем томе, описывая процессы, приведшие монархию к гибели, я почти не упоминал большевиков, ибо эта группировка пока не имела особенной политической важности. В бурных событиях 1905–1907 годов роль «ленинцев» была третьестепенной. Террористическую борьбу вели в основном эсеры и анархисты; рабочим движением руководили меньшевики. К моменту Февральской революции РСДРП(б), как ее тогда называли, представляла собой довольно немногочисленную организацию, руководители которой находились или в эмиграции, или в Сибири.

Если говорить о соотношении случайного и неслучайного в крупных исторических событиях, эпопея семнадцатого года может быть описана следующим образом.

Самодержавие рухнуло, потому что оно не могло не рухнуть. Революция закончилась диктатурой, потому что и это было неизбежно. Но дальше включается фактор случайностный и личностный. Россия

скатилась не в «генеральскую», а в «комиссарскую» диктатуру, потому что в июле и августе произошла череда более или менее случайных событий, сместивших баланс в левую сторону. А то, что из всех левых группировок верх взяла именно большевистская, — уже иллюстрация на тему «роль личности в истории». Вернее, двух недюжинных личностей — Владимира Ленина и Льва Троцкого. И чтобы понимать, как и почему история России пошла по большевистскому вектору, а, скажем, не по эсеровскому, нужно в обеих этих личностях как следует разобраться.

Начнем с Ленина, превратившего малозначительную и малочисленную группку политэмигрантов в мощный инструмент захвата власти. Именно в этом заключается главная историческая заслуга Владимира Ильича Ульянова (или его главное преступление — зависит от ваших взглядов).

При всём колоссальном объеме литературы о Ленине, из чтения очень трудно составить представление о живом человеке. Беспристрастных свидетельств почти нет — рассказчики или смотрят на объект снизу вверх, с благоговением, либо люто его ненавидят. Создается впечатление, что «живого и человеческого» в этом историческом деятеле было не так много. Всё его существование, все поступки подчинялись главной цели, так что определяющей чертой этого характера была почти сверхъестественная целеустремленность.

Дмитрий Писарев, которого Ленин высоко ценил и чью фотографию держал на письменном столе, очень точно описывает такой тип личности: «Сам мечтатель видит в своей мечте святую и великую истину; и он работает, сильно и добросовестно работает, чтобы мечта его перестала быть мечтою. Вся жизнь расположена по одной руководящей идее и наполнена самою напряженною деятельностью… Он счастлив, потому что величайшее счастье, доступное человеку, состоит в том, чтобы влюбиться в такую идею, которой можно посвятить безраздельно все свои силы и всю свою жизнь».

Когда именно юный Володя Ульянов «влюбился в идею», мы не знаем, но ничего уникального в подобном фантазировании не было. Российские юноши интеллигентского сословия в ту эпоху были чуть не поголовно охвачены подобного рода идеализмом. В конце девятнадцатого века под воздействием научного и социального

прогресса очень многим казалось, что строительство «земного рая» в той или иной форме вполне достижимо.

Цель, к которой стремился Владимир Ульянов, была грандиозной и утопической: перестроить весь мир согласно идеалу другого утописта, Карла Маркса.

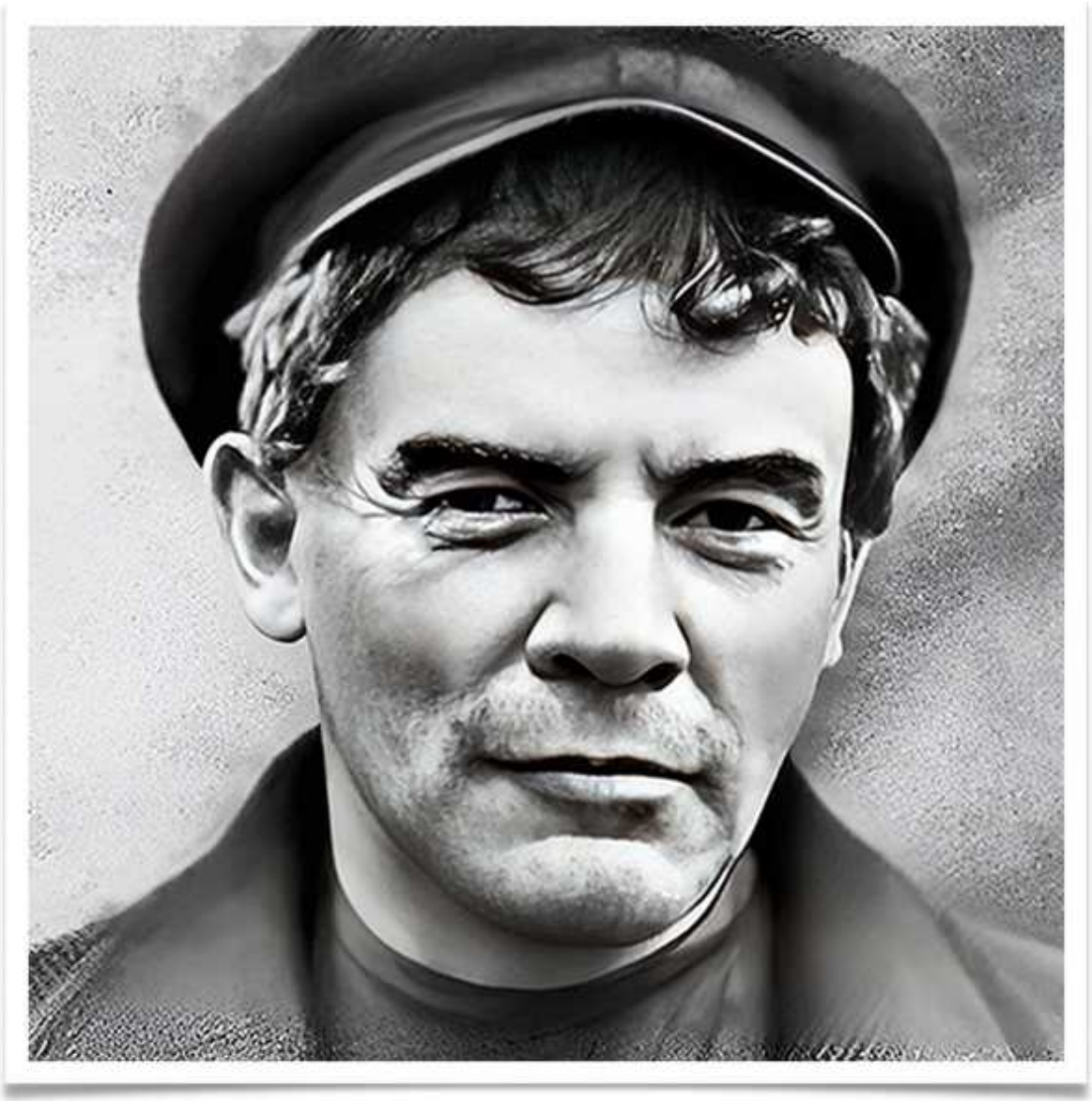
Герберт Уэллс, разговаривавший с вождем революции в 1920 году, очень многого — да почти ничего — в большевизме не понял, но своим писательским чутьем угадал в собеседнике самое главное, когда назвал его «кремлевским мечтателем» и ощутил с ним родство душ. Один фантаст распознал другого.

Да, Ленин был самый настоящий утопист и мечтатель. Государство, образовавшееся в результате его деятельности, Союз Советских Социалистических Республик, вовсе не являлось реализацией этой мечты. Ульянов-Ленин мечтал совсем о другом: о Всемирной Коммунистической Республике и рассматривал победу большевиков на российской территории как промежуточный этап. Владимир Ильич не являлся российским патриотом. Ему, в общем, не было дела до России — в этом они с Троцким полностью сходились. «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать — это только этап, через который мы приходим к мировой революции!» — сказал однажды Ленин в частном разговоре.

В зрелые годы Ленин очень скупо делился воспоминаниями о ранней поре своей жизни, но однажды упомянул, что отказался от идеи Бога в 16 лет — выкинул нательный крестик в мусор. Подростковый бунт — тоже явление вполне заурядное, но мало на кого в переходном возрасте обрушивается такое потрясение, как казнь любимого старшего брата. К этому следует прибавить стену отчуждения, которая моментально возникла в симбирской чиновничьей среде вокруг семьи «цареубийцы». Верить рассказу младшей сестры Марии о том, что гимназист Володя якобы заявил «Нет, мы пойдем не таким путем», не следует (девочке было девять лет), но то, что именно тогда определилась вся последующая судьба юноши, не вызывает сомнений. Царизм стал его заклятым врагом.

Российские враги царизма в те времена придерживались народнической идеологии, то есть делали ставку на крестьянство, что было естественно в аграрной стране. Но Владимир Ульянов действительно «пошел другим путем», и произошло это, кажется,

опять-таки по личным причинам. Поступив в Казанский университет, юный бунтарь сразу же, на первом курсе, ввязался в студенческий протест, был отчислен и по несовершеннолетию отправлен под присмотр матери, в деревню, где у Ульяновых имелось поместье. Там он попробовал заниматься хозяйством, но столкнулся с крестьянской хитростью, прижимистостью, необязательностью — и навсегда разочаровался в сословии «мелких хозяйчиков». Рабочему классу повезло больше. Владимир влюбился в него дистанционно, по книжкам, и стал марксистом прежде, чем познакомился с живыми пролетариями.



Владимир Ульянов-Ленин в 1917 году: в парике, зато без бороды и усов, так что хорошо виден характер

Реальное знакомство произошло в 1895 году, в Петербурге, когда Ульянов стал членом марксистского кружка с громким названием «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Молодые интеллигенты занимались агитацией в фабрично-заводской среде. Они были переловлены полицией прежде, чем Ульянов успел разочароваться и в рабочих. В дальнейшем он с пролетариатом вживую общаться не будет и сохранит об этом «революционном классе» довольно идеализированное представление.

Ключ к пониманию личности Ленина, однако, по-видимому, в том, что он являл собою редко встречающееся сочетание идеализма с прагматизмом. Лестница, по которой поднимался Владимир Ильич, вела в облака, но каждый шаг и каждая ступенька на этом пути были тщательно продуманы и рассчитаны.

Ульянов обладал блестящими интеллектуальными способностями — это признают все.

В гимназии он, не будучи зубрилой, шел первым учеником и, являясь братом «цареубийцы», получил золотую медаль; сдавая экстерном в Санкт-Петербургском университете экзамены на юриста, заработал высшие оценки по всем дисциплинам; первая же опубликованная работа 24-летнего автора («Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?») стала важным событием в революционной среде, одним из первых манифестов российского марксизма.

Люди, близко знавшие Ленина, пишут о его одержимости (жена называет это «ражем»). Он был человеком увлекающимся и в своих увлечениях страстным. Это касалось даже мелочей: езды на велосипеде, походов за грибами, охоты — чего угодно. «Он мог сидеть за шахматами с утра до поздней ночи, и игра до такой степени заполняла его мозг, что он бредил во сне. Крупская слышала, что во сне он вскрикивал: если он конем сюда, я отвечу турой», — рассказывает ленинский приятель Николай Валентинов. При этом, отмечают несколько мемуаристов, Ульянову очень нравились всякого рода

состязательные досуги, и он должен был непременно побеждать, а проигрыш сильно портил ему настроение.

Примечательно, что, проигрывая не за шахматной доской, а в больших и важных политических делах (это случалось нередко), Ленин, наоборот, не падал духом, а немедленно начинал выискивать, какую пользу можно извлечь из неудачи — весьма сильное качество для лидера.

Страстность натуры и неумение проигрывать делали Владимира Ильича человеком конфликтным. Он был резок и безапелляционен в спорах, без конца с кем-то пикировался и ссорился. Хорошие отношения складывались только «сверху вниз» — с теми, кто безоговорочно признавал его правоту. «Для терпимости существуют отдельные дома», — презрительно говорил Ульянов, и терпимостью он действительно не отличался.

Эта проблемная черта компенсировалась большой харизмой, которую отмечают очень многие. Ленин умел ценить толковых людей, отдавая должное их достижениям. Так называемая «ленинская гвардия» состояла из очень ярких соратников (в отличие от будущей «сталинской гвардии»).

Во всяком человеке и уж особенно в правителе важны моральные качества. Этика Ульянова-Ленина заслуживает отдельного разговора — она в значительной степени определила и облик партии, и политику нового государства.

С точки зрения нормальных человеческих представлений о добре и зле Владимир Ильич был существом совершенно имморальным. У него имелись нравственные принципы, но специфические, легшие в основу концепции «партийной морали». Она гласила, что нравственно всё полезное для партии и безнравственно всё для партии вредное. Вообще-то ничего новаторского в этой идее нет, она известна испокон веков: цель оправдывает средства. Давний знакомый Ленина социал-демократ Потресов пишет про него: «человек, способный идти к своей — пусть высокой, священной цели — через какие угодно низкие преступления».

Основы «партийной морали», собственно, заложил еще нигилист Нечаев, к которому Ленин относился с большим пиететом. «Совершенно забывают, что Нечаев обладал особым талантом

организатора, умением всюду устанавливать особые навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачать в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятны на всю жизнь», — сказал однажды Ленин и привел пример нечаевской «потрясающей формулировки».

На вопрос, как следует поступить с царским домом, Нечаев ответил: всех уничтожить. «Ведь это просто до гениальности!» — восхитился Владимир Ильич. (Как мы знаем, он не пощадит даже царских детей).

«Партия не пансион для благородных девиц, — заявил Ленин товарищу по партии Войтинскому. — Нельзя к оценке партийных работников подходить с узенькой меркой морали. Иной мерзавец может быть для нас именно тем полезен, что он мерзавец».

Иосиф Сталин, ученик Ленина, впоследствии доведет этот принцип до логического завершения и сделает «полезных мерзавцев» своим главным кадровым ресурсом.

Ленинская беспощадность наложила отпечаток на те жестокие формы, которые принял во время Гражданской войны красный террор. Миф про «злого Сталина» и «доброго Ленина», столь популярный в среде советских шестидесятников, был разоблачен с открытием партийных архивов. Сохранились записки и телеграммы, в которых предсовнаркома требует расстреливать, вешать для устрашения, брать заложников.

Безжалостность Ленина-правителя, по-видимому, объясняется весьма невысоким мнением Ильича о человеческой природе, что оправдывает и невысокую цену отдельной человеческой жизни. Таковы более или менее все идеалисты-визионеры, стремящиеся облагодетельствовать не конкретных людей, а некое абстрактное человечество, или нацию, или класс. Они мыслят массами и миллионами, не боятся, когда при рубке леса летят щепки, видят только «народ», но не различают отдельных лиц. Есть ощущение, что Владимир Ильич существовал в мире, населенном не живыми людьми, а какими-то масками: вот Капиталист, вот Рабочий, вот Крестьянин-Бедняк и Крестьянин-Кулак, вот Профессиональный Революционер, и так далее. Кто-то вреден, кто-то полезен, и всеми можно пожертвовать ради Великой Цели.

Цель и была достигнута — такими жертвами, что лучше было бы к ней и не стремиться, однако что произошло, то произошло, и это стало возможно, потому что в истории сыграла свою роль личность по имени «Владимир Ульянов-Ленин» — расчетливый идеалист, имморальный харизматик, кабинетный теоретик, выдающийся организатор и мизантропический оптимист. Как-то всё это в одном человеке уживалось.

Вклад Ленина в марксистскую теорию можно свести к двум главным тезисам.

Во-первых, революция возможна и без поддержки основной массы населения, при участии одного рабочего класса, причем настоящим носителем власти будет даже не этот ценимый марксистами класс, а его «передовой отряд» — партия.

Во-вторых, эта партия должна являть собой единый, слаженно действующий механизм, подвластный партийной дисциплине. Дискуссии и споры допустимы только на стадии обсуждения, когда же решение принято большинством, всякие шатания и колебания исключаются — это Ленин назвал оксюморонным термином «демократический централизм». По сути дела, он означал, что никакой демократии в партии не существует — всё определяет верхушка, центральный комитет, а рядовые члены исполняют ее приказы.

С течением лет, под воздействием новых обстоятельств, в ленинской теории появятся и другие новации. Владимир Ильич часто повторял слова Энгельса: «Марксизм не догма, а руководство к действию», — и называл извращения изначальной теории диалектикой. Однако два ключевых принципа останутся неизменными. Они и легли в основу стратегии, которая позволила большевикам одолеть всех соперников и захватить власть над страной.

В 1917 году, пока эсеры пребывали в уверенности, что они как крестьянская партия являются истинными выразителями народных чаяний, пока меньшевики доказывали, что рабочие, максимум пять процентов российского населения, не могут брать на себя всю полноту власти, ленинцы сделали ставку не на всю страну, а на центр, то есть на столицу — это и было практическое осуществление идеи «демократического централизма». Достаточно привлечь на свою

сторону активную часть петроградского населения, и вся страна подчинится.

С активной частью столичного населения, рабочими и в особенности с солдатами, большевики главным образом и работали — в то время как эсеры с меньшевиками готовились к выборам во всероссийское Учредительное Собрание.

Если проследить за действиями большевистского вождя на протяжении его предреволюционной деятельности, мы увидим, что усилия Ленина все время были направлены на выполнение одной и той же задачи: создания пусть небольшой, но монолитной организации.

Этой работой Ульянов смог заняться, не опасаясь ареста, только в эмиграции, куда попал в 1900 году после сибирской ссылки.

Социалист Георгий Соломон, автор очень интересных воспоминаний, пишет: «Как только Ленин появился за границей, слаженность социал-демократии резко пошла на убыль. Где бы он ни появлялся, рядом с ним шла склока, раздор, бесконечная дрязга».

Так это со стороны и выглядело, из-за чего основная часть социалистов относилась к Ленину и его сторонникам как к сектантам, с которыми трудно договориться о каких-либо совместных действиях. Из всех товарищей и соратников ранней поры, бывших с Владимиром Ульяновым на равных, к семнадцатому году рядом с ним не осталось ни одного. Но Ленину и не нужны были соратники, ему требовались исполнители.

Советские и даже зарубежные историки очень большое внимание уделяют многочисленным баталиям, которые Ленин вел до революции с оппонентами внутри социалистического лагеря, интригам на партийных съездах, борьбе с «плехановцами», «мартовцами», «ликвидаторами», «отзовистами» и прочими несогласными, но вся эта нескончаемая «склока и дрязга» сама по себе не заслуживает интереса. Истинной целью Ленина было создание хорошо управляемой партии, и с этой задачей вождь справился.

Цена успеха, правда, была немалой. Кристаллизуясь и сжимаясь, большевики неминуемо теряли влияние как в революционном движении, так и в обществе. Вот почему к 1917 году это была малосущественная политическая сила, не сыгравшая никакой роли в февральских событиях и едва заметная в первый постреволюционный

период. По самым бодрым подсчетам в партии состояло 24 тысячи человек (на самом деле, вероятно, меньше).

Более того, члены ЦК, находившиеся в России, а не в эмиграции, никак не могли решить, как им действовать в новой ситуации. «Либеральная» революция застала их врасплох. Ни о каком захвате власти в марте семнадцатого года петроградские большевики, конечно, и не помышляли — они лишь выбирали, к кому примкнуть: к меньшевикам или к эсерам.

Всё изменилось после того, как в апреле из эмиграции вернулся Ленин.

Путь на родину из нейтральной Швейцарии, где находился партийный лидер, был очень непрост. Страдая от невозможности включиться в политическую борьбу, Ленин собирался то плыть морем через Босфор (где его наверняка задержали бы турки), то пересечь на аэроплане небо Германии (самолеты тогда на такие расстояния не летали), то прикинуться глухонемым шведом и с поддельным паспортом пересечь германскую территорию. В результате было выбрано решение физически безопасное, но чреватое репутационными потерями.

Швейцарский социал-демократ Фриц Платтен договорился с немецким консулом, что русским революционерам позволят проследовать железной дорогой до Балтийского моря, откуда можно будет уплыть в нейтральную Скандинавию. Платтен знал, что германцы охотно пропускают в Россию представителей тех революционных партий, которые выступают против войны — не только большевиков, но и так называемых «интернационалистов» (эсеров и меньшевиков), а также националистов, добивавшихся независимости от России.

Российские «пацифисты» заинтересовали немецкое правительство после Циммервальдской конференции, которая состоялась в сентябре 1915 года, объединив социалистов, осуждающих «империалистическую войну». Возможность вывести Россию из войны и тем самым закрыть Восточный фронт представлялась Берлину единственным шансом уйти от военного поражения — присоединение США к Антанте кардинально меняло баланс сил.

Легенда о пресловутом «пломбированном вагоне», в котором коварные германцы отправили в Россию страшного Ленина, будет впоследствии чрезмерно раздута.

Во-первых, Ленин был не первым и не последним «пассажиром» этого транзита. Тем же маршрутом следовали и другие эмигранты, не большевики. Например, месяц спустя в «пломбированном вагоне» через Германию проедут видные меньшевики.

Во-вторых, в поезде, отправившемся из Цюриха 9 апреля, находились не только большевики, но и члены других партий.

В-третьих, на «пломбировании», то есть ограничении контактов с немцами, настоял сам Ленин, опасавшийся обвинений в предательстве (каковые потом и будут предъявлены).

Много написано о «германских деньгах», полученных Лениным на его антивоенную деятельность. Одни авторы с уверенностью заявляют, что эти суммы большевикам выплачивались и что без подобного финансирования у них ничего бы не вышло; другие авторы столь же убежденно доказывают, что никаких «германских денег» не было.

Мог ли Ленин принять от «германских империалистов» финансовую помощь? Конечно — никаких этических сомнений у этого имморалиста не возникло бы. Он охотно использовал бы деньги одних «империалистов» против других «империалистов».

Повлияло бы такое финансирование на ход событий? Нет. Большевики были сильны не деньгами, а своей стратегией и тактикой.

Поэтому не вижу смысла углубляться в эту любопытную, но малосущественную тематику. Никаким «немецким агентом влияния» Ленин не был. Он делал то, во что верил, и заражал своей верой остальных большевиков.

С этого — с обращения в свою веру растерявшегося ЦК — вождь и начал.

Еще в дороге он составил программу действий, озаглавленную «Апрельские тезисы». Это была программа захвата власти. Большевистский вождь требовал, чтобы партия полностью разорвала не только с Временным правительством, но и со всеми «оборонцами», включая социал-демократов. Затем следовало добиться большинства в Советах, покончить с двоевластием и выйти из войны. «Не

парламентарная республика, …а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов», — вот цель, которую ставил перед партией автор «Апрельских тезисов».

Ленин и Троцкий готовят переворот

3 (16) апреля швейцарских эмигрантов торжественно встретили на Финляндском вокзале, и Ленин, поднявшись на броневик, произнес какую-то речь, видимо, импровизированную, ибо текст не сохранился. Образ Вождя на броневике перед ликующей народной массой потом станет легендарным, но вообще-то ничего особенно примечательного в этом событии не было. В марте и апреле многие революционеры возвращались в Петроград, и всех встречали торжественно, причем тех, кто приехал из ссылки, намного энтузиастичней, чем эмигрантов.

Кадр из кинофильма «Октябрь» (1927)

Часть членов Бюро Центрального Комитета, руководящего органа партии, оказалась в столице раньше Ленина и кое-что уже успела сделать. Они начали выпускать партийную газету «Правда» и с помощью революционных солдат захватили особняк балерины Кшесинской, которая была скомпрометирована близкими отношениями с царским семейством.

С точки зрения партийцев, все трудные годы находившихся в России, эмигрант Ленин оторвался от реальности. Добиться большинства в эсеровско-меньшевистских Советах? Захватить власть в стране? Это представлялось всем пустыми фантазиями. На заседании Петроградского партийного комитета из 16 человек ленинскую программу при голосовании поддержали только двое. Ленину предстояло выполнить первую непростую задачу — одержать победу внутри собственной партии.

Поначалу он только этим и занимался. Не получилось в ЦК — стал агитировать в местных организациях. На низовых партийцев сильнее всего действовал аргумент о том, что лишь через большевизацию Советов можно положить конец войне, другого способа прекратить бойню не существует. В конце месяца, на всероссийской конференции РСДРП(б), куда съехались делегаты из регионов и с фронта, план был одобрен. Ленин устанавливает контроль над партией.

Но это был только первый шаг. Теперь предстояло добиться цели, казавшейся совершенно недостижимой: прибрать к рукам Советы — если не по всей стране, то хотя бы в Петрограде. Непримиримый, конфликтный Ульянов очень мало подходил для подобной деятельности. Он бы с этой задачей и не справился, если бы как раз в это время у него не появился ценный союзник. 2 мая из Америки вернулся еще один известный политэмигрант, Лев Троцкий. Если архитектором Октябрьского переворота являлся Ленин, то прорабом стал Троцкий.

Они идеально дополняли друг друга. Один был прежде всего теоретиком, стратегом, второй — практиком, человеком действия. «Если бы в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции», — скажет потом Троцкий, и это не хвастовство, а констатация факта.

Враги Владимира Ульянова часто упрекали его в трусости. Он-де всегда предпочитал находиться в безопасности — при царизме

отсиживался в эмиграции, накануне Октября прятался в тихой Финляндии, во время гражданской войны не отлучался из Кремля. Да, Ленин не годился для подпольной работы, игры в прятки с жандармами, для тюрем, баррикад и сражений. Это был кабинетный революционер, но он вырабатывал идеи, умел собирать вокруг себя сильных соратников и удерживать их под контролем, что бывало очень непросто — большевики той бурной эпохи не отличались покладистостью, многие имели по всем вопросам собственное суждение. Ленину приходилось переубеждать своих товарищей, он это умел. Троцкому же Ленин доверил «боевую» часть работы — и не ошибся в выборе.

Лев Троцкий

«Троцкий» — псевдоним, взятый в шутку. Это фамилия грозного надзирателя Одесской тюрьмы, где девятнадцатилетний Лев Бронштейн сидел под арестом. При бегстве из сибирской ссылки он сделал поддельные документы на имя одесского держиморды.

Лев Давидович был человеком задорным и неугомонным. Из него так и била энергия, которой он заряжал окружающих. Выходец из обеспеченной ассимилированной еврейской семьи, он не считал себя евреем и, кажется, вообще не придавал значения национальности — только классовой принадлежности и идейной позиции. Люди для него, совершенно по-нечаевски, делились на тех, кто полезен для Мировой Революции и кто ей вреден. В этом они с Лениным были очень похожи.

В революционную работу будущий Троцкий включился в ранней юности, несколько лет провел по тюрьмам, этапам и ссылкам, бежал за границу и сразу же принял участие в эмигрантских баталиях за лидерство в революционном движении. Сначала прилепился к ленинской группе и произвел такое благоприятное впечатление на Владимира Ульянова, что тот даже попытался ввести 23-летнего юношу в редколлегию газеты «Искра». Но ленинский вождизм и сектантство скоро рассорили их, и Троцкий надолго отошел от большевизма. В течение всего дальнейшего предреволюционного периода он вел полемику с Лениным (весьма яростную, оба оппонента не привыкли стесняться в выражениях), утверждая, что большевистские методы партийного строительства приведут не к диктатуре пролетариата, а к «диктатуре над пролетариатом» и превратят общество в казарму. (Так оно, как мы знаем, потом и вышло).

Всероссийская известность к молодому революционеру пришла в 1905 году. В отличие от осторожного Ленина, вернувшегося в Россию лишь после октябрьской амнистии, Троцкий ринулся на родину сразу после «Кровавого воскресенья», с фальшивым паспортом, подпольничал, зато оказался в центре событий и стал одним из руководителей первого Петербургского совета: произносил пламенные речи, выпускал боевитую, очень популярную «Русскую газету» и в конце концов был арестован. Бежал с этапа, вновь покинул страну. В течение следующих десяти лет он опять то сближался, то расходился с Лениным. Интересы дела для обоих были важнее и прежних раздоров, и личных симпатий-антипатий. Троцкий продолжал сохранять организационную независимость, но после 1914 года в самом главном

— категорическом неприятии империалистической войны — полностью совпал с большевиками.

Троцкий попал в Россию на месяц позже Ленина, потому что по дороге был интернирован англичанами (которые впоследствии очень жалели, что выпустили этого опасного человека).

В Петрограде Лев Давидович сразу оказался в самой гуще событий. Как ветерана «советского» движения и «первой революции» его кооптировали в Петросовет, где Троцкий немедленно начал наращивать свое влияние. Это был оратор от бога, очень хорошо умевший — нечастое для интеллигента качество — разговаривать с «простым народом», солдатами и рабочими. В семнадцатом году витийствовали все, народных трибунов и записных краснобаев хватало, но главными митинговыми звездами считались от Временного правительства — Керенский, от Петросовета — Троцкий. Последний обычно выступал в популярном месте массовых собраний, цирке «Модерн», за что политические враги называли его «циркачом».

Некоторое время Троцкий пытался объединить всех антивоенных социал-демократов — как меньшевиков, так и большевиков, но скоро убедился, что это невозможно и что прав Ленин: серьезных результатов способна добиться лишь дисциплинированная партия. Сначала Троцкий становится союзником Ленина, а затем и формально вступает в РСДРП(б).

Вместе они возглавили борьбу за «большевизацию» советского движения, причем главной ударной силой являлся Троцкий — в сентябре он станет председателем Петросовета.

На низовом уровне росту популярности большевиков способствовала простота и актуальность их лозунгов: долой войну, землю крестьянам, заводы рабочим, хлеб голодным. Землю крестьянам впрочем обещали все партии, поэтому в деревне ленинцы особенных успехов не достигли, но для захвата власти в столице это было и необязательно. В рабочей среде тоже по-прежнему преобладало влияние меньшевиков. Но ленинскую антивоенную пропаганду жадно впитывал «человек с ружьем» — солдаты и матросы, видевшие, что правительство и другие партии заканчивать войну не хотят. Одним из сильных тактических ходов стал большевистский призыв к солдатам столичного гарнизона направить в Совет своих депутатов. Это не только увеличило популярность партии, но и привело к тому, что

«орган власти рабочих и солдат» теперь на две трети состоял из последних.

Численный состав партии на протяжении семнадцатого года все время возрастал. К октябрю он увеличится в 15 раз, до 350 тысяч членов, причем 60 тысяч находились в Петрограде.

Еще внушительней были успехи большевиков в Петросовете. Вначале они не имели там и десятой доли мест, а к середине осени лишь десятая доля депутатов были не-большевиками. В целом по стране состав советов выглядел совершенно иначе, там преобладали эсеры и меньшевики, но стратегия, разработанная Лениным, и тактика, которой придерживался Троцкий, ставили целью захват власти в столице — и это был верный расчет.

Логическая цепочка ленинской политики выглядела так: сначала подчинить партию, потом подчинить Петросовет, потом Советы и, наконец, всю страну.

С первой задачей Ленин справился, хоть и не без труда, в апреле. На достижение второй ушло почти полгода, и, несмотря на успехи, дело не всегда шло гладко.

К власти рвались не только большевики. В диктаторы метил Александр Керенский, у которого для этого было куда больше возможностей.

В новом коалиционном либерально-социалистическом правительстве Александр Федорович возглавил военный блок, что в условиях войны, да при вялом министре-председателе Львове открывало прямую дорогу к единоличной власти. Для триумфа честолюбивому политику требовались успехи на фронте.

Так возникла идея **летнего наступления** — совершенно авантюрная, ибо армия находилась в разброде и кризисе, но подготовка к грандиозной операции позволила Керенскому затмить всех других правительственных деятелей и расставить на ключевые посты в армии и флоте своих людей.

Министр отлично понимал, что главной проблемой является упадок воинского духа. «После трех лет горьких мучений миллионы измученных войной солдат задавали себе лишь один вопрос: «Почему я должен сегодня умереть, когда дома начинается новая и более свободная жизнь?», — пишет Керенский в мемуарах.

Чтобы зарядить войска энтузиазмом, он совершил настоящее гастрольное турне вдоль линии будущего наступления, бессчетное количество раз выступая перед солдатами. По язвительному описанию Льва Троцкого, «Керенский заклинал, угрожал, становился на колени, целовал землю, словом, паясничал на все лады». Но очевидцы рассказывают, что слушали блестящего оратора с большим воодушевлением. Боевой дух действительно поднимался. Окрыленный Керенский следовал дальше.

А. Керенский на митинге

Главнокомандующим он назначил генерала Брусилова, который минувшим летом одержал громкую победу на австрийском фронте. Боеприпасов было много — в декабре 1916 года открылось движение по новой железной дороге от Мурманска, и впервые с начала войны у русской артиллерии благодаря союзническим поставкам появилось достаточное количество снарядов. Может быть, военная демонстрация и удалась бы, если б ее провели на каком-то ограниченном

пространстве, стянув туда все годные силы, но Керенский затеял битву на четырех фронтах: Северном, Западном, Юго-Западном (главный удар) и Румынском.

Наступлению, начавшемуся 18 июня (1 июля), предшествовала двухдневная массированная артподготовка, после чего на отдельных участках войска сумели продвинуться вперед. Но триумфа не получилось. Наиболее боеспособные, «ударные» части понесли большие потери и остановились, а основная масса солдат гибнуть не хотела и попятилась при первых же контратаках. В результате немцы и австрийцы откинули русских гораздо дальше первоначальной линии, а общие потери убитыми, ранеными и пленными составили по разным оценкам от ста пятидесяти тысяч до полумиллиона человек. Операция, которую газеты называли «Наступление Керенского», провалилась.

Несомненно, лишился бы своих постов и ее инициатор, если б в Петрограде не начались беспорядки — общественная реакция на поражение.

3 (16) июля на улицы вышла толпа солдат, требовавших отставки правительства, передачи всей власти Советам и немедленного прекращения войны. Лозунги были совершенно ленинские, но взбудоражили демонстрантов не большевики, а анархисты. Протестующие были вооружены и агрессивно настроены. Произошла перестрелка, были раненые и убитые. На следующий день толпа стала еще больше. Несколько десятков тысяч солдат и матросов бродили по городу, пытались захватить резиденцию правительства, арестовать министров. Это было восстание, но не попытка захвата власти, потому что огромное скопище вооруженных людей не имело предводителя. С лозунгом «Безвластие и самоустройство!», который выдвинули анархисты, добиться чего-либо было трудно.

Солдаты обратились к меньшевистско-эсеровскому Петросовету, но тот возглавить бунт отказался. Направились к большевистскому штабу, особняку Кшесинской, но, поразительное дело, не обрели вождя и там. Ленин вышел на балкон, произнес короткую, неопределенно-ободряющую речь и удалился. Вскоре он скрылся и из города, предвидя, что добром для большевиков события не закончатся. Храбрый Троцкий остался и даже не бездействовал, но его поведение выглядит странновато. Например, он спас от расправы министра

Чернова, отбив его у распалённых матросов. Руководить восстанием революционный трибун не пытался.

Беспомощность большевиков объяснялась тем, что их предводитель растерялся. Это происходило с Лениным всякий раз, когда случалось нечто, не совпадающее с его планами. Схематический, стремящийся всё контролировать Владимир Ильич с недоверием относился к самопроизвольно возникающим «низовым» движениям. Стихия народного бунта его пугала. Растерянность вождя передалась и партийному ЦК. Никто не знал, что делать, да в июле большевики еще и не были готовы к захвату власти.

Троцкий потом бодро назовет июльский конфуз «глубокой разведкой», но это был именно что конфуз, едва не погубивший все большевистские достижения.

Не справилось с ситуацией и правительство Львова. Во время апрельско-майского кризиса оно смогло обойтись без применения силы, но сейчас это был уже не выход. И министр-председатель предпочел уйти в отставку — умыл руки. «Мне ничего не оставалось делать, — скажет он потом. — Для того, чтобы спасти положение, надо было бы разогнать Совет и стрелять в народ. Я не мог этого сделать».

Единственным, кто не стушевался, был Керенский. «Я застал князя Львова в состоянии ужасной депрессии. Он лишь ожидал моего приезда, чтобы выйти из правительства. В тот самый день я занял пост министра-президента», — пишет в воспоминаниях Керенский.

Одержать победу на фронте он не сумел, но с разрозненными толпами неорганизованных солдат справился. У него хватило дисциплинированных частей, юнкеров и казаков, чтобы пушечными выстрелами и пулеметными очередями очистить улицы, а затем восстановить контроль над городом.

Пробил звездный час Александра Федоровича. Казалось, что после мягкотелого либерального «плавания по течению» власть наконец оказалась в руках человека, способного действовать.

Прежде всего новый правитель устранил «левую угрозу», которая, как отлично понимал Керенский, исходила от большевиков. Против них была развернута целая пропагандистская кампания. Во-первых, их (несправедливо) объявили зачинщиками мятежа; во-вторых, активно муссировалась тема «пломбированного вагона», немецких денег и

шпионажа в пользу кайзера (тоже неправда). Развернулось следствие, не слишком озабоченное проверкой доказательств. Газеты выставляли ленинцев агентами германского империализма, нанятыми для развала российской армии. Особняк Кшесинской и редакцию «Правды» разгромили. «Теперь они нас перестреляют», — сказал Ленин и спрятался в финских лесах. Оставшегося в городе Троцкого арестовали.

Казалось, с большевиками покончено. Но, отшатнувшись от левого крыла революции, Временное правительство в лице нового «сильного человека» неминуемо сдвинулось вправо. Чтобы обезопаситься от будущих мятежей неконтролируемого столичного гарнизона, заложником которого являлась власть, Керенский сделал ставку на генералитет — другого выхода у него, собственно, и не было.

Главнокомандующим министр-председатель назначил всё того же Корнилова, сторонника твердых мер. Одним из первых приказов новый главковерх восстановил на фронте смертную казнь за дезертирство — без этого крайнего средства уберечь армию от окончательного развала считалось невозможным.

Лавр Корнилов

Сорокасемилетний Лавр Георгиевич Корнилов был боевым генералом, награжденным золотым оружием «За храбрость», дважды георгиевским кавалером. Храбрости ему действительно было не занимать. Во время катастрофического отступления 1915 года, окруженный, он дрался до последнего, был ранен и попал в плен. С третьей попытки бежал — и этим поступком прославился больше, чем победами, которых в его послужном списке, собственно, было немного.

Во время неудачного июньского наступления Восьмая армия, которой командовал Корнилов, проявила себя немногим лучше, чем другие соединения: после первоначального успеха откатилась назад. Но Керенскому сейчас был нужен не полководец, а популярный среди офицерства генерал без политических амбиций — именно такое впечатление производил Корнилов. Поэтому генерала провозгласили героем, и его назначение вызвало в правых кругах прилив энтузиазма.

Но Корнилову понравилось всеобщее обожание. Он стал вести себя независимо. В середине августа, на московском Государственном Совещании, затеянном Керенским как альтернатива и противовес Советам, в центре внимания прессы и публики оказался не глава правительства, а главковерх, произносивший весьма решительные речи о восстановлении боеспособности армии и о единовластии правительства на срок до выборов Учредительного Собрания.

Эти требования разделял и Керенский, но с Корниловым вели свою игру и снабжали его деньгами правые заговорщики, которые добивались гораздо большего: установления военной диктатуры, способной навести в стране порядок.

Развернувшиеся вскоре события получили в советской историографии название «корниловщина». И тогда, и впоследствии они трактовались очень по-разному.

Фабула корниловского путча выглядит довольно загадочно.

25 августа (7 сентября) верховный главнокомандующий вдруг отдал приказ кавалерийским частям под командованием генерал-лейтенанта Крымова, известного своими правыми взглядами, двинуться с фронта на Петроград. Это были наиболее дисциплинированные полки, в том числе так называемая Дикая дивизия, где в основном служили выходцы с Северного Кавказа. У Крымова был приказ

привести в повиновение и разоружить столичный гарнизон, а также разогнать Петросовет. В городе следовало объявить осадное положение, запретить демонстрации и ввести цензуру. По плану войска должны были прибыть в Петроград 28-го.

26 августа министр-председатель Керенский объявил на заседании правительства, что произошел мятеж реакционной военщины, и потребовал для себя диктаторских полномочий. В Ставку была отправлена телеграмма Корнилову с требованием немедленной отставки.

27 августа Керенский выступил с обращением к народу и объявил отечество в опасности. Двое из командующих фронтами — генерал Клембовский (Северный фронт) и генерал Деникин (Юго-Западный) — заявили, что поддерживают Корнилова; остальные командующие сохранили верность правительству, то есть в высшем армейском руководстве произошел раскол.

28 августа Советы поддержали правительство и провели в столице мобилизацию рабочих, выдав им винтовки. Из тюрем были выпущены арестованные большевики, активно включившиеся в сопротивление путчу. В двигающиеся на Петроград полки отправились пропагандисты.

29 августа железнодорожники блокировали подъезды к столице. Части Крымова остановились. Среди солдат под влиянием большевистской агитации начались митинги. Утратив управление войсками, Крымов отправился к Керенскому оправдываться и после беседы с глазу на глаз застрелился. На этом, собственно, мятеж и закончился. Два дня спустя Корнилов и его ближайшие помощники были арестованы без сопротивления.

Всё это, конечно, выглядело очень странно. После ультимативной телеграммы Керенского 26 августа Корнилов — вместо того, чтобы ускорить движение на Петроград — всего лишь выпустил публичное обращение, в котором назвал обвинения в свой адрес «сплошной ложью» и «великой провокацией, которая ставит на карту судьбу отечества». Если бы вместо препирательств он действовал решительно, путч (если это был путч) несомненно удался бы и в России установилась бы жесткая военная диктатура.

На самом деле выступление Корнилова было заранее согласовано с министром-председателем. Еще 20 августа Керенский принял тайное

решение ввести в Петрограде военное положение, для чего Корнилов обещал прислать с фронта надежные войска. Они должны были разоружить просоветский гарнизон и окончательно устранить «левую угрозу».

21 августа немцы прорвали Северный фронт и взяли Ригу, что вызвало настоящую бурю в газетах, требовавших навести порядок в армии, которая так плохо сражается. Момент выглядел идеальным.

Но после того, как Корнилов начал действовать, Керенский вдруг повел себя явно не в соответствии с планом. Что именно произошло, в точности неизвестно — вернее, каждая из сторон впоследствии утверждала свое. Корнилов жаловался на «провокацию», Керенский многословно и путано писал о своем «потрясении» — якобы корниловский демарш стал для него громом среди ясного неба.

Верить здесь скорее следует прямодушному Лавру Георгиевичу, а не изворотливому Александру Федоровичу. Очень вероятно, что Керенский узнал (или заподозрил), что генерал не желает ограничиться ролью исполнителя и намерен сам стать диктатором. В окружении главковерха действительно строились планы нового формата власти, где Керенский займет второе место после Корнилова. Главному «спонсору» заговора Алексею Путилову предназначался портфель министра финансов.

Вполне возможно и другое: Керенский действительно осуществил провокацию с целью добиться от правительства диктаторских полномочий и заслужить славу «спасителя революции». Во всяком случае, именно так выглядит его поведение. В мемуарах написано: «Я заявил, что считаю возможным бороться с поднятым мятежом лишь при условии, если мне будет передана Временным правительством вся полнота власти». Это и произошло. Керенский легально получил диктаторские полномочия и одновременно устранил «правую угрозу», а левые были разгромлены еще в июле.

Но если так, хитроумный план не учел одного обстоятельства. Диктаторские полномочия мало чего стоят без реальных инструментов их осуществления, а у Керенского, вроде бы соединившего в своих руках все «силовые» рычаги, на самом деле не было настоящего контроля ни над армией, ни над столичным гарнизоном.

После мятежа ситуация стала еще хуже. Во-первых, без Корнилова дисциплина в войсках окончательно расшаталась. Во-вторых,

большевики не только вернулись, но и очень укрепили свои позиции — особенно среди солдат. В-третьих, рабочие отряды, мобилизованные для отпора Корнилову, так называемая Красная Гвардия, не стали разоружаться. У Петросовета, которому они подчинялись, появилась собственная армия, пусть не очень боеспособная, но все же более надежная, чем у Временного правительства. Сам же Совет — в значительной степени под воздействием августовских событий — окончательно большевизировался.

В сентябре и октябре обозначилось новое противостояние: с одной стороны диктатор Керенский, с другой — большевики во главе с Троцким, который теперь возглавил Петросовет. (Ленин по-прежнему прятался в Финляндии и лишь слал оттуда в ЦК призывы к вооруженному восстанию).

Оба лагеря развернули лихорадочную деятельность, готовясь к столкновению.

Большевики захватывают власть

Керенский учредил «временный чрезвычайный орган» — Директорию из пяти человек, как во Франции после расправы над тогдашними «левыми», якобинцами. Это встревожило демократическую общественность, которая заподозрила, что созревает новый Бонапарт. Чтобы расширить базу поддержки и сплотить вокруг себя все демократические силы, Керенский созвал Всероссийское Демократическое Совещание, на котором, в отличие от Петросовета, большевики должны были оказаться в меньшинстве. Так и вышло. Большевики покинули съезд, вследствие чего не попали в состав Временного Совета, которому предстояло функционировать в качестве парламента до выборов в Учредительное Собрание.

Непопулярный проект Директории Керенский заменил на новый формат правительства, в котором собрал умеренных социалистов, кадетов и беспартийных военачальников — военного министра генерала Верховского и морского министра адмирала Вердеревского. Оба имели репутацию «демократов».

Эти маневры были бы эффективны в нормальной политической ситуации, но в канун неминуемого столкновения с большевиками только ослабили власть. Во Временном Совете все фракции

немедленно друг с другом перессорились, а «демократические» министры-силовики не могли восстановить дисциплину в вооруженных силах.

Чувствуя надвигающуюся опасность, Керенский выдвинул предложение перевести правительство в Москву, где позиции большевиков были слабее, чем в Петрограде. Министра-председателя немедленно заподозрили в намерении сдать столицу немцам. Желая утихомирить распропагандированный большевиками Кронштадт, Керенский приказал снять с кораблей экипажи, как только замерзнет рейд; распорядился отправить часть столичного гарнизона на фронт, заменив ненадежных солдат надежными. Из этого тоже ничего не вышло: матросы и солдаты остались, где были, но преисполнились к Временному правительству еще большей враждебностью.

В середине октября правитель помчался в Ставку. У него возникла идея сформировать «новую образцовую армию» из добровольцев, поддерживающих правительство. Одновременно был издан очередной приказ о розыске и аресте Ленина.

Тем временем РСДРП(б) в отсутствие главного вождя никак не могла определиться с курсом действий. В победе никто из членов ЦК уже не сомневался: Совет свой, Временное правительство ослабело, однако преобладало мнение, что использовать оружие не понадобится. Власть достанется Советам и без борьбы. 25 октября откроется II Всероссийский съезд Советов и просто объявит о конце двоевластия. Временному правительству придется смириться. Власть перейдет в руки партии легальным путем, восстание же может вызвать не только кровопролитие, но и гражданскую войну.

За решительные действия выступал Троцкий. В ЦК он спорил со сторонниками «легального» переворота, в Петросовете добивался создания Военно-революционного комитета — якобы для борьбы с затаившимися «корниловцами», а на самом деле для подготовки антиправительственного восстания.

Наконец 10 октября из своего укрытия в столицу тайно вернулся Ленин, который считал, что власть следует захватить именно военным путем, безо всякой игры в демократию. Причем не с помощью Всероссийского съезда Советов, а непременно до его открытия, то есть не позднее 25 октября.

Но диктовать свою волю Центральному Комитету Ленин не мог — только убеждать. И убедил он не всех. Ближайший соратник Григорий Зиновьев, шедший на выборах в Учредительное собрание вторым номером в большевистском электоральном списке, спорил со своим старшим товарищем еще в Разливе, где они вдвоем скрывались от ареста. Он и теперь продолжал настаивать, что в вооруженном выступлении нет никакой необходимости, оно будет ошибкой. Ту же позицию занял другой авторитетный член руководства — Лев Каменев, недавний сибирский ссыльный. Были и колеблющиеся.

При десяти голосах «за» и двух «против» прошло компромиссное предложение Троцкого: правительство свергнуть силой, но мандат на власть получить законно — от съезда Советов, во исполнение популярного в массах лозунга «Вся власть Советам». Ленин на это согласился, потому что у него имелся план, который он на данном этапе открывать не стал, но Зиновьев с Каменевым остались при прежнем мнении. Они обратились к низовым ячейкам с открытым письмом, рассчитывая на поддержку в широких кругах партии. В сталинские времена, когда обоих объявили давними врагами советской власти, этот эпизод выставлялся как предательство — якобы Зиновьев с Каменевым выдали секретный план, но на самом деле в середине октября подготовка большевиков к восстанию была секретом Полишинеля. Все и так знали, что столкновение Петросовета с Временным правительством неизбежно. В Смольном заседал только что созданный Троцким Военно-революционный комитет, отряды Красной Гвардии в открытую готовились к бою, агитаторы митинговали в казармах и флотских экипажах.

Совершенно фантастически выглядит описание подготовки переворота в «Кратком курсе истории ВКП(б)», главной идеологической книге сталинского времени. Там заявлено, что всем заправлял некий «Партийный центр» во главе с товарищем Сталиным. Этот орган (придуманный задним числом) якобы «являлся руководящим ядром Военно-Революционного комитета при Петроградском Совете и руководил практически всем восстанием». Несколько выше сообщается, что в отсутствие Ленина в Петрограде дело вели его «соратники и ученики» Сталин, Свердлов, Молотов и

Орджоникидзе (при том что Молотов в 1917 году на выборах не прошел даже в ЦК партии).

Сам Сталин в «правдинской» статье к первой годовщине переворота писал: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана, прежде всего, и главным образом, тов. Троцкому».

События ускорил приказ Керенского об отправке части гарнизона на фронт. 21 октября ВРК объявил, что отныне воинские части города подчиняются только Совету — и солдаты, не желавшие отправляться на войну, откликнулись на это с энтузиазмом. С этого момента падение правительства стало предрешено.

23 октября Керенский попробовал нанести упреждающий удар. Он переместился из Зимнего дворца в штаб гарнизона, собрал все верные части (в основном это были юнкера) и приказал лишить большевиков их главного оружия — средств связи, с помощью которых враг мог мобилизовать свои силы. Юнкера разгромили редакцию большевистской газеты, печатавшей воззвания и листовки, заняли телеграф, перерезали телефонные провода близ Смольного института (резиденции большевизированного Петросовета), развели мосты через Неву. Вышел приказ об удалении из воинских частей всех комиссаров, назначенных Советом.

Одним словом, Керенский делал, что мог. Но баланс сил был не в его пользу.

Верных правительству войск осталось слишком мало, всего две-три тысячи штыков. Основная масса солдат гарнизона либо поддерживала большевиков, либо просто не слушалась приказов. В отрядах рабочей Красной Гвардии к концу октября под ружьем было тридцать, а то и пятьдесят тысяч человек (называют разные цифры). В Кронштадте несколько крупных боевых кораблей находились под полным большевистским контролем.

Утром 25 октября красногвардейцы и революционные солдаты без особенного труда вернули себе контоль над пунктами связи, вокзалами,

мостами и другими ключевыми объектами. Напротив Зимнего дворца встал крейсер «Аврора», экипажем которого управляли большевики.

В Петропавловской крепости тоже разместился антиправительственный отряд, направив орудия на Зимний.

Там находились министры, но не Керенский. Из Михайловского дворца, где располагался штаб гарнизона, председатель слал отчаянные телеграммы в Ставку, требовал срочно прислать с фронта казаков. Когда же стало ясно, что подмога вовремя не прибудет, Керенский покинул город — не спасаясь бегством, как потом будут утверждать советские историки, а чтобы собрать верные войска и вернуться в Петроград с подкреплением.

Так называемый штурм Зимнего дворца, впоследствии мифологизированный и монументализированный, на самом деле был просто арестом членов кабинета. Этому предшествовало несколько выстрелов из пушек крейсера и Петропавловки, причем «Аврора» палила холостыми, а из 35 снарядов, выпущенных крепостью, во дворец, несмотря на небольшое расстояние, попали только два. Немногочисленная охрана разбежалась или капитулировала почти без сопротивления. В беспорядочной перестрелке погибли не то пять, не то семь человек.

К двум часам ночи всё закончилось. Тринадцать министров, до последнего остававшихся в резиденции, были арестованы. Временное правительство прекратило существование.

Смольный институт в дни переворота

Но главное событие той ночи произошло не в Зимнем дворце, а в Смольном институте, где только что открылся Всероссийский съезд Советов.

Оргподготовкой переворота руководил Троцкий в Военно-революционном комитете, однако замысел Ленина шел дальше взятия Зимнего дворца, и зависеть от воли съезда, на котором большевики составляли лишь половину делегатов, вождь РСДРП(б) не собирался.

Только теперь стало понятно, почему Ленин так торопил своих соратников с восстанием. Он предвидел, как отреагируют на события эсеры и меньшевики — главные конкуренты за влияние в Советах.

Съезд только что принял резолюцию меньшевика Мартова о создании социалистического, то есть не большевистского, а коалиционного правительства. И тут пришла весть о том, что большевики самочинно арестовали «временных» и устроили переворот. Возмущенные «умеренные» в знак протеста покинули заседание. В зале

остались только сторонники большевиков — и съезд беспрепятственно проголосовал за однопартийное правительство. Именно этого Ленин и добивался: его не устраивал результат «Вся власть Советам», ему нужно было, чтобы вся власть досталась большевикам.

Что ж, власть большевики захватили, однако казалось маловероятным, что они с нею справятся.

Революционный период заканчивается и устанавливается диктатура

Первое, что сделали победители, прямо на съезде, — приняли несколько декретов, которые должны были сделать новую власть популярной в народе.

«Декрет о мире», обращение ко всем странам с требованием немедленно прекратить войну без аннексий и контрибуций, адресовался не столько правительствам держав, сколько собственной армии, смертельно уставшей от войны. Одновременно вышел указ об отмене смертной казни на фронте. Оба воззвания увеличили поддержку ленинской партии среди солдат, но и окончательно развалили остатки дисциплины, повлекли за собой массовое дезертирство.

Декрет «О земле» (помещичья собственность на землю отменяется, наделы будут распределяться местными советами) перехватывал у эсеров главный пункт их программы и демонстрировал, что большевики — партия не только рабочего класса, но и крестьянства.

Троцкий признается, что декреты имели «более пропагандистское, чем административное значение». Намного труднее было претворить громкие лозунги в жизнь и тем более управлять государством, пребывающим в глубоком кризисе.

Там же, на съезде, большевики сформировали свой кабинет, назвав его «Советом народных комиссаров», потому что слово «министр» звучало по-старорежимному и потому что новой власти хотелось продемонстрировать преемственность с Парижской коммуной, первым социалистическим правительством, министерства которого именовались «комиссиями». Для Ленина и Троцкого российская социалистическая революция была всего лишь первым шагом к революции мировой. Всемирность и интернациональность

подчеркивалась не только воззванием ко всем странам о прекращении империалистической войны, но и риторикой ранних деклараций совнаркома. Согласно марксистской теории, социализм и не мог существовать в одной-единственной стране, он должен был победить во всем мире.

Ключевые посты в правительстве были распределены в основном между членами Центрального Комитета. Ленин, естественно, стал председателем СНК. Троцкий возглавил наркомат иностранных дел — самым насущным вопросом являлись переговоры о мире. Наркомат финансов, без управления которыми существовать было невозможно, достался Ивану Скворцову-Степанову, который единственный имел хоть какое-то представление о практической экономике (до революции он занимался кооперативным движением). Военного и морского министров назначать не стали из-за сугубой важности этих должностей. Вместо этого учредили Комитет по военным и морским делам с коллективным руководством.

Прочие должности имели скорее символическое значение. У наркома внутренних дел за отсутствием полиции не было возможности выполнять свои обязанности. Нарком юстиции при ленинском пренебрежении к законам и законотворчеству мог считаться фигурой декоративной — новая власть собиралась править при помощи декретов и приказов. У наркома торговли (почти замершей) и промышленности (почти остановившейся) сфера деятельности, в общем, тоже почти отсутствовала. Наркомат земледелия утратил смысл, поскольку всю землю передали в ведение местных советов, тем самым запустив процесс стихийного раздела помещичьей собственности. Один из малозначительных наркоматов — по делам национальностей — получил столь же малозначительный член ЦК Иосиф Джугашвили-Сталин (который до Октября «политически просто не существовал», пишет про него Троцкий). В общем и целом это было не правительство, а декларация о намерениях.

Но и такой, почти номинальный кабинет сразу же рассыпался. Половина народных комиссаров отказались от постов, считая, что большевикам в одиночестве, без участия других социалистических партий, с управлением страной не справиться. Первым отверг должность наркома финансов Скворцов-Степанов, не решившись взять на себя ответственность за эту технологически сложную отрасль.

Однако это было только частью проблем, обрушившихся на «узурпаторов власти» — так большевиков называли практически все: и капиталисты, и социалисты, и демократы, и представители союзных держав.

Взятие Зимнего дворца еще не означало, что сопротивление Временного правительства сломлено. Его глава, не ставший дожидаться ареста, попытался взять столицу обратно.

Покинув Петроград накануне штурма, Керенский отправился в Псков, где находился штаб Северного фронта, чтобы командующий Черемисов выделил войска для подавления большевистского мятежа. Но генерал, очевидно, не надеявшийся, что солдаты выполнят приказ, объявил «нейтралитет». Поддержать министра-председателя согласился лишь командующий конным корпусом генерал-лейтенант Краснов, но и он смог собрать совсем немного людей, согласных драться: десять казачьих сотен да отряд юнкеров. Проблема, однако, состояла в том, что эти бойцы, хоть и враждебные большевикам, терпеть не могли Керенского — с их точки зрения он был предателем «корниловского движения». Гибнуть за то, чтобы Керенский вернул себе власть, красновцы не очень-то хотели.

Поэтому, дойдя до Царского Села и столкнувшись с силами, наскоро собранными Троцким, наступающие после небольшого боя остановились. Керенский надеялся получить подкрепления с фронта, надеялся на то, что в Петрограде вспыхнет антибольшевистское восстание. Но подкрепления не прибыли, а восстание, поднятое юнкерами трех училищ, не получило поддержки ни от гарнизона, ни от горожан и было быстро подавлено.

Зато большевики без труда мобилизовали плохо организованную, но многочисленную (до 12 тысяч штыков) армию из солдат и рабочих. 30 октября они перешли в контрнаступление. Бой «красновцев» с «красными» длился недолго. Казаки вступили в переговоры, добиваясь только того, чтобы им позволили беспрепятственно уйти домой, на Дон. Керенский бежал, Краснов сдался. Военная угроза миновала.

Но и это еще не означало, что новая власть окончательно утвердилась.

Большевики овладели только Петроградом, но проблема была не в этом. Расчет Ленина на то, что достаточно подчинить себе столицу, и вся страна, привыкшая повиноваться центру, тоже подчинится,

оправдался. Более или менее серьезное сопротивление сторонники Временного правительства оказали лишь во второй столице, Москве, где кровопролитные уличные бои длились целую неделю. В целом же передача власти Советам по всей стране прошла более или менее гладко — в большинстве губерний хватило сообщения из столицы о том, что теперь государством управляет какой-то Совет Народных Комиссаров. Иное дело, что передавать было особенно нечего: власть почти повсюду фактически отсутствовала.

Не функционировало и центральное правительство. Оно не могло поддерживать связь со страной даже по телеграфу — забастовал профсоюз почтово-телеграфных служащих. Остановились поезда — могущественный Викжель, профсоюз железнодорожников, тоже не признал Совнарком. Позиции большевиков в профсоюзном руководстве были слабее, чем у меньшевиков и эсеров.

Бойкот «узурпаторам» объявили и чиновники всех правительственных учреждений, отказавшиеся сотрудничать с «народными комиссарами». Это означало, что работа государственного аппарата парализована.

Когда Троцкий, новоназначенный глава дипломатического ведомства, прибыл в министерство иностранных дел и объявил, что вступает в должность, его встретили издевательским смехом. Нарком потребовал, чтобы служащие приступили к работе — все разошлись по домам.

Хуже всего обстояло дело с финансами. Государство не может существовать без выплат, а доступа к деньгам не было. Работники министерства и все директора банков отказывались выполнять распоряжения правительства.

Профессиональный революционер Вячеслав Менжинский, назначенный вместо Скворцова-Степанова временным наркомом, потому что когда-то работал мелким клерком в «Лионском кредите», прибыл в Госбанк с отрядом матросов, но те, разумеется, не могли заменить сотрудников и не знали, как добыть денежные средства.

Казалось, режим рухнет сам собой, «не справившись с управлением». Однако большевики возмещали некомпетентность твердостью. Они еще не овладели наукой управления государством, зато очень хорошо понимали главный закон власти: любые препятствия

можно преодолеть решительностью и запугиванием, а оглядываться на законы незачем.

Огромной проблемой для Петрограда в семнадцатом году была уличная преступность, что естественно для двухмиллионного города, оставшегося без полиции и наполненного вооруженными, праздношатающимися солдатами, не говоря уж об освобожденных из тюрем уголовниках. Грабежи, хулиганство, погромы магазинов и винных складов стали самым обычным явлением. В темное время обыватели боялись выйти из дому.

Большевики решили этот вопрос с впечатляющей быстротой. Сразу же после громких декретов о мире и земле, 26 октября, они выпустили постановление «О борьбе с погромным движением» и наглядно продемонстрировали, что отныне монополия на насильственные действия принадлежит только власти. Погромщиков, застигнутых на месте преступления, просто расстреливали, не утруждаясь разбирательством. Жизнь в столице сразу стала спокойнее.

Другой проблемой — уже не для горожан, а для большевиков — являлась враждебность «непролетарской» части столичного населения, а она в Петрограде была очень высока, поскольку здесь жило много так называемой «чистой публики», поддерживавшей не «диктатуру рабочего класса», а демократию или даже монархию. Голосом этого «буржуазно-паразитического элемента» (на самом деле отнюдь не паразитического, ибо речь шла о служащих, предпринимателях, коммерсантах, офицерах) были популярные, влиятельные газеты, резко осудившие переворот.

«Как же, однако, мог произойти такой захват власти, какой немыслим в каком бы то ни было правовом государстве?» — ужасался «Петроградский листок».

Газета «День» писала: «Большевикам не подчиняется ни одно государственное учреждение. Их никто не признает даже за пределами захваченных ими городов. Они — ничтожное меньшинство в России. Как смеют они называться правительством!».

«”Первая” революция у нас сменилась “второй” с провозглашением диктатуры пролетариата, сделавшей нашу жизнь предметом ужаса для всех, в ком сохранилась капля государственного смысла» («Русские ведомости»).

Ленинская методология власти строилась прежде всего на создании организующего и руководящего центра — партии и партийной газеты, поэтому в борьбе с политическими врагами большевистский вождь придавал важнейшее значение их дезорганизации и децентрализации. Уже 27 октября вышел декрет «О печати», запретивший так называемую «буржуазную прессу», то есть отменивший одно из главных завоеваний революции — свободу слова. С этого момента начинается постепенное сползание в контрреволюцию, то есть отмену всех остальных демократических свобод, одной за другой.

В борьбе с профсоюзными забастовками применять насилие было нельзя — ведь в стачке принимали участие представители того самого трудового класса, защитниками которого объявляли себя большевики. Поступили опять-таки по-ленински: сосредоточились на организующих центрах — руководстве союзов, постепенно увеличивая там количество партийцев. К середине ноября транспорт и средства связи кое-как заработали.

С забастовкой финансового сектора большевики боролись иначе — по-бандитски: взяли в заложники директоров пяти крупнейших банков и потребовали за них выкуп, по миллиону за каждого. Так в Смольный поступили первые пять миллионов рублей. Но проблему это, разумеется, не решило. Банки все равно отказывались работать, и их скоро закрыли. Содержимое депозитариев было конфисковано. В результате вся финансовая система страны разрушилась, деньги обесценились. Началась гиперинфляция, перестали собираться налоги, и проблему снабжения, в том числе продовольственного, придется решать иными, немонетарными способами.

Управленческий хаос, совершенно парализовавший работу государства, заставил правительство прибегнуть к мере, которая тогда казалась временной. По предложению Ленина создали Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) — причем главным образом с саботажем, поскольку пока именно он являлся самой острой проблемой.

В инструкции, которую Ленин направил председателю нового органа Феликсу Дзержинскому, говорилось: «Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т. п.,

саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований… Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками». Служащий, отказывающийся работать, наказывался штрафом в 5000 рублей, годом тюремного заключения или отправкой на фронт. В конце семнадцатого года эти, по будущим меркам, мягкие наказания казались драконовскими. Очень уж свирепствовать большевики пока опасались — в стране только что завершились выборы в Учредительное собрание, которое должно было отныне стать парламентом России.

Страна так долго ждала этого события, что отменить выборы Совнарком не осмелился, хотя «всенародное волеизъявление» шло вразрез с ленинским планом установления диктатуры пролетариата.

Выборы состоялись в середине ноября (по старому стилю). Проголосовало более 40 миллионов человек, и результаты для большевиков оказались не блестящими. Они лидировали в столицах и в действующей армии, но даже в полностью подконтрольном Петрограде набрали меньше половины голосов, а в целом состав парламента получился угрожающим. У РСДРП(б) набралось только 180 мандатов из 766. Победителями стали эсеры — 374 места. Тревожным сигналом стало и то, что значительная часть столичного населения (27 %) отдала голоса партии кадетов, заклятых врагов нового режима.

Было совершенно очевидно, что Учредительное Собрание осудит переворот и попытается перехватить власть, причем сделает это на совершенно законных основаниях.

ЦК партии и Совнарком — это были в общем одни и те же люди — обсуждали два варианта: или не допустить съезда делегатов (что было рискованно на фоне всеобщего интереса к новому органу), или вообще не созывать Собрание. В результате поступили еще жестче и демонстративнее.

Всероссийское Учредительное Собрание открылось 5 (18) января 1918 года в Таврическом дворце. Депутаты-кадеты отсутствовали — еще в конце ноября эта партия была запрещена. Тех ее лидеров, кто не успел скрыться, арестовали. Тем не менее съезд не поддался на запугивание и повел себя непримиримо по отношению к Совнаркому — отказался даже обсуждать предложенную большевиками декларацию.

Тогда фракция правящей партии покинула собрание. Заседание, на котором оставшиеся обсуждали важнейшие вопросы государственной жизни — о мире, о земле, о федеративном устройстве республики — длилось до тех пор, пока матросы и солдаты караула глубокой ночью не потребовали очистить помещение. На следующий день, когда депутаты вернулись во дворец, двери оказались заперты. Учредительное Собрание было закрыто без каких-либо официальных извещений. Лишь три дня спустя вышло постановление о роспуске парламента, но к тому времени всем и так уже было ясно, что игры в демократию закончены. Пролилась кровь.

В день открытия Собрания большевики разогнали в Петрограде многотысячную демонстрацию сторонников парламента, применив оружие. Это была акция устрашения, первая ласточка грядущего «красного террора». Около 250 человек были убиты и ранены.

На следующую ночь после закрытия Собрания орда матросов ворвалась в Мариинскую больницу, где лечились арестованные лидеры кадетов Андрей Шингарев (бывший министр финансов) и Федор Кокошкин (организатор выборов в Учредительное Собрание).

Расстрелянная демонстрация

Оба были убиты прямо на больничных койках. Никакого наказания убийцы не понесли.

В качестве альтернативы всенародно избранному парламенту большевики учредили ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет), сформированный на съезде Советов. Там у РСДРП(б) и примкнувших к ней левых эсеров было надежное большинство, 300 мест из 326.

По мнению Ленина, разгон всенародного парламента был естественным шагом по осуществлению партийной программы: обществом, строящим социализм, должны управлять не представители всего населения, а только избранники «трудящихся». С исторической же точки зрения 5 января 1918 года стало рубежом, на котором российскую революцию можно было считать завершившейся. Период свободы закончился, началось движение к тирании.

Революционная риторика сохранилась, но превратилась в чистейшую демагогию. В семнадцатом году большевики завоевали популярность в народе благодаря своим программным лозунгам: «Долой войну!», «Земля крестьянам, заводы рабочим!», «Вся власть Советам!», «Хлеб голодным!», «Свободу угнетенным нациям!». Ничего этого не будет.

Разразится новая, еще более кровавая война; у крестьян будут отнимать продукты их труда; рабочие подвергнутся невиданной эксплуатации; власть достанется не советам трудящихся, а карательным органам; голод станет тотальным; угнетенные нации попадут в новую «тюрьму народов».

Стране предстояло пройти через хаос и ужас, каких Россия не видывала триста лет, со времен Смуты.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

В предельно лаконичном изложении историю российской Гражданской войны можно описать четырьмя предложениями:

— С конца 1917 года до конца 1918 года главную роль в событиях играл «германский фактор».

— С конца 1918 года до конца 1919 года инициатива была у белых, которые при помощи Антанты вели наступление.

— С конца 1919 года до конца 1920 года наступление вели красные, а их враги перешли к обороне.

— С конца 1920 года до конца 1922 года Советская власть окончательно подавила очаги сопротивления и восстановила контроль над окраинами.

Главную роль играет «германский фактор» (конец 1917 — конец 1918)

Момент, с которого нужно вести отсчет Гражданской войны, историки определяют по-разному, но, думаю, стартом большой внутрироссийской междоусобицы следует считать ноябрьский эпизод 1917 года, когда под Петроградом белые (отряды генерала Краснова) и красные (большевистские формирования) впервые сошлись в настоящем сражении.

Уже говорилось, что после победы над Временным правительством Советы относительно легко установили свою власть над страной, но «относительно» не означает, что бескровно и сразу повсюду.

Не только в Москве, но и на периферии большевики во многих местах столкнулись с сопротивлением. Оно не носило централизованного характера. Скорее наоборот — это было проявлением сепаратизма, направленного на демонтаж ослабевшей империи. Во всяком случае, успешным антисоветское сопротивление оказалось только в регионах, где тон задавали силы, ориентирующиеся на отделение от России: в Финляндии, Украине, Закавказье.

Одним из первых воззваний большевиков была «Декларация прав народов России», которая гарантировала нациям «свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Но подразумевалось, что эти новые государства тоже будут большевистскими. Поэтому, даже признав в начале декабря 1917 года независимость Финляндии, Советская Россия руками местных «красных» продолжала бороться за власть в этой стране. В Закавказье были сильны меньшевики (в Грузии) и националисты (в Армении и Азербайджане), к тому же в восточной части региона вспыхнул конфликт между армянами и азербайджанцами, носивший не классовый, а этнический характер. Пробольшевистские силы пытались влиять на события, но без особенного успеха. Им удалось на время утвердиться только в рабочем Баку.

Ленин сразу же назначил председателя «Баксовета» большевика Степана Шаумяна «чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа», но фактически власть «чрезвычайного комиссара» распространялась только на город и его окрестности, да и то весьма условно. РСДРП(б) даже не имела большинства мест в Совете. В общем, центр не мог контролировать ситуацию в Закавказье, которое было предоставлено собственной судьбе.

Зато за Украину, которая в январе 1918 года, после разгона Учредительного Собрания, объявила о создании независимой Украинской Народной Республики, большевики были готовы посражаться. В конце того же месяца, после ожесточенных боев, советские части заставили правительство Центральной Рады уйти из Киева.

Но ситуация во всех трех проблемных регионах — и Финляндии, и Украине, и Закавказье — зависела не от петроградского Совнаркома, а от Германии и ее союзников, которые в это время становятся главным арбитром в восточноевропейских делах.

Русская армия развалилась, война была проиграна. Фронт против немцев, австрийцев и турок держать было нечем. Солдаты массами отправлялись по домам, окопы во многих местах остались пустыми.

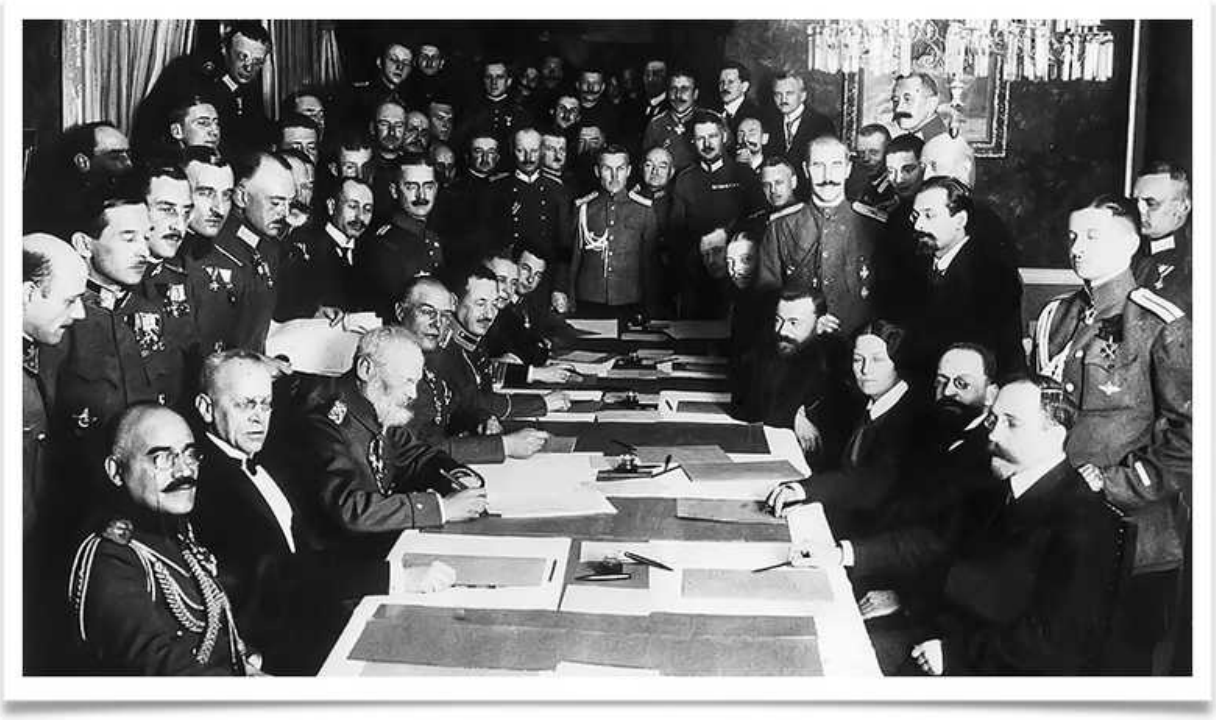
Участь России находилась в руках победителей. В Берлине, посовещавшись, пришли к логичному заключению, что полезнее будет сделать ставку на большевиков, поскольку те выступают за

прекращение войны, однако нужно максимально ослабить Россию, для чего следует поддержать сепаратистские движения.

К этому и сводилась стратегия «центральных держав» на переговорах с Совнаркомом, начавшихся в декабре 1917 года в белорусском Брест-Литовске, на оккупированной немцами территории.

Советская делегация, которую вскоре лично возглавил наркоминдел Троцкий, вела себя неумно, облегчая германцам с австрийцами их задачу. Помимо того, что из революционеров вообще получаются скверные дипломаты, вызывающее поведение советской делегации объяснялось еще и тем, что большевистские вожди искренне верили в идеи, которые провозглашали: солдаты империалистических армий под воздействием российских событий вот-вот повернут штыки против своих правительств и грянет всемирная революция.

В состав советской делегации были включены рабочий, крестьянин, матрос и солдат (всех их потом удалили за полной бесполезностью). Была и (неслыханно в истории дипломатии) одна женщина, да какая — бывшая террористка Анастасия Биценко, некогда застрелившая генерал-адъютанта Сахарова. В общем, это была не столько делегация, сколько демонстрация, что при кулуарности переговоров и отсутствии прессы не имело особенного смысла.



Переговоры в Брест-Литовске: странная советская делегация (справа) — и большевики, и аксельбанты

Тактика советской стороны с учетом отчаянного положения, в котором находилась Россия, выглядела столь же нелепо.

В ЦК, Совнаркоме и ВЦИК шли ожесточенные дискуссии, какого курса держаться. Обозначились две противоположные позиции. Ленин требовал немедленно заключить мир любой ценой, иначе советская власть рухнет под ударом вражеской армии. Но группа очень популярного в партии Николая Бухарина выступала за войну, утверждая, что не жалко пожертвовать советской властью в России ради победы мировой революции. В результате, как прошлой осенью в вопросе о вооруженном восстании, возобладала компромиссная линия Троцкого: ни мира, ни войны, а переговоры затянуть — коммунистическая пропаганда и фронтовое «братание» с русскими солдатами рано или поздно пробудят в немецких и австрийских пролетариях революционный дух.

Представители «Четверного союза» (Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии) были очень заинтересованы в быстром заключении мира. Германия планировала весной большое наступление на Западном фронте — до того, как из-за океана прибудет миллион американских солдат. Требовалось перекинуть во Францию с Востока как можно больше войск. Поэтому условия России были предложены весьма умеренные: никакой контрибуции плюс — в полном соответствии с ленинскими декларациями — Польша и прибалтийские регионы получат право на самоопределение. С учетом того, что эти территории и так находились под контролем немцев, требования никак не выглядели чрезмерными.

Но российская сторона уклонялась от подписания мира, изобретала все новые и новые отсрочки, превращала переговоры в бесконечные идеологические дискуссии.

Читая воспоминания Троцкого, поражаешься тому, до чего задиристо и эпатажно вел себя с опытными немецкими и австрийскими дипломатами этот очень неглупый человек.

Он выпускал воззвания к германским солдатам, агитируя их за революцию, публично интересовался, «не расскажет ли немецкий штаб

немецким солдатам чего-нибудь насчет Карла Либкнехта и Розы Люксембург?» Даже годы спустя мемуарист хвастается своими пикировками с дипломатами противоположной стороны и с удовольствием рассказывает о том, как его очередная шпилька «произвела впечатление величайшего скандала» и как «у многих из сановников перехватило дыхание».

Блеф в диалоге с противником, у которого на руках все сильные карты, ничем хорошим, конечно, закончиться не мог. Постепенно немцы поняли, что с большевиками, во-первых, не нужно церемониться, и что, во-вторых, они понимают только язык угроз, подкрепленных действием. К тому же, видя полную деградацию русской армии, германское верховное командование, не дожидаясь формального мира, и так перекинуло на Западный фронт наиболее боеспособные соединения.

Разыгрывая сепаратистскую карту, Берлин и Вена стали вести отдельные переговоры с Украинской Народной Республикой. Центральная Рада, в отличие от Совнаркома, подписала мирный договор очень быстро, обязавшись в обмен на военную помощь против Советов поставлять Германии и Австро-Венгрии продовольствие и сырье. Одновременно Берлин предъявил России ультиматум: или подписывайте договор, или перемирие будет прекращено.

В соответствии со стратегией «ни мира, ни войны» Троцкий объявил, что армию Россия распускает, но мир на таких условиях подписывать отказывается.

Тогда немецкие войска перешли в наступление по всей линии фронта и, почти не встречая сопротивления, продвинулись на несколько сотен километров, на севере приблизившись к Петрограду.

Лишь теперь, перевесом в один голос, Ленину удалось провести через ЦК решение о срочном заключении мира на любых кондициях.

3 марта 1918 года Россия капитулировала. Подписанный в Бресте договор был, по выражению Ленина, «похабным». Помимо территориальных потерь, гораздо более существенных, чем предлагалось вначале, Советы признавали независимость Украины, соглашались не только разоружить армию, но и передать немцам флот, а также обещали прекратить революционную пропаганду.

В результате Брестского мира Россия теряла треть населения и свою главную житницу, где выращивалась почти половина хлеба — страшный удар по стране, и так охваченной продовольственным кризисом.

И этим урон отнюдь не ограничивался.

Подписание стыдного мира раскололо верхушку режима. Левоэсеровская фракция правящей коалиции почти целиком выступила против капитуляции, и даже часть большевиков, нарушив пресловутый «демократический централизм», тоже не послушалась своего ЦК. Скоро этот раздор приведет к кровопролитию.

Очень сильно упала популярность советской власти в целом по стране — большевиков считали виновниками национального позора.

Еще одним опасным последствием стало обострение отношений с бывшими союзниками по Антанте. Теперь они стали проявлять к советской России неприкрытую враждебность и тоже, подобно немцам, перестали церемониться. Еще в конце февраля, когда германские войска появились в Финляндии, англичане, французы и американцы высадили в Мурманске десант, создав плацдарм для потенциальной экспансии. В начале апреля под предлогом защиты своих подданных японцы оккупировали Владивосток. В правительственных кругах и в прессе Англии, Франции, Японии, США громко зазвучали голоса сторонников широкой интервенции против «предательницы» России.

«Четверной союз» стал рассматривать Россию как завоеванную страну. Германский посол Вильгельм фон Мирбах держался с советским правительством как представитель высшей инстанции. Одновременно немцы присматривались к другим российским политическим силам — не доверить ли управление Россией кому-то более надежному и приятному, чем Ленин с Троцким. Представитель германского командования при Мирбахе барон фон Ботмер пишет в своем дневнике (май 1918 года): «Если, в чем мы убеждены, Германия утвердится в России…, большевизм долго не удержится у руля. Поэтому для нас уже сейчас небезразлично, кто именно придет ему на смену — относящиеся ли с ненавистью к Германии эсеры или руководимые "правыми" буржуазные партии. Мы просто обязаны попытаться повлиять на ход событий».

Турки, союзники немцев, в начале июня ввели свои войска в восточное Закавказье и захватили нефтяные прииски Баку.

Одновременно возникли новые страны: Грузия, Армения и Азербайджан, все три небольшевистские.

Но самым тяжелым следствием Брестской катастрофы стал переход внутрироссийского конфликта в стадию повсеместной гражданской войны.

До мая 1918 года очагом вооруженного сопротивления советской власти был только юг России, где преобладало казачье население, значительная часть которого не приняла новый режим.

Генерал Алексей Каледин, первый демократически избранный атаман войска Донского, не признал советской власти и долгое время, три месяца, пытался удерживать власть над Донбассом и всей Донской областью, даже захватил Ростов, но в конце концов остался с одними офицерами-добровольцами. Уставшие воевать казаки разошлись по домам, и Каледин застрелился.

Столь же отчаянной и безнадежной была попытка сбежавшего из-под ареста генерала Корнилова поднять против большевиков другой казачий регион, Кубанский. С отрядом офицеров и юнкеров, пышно названным «Добровольческой армией», бывший главковерх в феврале 1918 года двинулся из обреченного Ростова на Екатеринодар (современный Краснодар). «Армия» насчитывала всего 4000 штыков и сабель, причем рядовых солдат в ней было 5 процентов, зато 36 генералов и 250 полковников. Предстояло пройти с боями более 1000 километров по зимним степям. Так называемый «Ледяной поход» закончился разгромом белых, не получивших массовой поддержки казачества. Красные собрали плохо организованные, но многочисленные силы, более 20 тысяч человек, и задавили корниловцев численным преимуществом. После гибели Корнилова в бою (31 марта) остатки «добровольцев» были вынуждены повернуть обратно.

Однако Донская область так и осталась вне контроля большевиков. В мае новый войсковой атаман генерал Краснов инициировал создание независимого казачьего государства «Всевеликое Войско Донское». Независимым оно было от Москвы, но не от Германии, которая рассматривала это квазигосударственное образование как свой протекторат. Воевать с немецким ставленником Совнарком не осмелился.

Не на юге, а на востоке, где располагались земли Оренбургского казачьего войска, сопротивление советской власти возглавил атаман Александр Дутов. Мятеж отрезал от центра Туркестан и Сибирь с Дальним Востоком. Но произошло то же самое, что на Дону и на Кубани. Рядовые казаки не захотели воевать, и Дутов остался только с добровольцами, которых насчитывалось 2000 человек. Имея пятикратное преимущество, Советы в конце января прогнали дутовцев из Оренбурга в степь. Движение по Транссибу восстановилось.

Таким образом, весной 1918 года казалось, что широкомасштабной гражданской войны не будет. Однако Брестский мир очень накалил ситуацию, а грубые ошибки советской власти довели дело до взрыва.

Он грянул в конце весны, сразу на востоке и на юге. Два эти направления в дальнейшем и станут главными фронтами Гражданской войны.

Царская Россия провозглашала себя защитницей всех славян. Этот курс помогал Петербургу в соперничестве с Австро-Венгрией, где антигабсбургские настроения были особенно сильны среди чехов и словаков. Во время войны многие из них добровольно сдавались, выражали желание сражаться против австрийцев на стороне Антанты. Из таких добровольцев был сформирован и вооружен целый корпус («Чехословацкий легион»), около 40 тысяч штыков. После того, как большевики заявили о прекращении войны, чехословаки решили, что будут воевать на Западном фронте. Переправить корпус во Францию можно было только долгим, кружным путем — через Транссиб до Тихого океана и далее морем.

Поезда отправлялись один за другим и растянулись от Волги до Дальнего Востока.

В прежние времена контингент такого размера, да еще разделенный на относительно небольшие отряды (в эшелоне обычно помещался один батальон) не представлял бы собой сколько-нибудь значительной угрозы, но на фоне тотального распада российской армии сорок тысяч дисциплинированных бойцов, руководимых единым командованием, являлись мощной силой. Не говоря уж о том, что Транссибирская магистраль была позвоночником всего Зауралья.

Одержав победу над разрозненными восстаниями белых и устранив опасность германского вторжения, советская власть

преисполнилась уверенности в своих силах.

Когда посол Мирбах в ультимативной форме потребовал пресечь переброску через российскую территорию подкреплений для Антанты, Совнарком был вынужден подчиниться и при этом повел себя крайне неосторожно.

Можно было арестовать командование корпуса. Можно было попробовать разоружить чехословацкие подразделения, использовав их рассредоточенность и фактор неожиданности. Но правительство сначала отдало распоряжение остановить движение эшелонов и лишь затем, три недели спустя, приказало местным советам отобрать у легионеров оружие. За это время чехословаки успели принять решение, что разоружаться они не будут.

25 мая Троцкий, ставший к этому времени «наркомвоеном», то есть военным министром, выпустил приказ о расформировании корпуса. В течение двух последующих дней на всем протяжении гигантской магистрали «белочехи» (как их теперь называли) били слабые красные отряды и свергали местные органы власти. На большей части российской территории советский режим рухнул почти в одночасье.

На Западный фронт Чехословацкий легион так и не попадет. Антанта попросит ушедшие далеко на восток эшелоны повернуть обратно — чтобы драться с большевистской властью, которая теперь считалась германской союзницей.

Чехословацкий легион: грозная сила

Немедленно появилась и альтернатива Советам, причем обладавшая большей легитимностью, чем они.

В Самаре группа депутатов разогнанного в январе всероссийского парламента, в основном правых эсеров, создала Комитет членов Учредительного Собрания (Комуч). В начале июня они учредили правительство — Директорию, объявившую себя единственной законной властью России. Чехословаки стали главной боевой силой Комуча и нанесли разрозненным красным войскам ряд серьезных поражений. К концу лета под контролем Комуча находились пять губерний: Самарская, Казанская, частично Саратовская, Симбирская и Уфимская. В Казани белые захватили часть российского золотого запаса — более 500 тонн драгоценного металла, что в дальнейшем обеспечит восточному крылу Белого движения беспроблемное снабжение вооружением и припасами.

В советской мифологии считалось, что Красная Армия была создана 23 февраля 1918 года, когда в бой с немцами, разорвавшими перемирие, вступили отряды Красной гвардии (этот день и поныне отмечается в Российской Федерации как «День защитника отечества»). На самом деле не было сколько-то серьезных боев, и новой армии у Совнаркома тогда еще не имелось. Совсем наоборот — основные усилия Народного комиссариата по военным делам тратились на то, чтобы избавиться от остатков существующей армии, которая превратилась в обузу и потенциальный источник мятежей. В сражениях раннего этапа Гражданской войны Советы при необходимости набирали отряды добровольцев. Эти части, иногда многочисленные, регулярной армией не являлись, а скорее представляли собой ополчение, которое после завершения очередного инцидента расходилось по домам.

Единственным сколько-нибудь крупным боеспособным соединением режима была дивизия латышских стрелков, сформированная еще царским командованием — во время мировой войны оно экспериментировало с созданием национальных воинских частей (другим примером является поминавшаяся ранее Дикая дивизия).

Сплоченность латышских полков объяснялась, во-первых, тем, что они остались без родины — Латвия была оккупирована немцами, а в-вторых, в отличие от обычных частей старой армии, у латышей не существовало антагонизма между нижними чинами и командирами. Многие офицеры, пользуясь авторитетом среди земляков, остались на своих должностях.

Застарелая враждебность латышей по отношению к немцам и надежда на то, что советская власть — в отличие от белых адептов «единой и неделимой России» — предоставит Латвии независимость, как уже предоставила ее Финляндии, обеспечивали лояльность дивизии.

На протяжении большей части 1918 года только она и была военной опорой центральной советской власти, охраняя все важнейшие правительственные учреждения. Командир дивизии полковник Иоаким Вацетис станет командующим Восточным фронтом, а затем и главкомом всей Красной Армии.

Латышские стрелки

Но существовать с такими вооруженными силами республика могла лишь до тех пор, пока власти противостояли сравнительно небольшие повстанческие силы белых генералов и атаманов, плохо оснащенные и, в общем, тоже бывшие не настоящей армией, а партизанско-ополченческим движением (его тогда так и называли — «белая Вандея»). Однако с появлением крупного и хорошо организованного противника в лице Чехословацкого корпуса и с полным крахом советской власти на востоке, Советской республике пришлось в срочном порядке создавать настоящую армию.

Эта задача была поручена Троцкому. На новой должности энергичный организатор проявил себя гораздо лучше, чем на дипломатическом поприще.

Правда, как уже говорилось, ящик Пандоры наркомвоен открыл сам, приказав разоружить чехословаков — из столицы казалось, что сделать это будет легко. Но когда весь восток откололся и войска

Комуча начали угрожать существованию советского государства, Троцкий проявил чудеса распорядительности, изобретательности и неутомимости. Иначе новая армия в такие короткие сроки почти на пустом месте не возникла бы.

Помимо обычных проблем (тоже непростых) — финансирования, вооружения, снаряжения — создатель Красной армии должен был решить три очень трудные задачи.

Во-первых, поставить под ружье сотни тысяч бойцов в стране, которая смертельно устала от войны и где развалилась вся система мобилизации.

Во-вторых, назначить командиров — а офицерство почти поголовно относилось к большевикам враждебно, оскорбленное многомесячным шельмованием «благородий».

В-третьих, Советы сами начисто разрушили воинскую дисциплину и было непонятно, как ее восстанавливать.

Все эти трудности Троцкий и его помощники (а он умел подбирать толковых сотрудников) не сразу и не без сбоев, но решили.

Первоначальная концепция «рабоче-крестьянской армии» основывалась на утопической марксистской идее «вооруженного народа» — сознательного пролетариата, который добровольно возьмется за оружие, чтобы защитить завоевания революции. На деле подобных энтузиастов, конечно, нашлось немного, и советская власть попыталась привлечь волонтеров хорошим жалованием и, главное, продовольственным пайком. Поскольку времена становились все более голодными, а безработица из-за закрытия предприятий постоянно возрастала, какое-то количество людей, в основном в городах, записались в «красноармейцы», но этого было недостаточно. Тогда Троцкий стал воссоздавать повсюду, где это было возможно, мобилизационные центры, получившие название военных комиссариатов (военкоматов). В конце мая вышел декрет с нереволюционным названием «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную Армию», затем ввели учет военнообязанных мужчин в возрасте от 18 до 40 лет с суровым наказанием за уклонение от мобилизации и дезертирство. Слабость бюрократической инфраструктуры и некрепкость советской власти во многих регионах не позволяли осуществить «принудительный набор» в полном объеме, и всё же уже к началу осени на военной службе состояло 450 тысяч

человек — в несколько раз больше, чем во всех белых армиях, вместе взятых.

Проблему командного состава Троцкий решил точно таким же способом. Не рассчитывая на «сознательность» бывших офицеров, в июне он особым декретом обязал их встать на воинский учет — под угрозой репрессий.

Судьба российского офицерского корпуса в Гражданской войне весьма поучительна. В литературе много пишут о храбрецах, которые тайно, рискуя жизнью, пробирались из «Совдепии» на «белую» территорию, чтобы вступить в ряды антисоветских войск. На деле таких героев было немного.

В 1917 году по данным советского историка Л. Спирина, в России насчитывалось 240 тысяч офицеров (большинство некадровые, военного времени). Примерно половина из них вообще не участвовали в Гражданской войне, а остальные, как правило, просто плыли по течению — служили по мобилизации той власти, которая правила в месте их жительства.

Поскольку самые населенные регионы находились под контролем красных, им и досталась основная часть военных специалистов. В Красной Армии таких «военспецов» насчитывалось около 75 тысяч, и они составляли три четверти всех командиров, а на высшем уровне — командования фронтов и армий — пропорция была еще более впечатляющей.

Военный историк А. Кавтарадзе подсчитал, что у красных служили более шестисот выпускников Академии Генерального Штаба — примерно столько же, сколько у белых. Так что на оперативном уровне войсками с обеих сторон руководили представители одной и той же элитной категории офицерства.

Проблему лояльности столь нереволюционного командного состава Троцкий решил по примеру Великой французской революции, назначавшей в действующую армию облеченных особыми полномочиями «комиссаров Конвента» для присмотра за генералами-аристократами. В Красной Армии тоже появился институт комиссаров — параллельной военной власти. Вместо традиционного единоначалия вводилось двуначалие. Комиссар должен был не только приглядывать за

командиром-военспецом, но и идейно направлять массы мобилизованных солдат, большинство которых не имели никаких политических взглядов. (В ходе войны белые, постоянно нуждавшиеся в пополнениях, захватив пленных, обычно расстреливали только партийных, а остальных красноармейцев просто ставили в строй, и те послушно воевали с большевиками). На низовом уровне невысокую идейность принудительной армии укрепляли мобилизованные коммунисты, которых в массовом порядке посылали на фронт. Половина всех членов партии была направлена в воинские части.

Третью задачу, восстановления дисциплины, Троцкий решал намного жестче, чем годом ранее главковерх Корнилов. Тот всего лишь ввел на фронте смертную казнь, которая на практике применялась очень редко. В Красной Армии это была обычная, причем внесудебная кара за всякое мало-мальски серьезное нарушение. В самый отчаянный для советской власти момент — когда летом 1918 года красные полки пятились и разбегались под напором белочехов и «Народной армии» Комуча — Троцкий приказал казнить на месте командиров и комиссаров деморализованных частей, а рядовых красноармейцев подвергал децимации, то есть расстреливал каждого десятого.

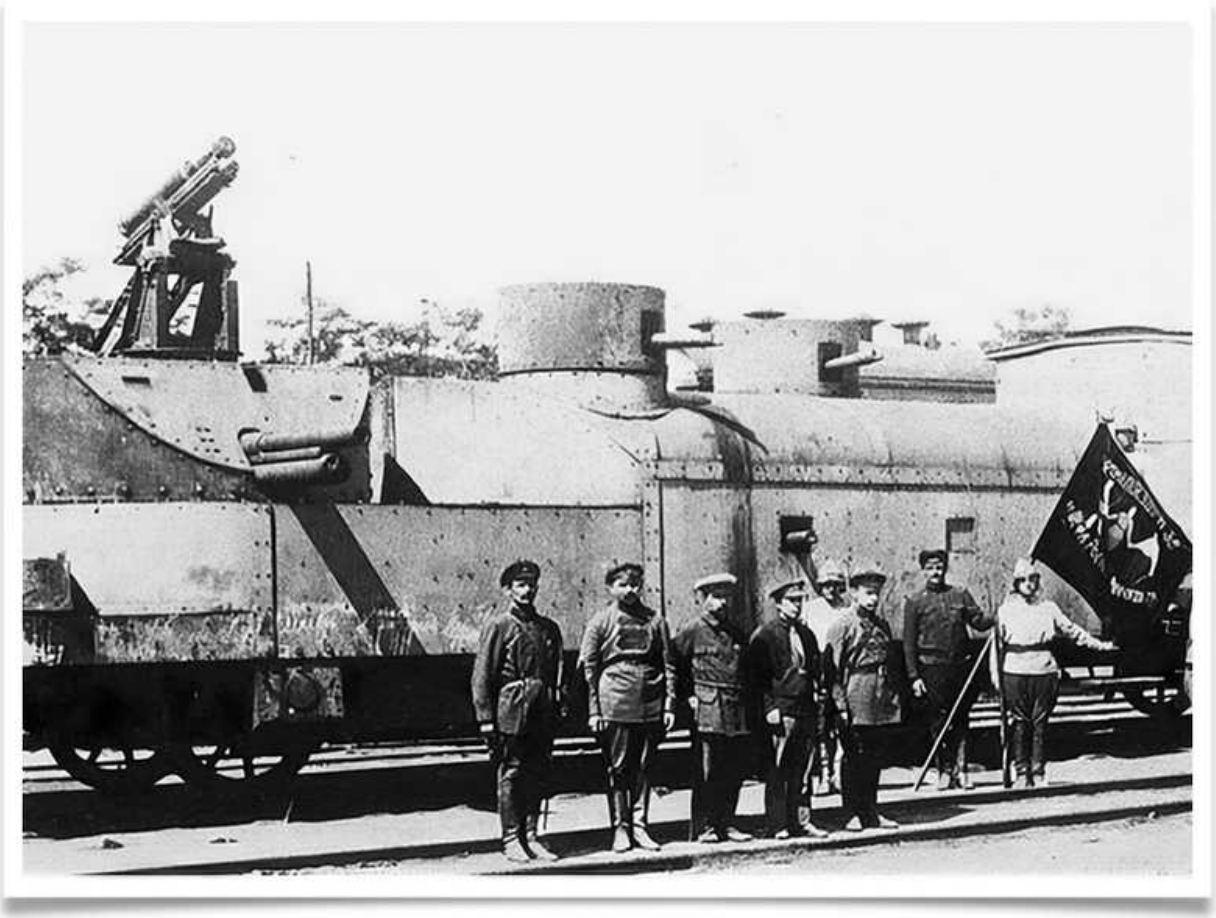
Вооруженными силами республики Троцкий руководил не из кабинета, а из вагона поезда. Это было его изобретение — создать «кочующую Ставку», которая быстро перемещалась по железной дороге в самый проблемный или стратегически важный пункт войны.

«Бронепоезд Председателя Революционного Военного Совета Республики» *(официальное название состава) курсировал по фронтам Гражданской войны два*

с половиной года, выполняя две функции: помимо сугубо управленческой еще и пропагандистскую. Сверкающий броней, идеально оснащенный, охраняемый вымуштрованными, прекрасно экипированными бойцами, поезд демонстрировал полупартизанской массе красноармейцев, какой должна быть настоящая армия.

Ноухау, опробованное Керенским перед летним наступлением семнадцатого года, Троцкий вывел на новый уровень. Он не только воодушевлял толпы пылкими речами, но и внушал страх, причем на второй фактор полагался больше, чем на первый. Прибытие грозного

поезда нередко заканчивалось перетасовкой командования, а то и арестами.



Бронепоезд Председателя Реввоенсовета

И все же наскоро созданная Красная Армия была еще очень слаба. Невзирая на огромное численное превосходство, контрнаступление, предпринятое ею в августе, завершилось неудачей. Новое наступление, осеннее, позволило оттеснить войска Комуча за Волгу, но дальше сложилась патовая ситуация.

Однако в ноябре 1918 года положение кардинально изменилось. Влияние «германского фактора» на внутрироссийскую ситуацию закончилось, потому что сначала в Австро-Венгрии, а затем в Германии и Турции произошла революция. Все три империи рухнули.

Непосредственным следствием этого события стал кризис «южной Вандеи» атамана Краснова, который без поддержки немцев не мог

противостоять красным отрядам. На Дону установилась советская власть.

Вскоре ослабело и белое сопротивление на востоке. Значительная часть чехословаков поспешила вернуться домой — чтобы участвовать в создании новой страны, Чехословакии. В одиночку «Народная армия» Комуча, наполовину состоявшая из ополчения, которое мало чем отличалось от красноармейских формирований, стала отступать в сторону Урала.

В конце 1918 года казалось, что Советская республика уже одержала победу в Гражданской войне.

На самом деле война только теперь начнет разворачиваться во всю силу.

Причин было две — внешняя и внутренняя.

Первая состояла в том, что у стран Антанты после поражения Германии освободились руки (а также гигантские запасы оружия и снаряжения). Теперь бывшие союзники царской России могли принять более активное участие в борьбе за будущее этой важной страны.

Во-вторых, «германский фактор» в значительной степени сдерживал обе стороны — и белую, и красную — от эскалации. Теперь стихия взаимной ненависти вышла из-под контроля.

Не в последнюю очередь обострению гражданской войны способствовала политика, которую проводила советская власть.

Инициатива переходит к белым (конец 1918 — конец 1919)

Российское государство теперь называлось иначе — Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой, или, по недавно возникшей моде на аббревиатуры, труднопроизносимым буквенным сочетанием «РСФСР». Федерализация отчасти была данью утопическому коммунизму, рассчитывавшему на «самоопределение трудовых масс» и «добровольный союз народов», но главным образом она объяснялась почти полной утратой контроля над процессами, происходившими в необъятной стране, следствием всеобщего хаоса. От управленческой гиперцентрализации, на которой веками держалось российское государство, ничего не осталось. Беспорядок в высшем эшелоне власти усугубился еще и из-за того, что в марте 1918 года

правительство перебралось из Петрограда в Москву — подальше от немецких войск и от опасно «непролетарского» города на Неве.

Вакуум исполнительной власти заполняли стихийно возникающие советы, которых к лету 1918 года насчитывалось уже 12 тысяч (накануне октябрьского переворота их было всего четыреста). Помимо этих органов самоуправления появились многочисленные республики или «коммуны», создавшие собственные правительства. Эти автономные образования могли быть как большими, так и маленькими, размером в губернию или даже в одну волость. Они назначали собственные налоги, устанавливали собственные порядки, при необходимости заводили собственные армии. Власть там вовсе необязательно принадлежала большевикам. Могло быть и так, что локальный лидер, формально вступив в РСДРП(б), вовсе не считал себя обязанным исполнять партийные директивы. Очень скоро для населения советский режим стал ассоциироваться с хаосом, беззаконием и насилием — последнее в условиях перераспределения собственности и растущего ожесточения было неизбежно.

Кроме того, административная «лоскутность» приводила к параличу системы снабжения. Поезда с продовольствием часто реквизировались по дороге или просто разграблялись. Карать местное самоуправство у центра возможности не было.

Проблема голода, особенно острая в больших городах, скоро стала для Совнаркома главной. Решить ее экономическими способами ленинское правительство не умело, да и не хотело, ибо враждебно относилось к «частнособственническим инстинктам». Оставалось только одно: прибегнуть к насилию.

В 1918 году начал оформляться политико-хозяйственный режим, получивший название «военного коммунизма». Здесь, как и в вопросе федерализации, упрощенно-идеалистическое представление о простоте создания коммунистического общества (пресловутое «всё поделить») сочеталось с суровой необходимостью.

Товарно-денежные отношения практически прекратились. Национализация промышленности, запрет на частную торговлю, транспортный коллапс, разрушение банковской системы за несколько месяцев превратили капиталистическую страну в общество, где главной валютой стали натуральные продукты: еда и предметы самого примитивного выживания. Деньги не исчезли полностью, но карточная

система и неосторожная эмиссия привели к астрономической инфляции. К концу Гражданской войны индекс цен по сравнению с 1913 годом вырос в 27 тысяч раз. Со временем дело дойдет до выпуска купюр номиналом в 10 миллиардов рублей.

Большевики заменили рыночный принцип принудительно-распределительным. Во имя борьбы с голодом была введена «продовольственная диктатура»: государственная монополия на сельхозпродукты и так называемая «продразверстка». Последняя означала, что крестьянам оставляли только часть собранного урожая (очень мало — в некоторых областях всего по 200 кг зерна на едока), а всё остальное полагалось сдавать государству — вроде бы за деньги, но при гиперинфляции получалось, что бесплатно. Специально учрежденная армия «продотрядов», вооруженных городских рабочих, реквизировала у крестьян запасы, нередко подчистую.

Эта грабительская кампания, особенно широко развернувшаяся в конце лета и осенью, во время сбора урожая, резко изменила отношение основной массы крестьянства к советской власти, которая сначала дала землю, а теперь отбирала ее плоды. Крестьяне не встали на сторону белых, но перестали поддерживать и красных.

Хуже всего пришлось горожанам, поскольку теперь их существование полностью зависело от выдачи продуктов по карточкам, а представители «эксплуататорских классов» были приписаны к четвертой категории, ниже уровня выживания. С осени 1918 года активизируется приток добровольцев в белые армии.

Настоящий террор был развернут против так называемых «мешочников» — людей, которые пытались привозить в города продовольствие маленькими партиями, «в мешках». Эта практика могла бы до известной степени смягчить продовольственный кризис, но коммунистические власти видели в мелкой коммерции возрождение капитализма и безжалостно пресекали «спекуляцию» — на самом деле товарообмен между городом и деревней. Виновных часто расстреливали на месте.

Не наступило облегчения и для рабочих, защитниками которых объявляли себя большевики. Из-за развала производства началась тотальная безработица. На многих предприятиях, которые еще не остановились, рабочих принуждали трудиться в мобилизационном порядке.

В августе рабочие оружейных заводов Приуралья, в Ижевске и Воткинске, подняли восстание под лозунгом «Советы без большевиков!». Произошло это в самый тяжелый период боев между красными и белочехами. Восставшие встали на сторону Комуча и создали большую армию, около 20 тысяч человек, которая была отлично вооружена — винтовки и пулеметы производились на месте. Возникла конфузная для большевиков ситуация: против них выступил тот самый пролетариат, чьей партией они себя провозглашали.

Восстание было подавлено только после того, как в ноябре с фронта ушли чехи, и Красная Армия смогла перебросить против рабочих-оружейников две армии. Несколько сотен пленных «пролетариев» были расстреляны пролетарской же властью.

Из-за репрессий в деревне раскололась правящая коалиция «партии рабочих» (большевиков) и «партии крестьян» (левых эсеров). В июле и августе 1918 года эти леворадикальные группировки вступили в междоусобную борьбу.

Началось в Москве, где 6–7 июля левые эсеры, вышедшие из правительства в знак протеста против позорного Брестского мира, убили германского посла графа фон Мирбаха и попытались устроить переворот. Народных комиссаров спасла только лояльность латышских стрелков, которые и подавили мятеж.

Но сразу же после этого о неповиновении центру заявил командующий Восточным фронтом левый эсер Михаил Муравьев. Если бы на следующий день он не был убит в перестрелке (тоже латышами), основные вооруженные силы республики двинулись бы на большевистскую Москву.

Одновременно, воспользовавшись раздором между красными, белое офицерское подполье подняло восстания в ряде северорусских городов: Ярославле, Муроме, Рыбинске.

Когда же стало ясно, что большевистская власть удержалась, эсеры прибегли к давней, еще дореволюционной тактике — личному террору.

30 августа в обеих столицах прозвучали выстрелы. В Москве эсерка Фанни Каплан тяжело ранила Ленина, в Петрограде эсер Леонид Каннегисер застрелил Моисея Урицкого, председателя местной ЧК.

В ответ на индивидуальный террор советская власть развернула террор системный, массовый. Большевики расстреливали тех, кого считали своими врагами, и прежде, но это происходило или в ходе подавления очередного мятежа, или по инициативе какого-нибудь особенно рьяного органа местной власти. Когда в июле, в условиях распада советской власти на Урале, было принято решение срочно, без суда, уничтожить всех арестованных членов царской семьи, чтоб их не освободили контрреволюционеры, это сделали тихо, без огласки, и впоследствии правительство даже свалило ответственность за казнь царя, царицы и их детей на местных большевиков.

Но теперь «красный террор» был провозглашен официально, постановлением Совнаркома, где говорилось, что «при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью». Органы ЧК производили повальные аресты «по классовому признаку». Согласно указу, расстрелу подлежали бывшие полицейские и члены враждебных режиму партий. Прочие потенциально опасные элементы должны были помещаться в концлагеря, но на деле расстреливали без разбора подряд всех «буржуев», кто попадался под руку чекистам. Это была не акция возмездия, а «профилактическая мера», смысл которой с предельной ясностью объяснил в газетной передовице один из главных советских вождей Григорий Зиновьев, полновластный диктатор Петрограда, где репрессии были особенно жестоки: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожать». Стоит ли удивляться, что те «остальные», кого большевики собрались уничтожить, повсеместно восстали против их власти?

Таким образом, главным инициатором гражданской войны являлась советская власть, спровоцировавшая всероссийскую кровавую бойню массовым террором, ограблением крестьянства и неспособностью наладить сколько-нибудь нормальную жизнь.

После того как в ноябре 1918 года из западных и южных областей эвакуировались немецкие и австро-венгерские войска, а на востоке отправились на родину большинство чехов, война приобрела внутренний характер: друг друга теперь истребляли соотечественники.

На восточном направлении уход чехов позволил Красной Армии добиться временных успехов, но сразу же возник новый мощный центр

сопротивления. 18 ноября 1918 года на смену правительству, состоявшему из членов Учредительного Собрания, в результате переворота пришли военные, которые объявили верховным правителем России адмирала Александра Колчака. Ответом на красную диктатуру стала белая диктатура.

У Колчака были сильные козыри. Во-первых, он обладал значительными денежными средствами, поскольку распоряжался «золотым запасом» империи, а во-вторых, мог получать вооружение и снабжение по Транссибирской магистрали — с Дальнего Востока, где базировались японские и американские союзники. Вместе с тем «восточный» белогвардейский лагерь имел серьезный гандикап: за Уралом обитал очень небольшой процент российского населения. Из-за этого у красных, черпавших мобилизационные ресурсы в центральных областях страны, всё время было значительное преимущество в силах.

Тем не менее ранней весной следующего 1919 года войска Колчака перешли в наступление и к началу лета дошли до Волги. Советское правительство объявило республику в опасности.

Другим оплотом белого движения стали казачьи земли Дона и Кубани. Эту проблему большевистская власть тоже создала себе сама. Как уже говорилось, в начале 1918 года ни Краснову, ни Корнилову не удалось привлечь в свои ряды основную массу казачества, уставшего от войны.

На Кубани, где не было немецких гарнизонов, бои не стихали на протяжении всего 1918 года и постепенно верх стали брать красные, потому что их вооруженными силами командовал талантливый полководец-небольшевик Иван Сорокин, из казачьих офицеров.

Иван Сорокин

В прошлом фельдшер, он храбро воевал в первую мировую, получил два георгиевских креста, выслужил четыре звездочки на погонах и оказался на стороне красных не из-за марксистских взглядов, а потому что воспринимал белогвардейских генералов как угрозу казачеству.

Весной восемнадцатого года именно ему принадлежала заслуга разгрома корниловского похода, а затем, уже во главе всех красных армий Северного Кавказа, главком Сорокин воевал на два фронта — и против белых, и против немцев.

В октябре, накануне германской капитуляции, когда угроза для Советов, казалось, ослабла, большевики решили прибрать к рукам властного и очень популярного в войсках полководца, который упорно не желал вступать в партию. Коммунисты опасались, не превратится ли Сорокин в нового Бонапарта. После короткой кровавой борьбы главком был арестован и на следующий же день убит.

Победив во внутренней сваре, советская власть проиграла битву за Кубань. Главный противник красного главкома Деникин напишет: «В лице фельдшера-самородка Советская Россия потеряла крупного военачальника».

Лишившись полководца, красные армии стали терпеть поражение за поражением и потеряли Северный Кавказ.

На Дону после ухода немцев московское правительство, обеспокоенное тем, что в этом зерновом регионе компактно проживает потенциально враждебное военное сословие, взяло курс на «расказачивание»: перераспределение земель в пользу «иногородних», изъятие хлебных запасов, разоружение рядовых казаков и истребление офицерских кадров. Репрессии привели к тому, что в марте 1919 года в красном тылу разразилось большое казачье восстание. Повстанцы соединились с Добровольческой армией, которой после гибели Корнилова командовал генерал-лейтенант Деникин, и превратили этот сравнительно небольшой контингент в грозную военную силу. Ситуация стала совсем скверной для Советов, когда кубанские и донские белые казаки начали действовать согласованно, признав Деникина главнокомандующим Вооруженными силами юга России.

В мае три деникинские армии — Добровольческая, Донская и Кавказская — перешли в наступление и нанесли красным войскам ряд тяжелых поражений.

Фронт начал стремительно откатываться к северу. К концу июня белые захватили Харьков, Екатеринослав и Царицын. Затем пал Киев. В начале осени передовые белогвардейские части достигли Орла. До Москвы оставалось меньше 400 километров.

На севере высадился английский десант, с помощью которого местные антисоветские силы еще в августе 1918 года свергли советскую власть и создали собственное правительство — как и Комуч,

поначалу демократическое, а затем военно-диктаторское, во главе с генерал-лейтенантом Евгением Миллером. До капитуляции Германии большевики считали северное направление наиболее опасным, так как британские войска легко могли дойти до Петрограда. Позднее к англичанам присоединились американские, французские, итальянские и сербские отряды. Совнаркому пришлось держать на этом направлении целую армию.

Попытку захватить Петроград, однако, белые предприняли не с севера, а с запада, из Эстонии. Генерал от инфантерии Николай Юденич, по дореволюционному званию самый высокопоставленный из четырех белых вождей 1919 года, собрал небольшую армию, состоявшую из добровольцев, и закрепился в Пскове. Затем, получив финансирование от Колчака, в несколько раз увеличил численность своей Северо-Западной армии и в октябре прорвал красную оборону. 20 октября войска Юденича вышли к окраинам Петрограда. Казалось, главный город страны вот-вот окажется в руках белых.

Таким образом, на протяжении 1919 года белые армии в основном наступали, а красные оборонялись.

Территория Советов сжималась с четырех сторон. В самый тяжелый для большевиков момент, в середине осени, власть Совнаркома сохранялась менее чем на одной десятой территории бывшей империи.

И всё же 1919 год стал переломным и предрешил победу большевиков в гражданской войне. Конец года представлял собой поочередный разгром трех белых наступлений: сначала на востоке, затем на западе и наконец на юге.

В июле, когда судьба восточного театра боевых действий еще не определилась, адмирал Колчак получил предложение от правителя Финляндии генерала Маннергейма, который был готов в обмен на признание независимости двинуть свою армию на Петроград. Это, вероятно, решило бы исход всей гражданской войны. Но Колчак был сторонником «неделимости» и отказался. Два месяца спустя разбитые колчаковские полки начали откатываться вглубь Сибири и таять. В конце концов адмирал попал в плен и был расстрелян.

Юденич, бивший красных в полевых сражениях, подойдя вплотную к Петрограду с его 200 тысячами рабочих, остановился —

белая армия имела всего 18 тысяч штыков. Восставать против большевиков в зачищенном «красным террором» городе было некому. Обращаясь к петроградским красноармейцам, Ленин писал: «Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения». Когда фактор «быстроты и наглости» исчерпал свои возможности, отчаянное предприятие провалилось.

Наибольшую угрозу для Советов представляло осеннее наступление на юге — армиям Деникина до Москвы идти было намного ближе, чем колчаковцам.

Положение красных стало отчаянным, когда в августе-сентябре казачий генерал Константин Мам́антов во главе крупного конного соединения (девять тысяч сабель) прорвал фронт и совершил рейд по советским тылам. Он громил красные гарнизоны и брал города, в том числе два губернских — Тамбов и Воронеж.

Эта операция разрушила коммуникации Красной армии и породила панику в Москве, но главной своей цели — вызвать в деревнях и городах антисоветское восстание — не достигла. Враждебность крестьян к белым была сильнее, чем недовольство большевиками. Теснимый со всех сторон мам́антовский корпус был вынужден вернуться в расположение Донской армии.

В момент самых напряженных боев, в октябре-ноябре, неосмотрительная политика «Особого совещания» (так называлось правительство Юга России) по отношению к крестьянам привела к роковым для контрреволюционного движения последствиям. В тылу у деникинцев разразилось мощное восстание под руководством народного вождя Нестора Махно. Он называл себя анархистом и не поддерживал большевиков, но еще хуже относился к белым, считая их заклятыми врагами крестьянства. «Главный наш враг, товарищи крестьяне, — Деникин, — писал в своем воззвании Махно. — Коммунисты — все же революционеры. С ними мы сможем рассчитаться потом».

«Революционная повстанческая армия Украины» имела 40 тысяч бойцов, была высокомобильна и, в отличие от белых, пользовалась поддержкой населения. Махновцы разорвали тыловые коммуникации

деникинцев, оттянули на себя часть войск, и это решило судьбу главного сражения между белыми и красными. Наступление захлебнулось, а потом превратилось в поспешный, местами беспорядочный отход. В конце 1919 года Вооруженные Силы Юга России были оттеснены в Крым и на Кубань.

К началу зимы победитель в гражданской войне определился, но это не означало, что кровопролитие закончилось.

Красные наступают (конец 1919 — конец 1920)

Залогом военной победы Советской власти стали успехи в наращивании армии. Численное преимущество всё время было на стороне красных и постоянно возрастало. В «Военном энциклопедическом словаре» приводятся следующие цифры: в первые месяцы существования Рабоче-Крестьянская Красная Армия имела менее 200 тысяч бойцов; полгода спустя — более полумиллиона; к концу 1919 года — три миллиона. Деникин же на пике наступления, осенью 1919 года, смог собрать 150 тысяч солдат. У Колчака в самые лучшие времена действующая армия насчитывала меньше 120 тысяч штыков и сабель.

На третьем этапе войны Красная армия повсюду наступала и побеждала. Белые отчаянно оборонялись, но повсюду проигрывали.

1920 год начался с довершения разгрома колчаковцев, остатки которых ушли далеко на восток: частью — в Маньчжурию, где в районе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) еще долго будет сохраняться рудимент «старорежимной» России, а частью — в Дальневосточную Республику, новое государство со столицей во Владивостоке. Это был компромисс между РСФСР и японским правительством. Обе стороны рассматривали ДВР как «буфер», позволяющий избегнуть прямой войны. Красные были недостаточно сильны, чтобы драться с японскими войсками, а правительству Японии приходилось считаться с настроениями в своей стране — там, как и в западной Европе, идея интервенции не имела общественной поддержки. Граница ДВР на западе проходила по Байкалу и от северного края озера тянулась до Охотского моря. Кроме того, Совнарком был вынужден смириться с существованием обособленного белогвардейско-японского анклава во Владивостоке.

На севере обошлось без больших боев. Иностранные войска просто покинули свои базы в Архангельске и Мурманске, после чего в феврале 1920 года туда вошли красные, не встретив серьезного сопротивления.

Труднее всего шло покорение южных регионов, где белых поддерживала значительная часть населения, прежде всего казачество. Соединения и подразделения разбитой армии Деникина отступали с упорными боями. Значительная часть деникинцев (уже бывших, поскольку сам Деникин подал в отставку) эвакуировалась в Крым и закрепилась там, пользуясь тем, что полуостров, соединенный с материком очень узким перешейком, можно было защищать небольшими силами. Там образовалось Правительство Юга России во главе с бывшим царским министром финансов, столыпинским соратником Александром Кривошеиным, но вся полнота власти принадлежала военному диктатору Петру Врангелю, менее консервативному, чем Деникин. Одним из первых своих указов барон Врангель пообещал передать землю «обрабатывающим ее хозяевам», то есть крестьянам, и посулил полную амнистию всем «заблудшим». Готов он был отказаться и от принципа «неделимости», предлагая суверенитет украинцам и кавказцам. В 1919 году подобная политика могла бы повернуть ход войны, но в 1920-м взывать к народу и национальным правительствам было уже поздно. Понимая, что из осажденного, изолированного Крыма ход событий не переломить, Врангель попробовал вырваться за пределы полуострова.

В начале лета его немногочисленные, но крепко сбитые полки даже добились определенных успехов, захватив Северную Таврию и высадив десант на кавказском побережье. Однако потеснить красных врангелевцам удалось только потому, что в это время основные силы советской армии были переброшены на польский фронт.

К этому времени РСФСР официально признала независимость трех бывших колоний: Финляндии, Эстонии и Польши. Еще несколько новых государств являлись независимыми de facto, но это не означало, что большевики готовы это терпеть. В 1920 году у них еще не хватало сил, чтобы восстановить контроль над потерянными территориями. Ограниченность ресурсов вынуждала Советы сконцентрировать свои усилия на тех направлениях, где задача представлялась более легкой или же обстоятельства требовали поторопиться.

Первым объектом нападения стала Азербайджанская Демократическая Республика. После ухода оттуда турецких войск в 1918 году и английских в 1919-ом небольшую страну раздирали национальные, социальные и политические конфликты, а неподалеку, на Северном Кавказе находилась советская 11-ая армия, преследовавшая разбитых белогвардейцев. Главным мотивом для Москвы стала потребность в бакинской нефти. Поэтому, несмотря на продолжающиеся боевые действия против врангелевцев и напряженные отношения с Польшей, советское правительство инициировало большевистское восстание в Баку и ввело в Азербайджан войска. Операция заняла всего три дня. Попытка сразу же подчинить и Армению, где в мае местные большевики тоже подняли мятеж, не удалась — в это время Совнаркому стало не до Закавказья. Началась большая война с Польшей.

Конфликт возник из-за того, что оба молодых государства, Советская Россия и возродившаяся Польша, претендовали на одну и ту же территорию: Украину и Беларусь. Польское правительство намеревалось восстановить исторические пределы Речи Посполитой, Москва — установить в западных регионах советскую власть. В 1919 году, пока красные воевали с Колчаком и Деникиным, польские войска захватили Беларусь. Украинская Народная Республика, оказавшаяся между трех огней (красные, деникинцы и поляки), прекратила свое существование. Киев был взят сначала белыми, потом красными.

Неминуемое военное столкновение между РСФСР и Польшей из-за спорных земель было отсрочено из-за того, что советская власть в конце осени 1919 года начала одерживать в гражданской войне победу за победой. Поляки вступили в переговоры, однако, увидев, что окончательно разгромить белых Советам не удается, решили воспользоваться ситуацией и нанести удар, пока основные силы Красной Армии сосредоточены в Таврии и на Кубани.

В конце апреля польская армия перешла в наступление и вскоре взяла Киев. Но командование РККА спешно перекинуло с востока подкрепления, обеспечило себе численное превосходство, и фронт покатился в обратном направлении.

Красные шли двумя клиньями — на Варшаву и на Львов. Пали Киев, Минск, Вильно, Брест-Литовск.

Когда под угрозой оказалась собственно польская территория, на помощь правительству маршала Пилсудского пришли страны Антанты, обеспокоенные быстротой, с которой большевистские «полчища» двигались вглубь Европы.

Беспокойство было небеспочвенным. Окрыленное успехами московское руководство уже планировало создать «Польскую Советскую Республику», а затем поднять социалистическую революцию в Германии и сразу же перейти к революции всемирной.

Главным идеологом красной экспансии был сам Ленин, веривший, что глобальное торжество марксистских идей не только неизбежно, но и вот-вот наступит.

Советско-польская война на плакатах того времени

Британский министр иностранных дел лорд Керзон от имени Антанты выдвинул ультиматум: если Красная армия не остановится на приграничной демаркационной линии, будут использованы «все средства, имеющиеся в распоряжении британского правительства и его союзников». Неопределенность этой формулировки и твердая

уверенность, что польские рабочие и крестьяне вот-вот восстанут против «белопанского» правительства побудили Москву ответить отказом.

Однако утопические мечты о мировой революции были разбиты реальностью: у поляков национально-патриотическое чувство оказалось сильнее классового. Перед угрозой вторжения они сплотились, а красноармейское командование в наступательном порыве растянуло свои коммуникации. В августовском сражении под Варшавой была разгромлена группировка Михаила Тухачевского, а группировка Александра Егорова (политкомиссаром при котором состоял Иосиф Сталин) потерпела поражение под Львовом. Десятки тысяч бойцов попали в плен, красные войска в беспорядке откатились назад. Война была проиграна.

По Рижскому мирному договору Советская Россия не только уступила области, которые ей готов был отдать лорд Керзон (Западную Украину и Западную Беларусь), но еще и выплатила из своей нищей казны 30 миллионов золотых рублей в виде репараций. Польский поход стал одной из самых тяжких ошибок Ленина, следствием его утопических фантазий.

В то же время Польша и страны Антанты «признали суверенитет» Украины и Беларуси, что означало для этих стран конец надежд на независимость, ведь там были размещены советские войска.

Прекращение военных действий позволило Москве уничтожить последний белый оплот на европейской территории страны — врангелевский Крым.

Переброшенные с польского фронта войска обеспечили Красной Армии пятикратное превосходство в силах. Врангель отступил из Северной Таврии на полуостров, под защиту Перекопских укреплений, но красные, не считаясь с потерями, прорвались через перешеек и одновременно форсировали мелководный залив Сиваш. После этого сопротивление утратило смысл. Началась массовая эвакуация белогвардейцев и гражданских — в Крыму скопилось множество людей, бежавших из Советской России. На кораблях удалось вывезти далеко не всех — не хватило мест. Около 150 тысяч человек уплыли, но многим пришлось сдаться на милость победителей. Милости не было. Большевики продолжали курс на уничтожение «враждебного

элемента», заданный двумя годами ранее, с началом «красного террора». Сдавшихся офицеров и просто подозрительных расстреливали без суда и следствия. Точное число жертв крымской расправы неизвестно, оно составило по разным оценкам от 50 до 120 тысяч человек.

Этой кровавой драмой завершилась основная фаза Гражданской войны. Теперь на европейской территории бывшей Российской империи повсеместно установилась советская власть.

Но держалась она пока непрочно.

Советская власть подавляет очаги сопротивления и восстанавливает контроль над окраинами (конец 1920 — конец 1922)

В 1921 году гражданская война приняла иной характер. На «внешних» фронтах крепнущая советская республика продолжала вести борьбу за возвращение отделившихся окраин, но самой ожесточенной стала война со вчерашними союзниками и сторонниками, принадлежавшими не к «эксплуататорским» классам, а к «трудовому народу».

Произошло три кровопролитных, ожесточенных внутренних конфликта.

Первый был самым скоротечным, но и самым опасным, поскольку разразился в непосредственной близости от Петрограда, «колыбели революции». Мятеж против коммунистического режима подняли те самые силы, которые три с лишним года назад привели Ленина к власти: матросы Балтийского флота — по выражению Троцкого, «краса и гордость революции».

Восстание вспыхнуло в Кронштадте, где базировалась эскадра, в конце февраля. Этому предшествовал массовый выход матросов из рядов коммунистической партии.

По завершении активной фазы боевых действий, с конца 1920 года, военнослужащие стали получать отпуска. Большинство моряков были крестьянского происхождения. Побывав в родных местах, они увидели, до какого бедственного состояния довела большевистская власть деревню. Еще хуже было положение в городах, сидевших на голодном пайке. В расположенном поблизости Петрограде всё активнее вели себя

рабочие, измученные лишениями и обозленные эксцессами «военного коммунизма».

Митинги, проходившие в экипажах и в самом Кронштадте, слились в единое движение. Комиссаров избивали и задерживали. Пятнадцать тысяч вооруженных матросов, защищенные крепостными укреплениями и орудиями боевых кораблей, представляли собой грозную силу, которая могла бы стать началом мощного антибольшевистского движения в уставшей от диктатуры стране. Для этого достаточно было взять Петроград.

Но, как всякое стихийно возникшее восстание, кронштадтский мятеж был хаотичен и не сразу принял сколько-то организованные формы. Пока матросы митинговали и обсуждали, как бы устроить «советы без коммунистов» (предлагалось, например, выселить из России всех евреев, потому что их так много среди политработников), большевики действовали.

Больше всего власти боялись, что к восстанию присоединятся петроградские рабочие, поэтому им срочно увеличили паек и сняли ограничение на выезд из города, после чего многие отправились в деревню к родным. Восстания в городе не произошло.

В Петроград прибыл лично Троцкий, начавший стягивать к берегу залива войска и поручивший командование над ними самому энергичному из красных полководцев Михаилу Тухачевскому.

Когда кронштадтцы отвергли ультиматум о капитуляции, начался штурм. Он был отбит с большими потерями для красноармейцев, но восстание было уже обречено — моряки упустили время. Если бы вскрылся лед, они могли бы бесконечно долго обороняться на острове под защитой кораблей, однако Троцкий быстро подтянул подкрепления, обеспечив Красной армии троекратное превосходство в силах. Командующий Тухачевский был сторонником новых способов ведения войны: он подверг крепость бомбардировке с воздуха. После второго кровавого штурма Кронштадт пал. Половина мятежников бежала по льду в Финляндию. Оставшиеся были частью расстреляны, частью отправлены в концлагеря. В общей сложности во время восстания и после него погибло около десяти тысяч человек.

Тем временем на юге, в степях Украины, советская власть воевала с «Революционной повстанческой армией» Нестора Махно.

Благодарности за помощь в борьбе с белогвардейцами махновцы не дождались. Большевики не могли позволить, чтобы рядом существовало столь крупное воинское соединение, не подчинявшееся партии. Махновцев попытались передислоцировать из Украины, чтобы оторвать от местного населения, а когда те не подчинились, главком Южного фронта Михаил Фрунзе издал приказ, в котором объявлял, что «ликвидация махновщины и вообще бандитизма на Украине является задачей первостепенной государственной важности». Именно так к решению «махновской проблемы» Реввоенсовет республики и отнесся. В войне с революционным, но небольшевистским крестьянским движением, каковым являлась так называемая «махновщина», приняли участие пять армий, которые целых полгода тщетно пытались окружить и ликвидировать повстанцев. Всякий раз Махно выскальзывал, набирал новых бойцов и наносил ответные удары. Лишь в середине лета, когда общее количество карательных войск достигло 350 тысяч штыков и сабель, в войне произошел перелом. Дело кончилось тем, что народный вождь увел остатки своих отрядов через Днестр в Румынию.

Одновременно шла еще одна крестьянская война — в российской глубинке. Недовольство продовольственной политикой большевиков было повсеместным, но по ряду причин в Тамбовской губернии дело дошло до взрыва.

Во-первых, здесь особенно свирепствовали продотряды, поскольку этот хлебородный край находился в относительной близости от Москвы; во-вторых, из-за отдаленности от фронтов красноармейские гарнизоны в городах были немногочисленны; в-третьих, в дремучих лесах укрылось множество дезертиров. Нашлись и деятельные предводители, без которых никакое массовое движение (вспомним Кронштадт) не может развернуться в полную ширь. На Тамбовщине они были: умелый организатор эсер Александр Антонов (по его имени восстание назовут «антоновщиной») и военный предводитель, бывший поручик Петр Токмаков.

Недовольство перешло в возмущение, когда осенью двадцатого, несмотря на неурожай, нормы изъятия зерна остались прежними. Сразу во многих местах произошли вооруженные столкновения — крестьяне нападали на продотряды. В начале зимы 1921 года Антонов и Токмаков сумели объединить разрозненные отряды сначала в одну, а затем в три

армии. Общее число повстанцев достигло 50 тысяч человек. Возникла угроза, что восстание перекинется на соседние губернии.

В Тамбов перебросили кронштадтского карателя Тухачевского, который собрал под своим командованием внушительные силы: 55 тысяч красноармейцев с бронепоездами, механизированными отрядами, авиацией. Но военное преимущество проблемы не решило. Терпя поражения в открытом бою, мятежники рассредоточивались, уходили в леса, и выбить их оттуда было невозможно. Тогда Тухачевский использовал тактику, которую большевики применяли и прежде: стал брать заложников, в том числе детей, устраивал в селах и деревнях показательные расстрелы.

К концу лета основные очаги сопротивления были подавлены. Токмаков пал в бою. Антонов ушел в подполье, долго скрывался, но год спустя всё же был выслежен и убит.

Нет сомнения, что восстания происходили бы и дальше — одними карательными мерами справиться с повсеместным недовольством основной части населения было бы невозможно, но в 1921 году, в значительной степени именно из-за настроений крестьянской среды, советское правительство отказалось от курса «военного коммунизма», и в жизни деревни наступило облегчение (об этом будет рассказано в следующей главе). Это и стало главным фактором внутриполитического успокоения.

В 1921 году РСФСР довела до конца покорение Закавказья и Средней Азии, имея теперь достаточное количество сил — к этому времени Красная Армия насчитывала пять с половиной миллионов бойцов.

Сразу после завоевания Крыма, в ноябре, большевики без труда установили свою власть в Армении, ослабленной войной с турками. Была провозглашена Армянская Советская Республика.

Независимая Грузия во время российской гражданской войны придерживалась нейтралитета и в мае 1920 года, пользуясь трудным положением Москвы из-за начавшейся польской войны, даже добилась заключения договора с РСФСР о признании границ. Однако для большевиков с их классовой моралью любые соглашения с «буржуазными правительствами» были пустой бумажкой. Как только ситуация изменилась, Советская Россия договор нарушила. Сделано это

было по уже отработанной схеме. Двое грузинов, членов ЦК — Иосиф Сталин и Серго Орджоникидзе — убеждали Ленина не церемониться. «Орджоникидзе при поддержке Сталина настаивал на немедленном вторжении Красной армии в Грузию, где восстание будто бы назрело», — пишет Троцкий, считавший, что интервенцию нужно отложить на более поздний срок. Ленин согласился со сторонниками нападения при условии, что те «ручаются за успех» и что советизация Грузии осуществится «при соблюдении международных норм». Последнее означало, что переворот должен иметь вид народной революции.

Так и было сделано. В середине февраля 1921 года большевистские элементы подняли мятеж и немедленно обратились к Советам за «пролетарской помощью». Стянутые к границам части Девятой и Одиннадцатой армий немедленно начали вторжение. Силы были несопоставимы. Уже 25 февраля Орджоникидзе отправил в Москву победную телеграмму: «Красное знамя советской власти реет над Тифлисом. Да здравствует Советская Грузия». Троцкий, которому неприятно признавать правоту своего политического врага Сталина, сухо констатирует: «Военная интервенция прошла вполне успешно и не вызвала международных осложнений» — Антанта смирилась с тем, что Закавказье полностью переходит под контроль Москвы.

Особенность ситуации в Средней Азии заключалась в том, что из-за удаленности красноармейские части отсюда не перебрасывались на борьбу с Врангелем и поляками, поэтому на протяжении 1920 года советский Туркестанский фронт вел активные боевые действия.

Вторым отличием было то, что гражданская война здесь являлась не вполне гражданской: она шла в основном не между «красными» и «белыми», а между советскими войсками и национальными армиями двух бывших царских протекторатов — Хивинского ханства и Бухарского эмирата.

Небольшое хивинское государство (800 тысяч населения) Красная Армия завоевала довольно легко, провозгласив там «Хорезмскую Народную Советскую Республику» еще в апреле 1920 года. С Бухарой (три с половиной миллиона) пришлось воевать в несколько этапов.

Схема была та же, которую применили в Грузии. Сначала, весной 1920 года, командующий Туркестанским фронтом Михаил Фрунзе

заверил правительство эмира, что советская власть «в величайшей степени заинтересована в территориальной неприкосновенности Бухары». Но в августе красные агенты организовали в одной из бухарских провинций беспорядки и сразу же обратились к Фрунзе за «революционной братской помощью», которая немедленно была оказана. Войска Красной Армии за неделю взяли Бухару и оккупировали равнинную часть страны, но эмир отступил на восток, в горы, и довершить дело не удалось. Самого Михаила Фрунзе, одного из лучших советских полководцев, срочно перевели на запад — добивать Врангеля.

Поэтому война продолжилась в 1921 году. Советские войска предприняли несколько карательных экспедиций и вытеснили бухарские отряды за границу, но поскольку понятие «граница» в этих глухих местах было условным, в следующем 1922 году война разгорелась с новой силой. Упорные бои в восточнобухарских областях длились до конца лета, но и после того, как Красная Армия подавила организованное сопротивление, большевистская власть в этом регионе долгое время держалась непрочно. Еще несколько лет в Средней Азии продолжалось антисоветское, а по сути антиколониальное партизанское движение — так называемое «басмачество».

Последним эпизодом почти пятилетней гражданской войны стало покорение Дальнего Востока.

Японские войска во Владивостоке

В Дальневосточной республике, декларировавшей многопартийность, власть фактически принадлежала большевикам, но в главном городе края Владивостоке и в Приамурье белогвардейцы при поддержке японцев истребили местных коммунистов и учредили собственное правительство. Созданная им армия осенью 1921 года напала на ДВР и взяла Хабаровск. Но в одиночку, без японцев, противостоять советским войскам владивостокские «белоповстанцы» (как их называли) не могли, а японское командование ограничивалось материальной поддержкой.

Дело в том, что токийское правительство находилось под двойным давлением: внутри страны ширилось антивоенное движение, а на внешнеполитическом уровне на Японию давили великие державы, опасавшиеся усиления этой военной империи в китайско-тихоокеанском регионе.

В результате японские войска в сентябре 1922 года были эвакуированы. После этого падение владивостокского правительства было вопросом времени. В октябре «Белоповстанческая армия» потерпела несколько поражений, и Владивосток был сдан.

Теперь сохранять декоративную ДВР стало незачем. В ноябре «буферная республика» сама попросила принять ее в состав РСФСР, и назавтра же, 15 ноября 1922 года, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял соответствующее постановление. Этот день обычно считают датой окончания гражданской войны.

Ее не столько выиграли красные, сколько проиграли белые. С исторической дистанции трудно избежать ощущения, что кровавая сага российского взаимоистребления представляла собой состязание: какая из сторон совершит больше ошибок. На этом поприще белые и их союзники проявили себя еще хуже, чем большевики. Те по крайней мере со временем научились корректировать свою политику и, несмотря на эпизодические внутренние раздоры, никогда не теряли единства. Его обеспечивали монолитная партия, созданная Лениным, и централизованное управление вооруженными силами во главе с Троцким. Белые же так и не наладили координацию своих действий. Это позволяло Советам перекидывать войска и ресурсы с одного фронта на другой. Летний лозунг 1919 года «Все на борьбу с Колчаком!» как только колчаковское наступление выдохлось сменился осенним лозунгом «Все на борьбу с Деникиным!» — и красные эшелоны устремились на юг, задавив «добровольцев» и белоказаков численным преимуществом.

Военный разгром был определен не только и не столько численной слабостью белых, сколько полным провалом их внутренней и внешней политики.

Никаких лозунгов, притягательных для основной массы населения, белые не выдвигали. Они не обещали оставить землю крестьянам, которые в результате из двух зол предпочли меньшее — красных. В самый отчаянный момент войны, в сентябре 1919 года, смелый рейд Мамантова, дойдя до враждебной большевикам Тамбовщины, так и не получил поддержки от тамошних крестьян и «зеленых».

На занятых территориях колчаковцы и деникинцы вели себя так же жестоко, как большевики. Белый террор был не лучше красного, просто каратели в погонах чаще вешали, чем расстреливали. Установка на восстановление территориальной целостности («единой и неделимой России») не позволила белым армиям заключить союз с новыми антибольшевистскими государствами. Деникин не договорился с петлюровской Директорией. Юденич потерпел поражение у

Петрограда, потому что, как и Колчак, не получил помощи от Финляндии, с подозрением относившейся к белому реваншизму.

Внутриполитическую слабость антисоветского лагеря могло бы компенсировать активное военное вмешательство Антанты, но такового не произошло по двум причинам. Во-первых, уставшие от войны солдаты не хотели участвовать в новых боях на чужой земле непонятно за что — и очень охотно поддавались большевистской агитации. Во-вторых, представители союзного командования видели, как плохо ладят между собой белые вожди, и не испытывали ни к одному из них доверия. Весной 1919 года Франция, главная из военных держав Антанты, поначалу перекинувшая в черноморский регион значительные силы, решила эвакуировать оттуда свои войска. Собственно говоря, уже в этот момент предопределился исход гражданской войны.

Американцы с самого начала старательно подчеркивали нейтралитет. Британия не собиралась жертвовать жизнями своих солдат, ограничиваясь материальной помощью. Драться были готовы только японцы, отправившие в Сибирь самый крупный экспедиционный корпус (70 000 солдат), но их интересовал лишь дальневосточный регион, идти на Москву они не собирались. Когда же и этот, последний иностранный контингент вышел из борьбы, она завершилась.

Вряд ли можно сказать, что народ предпочел красных, но он точно не выбрал белых. Век спустя, зная последующую историю, мы понимаем, что из двух зол страна избрала худшее, но в начале двадцатых многим казалось: все жертвы и лишения были не напрасны. Установилась новая жизнь. Кто был ничем, тот станет всем.

Однако, прежде чем перейти к описанию эпохи залечивания ран и послевоенного восстановления, отойдем на время от логически-схематичного принципа изложения. Посмотрим, что за люди определили судьбу гражданской войны, а вместе с нею и всего последующего течения российской истории. Особенное время выдвинуло много особенных личностей — в последующие годы таких уже не будет.

ГЛАВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(Вставная глава)

Разрушение государства всегда выбрасывает на поверхность множество ярких фигур — тех самых, которые двигают историю. Как тремя веками ранее, во времена Смуты, во главе движений, правительств, армий оказались сильные, энергичные люди, оставившие след в истории. Возьму по десять ключевых имен с каждой стороны и расположу их в порядке исторической важности.

Советский лагерь

Сразу оговорюсь, что Ленина и Троцкого, политического и военного вождей РСФСР, я в список не включаю — о них уже было и еще будет многое сказано. Но историческая «иерархия» остальных советских предводителей, установившаяся еще в довоенный период, очень сильно искажена. Она плохо отражает реальность — и сделано это было намеренно.

Иосиф Сталин активно переписывал недавнюю историю: возвеличивал собственную роль, продвигал своих соратников, вымарывал имена врагов. Массовая культура — кино, литература, изобразительное искусство — усердно обслуживали этот заказ. Поскольку Сталин во время гражданской войны занимал посты второстепенные, требовалось пригасить значение всех вождей более высокого ранга (главкомов, командующих фронтами). Из них были оставлены лишь те, кто к тому времени уже умер: Свердлов, Дзержинский, Фрунзе. Зато в галерею главных полководцев и героев попали военачальники относительно невысокого звена: командарм Буденный, член армейского Реввоенсовета Ворошилов, комдивы Чапаев и Щорс, комбриг Котовский и так далее.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» дается следующий перечень политических деятелей, которые привели Красную Армию к победе (и именно в таком, явно неслучайном порядке): Ленин, Сталин, Молотов, Калинин, Свердлов, Каганович, Орджоникидзе, Киров, Куйбышев,

Микоян, Жданов, Андреев, Петровский, Ярославский, Дзержинский, Щаденко, Мехлис, Хрущев, Шверник, Шкирятов. Примечательно, что даже Дзержинский оказался лишь на 15 месте, много ниже Кагановича и Микояна.

Некоторые вычеркнутые из истории «враги народа» во времена хрущевской Оттепели вернулись в учебники, но общая картина всё равно сильно искажена. Попытаюсь исправить эту несправедливость.

Огромную роль в победе Красной Армии — не меньшую, чем Троцкий — сыграл его заместитель в Реввоенсовете Республики **Эфраим Склянский** (1892–1925), истинный создатель советских вооруженных сил и участник, а нередко и инициатор всех основных военных решений.

Троцкий постоянно разъезжал по фронтам и часто отсутствовал; его помощник всё время был на месте, подле Ленина. Тот полностью доверял этому неутомимому, всезнающему работнику, которого прозвали «машиной». Считается, что большинство ленинских телеграмм, отправленных командующим фронтами и армиями в критические моменты войны, составлены Склянским — Ленин их только подписывал. «Владимир Ильич звонил Склянскому, или, наоборот, Склянский звонил Владимиру Ильичу. Склянский составлял телеграмму, Владимир Ильич поправлял и подписывал, и телеграмма свое действие на месте производила безошибочно», — рассказывает Троцкий, который называет своего заместителя «человеком

исключительным». Луначарский пишет, что это «один из центральных мозговых узлов огромного организма».

Склянский обладал выдающимися способностями и всюду оказывался среди первых. Гимназию он окончил с золотой медалью, медицинский факультет университета с отличием, после февральской революции его — военного врача, офицера, да к тому же еще и еврея — солдаты выбрали председателем сначала дивизионного, а потом и армейского комитета. Внимание Троцкого молодой человек привлек своей распорядительностью во время октябрьского переворота и с тех пор стал ближайшим сотрудником вождя. С марта 1918 года двадцатипятилетний Склянский занимался строительством Красной Армии, и все основные достижения — привлечение «военспецов», мобилизационная система, логистика управления — основывались на его идеях. Он работал по 18 часов в сутки, год за годом.

Командарм Буденный в своих мемуарах простодушно проговаривается о тогдашнем положении Сталина, когда описывает их совместный визит к всемогущему зампреду в 1920 году: «Мы доложили Склянскому о недавнем заседании Реввоенсовета армии, о выводах, к каким пришел Реввоенсовет. Склянский одобрил наши рекомендации, чему, конечно, мы были очень рады». Сталинский секретарь Бажанов уже в двадцатые годы пишет: «Сталин ненавидит Склянского (который во все время гражданской войны преследовал и цукал Сталина) больше, чем Троцкого».

Когда после смерти Ленина в большевистском руководстве начнется борьба за власть, первое, что сделает Сталин — добьется отставки Склянского и настоит на отправке его подальше за границу, в Америку. Там Склянский вскоре погибнет при весьма подозрительных обстоятельствах (утонул в озере). Без своего надежного помощника Троцкий долго не продержится.

Из невоенных вождей на первое место следует поставить председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета **Якова Свердлова** (1885–1919), то есть формально главу советского государства, президента, при котором Ленин являлся премьер-министром. Пока жил Свердлов, должность председателя ВЦИК имела первостепенное значение — это был тот случай, когда «человек красит место»; потом, когда «место» досталось тусклому Калинину, оно превратилось в декорацию.

Высший в республике пост 32-летний Свердлов занял сразу после Октября — по настоянию Ленина, в орбиту которого попал совсем недавно, всего полгода назад. Недоучившийся гимназист, опытный подпольщик, ветеран тюрем и ссылок, Свердлов заслужил доверие вождя исключительными организаторскими качествами и редкостной работоспособностью. Вскоре он стал ведать расстановкой партийных кадров и координацией связей между ЦК и периферийными комитетами. По всем вопросам, во всех дискуссиях этот человек держался ленинской позиции. Одним словом, у Троцкого был Склянский, а у Ленина — Свердлов.

После июльского фиаско Свердлов устроил переход Ленина на нелегальное положение и в дальнейшем был связным между Разливом и Петроградом. Руководитель ВЦИКа был сторонником самой жесткой линии, враги прозвали его «черным дьяволом» — и не только за всегдашнюю черную кожаную тужурку. Он стал одним из инициаторов

разгона Учредительного Собрания. Считается, что именно Свердлов отдал распоряжение екатеринбургскому большевику Голощекину уничтожить царскую семью (и Екатеринбург впоследствии получил имя Свердловск). «Красный террор», объявленный после эсеровских терактов, тоже был введен Свердловым, который после ранения Ленина исполнял должность председателя Совнаркома и должен был остаться на ней, если бы вождь не выздоровел.

Судьба, однако, распорядилась иначе. Ленин поправился, а его предполагаемый преемник в марте 1919 года умер от испанки. Если бы этого не произошло, этот том, вероятно, назывался бы «Ленинско-свердловская эпоха».

После смерти Свердлова ключевой фигурой советского тыла и главным невоенным помощником Ленина сделался **Феликс Дзержинский** (1877–1926), создатель системы насилия и страха, обязательной для всякого диктаторского режима.

Дзержинский начинал как активист польско-литовского марксистского движения и долгое время воспринимался как «национальный элемент», представитель польской социал-демократии. В гимназии у Феликса по русскому был «неуд», до конца жизни он говорил с акцентом, а писал с ошибками. В отличие от Ленина и Троцкого, это был настоящий, многолетний тюремный «сиделец», к моменту революции проведший за решеткой треть своей взрослой жизни. От каторги его освободил только Февраль.

В момент октябрьского переворота Дзержинский не входил в большевистскую верхушку. Его взлет начался только в декабре 1917 года, когда Ленин поручил вчерашнему каторжанину возглавить временный (как предполагалось) орган по борьбе с саботажем — Чрезвычайную комиссию. Эта организация, много раз менявшая название, переживет все другие советские государственные учреждения. Она станет хребтом тоталитарного государства.

Подобно военному руководителю Склянскому, Дзержинский был безжалостен к себе и неутомим. Его тоже называли «машиной», а Роман Гуль окрестил «думающей гильотиной». Он пишет: «Самостоятельность мысли в Дзержинском отсутствовала. Его ум ограничен, знания брошюрочны, росшее в тюрьме мышление безжизненно и только сектантски-искривленная душа сильна тупой верой в непреложную святость партийной программы. До 1917 года за эту программу он отдавал свою жизнь, а с 1917 года начал отдавать чужие».

Все отмечают в Феликсе Эдмундовиче искренность убеждений, цельность натуры, железную волю, аскетизм. На философа Николая Бердяева, которого глава ЧК лично допрашивал (и не расстрелял, а выслал из страны) Дзержинский произвел впечатление «человека вполне убежденного и искреннего». «Думаю, он не был плохим человеком и даже по природе не был человеком жестоким. Это был фанатик. По его глазам он производил впечатление человека одержимого. В нем было что-то жуткое».

Современный британский исследователь Дональд Рейфилд рассказывает о Дзержинском так: «В отличие от Сталина, Дзержинский был педантически строг. Он выбросил блины, приготовленные сестрой, только потому, что она купила муку у спекулянта; уволил племянницу и того человека, который дал ей работу на железной дороге, за то, что она злоупотребила их фамилией. Только раз в жизни он посетил выставку картин — и в ужасе убежал, прикрыв лицо руками. На концертах он не бывал, и его единственным чтением были марксистские трактаты и романтическая польская лирика. Единственным фильмом, который он посмотрел, была заказанная им самим лента о похоронах Ленина. Своего сына он отдал на воспитание в рабочую семью, «где легче сохранить и обогатить душу». Любовь, красоту, правду он видел только в своей работе».

Фанатичная страстность являлась органичной чертой этой натуры. В юности Феликс был истовым католиком, собирался стать ксендзом. Потом так же пламенно уверовал в революцию и стал ее «великим инквизитором».

При этом советскую спецслужбу Дзержинский создавал безо всяких романтико-революционных экспериментов, используя опыт царской Охранки, налаженную работу которой знал по своему

арестантскому опыту. ЧК воспроизвела организационную структуру Охранного отделения и его оперативные методы, позаимствовала массовое использование «сексотов» (секретных сотрудников) и тактику провокаций. Однако «Чрезвычайка» была несравненно могущественней царской тайной полиции, поскольку в период «красного террора» кроме следственно-карательно-информационных полномочий получила еще и права инстанции, выносящей приговоры. К началу двадцатых годов, то есть всего пятилетие спустя, организацию Дзержинского уже считали самой действенной спецслужбой мира. При этом формально Феликс Эдмундович так и не вошел в высший партийный орган, лишь незадолго до смерти получив статус кандидата в члены Политбюро. Это объяснялось большевистским ханжеством, нежеланием выпячивать роль спецслужб в управлении государством.

Итак, в число большевистских вождей Дзержинский не входил. Их во время гражданской войны (после смерти Свердлова), собственно, было трое: Ленин, Троцкий и сразу вслед за ними — как в партийной иерархии, так и в массовом восприятии — **Григорий Зиновьев** (1883–1936). Почти все современники и историки, отдавая дань (иногда неохотно) выдающимся способностям первых двух вождей, третьего оценивали скептически, а то и просто негативно. Единственное, что отмечают — ораторское искусство, очень важное на митинговой фазе революции и малосущественное на диктаторской. Высокое положение Зиновьева объяснялось исключительно расположением Ленина. Это был самый давний соратник руководителя Советского государства, его «оруженосец».

Все большевистские лидеры высшего уровня происходили из более или менее обеспеченных семей (за исключением Сталина, но тот в описываемый период еще не был лидером). Не являлся исключением и Григорий Евсеевич Апфельбаум («Зиновьев» — партийный псевдоним). Он прилепился к Ленину с юности, с двадцатилетнего возраста, и впоследствии почти всё время находился близ «Ильича»: и в эмиграции, и в «пломбированном вагоне», и в лесном шалаше у станции Разлив, и во время октябрьских событий. Еще с III съезда РСДРП (1905 г.) Зиновьев состоял в ЦК, на выборах в Учредительное собрание он шел в партийном списке вторым номером. Низовые партийцы так его и воспринимали: «большевик № 2» (Троцкому многие не могли забыть, что он стал ленинцем только в 1917 году).

Даже эпизодическое фрондирование, которое позволял себе «оруженосец» по отношению к Ленину (например, перед переворотом, когда он вдвоем со Львом Каменевым публично выступил против курса вождя), не подорвали позиций Зиновьева. Сразу же после установления советской власти он получил важнейшее задание: править Петроградом, который и после переноса столицы в Москву оставался главным городом страны. Зиновьев стал председателем «Совнаркома Северной Коммуны» и абсолютным диктатором с неограниченными полномочиями. В начале сентября 1918 года, после покушения Фанни Каплан, Зиновьев проводил в Петрограде «красный террор» с неистовой жестокостью. Не в последнюю очередь потому что он конкурировал со Свердловым за место ленинского преемника и демонстрировал таким образом свои лидерские качества. У Зиновьева имелись серьезные основания рассчитывать на первенство, поскольку с весны 1919 года он еще и возглавлял исполком Коммунистического Интернационала, то есть руководил пролетарским движением в мировом масштабе. Для многих зарубежных коммунистов «вождь Коминтерна» был фигурой даже более значительной, чем вождь Советской России.

В качестве военного руководителя Зиновьев никуда не годился. Когда осенью 1919 года к Петрограду рвался Юденич, спасать «колыбель революции» пришлось Троцкому. Зато Григорий Евсеевич был активен в закулисных интригах. Это его качество сыграет важную роль в борьбе за власть, которая развернется после смерти Ленина.

Остальные позиции в «советской десятке» занимают полководцы, которые привели Красную Армию к победе.

Первым главнокомандующим вооруженными силами РСФСР стал **Иоаким Вацетис** (1873–1938), кадровый офицер, выпускник академии генштаба, к моменту октябрьского переворота командовавший латышским стрелковым полком. На стороне советской власти оказалось немало бывших военачальников гораздо более высокого ранга (да и известности), но в сентябре 1918 года, при учреждении должности главкома Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Троцкий выбрал именно Вацетиса, хотя тот не отличался полководческими талантами.

Однако для правительства тогда, после левоэсеровского восстания, после мятежа командующего Восточным фронтом Муравьева, после покушения на Ленина, важнее всего была лояльность, которую Вацетис незадолго перед тем продемонстрировал.

Дело в том, что после Октября бывший полковник возглавил дивизию латышских стрелков, являвшихся единственным боеспособным формированием слабой Красной армии. В июле 1918 года, когда левые эсеры попытались устроить переворот, стрелки Вацетиса спасли большевиков от поражения.

Через несколько дней после этого Вацетис получил командование Восточным фронтом вместо убитого мятежника Муравьева, а вскоре и

пост главнокомандующего.

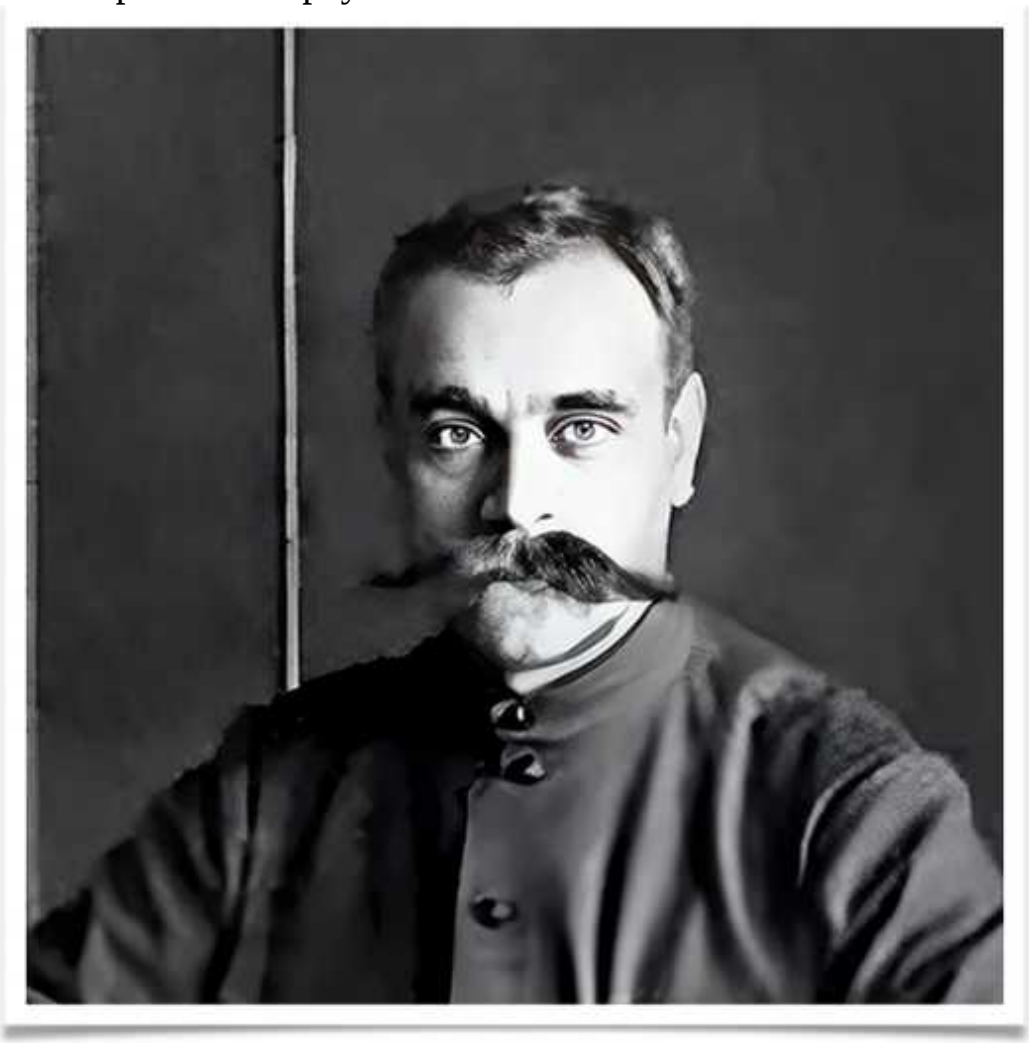
В этом качестве он ничем особенно не блистал, почти не покидал кабинета и занимался в основном организационными вопросами, но на этапе создания регулярной армии они, собственно, и были самыми важными. В оперативно-стратегических вопросах Вацетис во всем подчинялся председателю Реввоенсовета Троцкому.

Почти целый год Иоаким Вацетис являлся высшим военным руководителем Красной армии. Один из ведущих «военспецов», генерал-лейтенант Снесарев, пишет про своего начальника: «Он ординарен до крайности, мысли его простоваты, разумны, если угодно, но и только». Впрочем ординарность и разумность уравновешивали порывистость и дилетантизм Троцкого.

Скромных достоинств Вацетиса, однако, стало недостаточно, когда в начале лета 1919 года военная обстановка резко ухудшилась. Поражения на колчаковском и деникинском фронтах, а также переход на сторону белых целого ряда «военспецов» породили в советском лагере шпиономанию, да и, как обычно в такой ситуации, возникла потребность найти «козла отпущения». Вацетиса обвинили в измене, арестовали. Никаких доказательств вины не обнаружили (их и не могло быть), но впоследствии его держали только на третьестепенных должностях.

На смену лояльному, но не хватающему с неба звезд Вацетису главкомом назначили другого полковника-генштабиста — **Сергея Каменева** (1881–1936). Как и предшественник, он не был мобилизованным «военспецом», а вступил в Красную Армию добровольно. Летом 1919 года, командуя Восточным фронтом, Каменев сумел переломить ситуацию и после ареста Вацетиса (с которым не ладил) сменил его на высшем посту. Это опять был главнокомандующий, удобный Троцкому, поскольку не претендовал на первенство. В стратегическом отношении Каменев стоял выше Вацетиса — как пишет Троцкий, «отличался оптимизмом, быстротой стратегического воображения», однако, будучи беспартийным, чувствовал себя на своей должности не слишком уверенно. Иногда это приводило к серьезным ошибкам — Каменев не всегда осмеливался настоять на своем. По отзыву того же Троцкого (одобрительному), главком «легко поддавался влиянию работавших с ним коммунистов». Те, кто не считал это качество похвальным, прозвали Каменева

«человеком с большими усами и маленькими способностями». Поражение в польской войне 1920 года в значительной степени произошло из-за того, что разработчик наступательной операции Каменев не сумел отстоять свой стратегический план, поддался давлению партийной верхушки.



И все же именно под командованием Каменева Красная армия в 1919 году выдержала натиск белых армий на востоке, юге и западе, а затем повсюду перешла в наступление. Этому же полководцу принадлежит заслуга побед в Крыму, Туркестане и на Дальнем Востоке.

Пост главнокомандующего вооруженными силами республики Каменев будет занимать до 1924 года, и Сталину потом придется немало потрудиться, чтобы вычеркнуть это громкое имя из истории. Сергей Сергеевич Каменев — единственный из крупных полководцев

Гражданской войны, кого объявят «врагом народа» уже посмертно (ему повезло умереть своей смертью накануне Большого Террора).

Из высшего комсостава следующего звена, командующих фронтами (это список довольно длинный — больше 20 имен) ярче всего проявили себя четверо.

Во-первых, еще один полковник царской армии — **Владимир Гиттис** (1881–1938), впоследствии начисто исчезнувший из официальной истории, а если и поминавшийся, то как скрытый вредитель. Подобно Вацетису с Каменевым, он добровольно вступил в Красную армию, весной 1918 года разбил на Дону отряды генерала Краснова.

Я ставлю Гиттиса на первое место среди комфронтами, потому что он занимал эту высокую должность намного дольше, чем кто бы то ни было — с января 1919 до мая 1921 года — и неоднократно оказывался в центре самых важных военных событий.

Это был человек большой личной храбрости, георгиевский кавалер, но главным его достоинством были выдающиеся организаторские качества. Получая под начало плохо дисциплинированные, разболтанные войска, Гиттис умел приводить их в состояние боевой готовности. Например, в период командования Западным фронтом (июль 1919 — апрель 1920), самым слабым и неукомплектованным, Гиттис не только навел там порядок, но и стал помогать резервами другим фронтам, а осенью 1919 года под его непосредственным руководством Красная армия отбила наступление Деникина.

В 1920–1921 в качестве командующего Кавказским фронтом Гиттис оперативно и гладко провел операцию по советизации Закавказья.

Он не был коммунистом, но ни в чем не отступал от партийной линии. В бытность командующим Южным фронтом, в феврале 1919 года, Гиттис подписал один из самых чудовищных приказов по «расказачиванию», где в частности предписывалось «обнаруживать и немедленно расстреливать всех без исключения казаков, занимавших служебные должности по выборам» (то есть фактически всех казаков, пользовавшихся у станичников авторитетом), а в конце перечня потенциальных врагов, под пунктом «е») значилось: «всех без исключения богатых казаков».

Одним словом, несмотря на старорежимную внешность, это был образцовый красный командир, исполнительный и безжалостный.

Александр Егоров (1883–1939) тоже был полковником старой армии, но, в отличие от Вацетиса, Каменева и Гиттиса, стремился не только к военной, но и к политической карьере.

Сразу после Февраля, когда ведущей силой считались эсеры, он стал членом этой партии, а после октябрьского переворота перешел в большевики. Был одним из создателей Красной Армии, где поначалу состоял на оргработе — вербовал на службу бывших офицеров, что свидетельствовало о высокой степени доверия со стороны советского руководства.

На втором этапе гражданской войны, в 1919 году, Егоров командовал армиями, и не всегда удачно, но в октябре, когда войска Деникина рвались к Москве, в Орловско-Кромском сражении, поворотном для всей войны, нанес белым поражение. Будущий маршал Семен Буденный, в то время подчиненный Егорова, а впоследствии куда более прославленный «герой гражданской войны», потом писал про своего начальника: «Мне нравилось, что он держится скромно, не щеголяя своей образованностью, как это нередко делали бывшие офицеры. Особенно меня подкупала его смелость в бою, то, что он, командующий армией, когда это необходимо, ходил в атаку вместе с красноармейцами».

После успеха в боях с деникинцами Егоров возглавил Юго-Западный фронт, обращенный против поляков и, наряду с Тухачевским, руководил боевыми действиями в этой неудачной для Советов войне. Он вел наступление на Львов, не сумел взять город и в беспорядке отступил. Потом командующие обоими фронтами будут сваливать вину

друг на друга, но у Егорова членом военного совета был Иосиф Сталин, так что со временем будет официально признана правота «львовцев». Близость к Сталину станет главным мотором послевоенной большой карьеры Егорова, она же его и погубит. В конце концов Вождю, переписывавшему историю, захочется избавиться от полководца, при котором он всего лишь состоял политкомиссаром. Поколебавшись (с первого раза вычеркнув Егорова из расстрельного списка) Сталин потом перестанет сентиментальничать и все-таки отправит бывшего соратника на смерть. Маршала казнят 23 февраля, в день той самой армии, которую он когда-то создавал.

Единственный комфронта, чье имя сохранится в сталинском пантеоне, **Михаил Фрунзе** (1885–1925), вошел в число важнейших военачальников довольно поздно, поскольку не имел военного образования и опыта.

В самом высшем эшелоне красных полководцев только Фрунзе не принадлежал к офицерству.

Девятнадцатилетним студентом он участвовал в трагической манифестации 9 января 1905 года, был там ранен и с тех пор посвятил всю свою жизнь борьбе с самодержавием. Активный участник событий «первой русской революции», он создавал рабочие советы и боевые дружины, получил смертный приговор, замененный на каторгу, провел несколько лет в тюрьмах и ссылках, бежал, скрывался в подполье — одним словом, это был заслуженный ветеран большевистской партии, но отнюдь не военный. Поэтому весь 1918 год Фрунзе находился на тыловой советской работе и попал на фронт лишь в следующем году.

Там, в борьбе с Колчаком, у Фрунзе обнаружились незаурядные полководческие способности, и он, будучи для власти «своим», сделал головокружительную карьеру. Уже через месяц он командует армейской группой, а затем и всем Восточным фронтом.

Правда, вскоре его перебросили на менее важный Туркестанский фронт и Колчака разобьет Владимир Ольдерогге, генштабовский военспец и будущий «враг народа», вычищенный из официальной истории. Фрунзе же, одержав скромную победу над войсками эмира бухарского, осенью 1920 года был назначен командовать врангелевским фронтом. Операция по штурму полуострова-крепости Крым — очень сложная и блестяще проведенная — стала главным достижением красного полководца, но пятном на его репутации осталась расправа над сдавшимися в плен врангелевцами.

После крымской кампании Фрунзе участвовал в войне совсем иного рода — против партизанской армии Нестора Махно, и, несмотря на огромное численное превосходство, добился победы очень нескоро, после многих месяцев упорной борьбы.

Как «полководец-большевик» (а не «полководец-военспец») Фрунзе находился в уникальном положении — он не являлся креатурой Троцкого, который признавал Михаила Васильевича «серьезной фигурой» и отдавал должное его «партийному авторитету», однако пренебрежительно пишет, что товарища Фрунзе «увлекали абстрактные схемы, он плохо разбирался в людях и легко подпадал под влияние специалистов, преимущественно второстепенных». Противостояние между наркомом и главным «партийным полководцем» сыграет важную роль в борьбе за власть после смерти Ленина.

Последний в десятке ведущих советских деятелей Гражданской войны — **Михаил Тухачевский** (1893–1937). Прежде он не командовал крупными воинскими контингентами, поскольку в царской армии дослужился только до подпоручика. Бóльшую часть мировой войны провел в германском плену, откуда бежал (с пятой попытки) и вернулся на родину кружным путем, через Швейцарию, Францию и Англию, только осенью 1917 года. В Красную армию молодой офицер вступил в первые же дни, сразу после этого стал членом партии, поэтому военспецом не считался. Уже в августе его назначили командующим только что образованной Первой армией, брошенной против белочехов.

В течение следующих полутора лет Тухачевский с переменным успехом (бывали у него и поражения) сражался то на востоке, то на юге, то снова на востоке.

Слава пришла к нему летом 1919 года, когда V армия Тухачевского (в ней состояла дивизия знаменитого Василия Чапаева) одержала несколько громких побед над колчаковцами. После этого Тухачевский пошел вверх. В начале 1920 года он уже командующий Кавказским фронтом, который должен был завершить разгром отступающей Добровольческой армии. С этой задачей Тухачевский успешно справился и тут же, буквально через несколько дней, был переведен на должность командующего Западным фронтом — тот становился главным направлением военных усилий республики, поскольку назревала война с Польшей.

Тяжелое поражение под Варшавой несколько испортило послужной список Тухачевского и в дальнейшем он считался «вторым после Фрунзе», крымского победителя.

В конце гражданской войны Тухачевский уже командует не фронтами, а армиями, причем карательными. В марте 1921 года заливает кровью Кронштадтский мятеж, затем подавляет крестьянское восстание Антонова. В обоих случаях действует решительно и безжалостно, причем на Тамбовщине даже приказывает использовать против лесных партизан химическое оружие (в ту пору, правда, еще не запрещенное).

Из десяти вышеперечисленных «звезд первой величины» ни один не дожил до старости и только трое удостоились почетных мест в советских учебниках истории: Свердлов, Дзержинский и Фрунзе. Посмертная слава, хоть и с большим опозданием, уже в хрущевскую «оттепель», досталась из всех «вычеркнутых» только Тухачевскому — не в последнюю очередь из-за импозантной внешности. Правда, после распада СССР, когда рассекретились архивы и стало известно, насколько жестоко Тухачевский расправлялся с народными восстаниями, отношение к этой героической и трагической фигуре стало менее восторженным. Но героем он, безусловно, был.

Все они одновременно и герои, и злодеи — такое уж это было время.

Антисоветский лагерь

То же можно сказать и о вождях противоположного лагеря. Это были сильные, яркие люди, выдвинувшиеся благодаря своим личным качествам — и не дававшие пощады тем, кого считали своими врагами. Искать хороших и плохих в Гражданской войне — занятие безнадежное. У каждой стороны была своя правда — и свой груз тяжких преступлений.

В первой «антисоветской» десятке почти нет имен, забытых или недооцененных историками, — разве что самое последнее. Объясняется это тем, что «врагов» не требовалось развенчивать или вычеркивать. Иное дело, что в советской литературе их красили исключительно черной краской, но эту монохромность с лихвой искупила массовая культура постсоветского периода, кинувшаяся в противоположную крайность и сделавшая из некоторых белых предводителей рыцарей без страха и упрека, каковыми они отнюдь не являлись.

Я не включаю в перечень главных фигур Каледина, Корнилова и Краснова, поскольку они сошли со сцены на самом старте войны: первые двое погибли, третий был дискредитирован сотрудничеством с немцами.

Первенство, конечно, принадлежит «верховному правителю» адмиралу **Александру Колчаку** (1874–1920), признанному всеми остальными белогвардейскими лидерами. Как уже было сказано, это произошло главным образом из-за финансовой самостоятельности сибирского диктатора, которому достался золотой запас империи.

Александр Васильевич и по своему дореволюционному статусу (командующий Черноморским флотом) стоял выше других белых главнокомандующих. Юденич получил командование фронтом лишь после Февраля, Деникин и Миллер были при старом режиме корпусными командирами.

Напомню, что весной 1917 года Александр Гучков собирался позвать в руководители военного переворота Колчака, прежде чем остановил выбор на Корнилове. Нет сомнений, что адмирал справился бы с задачей лучше — он был и умней, и дальновидней, и самостоятельней. Колчак совмещал в себе три нечасто соединяющиеся таланта. Вначале он прославился как полярный исследователь и ученый-гляциолог — в его честь даже назвали остров в Ледовитом океане. Затем, на службе в Морском штабе, он выдвинулся как организатор и теоретик флотского строительства. И в то же время это был выдающийся боевой командир, успешно сражавшийся с более сильным германским флотом.

Свои незаурядные организационные и полководческие качества Колчак проявил и на Гражданской войне. Большевистский переворот застал его за границей, где адмирал находился с военно-дипломатической миссией (считается, что Керенский намеренно придумал ее, дабы удалить из России опасного соперника). Много месяцев Колчак не мог найти себе места. То пытался поступить на службу к англичанам, то пробовал обосноваться в Харбине, но осенью 1918 года наконец вернулся в Россию и сразу оказался в гуще событий. Известность и масштаб личности адмирала были таковы, что его пригласили на должность военного министра омской Директории, преемницы самарского Комуча и Временного сибирского правительства. Уже через две недели произошел военный переворот, Колчака провозгласили диктатором.

Он сумел в короткий срок создать гражданское управление, восстановить движение по железным дорогам и значительно укрепить вооруженные силы, что позволило восточному крылу белого движения развернуть широкое наступление. На пике успехов колчаковские армии, перейдя Урал, дошли до Перми и Поволжья.

Остальные белые главнокомандующие один за другим признали, пусть номинально, верховенство Колчака — еще и потому, что эту

кандидатуру поддерживали страны Антанты. У адмирала были тесные связи с британцами, американцами и японцами.

Однако именно на востоке белое дело потерпело поражение раньше всего. Причины уже назывались: быстрый рост Красной Армии, сумевшей обеспечить большое численное преимущество; несогласованность действий антисоветских сил; главное же — неспособность Колчака заручиться поддержкой населения. При всех своих достоинствах адмирал в политическом смысле был человеком консервативных взглядов. Он не обещал земли крестьянам и оттолкнул новые независимые государства лозунгом восстановления «единой и неделимой». С лета 1919 года начался откат колчаковцев на восток, закончившийся гибелью их предводителя. Он был взят в плен и расстрелян.

Вторым по важности в белом движении являлся генерал-лейтенант **Антон Деникин** (1872–1947), у которого было больше шансов, чем у Колчака, одержать победу над красными, потому что на южном направлении белогвардейцы располагали существенно бóльшими людскими ресурсами: кроме двух густонаселенных казачьих областей, Донской и Кубанской, в те края стекалось немало офицеров, враждебных большевистской власти. Однако выдающимся лидером Антона Ивановича назвать трудно. Пожалуй, с ним белому делу не повезло.

Это был добросовестный, самоотверженный, заслуженный генерал, неоднократно отличавшийся в сражениях мировой войны, но все время находившийся на вторых ролях — начальником штаба при главковерхе Алексееве, потом при главковерхе Корнилове. Вместе с последним он был арестован после августовского путча 1917 года, затем помогал Корнилову собрать Добровольческую армию и вести ее в екатеринодарский поход весной 1918 года. Лишь после гибели Корнилова Деникин — не по собственной воле, а по необходимости — возглавил и сумел сохранить остатки потрепанной армии. Здесь проявились лучшие качества Деникина: стойкость и упорство.

Однако больше всего белым помогли сами красные. Мощный оплот антисоветского движения на юге России возник в результате того, что на Кубани большевики постоянно ссорились между собой (так был убит их лучший полководец Иван Сорокин), а на Дону они спровоцировали казачье восстание. В итоге Деникин сумел объединить кубанский и донской очаги сопротивления, что позволило ему собрать сильную армию.

Однако и в качестве политического руководителя, и в качестве военного стратега Деникин оказался не на высоте. В мемуарах Антон Иванович пишет, что под его управлением находился «освобожденный от советской власти район, заключавший 16–18 губерний и областей, пространством в 810 тысяч кв. верст с населением в 42 миллиона», однако воспользоваться этими огромными ресурсами он не умел. Он не смог убедить страны Антанты принять активное участие в боевых действиях, не смог удержать под контролем кубанское казачество, распылял силы, не делал попыток заручиться поддержкой крестьянства. «Состав Вооруженных сил Юга с мая по октябрь возрастал последовательно от 64 до 150 тысяч», — с гордостью вспоминает Деникин на той же странице мемуаров, кажется, не сознавая, что эта скромная цифра — при 42 миллионах населения — свидетельствует о полной неспособности организовать мобилизацию. Враждебность крестьянства, объединившегося вокруг Махно, сыграет решающую роль в судьбе и кампании, и самого Деникина.

Ярчайшим эпизодом Гражданской войны был отчаянный поход **Николая Юденича** (1862–1933), едва не взявшего Петроград в октябре 1919 года.

Николай Николаевич Юденич по выслуге далеко опережал всех остальных белых вождей. Он стал генералом еще во времена, когда Деникин был капитаном, а Колчак — лейтенантом.

Генерал от инфантерии, последний в российской истории кавалер ордена Святого Георгия II степени, бывший командующий фронтом, Юденич имел все основания претендовать на роль главного предводителя белых, но ему пришлось признать верховенство Колчака и просить его о финансовой помощи.

Благодаря денежной поддержке из золотого запаса, а еще в большей степени — бульдожьему упорству, Юденич сумел сколотить небольшую армию, хоть союзники ему почти не помогали, а финны

даже мешали. Ленин совершенно справедливо назвал марш Юденича «наглостью». Это действительно была чистейшая авантюра, но подобные дерзкие предприятия иногда поворачивают ход истории, что почти и произошло.

Слава Юденича была короткой, она длилась меньше месяца. 28 сентября 1919 года его немногочисленные войска, пышно названные «Северо-Западной армией», ударили из Эстонии по красным позициям, быстро дошли до петроградских пригородов и, ниоткуда не получив помощи, не имея резервов, в двадцатых числах октября покатились обратно. Советская власть удержалась и на этом опасном зигзаге.

Четвертый фронт, северный, находился в ведении генерал-лейтенанта **Евгения Миллера** (1867–1939), который являлся противоположностью Юденича — отличался сугубой осторожностью.

В начале Гражданской войны он эмигрировал во Францию и вернулся в Россию не по собственному почину, как Колчак, а по

приглашению Антанты, уже занявшей Мурманск и Архангельск, то есть не захватил, а получил власть над Северной областью.

Несмотря на прочную тыловую базу и хорошее снабжение (то и другое обеспечивали союзники), Миллер так и не попытался перейти в наступление и никак не помог другим белым фронтам, хотя на северном направлении большевики держали сравнительно небольшие силы. Важность роли, сыгранной Миллером в Гражданской войне, заключается в том, что он, занимая стратегическую должность, почти ничего на ней не сделал. Так же пассивно он себя повел, когда красные, развязав себе руки на других направлениях, переключили внимание на север. Миллер просто сел на пароход и уплыл.

Таким образом, из четырех главных белогвардейских предводителей решающего 1919 года Колчаку не хватило людских ресурсов, Деникину — организаторских способностей, Миллеру — решительности, а у Юденича только она одна и имелась.

После разгрома и отступления остатки деникинских армий возглавил генерал **Петр Врангель** (1878–1928).

Деникин относился к популярности Врангеля ревниво и не давал ему дороги, но в конце концов, полностью утратив авторитет у «добровольцев» и казаков, был вынужден в апреле 1920 года уйти в отставку.

Врангель сделал, казалось, невозможное: остановил натиск красных и создал в Крыму белое государство, продержавшееся целых полгода и существенно отличавшееся от деникинской и колчаковской модели. Молодое офицерство, составлявшее костяк белого движения, относилось к 47-летнему Деникину как к старику, его прозвище было «дед Антон». Барон Врангель, бывший всего шестью годами младше, воспринимался иначе — как ровесник и человек современный. Он и

принадлежал не к старорежимному высшему генералитету (был лишь генерал-майором), а к числу выдвиженцев нового времени и хорошо понимал специфику гражданской войны. Конфликт с Деникиным у него возник летом 1919 года, когда войскам Врангеля удалось взять стратегически важный Царицын. С точки зрения барона (и он был прав) теперь следовало двигаться на соединение с Колчаком, что позволило бы объединить два главных белогвардейских фронта, но Деникин приказал вести наступление на Москву, в результате чего красные сумели по очереди разбить сначала восточную группировку белых, а затем и южную.

Самое интересное в врангелевском варианте белого движения то, что это была попытка переломить ход войны не только силой оружия, но и воздействием на общественные настроения.

Здесь отдельного рассказа заслуживает деятельность гражданского главы Крымского правительства **Александра Кривошеина** (1857–1921).

Александр Васильевич — самый крупный из государственных деятелей империи, принявших участие в Гражданской войне. Ведущий специалист по крестьянскому вопросу, при Столыпине он отвечал за проведение аграрной реформы; позднее, в начале мировой войны, руководил всем экономическим блоком правительства и был вынужден уйти из-за интриг распутинской камарильи, которая настроила против него царицу, а затем и царя. Кривошеин был еще и видным предпринимателем, директором текстильного концерна, так что хорошо разбирался в «рабочем вопросе».

Когда Врангель возглавил правительство Юга России, Александр Васильевич находился в эмиграции, во Франции. Однако по приглашению барона вернулся в охваченную смутой Россию, где только что погибли два его сына, белые офицеры.

Кривошеин сразу же взял курс на разрушение большевистской концепции о том, что война красных с белыми — это война бедных с богатыми и эксплуатируемых с эксплуататорами. Правительство выпустило указы, защищавшие права рабочих, и провозгласило аграрную реформу, в результате которой крестьяне получали помещичью землю на чрезвычайно льготных условиях, а в сельской местности вводилось крестьянское самоуправление (те же советы, но без коммунистов). Население встретило эти меры с одобрением, но они опоздали. Территория, контролируемая Врангелем, была слишком мала. К этому времени белые гражданскую войну уже безнадежно проиграли, в 1920 году их не спасло бы и чудо. «Врангелевско-кривошеинская» модель, теоретически возможная, так и осталась непрожитой ветвью российской истории.

На восточной окраине страны в том же положении, что Врангель, оказался атаман **Григорий Семенов** (1890–1946), возглавивший остатки разбитых колчаковских войск и до конца 1920 года продолжавший воевать с красными.

Этот белый вождь сильно отличается от остальных. Те все вышли из высшего дореволюционного офицерства, Семенов же был всего лишь есаулом. Энергичный, напористый, неразборчивый в средствах, постоянно менявший политические взгляды и покровителей, он начинал как командир партизанского отряда, казачьим атаманом назначил себя сам и при Колчаке сохранял автономность, выбирая, какие приказы верховного правителя он будет исполнять, а какие нет. У Семенова имелась собственная армия, в основном состоявшая из забайкальских, уссурийских и амурских казаков. Генеральский чин и формальное признание атаманского звания Семенов получил уже задним числом. В тяжелых боях с основными силами Красной армии атаман не участвовал, благодаря чему уберег свои войска от разгрома. Именно поэтому незадолго до гибели Колчак передал Семенову «всю полноту военной и гражданской власти».

Армия атамана воевала с «буферной» Дальневосточной республикой около полугода, но в конце осени 1920 года он был разбит и, бросив своих людей, бежал в Маньчжурию.

Впоследствии Семенов пытался вернуться, но бывшие подчиненные не простили ему малодушия. Предприимчивый атаман вступал в переговоры со всеми — и с японцами, и с американцами, и с китайцами, и даже с красными, но ни у одной из сторон не вызывал доверия.

Одним словом, это был классический авантюрист, оказавшийся на гребне событий благодаря своей лихости и стечению обстоятельств. Гражданская война изобиловала такими фигурами, но Семенов из них самая крупная.

Среди важнейших деятелей антисоветского лагеря было три имени, принадлежащих истории не только и не столько России, сколько соседних стран: два украинца и турок.

Симон Петлюра (1879–1926), лидер украинского «самостийного» движения, биографией отчасти напоминает своего ровесника Сталина (тоже был семинаристом-недоучкой), а отчасти Пилсудского, поскольку тоже пришел от первоначального увлечения социализмом к идее национального государства.

До революции Петлюра издавал единственный в России украинский журнал, а после Февраля стал горячим сторонником «украинизации» армии, то есть создания этнических воинских частей. На этом поприще он и выдвинулся, став со временем признанным лидером новосозданных национальных вооруженных сил — главой Украинского генерального войскового комитета, а в обстановке всеобщего хаоса и раздора в самой сильной позиции оказывался тот, кому подчинялись военные.

В задачу книги не входит рассказ о становлении украинской государственности — лишь описание войны, которую Петлюра вел с советской Россией.

Таких войн, собственно, было четыре.

Первая произошла сразу после Октября, когда «украинизированные» части под командованием Петлюры вступили в конфликт с «большевизированными» отрядами, подчинявшимися Москве. Петлюра сумел подавить вооруженное восстание рабочих в Киеве, но на фронте перевес был на стороне красных, и в феврале 1918 года они разгромили Украинскую народную республику.

В следующий раз Петлюра собрал значительные силы, когда немецкая революция оставила без поддержки слабое правительство гетмана Скоропадского. В декабре 1918 года Директория (так называлось созданное Петлюрой правительство) опять заняло Киев. Вторая война с Советами началась почти сразу же. И опять закончилась поражением. Уже в апреле Директория была вынуждена оставить столицу и отступить далеко на запад.

В конце лета 1919 года, воспользовавшись наступлением Деникина и заключив с ним временный союз, петлюровцы помогли Добровольческой армии выбить красных из Киева, однако окрыленные успехом белые обратили оружие против украинцев и разгромили их.

В четвертый раз Петлюра предпринял попытку освободить от красных Украину в декабре того же года. Его войска осуществили так называемый «Зимний поход». Воюя и с красными, и с белыми, они прошли рейдом через области западной и центральной Украины, но нигде закрепиться не смогли. Заключив соглашение с поляками, петлюровцы приняли участие в майском наступлении 1920 года, в очередной раз взяли Киев — и в очередной раз в нем не удержались.

В 1926 году Симона Петлюру, эмигрировавшего во Францию, убил еврей-анархист — в отместку за многочисленные погромы, учиненные петлюровскими отрядами во время Гражданской войны. При этом сам Петлюра антисемитом не был. Известно, что во время «первой русской революции» он, наоборот, руководил в родной Полтаве еврейской самообороной. Убийцу, однако, суд оправдал, заявив, что ответственность за военные преступления всегда лежит на командующем. И это действительно так.

Не меньше проблем доставил большевикам «батька» **Нестор Махно** (1888–1934), которого советская энциклопедия Гражданской войны называет «главарем анархо-кулацкого движения», «одной из разновидностей мелкобуржуазной контрреволюции». На самом деле

Махно был настоящим народным вождем, представлявшим интересы всего украинского крестьянства и пользовавшимся в этой среде большой популярностью.

Уже в ранней юности он был бунтарем, членом «Крестьянской группы анархо-коммунистов», устраивавшей дерзкие «эксы» и убивавшей царских чиновников. Арестованный, попал на каторгу, где провел почти десять лет в тяжелейших условиях. Закаленный и ожесточенный этими испытаниями, после февраля Махно вернулся в родное Гуляйполе (большое село с населением около 10 тысяч человек) и вскоре стал признанным лидером всей округи, постепенно увеличивая сферу своего влияния.

Он считал себя истинным революционером и весной 1918 года отправился в Москву посмотреть на большевистское правительство. Встретился с Лениным и Троцким, проникся идеей «крестьянского и рабочего объединения», однако обе стороны относились друг к другу с недоверием.

У Махно не было постоянной армии — она то сжималась до небольшого ядра преданных бойцов, то разбухала до 50 тысяч человек и превращалась в серьезную силу. «Батька» несколько раз вступал в альянс с большевиками, но неизменно сохранял автономность.

На исходе 1918 года он помог красным против Петлюры — своего соперника в борьбе за украинское первенство (петлюровцы были популярнее на Правобережье, махновцы — на Левобережье). Потом оказал огромную услугу Советам, ударив в тыл наступающему Деникину. «Это восстание, принявшее такие широкие размеры, расстроило наш тыл и ослабило фронт в наиболее трудное для него время», — пишет в мемуарах белый главнокомандующий. Срыв деникинского похода на Москву в октябре 1919 года стал поворотным моментом всей войны.

Участвовал Махно и в разгроме Врангеля.

Однако, едва победив белых, большевики взялись за Махно. Он представлял собой огромную опасность именно потому, что пользовался поддержкой среди крестьянства.

В 1921 году бывший союзник становится главным врагом и главной проблемой советской власти.

Махно изменил тактику. Он избегал крупных боев и совершал рейды во всех направлениях, в том числе и во внутрироссийские области — воронежскую, тамбовскую, и повсюду крестьяне встречали махновцев как избавителей. Возникла серьезная угроза всекрестьянского восстания.

Ситуация изменилась, когда Совнарком повел новую политику в деревне: упразднил измучившую крестьян продразверстку. Отряды махновцев стали редеть, кольцо — сжиматься. В конце лета 1921 года с оставшейся кучкой людей Махно ушел в Румынию.

До некоторой степени похожей была судьба последнего героя этой главы — **Исмаила Энвер-паши** (1881–1922). Этот турецкий политик и искатель приключений тоже попеременно заигрывал и ссорился с

советской властью. Во всех других отношениях Энвер-паша был деятелем совсем иного жанра, чем Махно.

В великой российской смуте он сыграл особую роль — едва не вызвал мощный межнациональный взрыв, вполне способный разрушить колониальную державу, которую, на словах ратуя за мировую революцию, упорно восстанавливали большевики. Последствия такого взрыва в историческом смысле оказались бы еще значительней замены царского самодержавия на советский тоталитаризм.

Молодым офицером Исмаил Энвер-эфенди (еще не «паша») стал одним из вождей революции, свергнувшей султана Абдул-Хамида.

Через несколько лет Энвер возглавил еще один переворот, после которого вошел в триумвират, правивший Османской империей. Будучи военным министром, в годы войны командовал турецкими вооруженными силами. Одним словом, это был государственный деятель высшего калибра. После поражения Турции он нашел убежище в Германии и там вступил в сношения с верхушкой Коминтерна. У большевиков и турецкого политика-эмигранта нашлись общие интересы: враждебность к Британии.

Энвер-паша был приверженцем пантюркизма — движения за создание мегагосударства тюркских народов. Оно должно было объединить земли, населенные тюрками, от границ Ирана до Крыма и Поволжья. Отдавать Энвер-паше Поволжье и Крым большевики, конечно, не собирались, но планировали использовать знаменитого турка в борьбе с британским влиянием в Средней Азии и Афганистане.

Генерала с почетом приняли в Москве, позволили создать организацию с экзотическим названием «Общество единства Революции с Исламом».

Осенью 1921 года Энвер-паша был командирован в Туркестан бороться под знаменем Революции и Ислама против басмачества — большевики надеялись, что это внесет раскол в ряды мусульман, противников советской власти.

Но у Энвера были другие намерения. Он перешел на сторону басмачей и после непродолжительного периода борьбы за первенство, соединившись с войсками бухарского эмира, поднял восстание против Советов.

В феврале 1922 года части Энвер-паши взяли Душанбе и прогнали красных почти со всей бухарской территории. Лишь теперь большевистские власти поняли, какую опасность представляет пантюркистская идея, и попробовали заключить с Энвером мир, даже обещали отдать ему половину Бухары, но «эмир туркестанский», как он себя называл, требовал, чтобы русские вообще убрались из Средней Азии.

Бои шли всё лето. Под натиском превосходящих сил Красной армии Энвер-паша стал отступать. Он несомненно вернулся бы с подкреплениями и, пользуясь антирусскими и антибольшевистскими настроениями, развернул бы новое восстание, которое неизвестно чем

бы закончилось, но в августе знаменитый авантюрист был убит в бою с красной конницей. Средняя Азия осталась советской.

ВРЕМЯ КОЛЕБАНИЙ, 1922–1929

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Коллизии советской политической жизни двадцатых годов можно разделить на четыре этапа:

— «Маленькие» вожди объединились против «большого».

— Основным претендентом на власть стал Иосиф Сталин.

— Сталин одного за другим устранил конкурентов.

— Диктатура партии превратилась в диктатуру Сталина.

«Маленькие» вожди объединяются против «большого»

С окончанием Гражданской войны совпала по времени болезнь главного вождя — Ульянова-Ленина. Он не полностью оправился от покушения Фанни Каплан и в апреле 1922 года плохо перенес операцию по извлечению пули. В следующем месяце у председателя Совнаркома случился инсульт с частичным параличом. Несколько месяцев Ленин не мог выполнять свои обязанности. В сентябре вернулся к ним, но в декабре опять ослабел и был вынужден очень сократить свой рабочий график. Второй инсульт в марте 1923 года окончательно вывел большевистского лидера из строя. В январе 1924 года Ленин скончался. Борьба за первенство началась сразу же, еще в 1922-м, когда стало ясно, что руководить по-прежнему «Ильич» уже не способен.

Вторым «большим вождем» являлся Троцкий, победитель белогвардейцев и глава вооруженных сил республики. Сам он, по-видимому, не сомневался, что станет преемником Ленина. Однако имелся ряд обстоятельств, которые могли этому воспрепятствовать.

Остальные члены правящей верхушки опасались волевого и авторитарного Льва Давидовича. В разное время он успел поссориться почти с каждым. У Троцкого имелось слабое место — он не был «старым большевиком», поскольку вступил партию только в 1917 году. Не помогало герою войны и самодовольство — он настраивал товарищей против себя, всячески демонстрируя им свое превосходство.

Поэтому после первого ленинского инсульта против Троцкого сложился альянс «маленьких вождей»: Григория Зиновьева (главы Коминтерна и хозяина Петрограда), Льва Каменева (руководителя

Моссовета) и совсем недавно пошедшего вверх Иосифа Сталина. Последний с апреля 1922 года возглавлял секретариат партии, ведавший всей аппаратной работой, и очень быстро превратил эту функцию в мощный инструмент влияния.

Активными участниками внутрипартийной борьбы являлись также Алексей Рыков, исполнявший обязанности главы правительства во время болезни Ленина, профсоюзный лидер Михаил Томский и редактор газеты «Правда» Николай Бухарин.

В течение нескольких лет они будут перетасовываться, складываясь в разные комбинации, потом выпадать из колоды. В финале останется только одна фигура — Сталин. Всех остальных участников игры он одного за другим уничтожит.

«Триумвират» Зиновьев — Каменев — Сталин, сложившийся летом 1922 года против Троцкого, долго не продержался. Едва пойдя на поправку после первого инсульта, Ленин с его инстинктом власти сразу почувствовал опасность, исходившую от чрезмерно активного «генерального секретаря» Сталина, и восстановил баланс — выступил на стороне Троцкого.

«Укрощение Сталина» осуществилось в ходе дискуссии о создании нового государства, которое объединило бы все советские республики, формально независимые.

Сталин выступал за то, чтобы все их включить в состав России, сделать автономиями внутри РСФСР. Надо сказать, что с точки зрения восстановления гиперцентрализованного государства (к чему, собственно, и стремились большевики) это было логично и очень упростило бы управление. Но Ленин, продолжая поддерживать уже выхолощенную химеру «права наций на самоопределение», требовал создания «союза равноправных республик». В перспективе ему виделся некий Союз Советских Республик Европы и Азии.

С ленинским авторитетом и напором одолеть Сталина было нетрудно. В декабре 1922 года был провозглашен Союз Советских Социалистических Республик в составе четырех якобы равноправных «стран»: Российской Федерации, Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации.

Кроме того, Ленин собирался сделать Троцкого своим заместителем в Совнаркоме. Некоторые историки считают, что таким образом глава государства думал закрепить за своим ближайшим

соратником роль «наследника», но скорее всего Ленин просто выстраивал систему «противовесов» — думал усилить Троцкого в пику «триумвирам». Во всяком случае знаменитое письмо, которое Ленин написал в самом конце 1922 года (так называемое «Завещание»), вовсе не выглядит «рескриптом о престолонаследии». Скорее оно читается как категорическое нежелание передавать власть кому бы то ни было, в том числе и Троцкому. Все главные деятели партии нехороши — вот основной смысл второй (и главной) части этого послания.

Про Троцкого сказано, что он «чрезмерно хватает самоуверенностью». Про Зиновьева и Каменева — что их «октябрьский эпизод [1917 года — когда они пошли против Ленина], конечно, не является случайностью». Про Бухарина — что «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским» (по тем временам очень тяжелое обвинение).

Но больше всего достается Сталину, к которому в последние месяцы жизни Ленин относился всё враждебнее: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места».

Нет никакого сомнения, что Ленин уже в это время очень хорошо понимал исходившую от генерального секретаря угрозу.

Что ж, попытаюсь и я дать оценку личности Иосифа Сталина, самой главной фигуры всей советской истории.

Основным претендентом на власть становится Сталин

Ни одному из российских авторов, кажется, не удавалось сохранить беспристрастность по отношению к этому историческому деятелю.

Сначала Сталина можно было только превозносить; во времена «Оттепели» — сдержанно поругивать за «отход от ленинских норм», за «культ личности» и за «репрессии» (но только за это); в брежневские времена — столь же сдержанно чтить за Победу; в перестроечные — проклинать и ненавидеть, отвергая всякие государственные заслуги. Потом возникла более или менее официальная концепция «эффективного менеджера», который, с одной стороны, конечно, был

очень жесток, но с другой — умел выполнять поставленные задачи и привел государство к величию.

Мне, как и всем, трудно относиться к Сталину безэмоционально, преодолеть отвращение к подобному типу правителя вообще и к данному конкретному человеку в частности. И всё же попробую.

«Эффективный менеджер»? Что ж, пожалуй. С одной существенной и даже всё меняющей оговоркой.

Но сначала об «эффективности».

1. Факт то, что царская Россия войну с Германией проиграла, а сталинская Россия войну выиграла.

2. Факт то, что под руководством Сталина разрушенная гражданской войной, отсталая Россия (теперь называющая себя СССР) превратилась в индустриальную и технологическую сверхдержаву.

3. Факт то, что вместо обанкротившейся империи возникла новая, намного более сильная.

4. Факт то, что эта империя опять, как в первой половине XIX века, стала претендовать на мировое лидерство.

Всё это безусловно заслуги Сталина — если считать имперскость благом. Если же считать ее проклятьем, мешающим России развиваться, а ее гражданам жить достойной жизнью, то «эффективность» сталинской деятельности заслуживает совсем иной оценки. Под грузом имперскости в конце концов рухнул Советский Союз; под грузом имперскости уже в двадцать первом веке Российская Федерация снова ввязалась в разрушительный (и, по-видимому, саморазрушительный) конфликт. Всё это — дальние последствия сталинского государствостроительства.

Тем не менее первый и второй пункты безусловно являлись выдающимися достижениями. О цене, которую за них пришлось заплатить, мы еще поговорим, но исторический вклад Сталина здесь неоспорим.

И. Сталин (начало 1920-х): уже генеральный секретарь, еще не Вождь

У этого правителя, несомненно, имелся ряд сильных качеств.

— В отличие от Ленина и Троцкого он был начисто лишен идеализма: не верил в коммунистическую идею и хорошо понимал невозможность мировой пролетарской революции. Это был прежде всего правитель-прагматик, что обычно бывает полезно для развития страны.

— Сталин ясно понимал историческую анатомию российской государственности с ее «ордынскими» опорами. Он хорошо знал

историю и умел извлекать из нее нужные ему уроки. Любимыми правителями вождя совершенно неслучайно были Иван Третий, Иван Четвертый и Петр Первый, главные адепты «ордынской конструкции». Сталин строил не «новый мир», где «кто был ничем, тот станет всем». Он строил империю. Последовательно и намеренно он восстановил четыре обязательных условия российской государственной прочности — причем в небывалой прежде жесткости: гиперцентрализованность управления, тотальное закрепощение всего населения, сакральность особы государя, сугубую декоративность законов.

Кроме того, Сталин задействовал четыре вспомогательных «подпорки», опробованные в прежние времена его любимыми монархами: всесилие вездесущих спецслужб (опричники Ивана Грозного, Преображенский приказ петровских времен); использование мощной идеологии (только не «Третьего Рима», а коммунистического рая); военизация всех сторон жизни, в том числе гражданской (как при Петре Первом); создание новой аристократии, обладающей не правами, а привилегиями (как при Иване III, покончившем с боярскими вольностями, или при том же Петре, заставившем всё дворянство служить).

— Сталин безусловно обладал стратегическим предвидением, смотрел на годы вперед. Он ясно сознавал неизбежность новой мировой войны и начал к ней готовиться загодя. Еще в 1931 году, выступая на вроде бы совершенно невоинственную тему — «О задачах хозяйственников», он сказал: «Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма… Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Ровно через десять лет Советский Союз и попытаются «смять», но к тому времени государство «пробежит» весьма внушительную дистанцию. То же самое Сталин повторил и на XVII съезде партии в 1934 году: «Дело идет к новой империалистической войне». Многие политические решения советского правителя в тридцатые годы были продиктованы острым ощущением надвигающейся катастрофы.

— Сталин был абсолютно безнравственен и стопроцентно оппортунистичен, всегда готов поступиться принципами, идеями, личными привязанностями, обещаниями в угоду целесообразности (или того, что ему представлялось целесообразным). Для диктатора такая змеиная гибкость — качество чрезвычайно полезное. Оно

привело Сталина к власти, позволило сохранить и укрепить ее, а затем и стать самым могущественным правителем планеты.

— Этот человек был превосходным психологом, отлично умевшим манипулировать людьми и эксплуатировать их слабости, заключать выгодные альянсы, производить нужное впечатление: внушать и любовь, и страх.

— Наконец, Сталин обладал по-человечески отвратительным, но ценным для правителя свойством никого не любить. Он подбирал ближайших соратников в первую очередь по принципу полезности, а не по личной симпатии. И, если ошибался в помощнике, немедленно такого отставлял. Для этого правителя значение имела только исполнительность.

Точно такой же твердокаменности он ожидал от своей «команды» и раздражался, если сталкивался с проявлением обычных человеческих чувств. Одинокий, вдовевший с 1931 года, после самоубийства жены, Сталин то ли испытывал черную зависть к людям ближнего круга, счастливым в личной жизни, то ли ревновал их к постороннему влиянию. Иначе трудно понять жестокость, с которой диктатор разрушал семьи своих соратников.

Он приказал арестовать жен ближайшего своего помощника Вячеслава Молотова, «всесоюзного старосты» Михаила Калинина, личного секретаря Поскребышева — и все они, боясь Вождя, смиренно это стерпели.

Когда же один из предвоенных сталинских фаворитов маршал Кулик не послушался высочайшего приказа развестись, его супруга просто исчезла. Ее тайно схватили сотрудники НКВД, посадили в тюрьму, а потом расстреляли. Муж так и не узнал о ее судьбе.

Были у Сталина и два серьезных личностных недостатка, каждый из которых имеет историческое значение, поскольку дорого обошелся стране и народу.

— При замечательной стратегической потенции это был довольно посредственный тактик. Рационально обозначив генеральную цель, он совершал немало грубых ошибок на пути к ее достижению. Можно сказать, что Сталин был управленчески неталантлив. И с годами, по мере все большего отрыва от реальной жизни, роста самоуверенности,

параноидальной подозрительности (обычных побочных эффектов длительного диктаторства) он ошибался всё чаще. Обычно поминают 22 июня 1941 года, когда из-за непоколебимой уверенности правителя в собственной правоте СССР за несколько недель потерял почти всю регулярную армию и огромную часть территории, но были и другие катастрофические просчеты, на которых мы еще остановимся.

— Серьезным дефектом для руководителя является недоверие к ярким, сильным соратникам. Петр Первый не боялся окружать себя блестящими помощниками. Сталин предпочитал серых и послушных исполнителей. Он постепенно убрал или уничтожил всю генерацию лидеров, выдвинутых революцией и Гражданской войной, и заменил ее удобными и угодливыми, но малоинициативными, робкими приближенными. («А вокруг него сброд тонкошеих вождей,/ Он играет услугами полулюдей./ Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет, /Он один лишь бабачит и тычет», — говорится в знаменитом стихотворении Мандельштама). Эта отрицательная селекция будет иметь последствия и в послесталинский период.

Однако, если вернуться в начало 1920-х годов, мы увидим Иосифа Сталина еще не закостеневшим в собственном величии, а чрезвычайно маневренным и изобретательным «шахматистом», успешно разыгрывавшим комбинацию за комбинацией. Это был игрок совершенно иного класса, чем остальные претенденты на ленинское наследие.

В 1921 году никто из них еще не принимал «чудесного грузина» (ленинское выражение) всерьез, а всего год спустя он многими уже воспринимается как главный конкурент самого Троцкого. «Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения [сохранения партийного единства] являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут», — напишет Ленин в декабре 1922 года.

Сталин устраняет конкурентов одного за другим

Путь Сталина к единоличной власти состоял из нескольких ступенек. На первой нужно было справиться с самым сильным

соперником — Троцким.

Эта борьба прошла в несколько этапов.

Когда Троцкий в 1923 году лишился поддержки Ленина, еще живого, но уже беспомощного, Сталин нанес по своему врагу несколько сильных ударов, объединившись с Зиновьевым и Каменевым.

В октябре пленум ЦК подавляющим большинством голосов вынес Троцкому порицание за «фракционность». Зиновьев с Каменевым добивались исключения из ВКП(б), но Сталин понимал: рано. Пока достаточно продемонстрировать партии, что герой Гражданской войны не пользуется поддержкой высшего политического эшелона.

Разгром был результатом кропотливой работы. Сталин и его эмиссары, пользуясь возможностями центрального аппарата, расставляли по всей стране на посты партийных секретарей своих людей. Губернский партсекретарь автоматически становился членом ЦК с правом голоса. Этот тихий, постепенный «кадровый переворот» и станет главным рычагом сталинского восхождения.

Сталин понял, что ленинизм — то есть идея, что диктатуру пролетариата можно заменить диктатурой партии, — очень легко превратить в диктатуру центрального комитета. В дальнейшем круг людей, диктующих свою волю партии, а значит и всей стране, постепенно будет сужаться и останется только всевластный генеральный секретарь.

Троцкий попробовал нанести контрудар. Накануне партконференции, назначенной на январь 1924 года, он мобилизовал своих сторонников под лозунгом борьбы против «партбюрократии» (в виду имелся Сталин). «Свободная дискуссия в партии практически исчезла, а партийное общественное мнение задушено», — говорилось в обращении, разосланном группой единомышленников наркомвоена.

Эту тактику трудно назвать удачной. Во-первых, апология свободы, исходившая от авторитарного Троцкого, выглядела странно и у многих не вызвала доверия. Во-вторых, Троцкий наглядно демонстрировал, что он действительно склонен к фракционности. Главное же — в кабинентных маневрах красноречивый оратор и предводитель РККА не мог тягаться с гением закулисных махинаций. Схватка была проиграна еще на стадии подготовки к конференции. В результате Троцкий туда даже не явился, предвидя свое поражение.

Через несколько дней умер Ленин, и вопрос о преемнике на время остался подвешенным. Совнарком возглавил Рыков (компромиссная фигура), партийным аппаратом руководил генеральный секретарь Сталин, двумя столицами — Каменев и Зиновьев, профсоюзами — Томский, центральным печатным органом — Бухарин.

Похороны Ленина. Сталин пока сзади

Троцкий остался во главе вооруженных сил, но в политбюро, куда вошли вышеперечисленные функционеры, он оказался в полном одиночестве.

Дальнейшее было вопросом времени. В течение года Троцкого всё больше изолировали, заменяя его ближайших помощников (в том числе удалили незаменимого и активного Склянского), и в январе 1925 года должность военного наркома передали Михаилу Фрунзе. Звезда Троцкого закатилась.

На следующей «ступеньке» Сталин повел борьбу со вчерашними партнерами, Зиновьевым и Каменевым. Те спохватились, что генсек забрал себе слишком много власти. На XIV съезде партии в декабре 1925 года они обрушились на генерального секретаря с критикой за

подчинение партии бюрократическому аппарату. Их поддержала Надежда Крупская, вдова Ленина, возмущенная тем, что ее покойного мужа превращают в «икону» («Ильич» уже лежал в мавзолее, а Петроград переименовали в Ленинград). Тогда Сталин вступил в союз с Бухариным, кулуарно обеспечил себе поддержку большинства ЦК, и «новую оппозицию» ждал полный разгром. Каменев потерял пост председателя Моссовета и был понижен из полноправных членов Политбюро в кандидаты. Сразу после съезда вытолкнули из ленинградских секретарей и Зиновьева (в Политбюро он после этого тоже долго не продержался). Зато в высший орган вошли верные сталинцы: Михаил Калинин, Клим Ворошилов и Вячеслав Молотов.

После очередной сталинской победы, забыв былую вражду, к Зиновьеву и Каменеву присоединился Троцкий. Не рассчитывая на поддержку враждебного ЦК, они развернули активную антисталинскую кампанию в низовых ячейках ВКП(б) по всей стране. Пытались «протестанты» апеллировать и к широким слоям населения, выдвинув популистские лозунги увеличения зарплаты рабочим, повышенного налогообложения «нэпманов» и понижения налогов для «трудящихся». Но Троцкий был уже без армии, Каменев без Москвы, а Зиновьев без Ленинграда. Сталинский ЦК обвинил их в раскольничестве, и все трое окончательно вылетели из обоймы высшего руководства, а Зиновьев еще и лишился своего поста в Коминтерне.

В следующем 1927 году Сталин нанес трем бывшим «вождям» окончательный удар, воспользовавшись как предлогом оппозиционными демонстрациями в Москве и Ленинграде по поводу десятилетия Октября. Троцкий был популярен среди партийной молодежи и смог вывести на улицы довольно много людей. Но это уже ничего изменить не могло, лишь ускорило развязку.

XV съезд в декабре 1927 года исключил из партии всех оппозиционеров, причем между ними произошел раскол: Троцкий остался непримиримым, а Зиновьев с Каменевым «покаялись». Поэтому Троцкого сослали подальше, в Среднюю Азию (и год спустя вышлют за границу), а двух остальных на время оставили в покое и даже восстановили в партии, однако никакой опасности для Сталина они больше не представляли.

Теперь генеральный секретарь взялся за последних членов «ленинского» политбюро: Бухарина, Рыкова и Томского, своих

недавних союзников. Они не были политическими противниками Сталина в том смысле, что не покушались на первенство, но имели неосторожность дискутировать с генеральным секретарем по поводу индустриальной и аграрной политики (а там, как мы увидим, было о чем подискутировать). Однако Сталину было уже мало лидерства, ему требовалась неограниченная власть, и всякие возражения против сталинской линии стали криминалом.

Последняя внутрипартийная смута была подавлена весной 1929 года. Трое «правых уклонистов» (троцкистов называли «левыми уклонистами») капитулировали, «разоружились перед партией» и потеряли всякое политическое значение.

Диктатура партии превращается в диктатуру Сталина

Восхождение Сталина стало возможно не только благодаря его уникальным манипуляторским способностям, но и благодаря тому, что аппарат генерального секретаря за несколько лет произвел гигантскую перетасовку состава партии, в особенности руководящего звена. Это и было главным элементом сталинского ползучего захвата власти.

Кадровыми назначениями ведал «Орграспредотдел», возглавляемый сталинским соратником Лазарем Кагановичем. Секретари губернских и городских комитетов партии «рекомендовались» этим всемогущим и вездесущим органом; все нелояльные смещались или переводились на менее важные посты.

Со временем «Орграспредотдел» стал заниматься не только партийными, но и административными назначениями. Автор хрестоматийного исследования истории советской номенклатуры М. Восленский пишет, что в 1925–1927 гг., то есть на самом пике внутрипартийной борьбы, было проведено почти девять тысяч кадровых перемещений — по сути дела сменилась вся партийно-государственная элита. Повсюду рассаживали начальников, пользовавшихся доверием или самого Сталина, или его помощников, или помощников его помощников.

Но перетряска не ограничивалась «секретарским» уровнем. В 1924 году, то есть сразу после смерти Ленина, был инициирован массовый прием в партию — так называемый «ленинский призыв». На самом деле призыв был сталинский. За несколько месяцев численность

организации увеличилась вдвое — до 736 тысяч человек. И это были совсем не те люди, которые устроили революцию, а потом победили белогвардейцев. По выражению Восленского, «новобранцы шли в ряды не тех, кого ссылают, а тех, кто ссылает, шли не совершать революцию, а занимать хорошие места после совершенной революции. Они были потенциально людьми Сталина».

В середине двадцатых сформировалось новое правящее сословие, которое потом назовут «номенклатурой». Это был высший кадровый эшелон — пять с половиной тысяч ответственных должностей, на которые можно было назначать людей только с одобрения ЦК, а на самом деле «Орграспредотдела». Помимо «центральной номенклатуры» существовали и местные, для назначенцев провинциального уровня — ими ведали республиканские и губернские партийные секретариаты.

Одновременно работала система «чисток», то есть исключения из партии всех ненадежных элементов. К таковым в первую очередь относились члены бывших социалистических неленинских партий, а также недавние «уклонисты» всех фракций. В 1920-е годы из рядов партии было «вычищено» более четверти миллиона человек. (Во времена Большого Террора это анкетное пятно будет многим из них стоить жизни или свободы). По данным партийной переписи, к 1927 году ВКП(б) на 60 % состояла из «новых» членов, а большевиков-ветеранов с дореволюционным стажем насчитывалось менее одного процента.

Прежняя, ленинская партия состояла из соратников по борьбе, которые могли в чем-то не соглашаться между собой, спорить, отстаивать свою точку зрения. Новая, сталинская, строилась по сугубо «вертикальному» принципу беспрекословного подчинения, и на вершине находился только один человек.

Соответственно изменилась и пирамида высшей власти. Ленин являлся главой правительства — председателем Совета народных комиссаров. Но система, при которой кабинет министров управлял государством, противоречила ленинской же идее лидерства партии. На практике приоритет партийной власти над исполнительной (законодательной власти диктатура изначально не предполагала) продемонстрировал Сталин, превративший в основной рычаг влияния секретариат ВКП(б). Пост предсовнаркома уже с 1924 года становится

второстепенным, техническим. Неслучайно он достается «вождю третьего уровня» Рыкову. Когда разгромленный и ошельмованный «уклонист» Рыков в 1929 году остался руководить правительством, это еще больше принизило значение этого органа по сравнению с Партией (слово начинают всё чаще писать с заглавной буквы).

Но с консолидацией единовластия Сталина утратила функцию управляющего института и партия. Поддержка большевистской элиты требовалась генсеку во время фракционных баталий. Съезды и пленумы являлись важными событиями политической жизни и проводились часто (съезды — в ежегодном режиме). Однако после окончательного разгрома троцкизма на XV съезде в декабре 1927 года эти сборы высшего партактива Сталину перестали быть нужны. Теперь он мог расправляться с теми, кто вызвал его неудовольствие, и без чьей-либо поддержки. В апреле 1929 года для победы над последним «уклоном» (Бухарин — Рыков — Томский) хватило обычного пленума ЦК. В дальнейшем же съезды постепенно превратятся в сугубо декоративные мероприятия, собираемые, когда Вождю понадобится объявить нечто грандиозное или оформить какое-нибудь уже принятое решение. В первое десятилетие советской власти (1917–1927) было проведено девять съездов; в следующие четверть века, до конца сталинской жизни, только четыре.

Когда процесс тотальной централизации власти в руках одного человека оформился и приблизился к финалу, обнаружилась потребность в восстановлении еще одной традиционной опоры «ордынского государства» — сакрализации фигуры правителя. В гимне советского государства были слова «не бог, не царь и не герой», но логика реконструкции извечных основ российского государства требовала именно этого: чтобы правитель воспринимался населением как Бог, Царь и Герой. Только этим можно было оправдать гигантский объем власти, принадлежащей генеральному секретарю.

«Культ личности» (этот неуклюжий термин появился в хрущевские времена) поначалу, кажется, был неуютен самому Сталину, не очень-то любившему пышность и предпочитавшему управлять из-за кулис. Известно, что в домашнем кругу он сетовал: «Народу нужен царь, то есть человек, которому они могут поклоняться и во имя которого жить и работать». Окружение всячески убеждало вождя не только в его величии, но и в объективной необходимости народного поклонения —

этого-де требовали интересы государства, проходящего через трудный период. Логика была такая: окруженная внешними и подтачиваемая внутренними врагами страна должна быть военным лагерем, армией, а лучшая армия — та, в которой солдаты не только слушаются командующего, но и благоговеют перед ним.

Царям благоговение доставалось естественным порядком, по наследству и по традиции — государей-императоров славили во всех храмах. Команде Сталина пришлось выстраивать культ с нуля и в очень быстрые сроки. Успех этой непростой кампании при отсутствии развитых средств массовой информации впечатляющ, но для XX века неуникален: в то же самое время с этой задачей не хуже справился тоталитарный режим Италии (и Сталин многое у Муссолини позаимствовал).

В первый послереволюционный период «вождей» было несколько. С конца двадцатых словом «Вождь» начинают обозначать только одного человека, это становится личным титулом — как «Дуче» или «Фюрер».

В словаре русского языка, изданном в сталинскую эпоху, термин «Вождь» дефинируется так: «Руководитель и учитель коммунистической партии и трудового народа, являющийся выразителем его воли, стремлений, желаний; общественный деятель, способный поднять на высокий уровень политическое сознание и активность масс и правильно определить пути борьбы рабочего класса за полную победу и обеспечение интересов всех трудящихся; руководитель, организатор и вдохновитель построения социализма и перехода в коммунистическое общество». Каждое слово этого пространного определения несомненно было утверждено сверху, и ни у кого не вызывало сомнений, о каком «Вожде» идет речь.

Методы, при помощи которых генеральный секретарь возвеличивался в массовом сознании и государственном обиходе, были незамысловаты, но беспроигрышны. «Почти каждый день «Правда» помещала фотографию или нарисованный портрет Сталина: для этого годился любой предлог, но порой дело обходилось и вовсе без предлога, — пишет в своей «Истории СССР» Дж. Боффа. — Всё чаще

на такого рода изображениях Сталин был окружен целыми группами людей, олицетворяющих по замыслу авторов весь народ».

Сначала в партийных и государственных учреждениях, а потом и повсюду появились обязательные портреты Вождя. Уже во второй половине двадцатых на партийных съездах при появлении лидера все вставали (чего не бывало во времена Ленина) и долго аплодировали по окончании его речей. При этом, в отличие от Дуче и Фюрера, Сталин очень редко выступал перед широкой публикой — например, по радио, хотя страна активно радиофицировалась, это считалось важнейшим направлением агитационной работы. По-видимому, на раннем этапе Сталин сознавал ограниченность своего ораторского дарования (он действительно был скучным, непассионарным спикером). Кроме того, он говорил с сильным грузинским акцентом и не хотел, чтобы народ воспринимал Вождя как инородца. Однако, как в свое время сформулировал еще Лаоцзы, «правитель-тень» даже сильнее правителя, которого любят и восхваляют. «А где хватит на полразговорца, там припомнят кремлёвского горца», — писал Мандельштам в уже цитировавшемся стихотворении, которое будет стоить поэту жизни.

Пятидесятилетний юбилей Вождя в декабре 1929 года отмечался как событие большого государственного значения.

1879 г.—И. В. СТАЛИН—1929 г.

ПЛАМЕННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРИВЕТ НЕПРИМИРИМОМУ БОЛЬШЕВИКУ, РУКОВОДИТЕЛЮ ЛЕНИНСКОЙ АРМИИ

Товарищу И. В. Сталину — 50 лет.

В этот период рабочее движение в Тифлисе начинает выходить из рамок старой чисто пропагандистской работы с выдающимися «единицами» из рабочих. Разгорается спор между «стариками», сторонниками старых методов чисто пропагандистской работы, и «молодыми», сторонниками «улицы», Сталин на стороне «молодых».

Волна экономических забастовок по всему Тифлису в 1900—1901 гг. и известная майская политическая демонстрация в центре Тифлиса приводят к разгрому Тифлисского Комитета. С этого времени Сталин становится профессиональным революционером подполья и остается в подполье вплоть до Февральской революции 1917 года, работая под революционными кличками «Давид», «Коба», «Нижерадзе», «Чижиков», «Иванович», «Сталин».

В конце 1901 года Сталин переезжает в Батум, основывает там Батумский Комитет Р. С.-Д. Р. П., руководит забастовками на заводах Ротшильда и Манташева и организует известную политическую демонстрацию рабочих в феврале 1902 года. В марте 1902 г. Сталина арестовывают в Батуме и, продер-

«Непримиримый большевик и руководитель ленинской армии»

Передовица главной газеты «Правда» звучит, как магическое камлание. Генеральный секретарь описан в статье словно некое сверхъестественное существо — «странная неразрешимая загадка, над чьим раскрытием изо дня в день обильно трудится, сердито гудя ротационными машинами, возбужденно брызгая заголовками, мировая печать. "Сталин — таинственный обитатель Кремля". "Сталин — диктатор шестой части мира и глава коммунистов всех остальных стран". "Сталин — победитель всех оппозиций". "Сталин — непостижимая личность". "Сталин — коммунистический Сфинкс". "Сталин — загадка"».

Невозможно представить, чтобы в таком тоне большевистская газета писала о Ленине при его жизни.

Юбилей стал и триумфальным завершением борьбы за власть, и началом эпохи массового поклонения. Вскоре будет разработан многокомпонентный, цветистый церемониал восхваления, своего рода новая религия, так что во время войны солдаты (во всяком случае по версии газет) будут идти в атаку и погибать с криком «За Сталина!»

В двадцатые годы страна вошла с двумя «большими вождями» (Ленин, Троцкий) и полудюжиной вождей поменьше, а вышла с одним-единственным «главным знаменем социализма, которое должно быть видно издалека», как выразился сталинский выдвиженец Каганович.

Однако было бы упрощением сводить политические перипетии двадцатых годов к одной лишь схватке «вождей» за первенство. Шла борьба идей, концепций, проектов государственного строительства. Решалась судьба страны на десятилетия и поколения вперед. Этот аспект сумбурной постреволюционной эпохи намного значительней персональных столкновений.

БОЛЬШЕВИКИ И ДЕРЕВНЯ

Деревня и крестьянство испокон века были и главной опорой, и главной проблемой России. Несмотря на предреволюционные успехи индустриализации, ведущим сектором экономики все равно оставалось сельское хозяйство, а деревенские жители составляли 85 % населения. После Гражданской войны эта доля еще и выросла, поскольку из-за безработицы и голода многие уехали из городов.

Сельское население в основной своей массе было очень недовольно большевистским режимом, который, одной рукой дав крестьянам землю, другой рукой отнимал львиную долю урожая. Две взаимосвязанные, но часто вступающие между собой в конфликт заботы — как накормить город и как при этом не вызвать взрыв в деревне — являлись для советской власти ключевым пунктом внутренней политики. Мы видели, что из-за этого в 1921 году разразилось несколько крупных восстаний, фактически — несколько локальных гражданских войн.

На протяжении двадцатых годов правительство пыталось решить проблему деревни разными способами:

— На последнем этапе Гражданской войны большевики смягчили свою аграрную политику.

— Новый курс дал как позитивные, так и тревожные результаты.

— В партии развернулась острая дискуссия по крестьянскому вопросу, и победила линия Сталина.

Большевики смягчают аграрную политику

Военный коммунизм, мера вынужденная и чрезвычайная, более или менее выполнил основную свою задачу — помог большевикам удержать власть во время Гражданской войны, но в то же время совершенно разрушил экономическую жизнь страны и в особенности ударил по деревне.

Надежду на то, что возвращение хлебородных регионов Украины, Северного Кавказа и Сибири решит проблему продовольствия, разрушила зима 1920–1921 года. Белые были разгромлены, но зерна больше не стало. План сбора по продразверстке остался на треть

неисполненным. Причин было три: паралич транспорта, сопротивление крестьянства и катастрофически плохой урожай. Посевные площади резко сократились. Деревня не видела смысла пахать и сеять.

Еще в декабре 1920 года на Восьмом съезде Советов обсуждались только методы принудительные: как заставить крестьян обрабатывать поля, как эффективнее реквизировать сельхозпродукцию. Но уже в марте 1921 года, на X съезде партии, курс резко изменился. Ленину наконец стало ясно, что насилие по отношению к крестьянам плохо закончится. Троцкий пишет в мемуарах: «Ленин почуял наступление критического момента своим безошибочным политическим инстинктом». Да и трудно было этого не почувствовать.

В Кронштадте восстали матросы, в большинстве своем выходцы из деревни. Из-за неминуемого провала посевной кампании надвигался тотальный голод. Он скоро и разразится, охватив двадцать две губернии с населением в 33 миллиона человек. По официальным данным умрет три миллиона (на самом деле много больше), возникнет массовое беспризорничество — пять миллионов осиротевших или бегущих от голодной смерти детей разбредутся по всей стране. Государству победившего пролетариата придется просить у презренных капиталистов Запада продовольственной помощи, и она будет предоставлена.

В речах и статьях Ленина теперь зазвучали новые ноты. Он уже не натравливал «бедняков» на «кулаков» и не ставил «сознательного рабочего» в пример «мелкому хозяйчику» — крестьянину. «Только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России», — говорил теперь вождь.

Смена курса, получившая название Новой экономической политики (НЭП), затрагивала не только деревню, но произошла в первую очередь из-за нее.

Суть реформы заключалась в том, что государство переходило от принуждения к стимулированию: заменяло ненормированное или произвольно нормируемое изъятие урожая твердо установленным продовольственным налогом — довольно умеренным.

Это, конечно, было капитальным отступлением от коммунистических идей, почитавших всякую частнособственническую деятельность опасным отклонением от марксизма и даже преступлением. Только Ленину с его непререкаемым авторитетом было

под силу провести решение, очень непопулярное в большевистском ЦК. В самый острый момент дискуссии вождь даже прибег к шантажу — пригрозил оставить пост главы правительства. Речь шла о том, что это «временное стратегическое отступление», предпринимаемое не в последнюю очередь ради спасения посевной кампании.

В романе Андрея Платонова «Чевенгур» описано, как сразу же изменилась жизнь страны — будто по мановению волшебной палочки. Персонаж романа Дванов попадает в город и не верит своим глазам. «Сначала он подумал, что в городе белые. На вокзале был буфет, в котором без очереди и без карточек продавали серые булки. Около вокзала — на базе губпродкома — висела сырая вывеска с отекшими от недоброкачественной краски буквами. На вывеске было кратко и кустарно написано: «ПРОДАЖА ВСЕГО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ. ДОВОЕННЫЙ ХЛЕБ, ДОВОЕННАЯ РЫБА, СВЕЖЕЕ МЯСО, СОБСТВЕННЫЕ СОЛЕНИЯ»… Дванов решил, что это нарочно, и зашел в лавку. Там он увидел нормальное оборудование торговли, виденное лишь в ранней юности и давно забытое: прилавки под стеклом, стенные полки, усовершенствованные весы вместо безмена, вежливых приказчиков вместо агентов продбаз и завхозов, живую толпу покупателей и испускающие запах сытости запасы продуктов».

Торговля возродилась из-за того, что осенью крестьяне захотели продавать излишки урожая. Пришлось идти на новые уступки — восстанавливать денежно-рыночные отношения.

В декабре 1921 года Ленин заявил, что НЭП «мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, … не навсегда» — и пояснил: только до мировой революции.

При такой постановке вопроса вполне могло получиться, что НЭП введен именно навсегда.

Новый курс дает как позитивные, так и тревожные результаты

Отношение «всерьез» НЭП заслужил тем, что очень скоро стал давать весомые результаты.

С 1922 года некоторые хронические болезни советского государства — прежде всего продовольственный дефицит и товарный голод — начинают понемногу смягчаться. Посевная была проведена успешно, урожай собран, продналог получен, излишки распределены через рыночные механизмы. Сказывался извечный закон экономики: выгода стимулирует трудовую деятельность лучше, чем запугивание. Ленинская смена внутренней политики, собственно, заключалась всего лишь в том, что государство ослабило давление на мелкий бизнес, в первую очередь аграрный, но больше ничего и не требовалось, остальное «хозяйчики» сделали сами.

Уже в 1922 году впервые после революции зерна было произведено больше, чем требовал минимум выживания — и возобновился хлебный экспорт. Оказалось, что крестьянина, привыкшего решать все проблемы самостоятельно, лишь бы начальство не мешало, не нужно учить предприимчивости. Самые деятельные земледельцы захотели расширять производство — и советская власть, заинтересованная в получении бóльших налогов, еще на шажок отступила от правоверного марксизма: позволила использовать наемную силу и арендовать землю. Стали возникать сельскохозяйственные кооперативы, покупавшие технику и удобрения в складчину. Вновь осваивались заброшенные пахотные земли. По валовому сбору зерна в середине двадцатых СССР достиг предреволюционного уровня (при том что за драматическое десятилетие 1914–1924 численность населения снизилась на 30 миллионов).

Однако успехи сельского хозяйства и, шире, экономические достижения НЭПа вызывали у правящей партии не только оптимизм, но и тревогу. В ЦК и официальной печати не прекращались дискуссии об опасностях, которые несет с собой укрепление «кулачества», развитие «частнособственнических инстинктов» у «середнячества», а также падение престижа советских органов и «социалистических методов хозяйствования».

Плакат времен НЭПа

И то, и другое было правдой. Крестьяне повсеместно предпочитали решать проблемы не в сельсоветах, а на общинных сходах — эта форма самоорганизации оказалась очень живучей. Поощряемые сверху колхозы (кооперативы социалистического типа) и совхозы (аграрные госпредприятия) приживались очень плохо и объединяли не более 1 процента хозяйств. Одним словом, по выражению эпохи, «деревня не входила в социализм».

Дело было не только в подрыве социалистической идеи. Константой исторически сложившегося российского государства было недоверчивое отношение к частной инициативе народных масс. И эти опасения справедливы. Большой и сильный средний класс — в двадцатые годы таковым могли стать фермеры — не стал бы долго жить по жестким правилам «ордынского государства». Это отлично сознавали государственные деятели победоносцевской эпохи, намеренно затормозившие социальные процессы во имя стабильности самодержавной системы. Государство, которое построили большевики, двигалось в направлении нового самодержавия, к концу двадцатых этот процесс был близок к завершению, и Сталин с его стратегическим чутьем понимал, к чему приведет НЭП — прежде всего в огромной,

трудно контролируемой деревне: большевики не смогут править так, как им хочется.

Иначе смотрел на дело Николай Бухарин, который благодаря союзу со Сталиным против Зиновьева, Каменева и Троцкого, к 1927 году стал очень влиятельной, второй по важности фигурой.

С точки зрения Бухарина залогом успеха экономических реформ, прежде всего индустриализации, являлась опора на крестьянина-середняка, самый массовый и самый полезный элемент советского общества. Бюджет должен пополняться за счет основных доноров — крестьянских хозяйств, доказывал Бухарин. Предсовнаркома Рыков и профсоюзный руководитель Томский тоже выступали за то, чтобы действовать не насильственными, а стимулирующими методами.

Таким образом решался вопрос не только о том, кто из вождей будет «стоять у руля», но и о том, по какому пути пойдет страна: командно-административному или рыночному.

В 1927–1928 гг. развернулась ожесточенная дискуссия в печати (которую курировал Бухарин) и в партийных инстанциях (где преимущество было у Сталина).

Общий ход событий скорее подтверждал правоту генерального секретаря, добивавшегося сворачивания НЭПа.

Дело в том, что бурное развитие сельского хозяйства к этому времени притормозилось. Первоначальные успехи были вызваны синдромом «задержанного развития» — распрямилась пружина, сжатая «военным коммунизмом». Но рост шел главным образом за счет восстановления посевных площадей — и, достигнув предела, остановился. Из-за низкого технологического уровня производительность труда и урожайность почти не увеличивались.

А между тем потребность в сельскохозяйственной продукции постоянно росла. Мало было устранить опасность голода, требовалось изыскать средства для создания сильной индустрии, без которой СССР не мог выжить во враждебном окружении. Зерно являлось основной статьей экспорта, источником валюты, необходимой для закупки оборудования.

Проблемы начались в 1926 году, когда государственные заготовки зерна не достигли запланированных показателей. Потом положение становилось только хуже, важные импортные поставки оказались под угрозой срыва. Ситуация усугублялась еще и тем, что в середине

двадцатых резко понизились мировые цены на хлеб, и, чтобы выровнять баланс, требовалось вывозить больше — а взять было негде.

Пытаясь увеличить доходы, государство попробовало закупать у крестьян продукцию по заниженным ценам, одновременно повышая цену на промышленные товары. Из политических соображений в 1927 году правительство ввело твердые цены на хлеб и повышать их не решалось, но зерно всё время дорожало, и возникла ситуация, при которой государственный хлеб стал дешевле частного зерна. Крестьяне, естественно, предпочитали продавать пшеницу и рожь не государству, а на свободном рынке. Это явление получило название «хлебной стачки».

«Правые уклонисты» — Бухарин, Рыков, Томский — доказывали, что нужно вернуть свободные цены на хлеб, уменьшить давление на крестьянство, и кризис закончится. Сталин и его группировка считали такую позицию слабой и недальновидной.

Летом 1928 года в городах пришлось снова вводить карточки, ограничивать свободную торговлю хлебом. В 1929 году — отказаться от экспорта и, наоборот, импортировать продовольствие.

Одним словом, к концу двадцатых аграрная составляющая НЭПа выглядела куда менее радужной, чем в начале десятилетия. Главной причиной было то, что государство взвалило на деревню совершенно неподъемную задачу: не только накормить страну, но и оплатить колоссальную техническую революцию — в это время уже был разработан первый пятилетний план.

Речь шла не о верности марксистско-ленинскому учению, а о том, как избежать полного коллапса.

Побеждает линия Сталина

Генеральный секретарь Сталин пришел к убеждению, что единственный способ решить проблему — насильственно-мобилизационный. Партия снова заговорила языком военной эпохи. В обиход вошли термины «заготовительный фронт», «битва за хлеб» и так далее. Во многих местах опять, как в Гражданскую, начались реквизиции и «изъятие излишков». В аграрные регионы были откомандированы 30 тысяч коммунистов, чтобы организовать на местах экспроприацию хлеба.

Положение было настолько серьезным, что в начале 1928 года Сталин сделал беспрецедентный шаг — отправился на спецпоезде объезжать хлебородные области Сибири, где накануне осенью был собран урожай выше среднего по стране. Поездка была не то чтобы законспирированной, но не освещалась в печати. Генеральный секретарь ездил не выступать перед народом, а инструктировать партийных секретарей.

Это была наглядная демонстрация командных методов управления экономикой, в данном случае сельским хозяйством. Встречаясь с партийными и советскими начальниками, Сталин повсюду говорил, что нужно «нажать на это дело по-большевистски», что политика партии в крестьянском вопросе меняется. Хлеб надо выколачивать любыми способами, а те коммунисты, кто не справится с заданием, будут исключаться из партии и привлекаться к уголовной ответственности. По свидетельству Бухарина, Сталин перед поездкой уверенно заявлял об этих чрезвычайных мерах: «Я один их смогу провести».

На такие же «гастроли» отправились в другие регионы молодые члены сталинской «команды» Андрей Жданов (нижегородский партсекретарь), Анастас Микоян (нарком торговли), Андрей Андреев (северокавказский секретарь) — с целью навести страх на провинциальное начальство, чтобы оно, в свою очередь, навело страх на крестьян.

«Новая экономическая политика» сменялась старой, неэкономической.

По мнению современного историка Олега Хлевнюка, сибирское турне Сталина имело еще и дополнительный смысл. Во-первых, оно знаменовало начало эпохи, когда партия будет активно руководить не только политической, но и экономической жизнью страны. Во-вторых, было задействовано новое ноу-хау, когда ошибки партии и правительства сваливались на кого-то другого — на некие враждебные силы. «Игнорируя формулу об ошибках партийно-советского аппарата (о которых немало говорилось в коллективных директивах Политбюро), он [Сталин] почти целиком перенес акцент на обличение враждебных действий “кулаков” и антисоветских сил», — пишет Хлевнюк.

«Кулаки», назначенные виновниками кризиса, были хороши еще и тем, что у них имелось, чем поживиться. За несколько лет жизни в рыночных условиях образовался слой работящих, предприимчивых

хозяев, зачатки фермерского класса, который неминуемо разросся бы, продлись НЭП дольше. Для представителей власти проще всего было ограбить зажиточную часть крестьянства. Всех их объявили «мироедами», в массовом порядке отдавали под суд за «укрывательство» зерна и «спекуляцию», конфисковали имущество, выселяли.

Возвращаясь из сибирской «командировки», Сталин отбил триумфальную телеграмму в Москву: «Перелом в заготовках начался. За шестую пятидневку января заготовлено вместо обычной нормы 1 миллион 200 тыс. пудов 2 миллиона 900 тыс. пудов». Но на самом деле в целом по стране чрезвычайные меры дали весьма скромный и даже прямо обратный результат. Кампания по выколачиванию зерна провалилась — в 1928 году государство получило его меньше, чем в предыдущем. При этом сложившийся механизм наполнения рынка разрушился, важный ресурс поставки — успешные фермерские хозяйства — был подорван.

В это время на внутрипартийном уровне как раз завершился разгром «правых уклонистов», контроль над печатью полностью перешел к сталинцам, так что критиковать генерального секретаря за ошибки стало некому. В следующий раз Сталина подвергнут партийной критике только после смерти.

К исходу 1929 года у фактического главы государства уже выработалась твердая уверенность: на деревню мало «нажимать по-большевистски», с частным сельским хозяйством и вообще с крестьянством как классом нужно полностью покончить.

Исторические последствия этого решения будут колоссальными. Оно коренным образом изменит страну.

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Поворот от военного коммунизма к «Новой экономической политике» касался не только деревни и не только экономики, он существенно повлиял на все сферы жизни. Наступила — если воспользоваться современным термином — «гибридная эпоха», в которой причудливым образом перемешались элементы социализма и капитализма, диктатуры и свободы, всегдашнего российского и прежде небывалого. Это захватывающе интересное время. В двадцатые годы Советский Союз именно так и воспринимался всем миром — как самое интригующее место на свете, где происходят невиданные вещи и осуществляются неслыханные эксперименты. Одна половина планеты наблюдала за этими процессами с ужасом и отвращением, другая — с восхищением и надеждой. Никогда раньше и никогда потом Россия не вызывала столь интенсивного интереса.

Если совсем коротко изложить суть событий, произошло следующее:

— НЭП решил некоторые проблемы советской экономики, но не самую главную.

— Социальная структура общества коренным образом изменилась.

— Изменилась и повседневная жизнь всех слоев населения.

«НЭП» решил некоторые проблемы экономики, но не самую главную

Разруха, порожденная Гражданской войной, и хозяйственный паралич, вызванный «военным коммунизмом», были всеохватны и отнюдь не сводились к дефициту продовольствия. Мало было вернуть крестьян к земледельческому труду и получить от них «продналог». Зерно и другую сельхозпродукцию требовалось доставить в города, а транспорт находился в полном коллапсе. Помимо еды население нуждалось для выживания и в множестве иных, непродовольственных товаров, а национализированная промышленность фактически

остановилась. Большевики уничтожили частную торговлю, не только оптовую, но и розничную, заменив ее учетно-распределительной системой, которая работала очень плохо. Деньги как кровоток товарных отношений вследствие отмены рынка и гиперинфляции перестали выполнять свою функцию — народ почти полностью перешел на натуральный обмен. Примерно так же было вынуждено существовать и государство, оперируя не сбором и распределением доходов, а реквизициями и раздачами натуральной продукции. Не поступала валюта, поскольку враждебность внешнего мира уничтожила экспорт; прекратился импорт, хотя страна катастрофически нуждалась в самых различных товарах, которых сама производить не могла. Чуть ли не больше всех других слоев населения страдали рабочие — тот самый класс, именем которого и ради блага которого была устроена большевистская «революция». Голод, нищета, безработица, насильственная мобилизация в Красную Армию и на всякого рода трудовые повинности резко сократили численность городского «пролетариата», массово переселявшегося в менее голодную деревню, а те, кто остался в городах, всё больше озлоблялись на большевиков. Вспомним, что кронштадтское восстание происходило на фоне рабочих выступлений в соседнем Петрограде.

Вот далеко неполный список проблем, которые — помимо крестьянской — должна была решить или смягчить «Новая экономическая политика».

Она разворачивалась на протяжении всего 1921 года. Сначала легализовали мелкое предпринимательство, потом разрешили мелочную торговлю, открыли рынки, перестали вылавливать «мешочников», декриминализировали посредников-оптовиков (еще вчера они считались «спекулянтами» и подлежали расстрелу).

По сути дела, большевистское правительство не сделало ничего — лишь отменило им же введенные запреты, но этого оказалось достаточно, чтобы производство базовых сельскохозяйственных и потребительских товаров, а также их оборот, восстановились. На современников, привыкших к тотальному дефициту, это, как уже говорилось, произвело впечатление чуда. В магазинах с каждым днем появлялось всё больше давно забытых товаров, исчезли длинные «хвосты», возродился рынок услуг. Уже в ноябре стало возможно отменить карточки.

Национализацию промышленности остановили, а некоторые заводы и фабрики даже передали в аренду частным лицам. Не препятствовала власть и созданию новых предприятий. Под своим управлением государство оставило только рентабельные отрасли, но и там перешло от командных методов к экономическим — повсюду создавались тресты, обладавшие большой степенью хозяйственной самостоятельности.

В 1921 году тяжелая индустрия производила в восемь раз меньше продукции, чем восемью годами ранее, в 1913 году. Три года спустя — уже только вполовину, а в 1927 году довоенный уровень был достигнут и превышен.

К этому же времени восстановилась нормальная работа транспорта, прежде всего железнодорожного. Его денационализировать не стали — использовали «военнокоммунистические» методы. Наркомом путей сообщения в 1921 году был назначен по совместительству страшный Дзержинский, в чьем распоряжении находились все необходимые для этого инструменты. Железнодорожные жандармские управления имелись и в царской России, но теперь спецслужба не обеспечивала безопасность, а фактически осуществляла управление транспортом. Грозные приказы по вроде бы совершенно гражданскому ведомству Дзержинский многозначительно подписывал «Пред. ВЧК и Наркомпуть» (в такой последовательности).

Торговля и так называемый «общепит» (новый термин) разделились на государственный, кооперативный и частный сектора. В середине двадцатых последний являлся преобладающим. В 1925 году товарообмен превысил довоенный уровень, и на розничном уровне его обеспечивали главным образом торговцы-частники.

Вернулись в обиход деньги. Сначала ограничились деноминацией: выпустили новые «совзнаки» (слово «деньги» считалось старорежимным), которые котировались по отношению к прежним рублям в соотношении один к десяти тысячам, но это инфляции не пресекло, да и не могло пресечь, как объяснили бы большевикам современные финансисты. Тогда применили метод более надежный: восстановили золотое обеспечение купюр. Этому способствовал приток иностранной валюты за счет возродившегося экспорта, прежде всего зернового.

Новая твердая национальная валюта называлась «червонец». Постепенно она вытеснила «совзнаки» и получила международное признание — с 1924 года советские деньги стали конвертируемыми и котировались на мировых биржах. Были выпущены и золотые монеты, равные по весу царским «империалам». Новый рубль соответствовал 50 миллионам «совзнаков» военной поры. Коробок спичек, в начале десятилетия обходившийся в миллион рублей, в середине двадцатых стоил 2 копейки.

Советский червонец

В сфере крупной промышленности частники помочь государству, конечно, не могли (да кто бы им и позволил?), и здесь Ленин надеялся на участие иностранного капитала — того самого классового врага, на бой с которым призывал трудящихся всего мира. Серьезных инвестиций в восстановление рухнувшей индустрии взять больше было негде. Требовались и современное оборудование, и новые технологии, и грамотные инженеры, и — более всего — валюта.

У страны было чем соблазнить иностранных предпринимателей: прежде всего природными ресурсами. И многие западные компании в двадцатые годы пошли на сотрудничество с большевиками, но интересовали этих инвесторов в основном «короткие деньги», то есть быстрая прибыль, а ее можно было получить почти исключительно от добывающей промышленности. Зарубежный капитал охотно

участвовал в добыче сырья, так что поступление валюты более или менее наладилось (хотя все равно не дошло и до половины довоенных показателей), но с развитием индустрии дело обстояло намного хуже. Мало кто хотел вкладываться в советскую экономику «вдолгую». Потенциальных инвесторов отпугивали коммунистическая риторика советской власти, непредсказуемость ее политических зигзагов и дипломатическая напряженность, существовавшая вокруг СССР.

Таким образом в экономическом отношении НЭП решил множество неотложных проблем, угрожавших существованию советского режима изнутри: сумел накормить население, утолить товарный голод, воскресить денежные отношения, облегчить ситуацию с безработицей, однако носителям коммунистических идей этого было недостаточно. «Романтики», к числу которых принадлежала старая большевистская гвардия, по-прежнему стремились к мировой революции; «прагматики» (группа Сталина) собирались строить крепкое государство с сильной армией и развитой военной промышленностью. И для первого, и для второго требовалась самодостаточная экономика — прежде всего мощная тяжелая индустрия. Ее при помощи НЭПа создать было невозможно.

На протяжении двадцатых годов у большевиков сохранялась вера в Марксову утопию, что социалистическая экономика, основанная на планировании и энтузиазме сознательного рабочего класса, эффективнее хищнического и хаотичного капитализма. Новый в экономической практике орган — Госплан — выстраивал стратегию промышленного развития. Профильные наркоматы пытались провести решения этого штаба в жизнь.

Самый известный и пропагандистски восславленный из этих мегапроектов — ГОЭЛРО (Государственный план электрификации России), разработанный еще при Ленине, который, со свойственной ему склонностью к технократическим упрощениям, кажется, действительно верил, что «коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны».

Речь шла не только о строительстве электростанций и линий передач. Планировалось освоение новых топливных районов, строительство заводов, проведение железнодорожных магистралей и водных каналов. Газеты громко рапортовали об успехах, но дело

двигалось негладко и небыстро, потому что не хватало денег и работников. Вернее сказать, у государства не было возможности обеспечить такой уровень зарплат и такие условия труда, чтобы люди сами, добровольно нанимались на великие стройки. Советскому государству придется решать проблему рабочих рук иными, неэкономическими методами.

На фоне быстро развивающегося, прибыльного частного сектора торможение затратных государственных программ выглядело тревожно. Получалось, что социалистическая экономика конкурентно проигрывает капиталистической — на глазах у всего народа.

Межфракционная борьба в руководстве партии отражала конфликт мнений по поводу того, что делать с НЭПом — развивать этот инструмент дальше, как настаивали Рыков и Бухарин, руководствовавшиеся в первую очередь экономическими мотивами, или отказываться от него, как требовали сторонники жесткой линии.

1926 год прошел в дебатах, которые в ноябре, на XV партконференции, завершились партийным призывом к «борьбе с частным капиталом», то есть победой антинэповской группировки. С этого момента начинается давление на предпринимателей — поначалу через увеличение налогов и введение разнообразных ограничений, а затем и репрессивное.

В следующем году международные события, о которых речь впереди — так называемая «Военная тревога 1927 года» — побудили советское правительство взять курс на ускорение государственной индустриализации и на окончательное сворачивание НЭПа. Возобладала установка на командное регулирование (что было совершенно естественно для восстанавливаемой Сталиным государственной модели тотально централизованного управления). В том же году был запущен механизм «пятилеток» — принят первый Пятилетний план, о злоключениях которого будет рассказано в главе, посвященной индустриализации.

Коренным образом изменился социальный облик страны

Россия 1916 года и Советский Союз, скажем, 1926 года производят впечатление двух совершенно разных стран. В истории немного

примеров столь разительной метаморфозы огромного социального механизма, свершившейся за такой короткий срок.

Государство изменило название, было иначе организовано, по-другому управлялось, уменьшилось территориально, лишившись в западной своей части бывших колоний: Польши, Прибалтики, Финляндии. Состав и статус всех групп населения тоже не остался прежним. Некоторые исчезли или мимикрировали, появились новые. Наконец, произошли важные перемены в национальном устройстве бывшей «тюрьмы народов».

При этом декларируемые новации не всегда совпадали с истинным положением вещей, а кроме того, новый социальный облик страны не был фиксированным, он продолжал меняться — и активно меняться на протяжении всего десятилетия.

Начнем с демографии.

Людские потери катастрофического периода 1914–1920 гг. оцениваются учеными очень по-разному. Если выбрать самую простую логику, получается следующее.

В 1914 году в империи проживало около 170 миллионов человек. При среднем ежегодном приросте в 2 процента (эта цифра держалась два предреволюционных десятилетия) без войн и потрясений к 1920 году население составило бы около 190 миллионов. Вместо этого на исходе междоусобицы страна имела 137 миллионов жителей. Если вычесть отделившихся поляков, финнов, латвийцев, литовцев и эстонцев (суммарно 31–32 миллиона человек), получается, что вследствие войн, эпидемий, лишений, репрессий и эмиграции Россия «недосчиталась» 11–12 миллионов обитателей.

Но прекращение боевых действий и, главное, победа над голодом, достигнутая с помощью НЭПа, почти восстановили довоенные темпы прироста. За семь лет, в течение которых страна существовала в относительно либеральных экономических условиях, население увеличилось на 10 процентов.

При этом значительная часть жителей находилась в движении, в поисках лучшей жизни мигрировала из региона в регион, меняла род занятий — приспосабливалась к новым условиям.

Во время гражданской войны, спасаясь от голода, люди потянулись из городов в деревни. Больше всего народу покинуло две столицы.

Москва потеряла почти половину жителей, Петербург-Петроград-Ленинград — больше двух третей.

Теперь началось обратное движение, потому что снабжение в городах налаживалось, а в деревне чужим были не рады. И больше всего, с беспрецедентной быстротой росло население столиц, где проще было найти работу.

Если в 1920 году в Москве жил один миллион человек, то в 1928 больше двух миллионов; в Ленинграде — 1,7 миллиона вместо 740 тысяч. В целом же ежегодный прирост городского населения в стране составлял 5 процентов.

Одной из примет времени стало активное переселение евреев бывшей «черты оседлости» в большие города. Дискриминируемая прежде нация не только обрела равные со всеми права, но еще и заслужила репутацию «революционной», поскольку евреи в основной своей массе активно поддержали большевиков в Гражданской войне.

В Москву в 1920–1928 гг. перебралось около 100 тысяч евреев, которые стали вторым после русских этнокомпонентом населения. Правда, советские евреи при этом переставали считать себя евреями: молодежь не желала говорить на идиш, отвергала этническую и тем более религиозную ментальность — предпочитала считать себя «советскими людьми». Ассимиляция, к которой царское правительство тщетно понуждало эту вечно проблемную часть населения насильственными мерами, происходила добровольно. «Еврейский вопрос», головная боль старого режима, решился сам собой, и советская власть обеспечила себе приток энтузиастических сторонников. В двадцатые и тридцатые годы в белоэмигрантской прессе писали, что евреи заняли в новой России место остзейских немцев — надежного кадрового ресурса романовской империи. По данным исследователя истории советских евреев Ю. Слезкина, доля выпускников вузов среди евреев была в десять раз выше среднего и к концу тридцатых годов представители этой национальности (2 % населения СССР) составляли 15,5 % людей с высшим образованием.

Представители множества других народностей тоже потянулись в столицы и региональные центры, где имелся доступ к образованию и «социальным лифтам». Государство всячески поощряло эту тенденцию.

Оно нуждалось в формировании новой управленческой, научной, технической элиты взамен прежней, «старорежимной» — и особенно в нерусских регионах.

Память о недавнем «параде независимостей», когда от распавшейся империи отделились (или попытались отделиться) колонии, понуждала большевиков относиться к «национальным вопросам» с большой осторожностью. Сталин, бывший «наркомнац», считал себя ведущим специалистом по этому вопросу. В 1922 году ему не удалось убедить Ленина, что новые национальные образования должны стать автономиями внутри Российской Федерации, и возникли четыре союзных республики: Российская, Украинская, Закавказская и Белорусская. В последующие годы, однако, состав Союза постоянно перетасовывался. Появлялись новые республики, повышался или понижался статус уже существующих, целые области передавались из юрисдикции в юрисдикцию. Все эти решения принимались в Москве, и на местах безропотно исполнялись. Мотивы перемен были различными. Чаще всего центральное правительство перекраивало административные границы, стремясь избежать межэтнических конфликтов, но и бывало, что Сталину требовалось сделать политический жест или просто повысить аппаратный вес какого-нибудь особенно полезного соратника. Условность внутренних границ «союза нерушимого республик свободных» была очевидна с самого начала, и чехарда с количеством «субъектов» продолжалась всё время правления Сталина.

С политической точки зрения важнее была идеологическая установка на так называемую «коренизацию», то есть формирование в республиках элит из представителей местных народностей. Эта кампания проходила под знаменем борьбы с «великорусским шовинизмом» и колониализмом, декларировалась как нечто новое и прогрессивное, как торжество ленинско-сталинской национальной политики. На самом же деле здесь, как и во многом, Сталин возвращался к методологии российского империализма. В управлении колониями Царская Россия, в отличие от других держав, издавна делала ставку не столько на русских чиновников из метрополии, сколько на «национальные кадры»: включало местную аристократию в состав российского дворянства и тем самым обеспечивало ее лояльность. Такая система работала гораздо лучше, чем британское или

французское снобирование «туземных вождей». Теперь новым дворянством стала «номенклатура», и ее ряды активно пополнялись за счет «нацкадров».

На центральном и общесоюзном уровне тоже активно происходила замена прежнего «верхнего слоя» на новый. С управленческими кадрами было проще — их поставляли партийные организации (и вообще командовать можно без университетского образования), но обеспечить нужды государства, экономики и общества грамотными специалистами, армию — квалифицированным комсоставом, науку — учеными было намного труднее. Часть прежнего образованного сословия превратилась или, как тогда говорили, перековалась в «совслужей» и разного профиля «спецов», но, во-первых, подобные люди считались идеологически ненадежными, а во-вторых, для гигантских планов, которые вынашивала новая власть, этих людских ресурсов было недостаточно. Требовались сотни тысяч учителей, чтобы научить неграмотную Россию читать, сотни тысяч инженеров — «двигать» индустриализацию, и так далее, и так далее.

Наскоро созданная система образования (о ней будет рассказано ниже) с поразительной скоростью поставляла специалистов, которым предстояло решать задачи невиданного масштаба и огромной сложности. В 1930 году в высших учебных заведениях было в два с лишним раза больше студентов, чем в 1914 (272 тысячи против 127 тысяч). За время двух первых пятилеток (1928–1937) вузы выпустят полтора миллиона специалистов! Вдвое увеличилось число научных работников — это объяснялось еще и тем, что международная изоляция привела к обособлению науки и техники, доступ к новым открытиям и изобретениям был ограничен, и приходилось дублировать ту же научную работу, которую делали иностранные исследователи. У Советского Союза всё должно было быть собственное — пусть худшего качества, зато свое.

Особенностью формирования новой интеллигенции являлось то, что ей предписывалось стать «рабоче-крестьянской». На пути «наследственной образованности» власть возводила всяческие преграды. Если раньше «процентной нормой» ограничивали поступление в вузы евреев, то теперь тот же принцип применялся по отношению к выходцам из «непролетарских» сословий. Советское государство ставило задачу наладить выпуск «интеллигентов в первом

поколении». «Советская интеллигенция» по культурному уровню и эрудиции сильно уступала дореволюционной, зато количественно быстро обогнала свою предшественницу.

О переменах в жизни основного класса, крестьянства, мы уже говорили. На цифрах эта динамика выглядит следующим образом.

Дж. Боффа приводит статистику двадцатых годов, по которой видно, что пропорция «середняков» и «кулаков» от года к году возрастала, а количество бедняцких и «пролетарских» (батрацких) семей сокращалось. В 1927 году, накануне сибирской инспекционной поездки Сталина, после которой начались репрессии против зажиточных сельских хозяев, в стране насчитывался почти миллион «кулацких» семейств, это 4 процента от всего деревенского населения. Середняков было 62,7 %. Таким образом две трети крестьян сумели неплохо приспособиться к новым условиям жизни. Для сравнения — в царской России начала XX века пропорция была обратной: две трети крестьянства относились к категории бедняков и безземельных «пауперов» (нищих).

Как ни странно, положение «победившего класса», рабочих, изменилось меньше, чем следовало бы ожидать, и уж точно меньше, чем сулили большевики. Собственно говоря, обещание превратить жизнь людей, занимающихся тяжелым, грязным, изнурительным трудом, в земной рай являлось заведомой небылицей, но большевики долгое время не могли обеспечить рабочим и того уровня существования, который они имели до революции.

«Завоевания социализма», конечно, были, и о них будет рассказано, но в основном они имели декоративный и декларативный характер. Объявленные «хозяевами страны» рабочие мало получали и жили скудно.

Численный состав рабочего класса, очень сократившийся в годы Гражданской войны, с оживлением производства начал восстанавливаться, но на протяжении всего десятилетия все равно оставался незначительным. Если исключить мелкие, кустарные и частные предприятия, то занятых в крупной промышленности (то есть «настоящих» рабочих) в 1922 году насчитывался всего миллион человек, а в 1927 — два с половиной миллиона, тоже немного.

Безработица, которая согласно официальной идеологии, являлась бичом капитализма, оказалась проблемой и для социалистического

общества, при этом она не сокращалась, а наоборот росла. На исходе НЭПа на биржах труда было зарегистрировано полтора миллиона человек. Рабочие руки требовались на «ударных стройках», но уезжать в глушь, на каторжный труд в совсем уж тяжелых бытовых условиях хотели немногие. Переизбыток рабочей силы в городах и дефицит на «передовом фронте индустриализации» стал одной из проблем, по которым политическое руководство страны решило свернуть НЭП.

Возникло в двадцатые годы и совсем новое сословие — в процентном отношении не столь многочисленное, но активное. Это были люди, поверившие в серьезность НЭПа и занявшиеся самостоятельной предпринимательской деятельностью: мелким производством, торговлей, предоставлением услуг. Поначалу, когда власть была заинтересована в развитии этого сектора экономики, бизнесменов романтически называли «красными купцами», потом вошел в употребление неприязненный термин «совбуры» («советские буржуи»), но со временем утвердилось несколько ироническое определение «нэпманы», подчеркивавшее инородность этого социального явления в условиях коммунистической действительности.

Подсчитать количество «нэпманов» довольно трудно, поскольку провести границу между ремесленником, работавшим на самого себя, но иногда использовавшим помощников, и хозяином, жившим за счет наемного труда, непросто. Местные власти часто решали произвольным образом, кто нэпман, а кто нет. Известно, что на пике НЭПа более или менее крупных частников насчитывалось около 200 тысяч. Всесоюзная перепись 1926 года причислила к «несельскохозяйственной буржуазии» 2 340 000 человек, еще несколько миллионов находились в «серой зоне». Если прибавить сюда «сельскохозяйственную буржуазию» — фермеров, которые для сезонных работ нанимали помощников, — цифра получается довольно внушительная.

Существование частного сектора было весьма небезоблачным. Государство и так называемая «общественность» относились к «совбурам» враждебно, коммунистическая пресса всячески разжигала у народных масс зависть и ненависть к нуворишам. Постоянно возрастало фискальное бремя — во второй половине десятилетия налог на нэпманов превышал 50 % дохода и взымался безжалостно, часто с нарушением правил. Через некоторое время частников начали подвергать и политическому остракизму. Торговцев, посредников,

работодателей стали причислять к категории «лишенцев» — лиц с ограниченными гражданскими правами. Наименее чувствительной потерей было лишение избирательного права, которое при советской власти с самого начала являлось фикцией. Но имелись ограничения и более болезненные: запрет на получение высшего образования (в том числе для членов семей), запрет на занятие каких-либо должностей, лишение пенсии и так далее.

Неудивительно, что с 1928 года, когда стартовало «наступление на нэпмана», частники начали массово прекращать свою деятельность, так что всё это сословие за короткий срок в два-три года полностью исчезло.

Изменилась повседневная жизнь всех слоев населения

В стране произошла не только социальная, но и ментально-культурная революция — если трактовать понятие «культура» в широком смысле. Люди теперь по-другому жили, по-другому воспринимали действительность, обрели новые привычки и утратили прежние, верили в иные вещи, обзавелись новыми жизненными ориентирами. Изменились представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо». После чудовищной встряски Гражданской войны это было естественно и неизбежно.

Со столетней дистанции, зная всё, что мы теперь знаем, легко поддаться искушению видеть тогдашние метаморфозы в исключительно черном цвете, но это было бы такой же неправдой, как слащавое восхваление «завоеваний социализма» в сочинениях советских официальных историков.

Завоевания безусловно были, и немалые. Особенно ощущались они именно в двадцатые годы. Потом некоторые из них были отменены, обесценены или извращены.

Каковы же были основные достижения советской власти?

Самым впечатляющим из них, конечно, стала **революция в системе образования**.

Царское правительство много лет обсуждало проблему неграмотности — и очень мало что сделало. Перед мировой войной министерство народного просвещения осторожно предполагало, что создать школы для всех детей без исключения можно будет в 1928 году

— раньше не появится бюджетных возможностей. По количеству взрослых людей, не умеющих читать (44 % мужчин и 74 % женщин), Россия находилась — с огромным отрывом — на последнем месте среди так называемых «держав».

У разоренного, нищего советского государства средства для создания программы всеобщего обучения — не только детей, но и взрослых — нашлись. Кампания «ликбеза», инициированная еще в 1920 году, со временем была развернута по всей стране, включая национальные окраины, где иногда не существовало и собственной письменности (ее пришлось изобретать). Искоренение неграмотности было объявлено «борьбой» и даже «фронтом» — в те времена в ходу была милитаризованная фразеология.

Плакат «Ликбеза»

Обязательное начальное образование начало вводиться в союзных республиках с 1924 года. Для этого понадобилось вдвое увеличить число педагогов, резко понизив требования к их профессиональной подготовке. Учителем можно было стать по окончании семилетки и

коротких педагогических курсов — считалось, что для преподавания в начальной школе этого достаточно.

Успехи образования, пускай элементарного, выглядели впечатляюще. Уже к 1926 году грамотных впервые стало столько же, сколько неграмотных; к 1930 году соотношение стало 2:1. Десять миллионов взрослых научились читать, писать и считать в «ликпунктах» («пунктах ликвидации неграмотности»).

Другим важным прорывом стало построение **системы социального обеспечения**, которое до революции или вовсе отсутствовало, или полагалось на инициативу органов общественного самоуправления и частных благотворителей. Наркомат соцобеспечения был учрежден еще в апреле 1918 года. По-настоящему он заработал только по окончании Гражданской войны и сначала из-за скудости бюджета имел немного возможностей, но они понемногу расширялись. Сначала удалось обеспечить пенсии и пособия инвалидам, затем представителям наиболее важных профессий (например, учителям и некоторым категориям рабочих). До введения полноценной государственной пенсии дело, однако, не дошло и дойдет еще очень нескоро. (Крестьяне, например, получат право на пенсию только в 1964 году). В середине же двадцатых из 6 миллионов людей пожилого возраста пенсию получали только 500 тысяч, то есть меньше 10 процентов, но и это следует считать внушительным результатом по сравнению с дореволюционной ситуацией.

Заинтересованное в повышении рождаемости, государство ввело пособия по уходу за младенцами, начало создавать ясли и детские сады. Делалось это в рамках «борьбы за раскрепощение женщины», и **введение гендерного равенства** тоже является безусловной заслугой нового режима. Всеобщее избирательное право (повторюсь) при отсутствии демократии практического значения не имело, но право на равенство в зарплатах и «лифты» для профессионального и карьерного роста женщин делали СССР в этом отношении самой передовой страной планеты. Правда, женщины высших партийных и государственных постов все же не достигали, но это уже следствие сталинской личной мизогинии. Зато в двадцатые годы в Советском Союзе возник новый для человеческой цивилизации способ семейного существования, когда на работу стали ходить и муж, и жена. Со временем это станет общепринятой нормой.

В бывшей колониальной империи, где имелась своего рода иерархия национальностей с народами первого, второго и третьего сорта (наверху этой пирамиды находились «великороссы», в самом низу евреи), теперь **отменялась и осуждалась всякая национальная дискриминация**. В начале XX века это тоже было серьезной новацией, имевшей большое пропагандистское значение для международной деятельности советского государства, которое и в этом смысле выглядело образцом для подражания. Впоследствии национальная дискриминация возобновится и примет экстремальные формы (репрессиям будут подвергаться целые народы), но в двадцатые годы все нации в СССР действительно были равны.

После нескольких лет НЭПа повысился жизненный уровень — в 1927 году средняя зарплата достигла дореволюционных показателей. С учетом катастрофического падения жизненных стандартов в военные годы это было обнадеживающей тенденцией. Через десять лет после революции рабочие стали жить по крайней мере не хуже, чем при царе, а крестьяне даже и лучше. Конечно, страна все равно оставалась очень бедной. Из-за массовой миграции в столицы там возник острый жилищный кризис (советская власть с ним так никогда и не справится). Однако городской пролетариат и раньше обитал в бараках и подвалах. «Коммуналки» и общежития были не хуже.

В смысле психологическом важнее всего было не увеличение, а **выравнивание доходов населения**. Социалистический лозунг всеобщего равенства отчасти осуществился — это тоже было важным козырем коммунистической пропаганды. При Ленине был введен «партмаксимум» — правило, согласно которому член партии, сколь бы ответственный пост он ни занимал, не мог получать оклад выше, чем 150 % средней зарплаты по отрасли. Колоссальная разница между богатыми и бедными, свойственная всем прежним историческим формациям, казалось, ушла в прошлое. Богатыми были только «нэпманы», но они и платили за это поражением в правах. Новое дворянство, номенклатура всех ступеней, очень тяготилась «партмаксимумом», но на протяжении всех двадцатых годов этот лимит сохранялся.

Наконец, весьма плодотворным результатом общественных перемен стал **подъем и расцвет культуры**, всегда чутко реагирующей на выброс духовной и нервной энергии. В двадцатые годы происходило

очень много интересного в самых разных областях искусства. Драматичный личный опыт участия в беспрецедентных событиях побудил талантливых художников к созданию столь же беспрецедентных произведений. Если творчество советских писателей и поэтов при всей яркости оценить по достоинству могли только носители языка, то эксперименты в живописи, кинематографе, музыке получили и международное признание — а также стали превосходной рекламой коммунистического Нового Мира.

Всплеск творческой активности продлится столько же, сколько просуществует НЭП. Сворачивание экономических вольностей будет сопровождаться и «закручиванием гаек» в искусстве. Общая тенденция к контролированию всех сфер жизни, конечно, не могла обойти стороной культуру. Сталин очень серьезно относился к общественному влиянию художников, прежде всего литераторов. Вождю были не нужны новые Некрасовы и Толстые, которые будут сеять в умах разброд и вольномыслие. Ему требовались Фаддеи Булгарины и Несторы Кукольники. Дело было не в «антисоветскости» отдельных писателей и поэтов (все они за редким исключением являлись энтузиастическими сторонниками нового строя), сколько в непредсказуемости самого творчества. В тридцатые годы государство закрепостит и эту эфемерную зону деятельности через систему «творческих союзов», своего рода отраслевых департаментов по управлению культурой.

Проблема **управления сознанием** вообще была одной из постоянных забот советской власти, частью ее генеральной стратегии. Так называемой идеологической работе придавалось колоссальное значение. Со временем установится аппаратная партийная иерархия, по которой в каждой области и каждом районе следующим по рангу после «первого секретаря» будет считаться пост «секретаря по идеологии».

Задача тотальной идеологической индоктринации была колоссальной и тоже беспрецедентной. Требовалось за короткий срок изменить образ мысли, нравственные обыкновения, жизненные ценности всего народа.

Бывший семинарист Джугашвили очень хорошо сознавал силу религии и веры — а также опасность истинного атеизма, не признающего никаких «надчеловеческих» гипотез. Поэтому

магистральным направлением советской идеологии было не разрушение религии, а замена одной веры на другую.

Эта работа складывалась из двух компонентов: создания новой «церкви» и разрушения прежней.

Первая линия проводилась в жизнь простым и надежным способом полного исключения всех альтернативных взглядов в сочетании с массированной постоянной пропагандой. Человек был со всех сторон окружен наглядной, печатной, слуховой (быстро развивалась радиосеть) и даже топографической агитацией. Города и улицы меняли прежние названия на советские. Именами вождей и коммунистических героев нарекали заводы, пароходы, учреждения, парки — что угодно. Главным храмом новой религии стал Мавзолей на главной площади страны. Там лежали нетленные мощи Прежнего Вождя, чьими портретами и памятниками постепенно заполнялось всё общественное пространство. С конца двадцатых рядом всё чаще вывешивали и портрет Нового Вождя, а скоро появятся и прижизненные памятники ему. В полную меру эта сакрализация развернется в тридцатые годы, но подготовительная работа велась уже в двадцатые.

Пропаганда коммунистических фантазий и «советской морали», построенной на нечаевском постулате «что нужно партии, то и нравственно», была бы малоэффективна без демонтажа «старорежимной» религии и традиционной морали. Человек, устраивавший советскую власть, прежде всего должен был нерассуждающе в нее верить, а это исключало все иные психологические зависимости.

Азербайджанский плакат 1938 года

В двадцатые годы государство вело постоянное наступление на церковь. С куполов снимали христианские кресты и мусульманские полумесяцы, храмы конфисковывались и перестраивались, священников всех конфессий подвергали репрессиям. Чтобы они не обретали ореола мучеников, советский агитпроп выработал глумливую, карикатурную тактику высмеивания и принижения «попов» — возникли учреждения, печатные органы и организации, в исключительную задачу которых входила дениграция веры и духовного сословия.

Для искоренения религии были созданы специальные структуры: сначала Антирелигиозная комиссия при ЦК, а затем массовая организация «Союз воинствующих безбожников», в которой состояло 3 миллиона членов. «Союз» имел собственные печатные органы, проводил съезды, устраивал широкие кампании по борьбе с «религиозными предрассудками». Например, трудящихся призывали не хоронить умерших родственников по-христиански, в земле, а предавать их кремации. Вредным пережитком была объявлена, а затем и вовсе запрещена новогодняя елка — в ней усматривали празднование Рождества.

В царской России существовало множество церковных праздников, народ к ним привык, и советская власть, которая еще с революционных времен дефицит хлеба восполняла «зрелищами», попробовала заменить религиозную обрядность атеистической. В двадцатые годы развернулось движение по наполнению прежних ритуалов новым содержанием.

Например, появилось «комсомольское рождество»: шумное гульбище с «крестным ходом», после которого сжигали иконы, с ряжеными «попами» и «святыми». Проводились «комсомольские колядки» и «комсомольские пасхи». В повседневной жизни велась пропаганда «красных свадеб» и «комвенчаний», «социалистических крестин», «безбожных похорон» и даже «коммунистических отпеваний».

Вся эта карнавальность со временем отомрет, потому что государство перестанет опасаться церкви. Она в России никогда не

пыталась противиться «кесарю», найдет РПЦ общий язык и с безбожной властью.

Но в двадцатые годы антирелигиозная пропаганда считалась очень важным направлением государственной политики. Возглавлял ее Емельян Ярославский, один из старейших большевиков и вернейший соратник Сталина. В 1929 году в первомайской статье газеты «Правда» Ярославский опубликовал грозную статью, в которой заявил, что все «служители культа» (полтора миллиона человек) — это «махровая контрреволюция, еще не попавшая в Соловки, еще притаившаяся в складках огромного тела СССР, паразитирующая на этом теле».

Однако арестовать поголовно всех представителей духовного сословия и полностью запретить «отправление культа» государство не решилось, опасаясь, что это вызовет массовое возмущение в «отсталых слоях населения». Расчет был на то, что «замена религии» произойдет естественным образом: верующие в Бога состарятся и вымрут, а у нового поколения будет уже другая вера. В целом эта программа работала. Влияние церкви на молодежь от года к году сокращалось.

Журнал «Безбожник». 1924 г. Почему-то досталось и кошке

Государство тратило огромные усилия на идеологическое воспитание подрастающего поколения. Для юношества существовал Комсомол (создан в 1918 году), для подростков — Пионерская организация (1922), для совсем маленьких детей — организация «октябрят» (1924), и все эти структуры одной из главных своих задач считали пропаганду «безбожничества».

В 1922 году государство попыталось ускорить процесс духовной лоялизации, инициировав создание так называемой «Живой Церкви», которая, сохраняя православную обрядовость, послушно служила бы большевикам, но эта декорация не обрела популярности среди верующих и ее постепенно свернули. Вновь к идее полезности «управляемой церкви» государство вернется только во время Отечественной войны.

Со временем будет разработана целая теория о «новой исторической общности — советском народе» и о «советском человеке» как новом типе личности. При всей официозной помпезности эта концепция отчасти отражала реальность. С двадцатых годов начинала формироваться новая советская цивилизация, обитатели которой по своей ментальности будут сильно отличаться как от прежних россиян, так и от современников-иностранцев.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НОВОГО ГОСУДАРСТВА

Гражданская война доказала, что «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней». Но в том же 1920 году, когда был сочинен этот бравурный марш, польская война продемонстрировала, что в вооруженном конфликте даже с небольшим иностранным государством большевики одержать победу не могут.

Ощущение своей военной слабости, угрозы со стороны враждебного окружения, международной изолированности в двадцатые годы являлось решающим фактором, определявшим политику советского государства. Путь, по которому в результате двинулся СССР — путь форсированной милитаризации и превращения всей страны в военный лагерь — был выбран не только из-за сталинского властолюбия, но и по объективным причинам, под давлением международной ситуации.

Колебания советской внешней политики 1920-х годов можно описать следующим образом:

— В первый послевоенный период лозунг мировой революции создавал стране много проблем.

— После смерти Ленина международное положение СССР несколько улучшилось вследствие перехода от революционного романтизма к прагматизму.

— Внешнеполитический кризис 1927 года привел к новому изменению курса.

Лозунг мировой революции создает стране проблемы

Большевистские вожди — в первую очередь Ленин и Троцкий — рассматривали победу в «одной отдельно взятой стране» как первый шаг к мировой революции, которая является главной целью всего большевистского движения. Поэтому в Москве был создан Коммунистический Интернационал. Ленин называл его «преддверием интернациональной республики Советов».

Западный поход 1920 года был не просто военной операцией против «белополяков», а попыткой экспорта революции в Европу. Советские руководители планировали установить социалистический режим сначала в Польше, потом в Германии и затем «пронести красное знамя» еще дальше.

В тот момент подобная перспектива вовсе не выглядела фантастической. Европа пребывала во взрывоопасном состоянии. В Германии и Австро-Венгрии произошли сначала антимонархические революции, а затем в отдельных регионах (Баварии, Венгрии) и коммунистические. Эти выступления были подавлены, но леворадикальные настроения сохранялись во многих странах, и пример Советской России, а также деятельность Коминтерна побуждали местных коммунистов вести антиправительственную борьбу. Повсюду возникали коммунистические партии, ориентировавшиеся на Москву.

Главным инструментом внешней политики Советов в этот период был вовсе не наркомат иностранных дел, а Коминтерн; главным оперативным методом не дипломатия, а подрывная работа.

Ничего, кроме проблем, молодому государству это не приносило.

При этом «международное поведение» социалистического государства в двадцатые годы не было последовательным, оно прошло через несколько стадий.

Поначалу, пока страной руководил Ленин, доминировала агрессивная линия «разжигания мирового пожара». Коминтерновские эмиссары участвовали во всех левых восстаниях и возмущениях, где бы те ни происходили, а иногда сами инициировали эти инциденты.

В марте 1921 года «спартакисты» (немецкие левые марксисты) устроили вооруженный путч в Саксонии. Он был подавлен. В 1923 году большевистское политбюро приняло решение готовить новое восстание во всей Германии. План опять провалился.

Неудачей закончилось и восстание болгарских коммунистов в сентябре 1923 года.

Ленинская тактика прямого действия не срабатывала — наоборот, вызывала обратную реакцию и приводила к власти в соседних странах правые силы, относившиеся к Москве с непримиримой враждебностью.

Но активность Коминтерна вовсе не ограничивалась Европой. Бурлила и Азия. Рассыпалась Османская империя, что вызвало цепную реакцию межнациональных и гражданских войн. В огромном Китае с

начала 1910-х годов царил хаос. Во многих странах активизировалось антиколониальное движение.

И повсюду, где только можно, действовали коминтерновские агенты.

Декларируя идеи интернационализма, Москва в то же время активно развивала отношения с националистическими движениями азиатских стран по принципу «враг моего врага — мой союзник». Врагом номер один при этом считалась Британия, главная колониальная держава. Большевики поддерживали антибританские силы в Афганистане, Иране, Турции. Союзниками считались даже панисламисты и пантюркисты.

В Китае большевики заключили союз с националистической группировкой Гоминьдан, контролировавшей южную часть страны, и враждовали с северным анклавом диктатора Чжан Цзолиня, поскольку тот привечал белогвардейцев.

Азиатская политика Москвы однако тоже не была успешной. Заигрывание с пантюркизмом чуть было не обошлось потерей Средней Азии (инцидент с Энвер-пашой). Все азиатские националистические правительства, укрепившись, начинали расправляться с местными коммунистами. Китайские маневры советской политики привели к тому, что Гоминьдан начал войну против усилившихся коммунистов, а Япония стала считать СССР своим соперником в дальневосточном регионе, и это станет источником острой напряженности.

В отношении международного социалистического движения политика Коминтерна делала резкие повороты. После окончания мировой войны оно разделилось на два крыла: революционное и эволюционное. Последнее сосредоточилось на мирных методах борьбы и добилось существенных успехов. Умеренные социалисты стали побеждать на выборах, превращаться в серьезную политическую силу.

Большевики видели в этой тенденции и потенциал для увеличения своего влияния, и угрозу для мировой революции. В Москве брала верх то первая линия, то вторая.

На III конгрессе Коминтерна летом 1921 года Ленин призвал к созданию единого фронта с зарубежными социал-демократами, что совпадало и с поворотом внутренней политики Советов от «военного

коммунизма» к НЭПу: большевики декларировали готовность к большей маневренности.

Точно так же период «смягчения» и закончился. Когда в конце двадцатых в Москве решили сворачивать внутреннюю либерализацию, была ужесточена и политика Коминтерна — произошел разрыв с европейскими «социал-соглашателями», что привело к расколу всего международного левого движения.

С точки зрения политической стратегии это означало, что сталинское правительство переключается с «всемирных» целей на внутренние. На уровне фразеологии ВКП(б) от идеи мировой революции не отрекалась, но фактически эта концепция снималась с повестки дня. Сталин найдет коминтерновским структурам иное, более узкое и практическое применение.

Постоянно менялась и ситуация в мире.

В результате ужасной войны одни государства разрушились, другие существенно преобразовались. Возникли и новые страны. Эти драматические процессы сопровождались всякого рода потрясениями.

Обескровленная Франция очень полевела. Британия переживала кризис, связанный с ирландским освободительным движением, теряла влияние в Азии и с трудом удерживала главное свое владение — Индию. Статус первой державы перешел к Соединенным Штатам, которые при активном, глобально мыслящем президенте Вудро Вильсоне стали претендовать на мировое лидерство. Германия была унижена и разорена непосильными репарациями. «Лоскутная» габсбургская империя распалась на несколько государств. В Италии военные тяготы и послевоенный хаос привели к власти фашистскую партию, которая представляла собой ультраправый ответ ультралевой угрозе. Япония, мало пострадавшая от войны и очень усилившаяся, готовилась распространить свое влияние на всю восточную Азию, прежде всего на Китай.

Искры революционной пропаганды, летевшие из Советской России в эту пороховую бочку, заставляли капиталистические правительства относиться к возмутителю спокойствия с крайней настороженностью. Интервенция и белое движение потерпели крах, но в начале двадцатых у врагов Москвы была надежда, что небывалое

государство развалится само собой под грузом внутренних противоречий.

Вскоре после введения НЭПа стало ясно, что советская власть пришла надолго и что с ней придется как-то сосуществовать. Однако первые дипломатические попытки закончились неудачей.

Весной 1922 года в Генуе состоялась международная конференция по урегулированию европейских проблем и противоречий. На нее впервые прибыла советская делегация, но держалась она непримиримо: отказывалась выплачивать огромный российский долг (18,5 миллиардов золотых рублей), требовала репараций за интервенцию на сумму в 40 миллиардов, устраивала пропагандистские демарши вроде предложения «всеобщего разоружения», что в тогдашних условиях было чистейшей демагогией. Особенное раздражение держав вызвал тайный двухсторонний договор России с Германией, подписанный прямо во время трудных генуэзских дискуссий. Две страны-парии отказывались от взаимных экономических претензий и восстанавливали дипломатические отношения.

В общеполитическом смысле для Москвы вреда от этого соглашения было больше, чем пользы. Ни серьезных инвестиций, ни участия в концессиях от нищей Веймарской республики ждать не приходилось, а в следующем 1923 году коминтерновские революционные интриги сильно испортили наметившееся советско-германское сближение.

Главное же — западные лидеры не доверяли советскому вождю, никогда не скрывавшему своих планов «мирового пожара». Соединенные Штаты отказались участвовать в Генуэзской конференции, когда стало известно, что руководителем советской делегации будет Ленин. В конечном итоге больного предсовнаркома заменил наркоминдел Чичерин, но позиции американцев это уже не изменило.

В мае 1923 года произошел серьезный конфликт с Англией, спровоцированный, с одной стороны, вызывающим поведением Москвы, с другой — намеренно обостренный британским правительством, которое желало положить предел возросшей активности Коминтерна.

Предлогом стал арест английских рыболовецких траулеров в спорной морской зоне и репрессии против британских граждан, обвиненных в шпионаже. Министр иностранных дел лорд Керзон предъявил ультиматум, требования которого выходили далеко за пределы этих частных инцидентов. Лондон потребовал пресечения «антибританских интриг» в Иране, Афганистане и Индии, а кроме того — что являлось прямым вмешательством во внутренние дела СССР — прекращения гонений на православную церковь. В противном случае должен был произойти полный разрыв всех контактов, а по тону ноты («правительство Его Величества будет считать себя свободным от обязательств») можно было предположить, что вероятны и более грозные последствия.

Москва восприняла ультиматум как угрозу новой интервенции и отреагировала нервозно. По всей стране прокатилась волна воинственных митингов и манифестаций, газеты разразились задиристыми статьями и лозунгами («Лорду — в морду!»), однако требования Лондона были выполнены: корабли отпущены и рыболовство разрешено, компенсации репрессированным британцам выплачены, деятельность в Азии временно приторможена и даже патриарха Тихона выпустили из-под ареста.

Плакат кампании «Лорду в морду!»

Фактическая блокада советского государства, политическая и экономическая, продолжалась до тех пор, пока был жив Ленин.

Международное положение СССР улучшается

Но со сменой власти в Москве — сразу же после смерти Ленина и политического ослабления другого «революционного романтика», Троцкого — ситуация начала выправляться.

Уже в феврале 1924 года произошел прорыв — Британия установила дипломатические отношения с Советским Союзом. Этот шаг стал возможен еще и потому, что в стране, являвшейся главным оппонентом Москвы, на выборах впервые победили социал-демократы — левоцентристская Лейбористская партия, опиравшаяся на поддержку профсоюзов и рабочего класса.

В том же месяце восстановились и отношения с Италией, несмотря на то, что у власти там находилась враждебная коммунистам фашистская партия. В сближении были заинтересованы обе стороны. Советскому Союзу нужно было избавиться от международной изоляции, Муссолини — продемонстрировать Европе независимость своего политического курса. Тон советской прессы по отношению к недавно еще ненавистному режиму «чернорубашечников» сразу изменился. «Они [итальянские фашисты] создали сильную боевую партию, — почтительно писал журнал «Огонек», — …проявили решительность, быстроту и умение маневрировать».

Летом 1924 года на выборах во Франции победил «Левый картель», социалистическая коалиция — и еще одна ведущая держава признала СССР. Этому примеру последовали скандинавские страны, Австрия, Греция.

Временно уменьшилась напряженность и на восточных рубежах. В мае 1924 года советским дипломатам удалось договориться с Китаем по важному вопросу контроля над Китайско-Восточной железной дорогой, главной коммуникационной системой всего северо-востока страны. Согласно достигнутому компромиссу, управление самой дорогой передавалось советской стороне, но гражданская власть в зоне КВЖД переходила к Китаю.

Это укрепило позиции Москвы в отношениях с Японией, которая по-прежнему удерживала северную, российскую часть Сахалина. В январе 1925 года в Пекине был подписан договор, по которому японцы возвращали половину острова и получали — на выгодных условиях — нефтяную и угольную концессию.

В 1924–1925 гг. был заключен еще ряд крупных концессионных контрактов, так необходимых советской экономике, однако усилия

Наркоминдела по нормализации международного положения СССР всё больше входили в противоречие с деятельностью Коминтерна, который по-прежнему активно участвовал в антиправительственных движениях разных стран.

В октябре 1924 года в Англии был опубликован тайный меморандум Зиновьева, призывавший местных коммунистов готовить гражданскую войну. Впоследствии было доказано, что это фальшивка, изготовленная при участии знаменитого Сиднея Рейли, бывшего британского разведчика и заклятого врага большевиков, но репутация «вождя Коминтерна» Зиновьева была настолько одиозной, что все поверили, и лейбористы проиграли выборы, а уже подготовленный англо-советский торговый договор не получил ратификации.

В 1926 году Зиновьев лишился своего поста, упразднили и саму должность председателя исполкома Коминтерна — у мирового коммунистического движения мог быть только один Вождь. С этого момента организация окончательно утрачивает самостоятельное значение и послушно следует курсом ВКП(б), лавируя вместе с ним.

Вскоре, однако, произошли события, которые положили конец кратковременной оттепели в отношениях Советского Союза и с Западом, и с Востоком.

Внешнеполитический кризис 1927 года

В двадцатые годы наиболее трудные отношения у СССР были с тремя странами: Польшей, Британией и Китаем.

Первая считалась самым географически близким и потому особенно опасным врагом. Там нашли убежище остатки антисоветских военных формирований, иногда предпринимавшие рейды на советскую территорию. Живо было и болезненное воспоминание о поражении 1920 года. В Москве бдительно следили за польской внешней и внутренней политикой, тревожились, что соседнее государство может стать плацдармом Запада для новой интервенции.

У поляков тоже были веские основания подозревать Советский Союз в агрессивных и подрывных намерениях. Особенное беспокойство Варшавы вызывало наметившееся сближение между Москвой и Берлином. У Польши с Германией имелись взаимные территориальные претензии, и страх оказаться меж двух враждебных

государств побуждал польское правительство искать союзников среди держав-победительниц, а это, в свою очередь, повышало градус советской настороженности.

В 1926 году отношения еще больше обострились, потому что в Польше произошел переворот и установилась диктатура Юзефа Пилсудского, которого большевики считали лютым врагом Советов. Совнарком предложил заключить пакт о ненападении — предложение не было принято. А в июне 1927 года в Варшаве застрелили советского посла Войкова. Конфликт дошел до высшей точки.

К этому времени международное положение СССР и без того стало шатким — на двух остальных чувствительных направлениях, английском и китайском, тоже разразились бури.

В начале года в Китае произошел разрыв между Гоминьданом и коммунистами. Москва выступила на стороне последних, и в ответ правительство Чан Кайши инициировало разгром советского представительства в Пекине, а затем выслало всех большевистских военных советников. Китайскому правителю придала решимости поддержка Лондона, давно искавшего повода для «укрощения» советской экспансии. В предыдущем 1926 году Англию потрясла всеобщая стачка, на время парализовавшая страну и поставившая ее на грань гражданской войны. Явная и тайная помощь, которую Коминтерн оказывал бастующим, усилила позицию кругов, которые считали, что с Советским Союзом следует вести себя жестко.

В феврале Англия потребовала от Москвы прекратить вмешательство в китайские дела, а когда ободренный этим демаршем Чан Кайши перешел в наступление, Лондон разорвал с СССР дипломатические и торговые связи.

В это же время ухудшились отношения с Францией, потребовавшей отзыва советского посла. Произошло несколько вооруженных столкновений на китайской и польской границах.

Эта цепочка событий получила название «Военная тревога 1927 года».

В Советском Союзе начался настоящий психоз — еще более острый, чем во времена «ультиматума Керзона». ЦК выступил с обращением «ко всем рабочим и крестьянам», призывая их «отразить империалистическую агрессию». На XV партийном съезде Сталин

объявил, что времена «мирного сожительства» с Западом закончились и что ситуация напоминает 1914 год.

Именно в этот момент, на волне тревожных ожиданий, в сталинском окружении и было принято решение переходить от НЭПа к политике «осажденного лагеря», подчинить всю политику главной цели — повышению обороноспособности страны.

Некоторые историки считают, что реакция советского руководства на внешнеполитический кризис была преувеличенной, что Сталин намеренно нагнетал напряженность ради установления своей личной диктатуры, однако дело было не только в сталинских амбициях. В военном и экономическом отношении Советский Союз действительно был очень слаб.

Красная Армия, в рядах которой к концу Гражданской войны состояло более 5 миллионов солдат, сократилась почти десятикратно. Ее вооружение устарело; оборонная промышленность могла обеспечить потребность в патронах всего на 8 процентов; в строю находилось лишь полторы сотни бронеавтомобилей и танков. По данным советской разведки Красная Армия не смогла бы противостоять даже коалиции небольших соседних государств, враждебных СССР: Польши, Финляндии, Румынии и прибалтийских стран, не говоря уж о войне с великими державами.

В 1927 году Политбюро проводит заседание за заседанием, выискивая средства на усиление армии и развитие оборонной индустрии, но было ясно, что без коренной перестройки всей экономики выполнить эту задачу невозможно. А для перестройки экономики придется менять всё общество.

Это осознание и стало итогом «эпохи колебаний», завершившейся в конце двадцатых.

ВРЕМЯ ПЕРЕЛОМОВ, 1929–1941

НА ПУТИ К НОВОЙ ВОЙНЕ

Вскоре после того, как международное положение СССР в 1927 году резко ухудшилось, мир вступил в полосу потрясений, которые завершились новым глобальным конфликтом.

Это не просто фон, на котором разворачивались трагические события советской действительности тридцатых годов, это главная их причина. Жизнь страны переламывалась и перемалывалась прежде всего из-за того, что ломалось и всё постверсальское мироустройство — сначала мучительно, а затем и кроваво.

У советского правительства (вернее сказать, у советского правителя) не было оснований сомневаться в том, что курс на милитаризацию выбран правильно. Чем темнее становилось небо над планетой, тем лихорадочней социалистическое государство готовилось к большой войне, не останавливаясь ни перед затратами, ни перед жертвами, ни перед преступлениями.

Поэтому, рассказ о 1930-х годах следует начинать с ситуации в мире.

Фабула событий вкратце такова:

— Всемирный экономический кризис обострил социальные и политические противоречия в капиталистических странах.

— Сформировалось несколько агрессивных режимов, делавших ставку на военную экспансию.

— С середины тридцатых в разных регионах планеты произошли локальные вооруженные конфликты, в итоге приведшие к мировой войне.

— До 1939 года внешняя политика Советского Союза была подчинена одной главной цели: выиграть время для укрепления военной мощи.

— Пакт с Германией побудил Сталина перейти к экспансии.

Экономический кризис обостряет социальные и политические конфликты

Величайший кризис в истории капитализма поразил сначала самую крупную капиталистическую экономику, американскую, а затем распространился на весь мир.

Первый удар обрушился на американский рынок акций, который в результате неконтролируемых спекуляций надулся гигантским пузырем. В октябре 1929 года этот пузырь лопнул. Брокеров охватила паника, все «скидывали» акции и за три недели они потеряли треть своей стоимости. Это составило астрономическую сумму в 26 миллиардов долларов (в 1930 году весь ВНП страны был 92 миллиарда). Повсеместно банкротились фирмы, закрывались предприятия, замораживались инвестиции.

Год спустя за биржевым крахом последовал банковский. Финансово-кредитные учреждения закрывались сотнями, в попытке спастись выбрасывали на рынок по низкой цене свои активы, это в свою очередь вызывало цепную реакцию банкротств во всех секторах экономики. В 1932 году в США остались без работы более 10 миллионов человек. Спад производства достиг 46 процентов. В самой богатой стране мира многие голодали.

Администрация нового президента Франклина Рузвельта, избранного в 1932 году, разработала программу экстренных мер, так называемый «Новый курс», который постепенно вывел экономику из коллапса, но этот процесс растянулся на годы.

В целом кризис и депрессия обошлись мировой экономике в 15 % ВНП, но мера ущерба в различных странах была неодинаковой.

Относительно легко пережила испытание Франция, избежав банковского краха и массовой безработицы. Причин было две. Во-первых, оправдалась осторожная финансовая политика двадцатых годов. Накопленные золотовалютные резервы удержали франк от падения. Во-вторых, «несчастье помогло». В мировой войне Франция потеряла самый большой процент мужчин, что привело к дефициту рабочих рук.

Быстрее других стран миновала самую острую фазу и Британия. Здесь, как и во Франции, неожиданно помогли негативные последствия войны. Промышленность и торговля в двадцатые годы так и не оправились от потерь, медленная депрессия сковывала британскую экономику, лишних денег в банковском секторе и на бирже не было. В 1925 году министр финансов Уинстон Черчилль провел реформу,

привязавшую национальную валюту к «золотому стандарту». В условиях международного экономического бума это было ошибкой: из-за дороговизны фунта сократился экспорт, замедлился рост, и так невысокий. Но тем меньше оказался урон, когда «надутые деньгами» экономики других стран начали сыпаться, а в 1931 году «золотой стандарт» был отменен. Фунт потерял четверть стоимости, зато резко повысилась конкурентоспособность британских товаров — в тот самый момент, когда этот фактор приобрел ключевую важность.

Больше всего от кризиса пострадала Германия, и без того ослабленная военным поражением, а также обязательством выплачивать репарации. Кризис докатился до Веймарской республики в 1931 году. Американские инвестиции, на которых в значительной степени держалась промышленность, иссякли, и национальная экономика сократилась почти наполовину. Безработица достигла 32 процентов. Правительство растерялось, не решаясь использовать бюджетные средства для помощи нуждающимся — это могло бы снова, как в начале двадцатых, вызвать гиперинфляцию.

Гиперинфляции не произошло, но доверие к демократической форме правления было подорвано. В немецком обществе усилились позиции политических сил, требовавших решительных действий — как слева, так и справа. В острой борьбе между этими флангами победу одержали нацисты, пришедшие к власти совершенно легальным, электоральным путем. На выборах в Рейхстаг в ноябре 1932 года Национал-социалистическая партия получила 33 % голосов.

Левые в сумме набрали больше: 20 % — социал-демократы и 17 % — коммунисты, но они выступали не единым фронтом, а наоборот, враждовали между собой. Это было прямым следствием того курса, который Москва и Коминтерн вели с конца двадцатых годов: никакого союза с «соглашателями» и «социал-предателями». Сталин объявил, что «социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма». Немецкая компартия, послушно следуя этой директиве, отказалась сотрудничать с социал-демократами, и в январе 1933 года главой немецкого правительства стал Адольф Гитлер.

В Италии фашисты и так уже находились у власти, но кризис, очень дорого обошедшийся итальянской экономике, позволил диктатору Муссолини всецело подчинить ее государству. В 1932 году правительство сформировало специальный орган, Институт

Индустриальной Реконструкции, который взял на себя управление всеми банками и предприятиями, оказавшимися под угрозой закрытия. Объем активов, которыми распоряжалась эта сверхструктура, всё время увеличивался и в 1934 году составил три четверти всей промышленности, сельского хозяйства и банковского сектора. Фактически экономикой владело государство, и в этом отношении итальянская модель управления национальным богатством напоминала советскую, давая правительству возможность концентрировать финансовые и производственные ресурсы в зависимости от политических задач. При сравнительно скромных масштабах национальной экономики итальянское правительство имело возможность наращивать военную мощь гораздо быстрее, чем «обычные» капиталистические страны.

Сформировались агрессивные режимы, делавшие ставку на военную экспансию

Фашистская идеология, победившая в Германии и в Италии, противопоставляла себя как западному капитализму, так и коммунизму, заявляя о себе как о некоем «третьем пути». В основе нацистской доктрины лежала опора не на классовую, а на национальную идентичность. Такая пропаганда, конечно, могла рассчитывать на успех только в странах с абсолютным преобладанием одного этноса. Внушить ему на уровне массового сознания лестную идею собственного превосходства над другими народами нетрудно. И Гитлер, и Муссолини объясняли жизненные тяготы, с которыми столкнулись их соотечественники, происками врагов, а также несправедливым устройством современного мира. Чувство национального ресентимента укреплялось и тем, что оба народа ощущали себя несправедливо обиженными Версальской системой. Германия должна была расплачиваться за проигранную войну, в которой ее вины было не больше, чем у стран Антанты. Италия, хоть и принадлежала к стану победителей, чувствовала себя обойденной при послевоенном переделе Европы.

Главным пунктом в программе обоих фашистских движений был лозунг «жизненного пространства» («Lebensraum» по-немецки, «Spazio vitale» по-итальянски), по праву принадлежащего великому народу и

необходимого для его процветания. Земли, несправедливо отторгнутые врагами, надлежало вернуть любыми средствами. Таким образом в области внешней политики эти режимы были экспансионистскими.

Для мотивации своих территориальных претензий и Гитлер, и Муссолини выдвигали исторические обоснования.

Новая национал-социалистическая Германия намеревалась присоединить все регионы, населенные этническими немцами — как утраченные по Версальскому миру, так и никогда «рейху» не принадлежавшие. Список получался длинный: Эльзас, Лотарингия, «польский коридор», Судеты, Австрия. На востоке СССР должен был отодвинуться на линию, определенную Брест-Литовским договором, чтобы уступить немецким колонистам плодородные земли.

Итальянским фашистам пришлось обосновывать свои притязания историей совсем уж древней — эпохой античного Рима, преемником которого провозглашало себя муссолиниевское государство. Италия намеревалась «добиться гегемонии в Средиземноморско-Дунайско-Балканском регионе» (слова Муссолини) и воссоздать «империю, простирающуюся от Гибралтарского пролива до Ормузского».

Новый облик Италии

Разумеется, подобные амбиции можно было удовлетворить только при помощи военной мощи — или угрозы ее применения.

Поэтому в тридцатые годы Германия и Италия форсированно милитаризируются. Тоталитарная система дает для этого намного больше возможностей, чем демократическая. Любые решения проводятся без парламентских дебатов, а недовольство населения сопутствующими тяготами легко подавляется при помощи полицейской силы. К тому же, как продемонстрировал опыт тридцатых годов, население само готово терпеть лишения и с энтузиазмом следовать, куда его ведут, если у народа перед носом размахивают морковкой величия. Ни в Германии, ни в Италии сколько-нибудь заметного общественного недовольства не возникало.

Итальянская экономика была вшестеро меньше британской, но к концу десятилетия 40 % государственного бюджета тратилось на армию и военную индустрию. (Для сравнения: Британия в 1932 году тратила

на оборонные нужды в семь раз меньше денег, чем в 1920). Эти меры позволили Италии осуществить техническую модернизацию вооруженных сил и резко увеличить их численность.

Германии вооружаться было труднее, потому что Версальский договор ограничивал размеры Рейхсвера и численно (не более 115 тысяч человек), и технически (ни тяжелой артиллерии, ни авиации). Но в 1935 году, воспользовавшись политической ситуацией, при которой ведущим западным странам, всецело поглощенным борьбой с депрессией, было не до Германии, Гитлер в одностороннем порядке отказался соблюдать предписанные ограничения.

Рейхсвер, переименованный в Вермахт, стал быстро расти и перевооружаться. Первое стало возможно из-за восстановления призыва. За четыре года, остававшиеся до начала мировой войны, военное обучение пройдут 3,7 миллиона призывников и добровольцев. Вторая задача была достигнута из-за резкого повышения военных расходов. Нацистский министр финансов Шверин фон Крозиг пишет в мемуарах: «Военные расходы Германии с 1934 года до 31 августа 1939 года по всем трем видам вооруженных сил, в том числе и расходы, связанные с увеличением вооружений, составили 60 млрд. марок. В этот же период общие бюджетные расходы Германии равнялись 101,5 млрд. марок, то есть военные расходы составляли 59,1 % этой суммы» (до 1935 года эта статья занимала всего 18 % бюджета).

В СССР за милитаризацией Италии, а затем и Германии наблюдали с тревогой, поскольку оба эти государства безжалостно расправились с собственным коммунистическим движением и относились к стране, «логову коммунизма», с неприкрытой враждебностью.

Однако европейским фашистским режимам понадобилось несколько лет, чтобы создать большие армии и милитаризировать экономику — эти процессы завершатся лишь к концу десятилетия, а на противоположном конце света, у восточных границ Советского Союза, уже в начале тридцатых возникла другая угроза, внушавшая Москве еще большее беспокойство — Япония.

В отличие от Германии и Италии это была мощная военно-индустриальная держава, которая благодаря своей экономической автономности мало пострадала от кризиса. В Японии тоже происходила внутренняя политическая борьба, но не между классами, а внутри элит — военных, гражданских и промышленных. Одна группировка

выступала за развитие страны в русле общемировой капиталистической системы, другая требовала разрыва с Западом и создания империи, которая будет доминировать в Восточной Азии и на Тихом океане.

Кризис, поразивший капиталистическую экономику, очень усилил позиции адептов военной экспансии. Запад стал слабее, Япония сильнее.

Главным объектом вожделений для японских политиков (причем обоих направлений) был слабый, раздираемый междоусобицей Китай. И здесь интересы Токио сталкивались с интересами Москвы, активно поддерживавшей китайских коммунистов и имевшей свой плацдарм в Маньчжурии — благодаря управлению Китайско-Восточной железной дорогой. Вокруг нее постоянно происходили инциденты, в том числе кровопролитные.

В 1931 году японские военные в провокационных целях устроили диверсию в Мукдене, главном городе Маньчжурии, после чего в регион были введены войска — якобы для защиты японских подданных. Затем, в 1932 году, Япония собственным решением отделила Маньчжурию от Китая и признала ее независимым государством. Новая страна полностью зависела от Токио и являлась базой для мощной японской военной группировки — Квантунской армии.

Генералитет императорских вооруженных сил часто действовал без ведома, а то и вопреки воле собственного правительства, которое всё меньше контролировало ситуацию в стране. В начале тридцатых годов Японию сотрясали «дзикэны» — террористические инциденты, в которых участвовали заговорщики-офицеры, поощряемые идеологами милитаризма. В феврале 1936 года очередная попытка переворота, хоть и подавленная верными правительству войсками, окончательно сместила баланс сил в пользу военных. В мае был принят закон, согласно которому посты военного и морского министров могли занимать только лица, состоящие на действительной службе. Этот вроде бы малозначительный шаг означал, что отныне армейская верхушка подчинила себе гражданское правительство. Военные могли развалить любой кабинет, выведя из его состава своих назначенцев, или не допустить создания неугодного правительства, отказав ему в поддержке.

С этого момента японская империя начинает готовиться к большим завоеваниям. Один из первых актов милитаристского режима имел

отчетливо антисоветскую направленность.

В ноябре 1936 года Япония и Германия заключили так называемый «Антикоминтерновский пакт» (полное название «Японо-германское соглашение по обороне от коммунизма»). Вскоре к соглашению присоединилась Италия.

Таким образом у Советского Союза имелись все основания опасаться внешней агрессии и большой войны.

В разных регионах планеты происходят вооруженные конфликты

Локальные — и совсем немаленькие — войны в это время уже шли, знаменуя приближение эпохи великих потрясений.

Италия начала «возрождать Римскую империю» с покорения Ливии (в античную эпоху там находились две римские провинции: Триполитания и Киренаика). Недолгое время побыв перед Первой мировой войной итальянской колонией, Ливия в 1917 году изгнала чужеземцев, и Рим был вынужден с этим смириться. Но режим Муссолини ввел на территорию отделившейся колонии войска, истребил четверть населения, применяя химическое оружие, убивая мирных жителей, прибегая к массовым депортациям, и в 1931 году подавил последние очаги сопротивления.

Следующим шагом стало создание «Великой Сомалии» — большой колонии на востоке африканского континента.

Затем (в 1935 году) режим Муссолини вторгся в Эфиопию — страну, которая сорока годами ранее с успехом отразила предыдущее итальянское нашествие. Вооружение двадцатого века — массированные авиабомбардировки и артобстрелы, ядовитые газы, а также исключительно жестокие карательные меры (расстрелы, концлагеря) обеспечили агрессору победу. Король Виктор-Эммануил был провозглашен императором. Из Эфиопии, Эритреи и Сомали была создана колония «Итальянская Восточная Африка».

Колониальными захватами мир было не удивить, в этом отношении все державы друг друга стоили, но в апреле 1939 года Италия приступила к реализации следующего пункта своей экспансионистской программы — ввела войска в европейскую страну

Албанию и тем самым обеспечила себе плацдарм для дальнейших завоеваний на Балканах.

Германия еще до поры до времени действовала иначе: не прямой силой, а шантажом — угрозой военного столкновения, которого европейские страны любой ценой хотели избежать. И пасовали, шли на компромиссы, отступали перед давлением.

В 1936 году Германия ввела войска в Рейнскую область, которая по Версальскому договору должна была оставаться демилитаризованной. Это был блеф. Потом Гитлер скажет, что, если бы Франция повела себя решительно, он убрался бы с Рейна поджав хвост. Но Франция стерпела, ограничилась нотой протеста, и Рурский промышленный район стал кузницей немецкого вооружения.

В том же году началась гражданская война в Испании. Пятью годами ранее там произошла бескровная электоральная революция, свергнувшая монархию и приведшая к власти республиканцев. В июне 1936 года армейская верхушка, недовольная политикой левого кабинета, подняла мятеж. Вероятнее всего он был бы подавлен правительственными войсками, сохранившими контроль над столицей и основной частью страны, если бы путчистов не поддержали Германия и Италия, рассматривавшие генерала Франко как своего единомышленника и союзника. На два с половиной года Испания стала ареной борьбы не только между «республиканцами» и «франкистами», но и между двумя враждебными системами — фашистской и коммунистической.

Советский Союз ограничивал помощь Мадриду поставкой вооружения и отправкой «добровольцев» (военных специалистов). Германия и Италия делали гораздо больше, посылая в Испанию целые войсковые контингенты: 150 тысяч итальянских солдат сражались на стороне франкистов, немцы обеспечили их боевой авиацией. Остальные державы наблюдали за столкновением двух недружественных Западу лагерей не без удовлетворения и занимали нейтральную позицию — выжидали, кто возьмет верх. Верх взяли фашисты, коммунисты потерпели поражение. В марте 1939 года республиканское правительство пало, к власти в Испании пришли силы, ориентировавшиеся на Берлин и Рим.

Советские пионеры на митинге в поддержку республиканской Испании

За год до конца испанской войны, в марте 1938 года Германия присоединила Австрию, введя туда войска — и опять не встретила отпора со стороны великих держав. В Англии и Франции считали, что быстро вооружающуюся Германию следует «умиротворить». Если она удовлетворит свои притязания, ей незачем будет развязывать войну, и на континенте сохранится мир.

Следуя той же логике, английское и французское правительство в сентябре 1938 года санкционировали передачу Судетской области, населенной этническими немцами, от Чехословакии — Третьему Рейху.

В марте 1939 года Германия оккупировала и саму Чехию, создав там свой протекторат. Тогда же у Литвы был отобран Мемель (Клайпеда).

Каждый успех гитлеровской «милитаристской дипломатии» повышал популярность фюрера в народе и оправдывал затраты на военное строительство.

Следующей целью германской экспансии стал «Данцигский коридор» — польская территория, отделявшая от основных немецких земель Восточную Пруссию.

Германия стала готовиться к нападению на Польшу. Было ясно, что на сей раз угрозами и военными демонстрациями дело не обойдется. У Польши была довольно большая армия (миллион солдат), а кроме того, имелись союзные договоры с Британией и Францией.

Гитлер надеялся, что западные державы не захотят ввязываться в большую войну и ограничатся декларациями, но на случай, если все же повторится ситуация четвертьвековой давности, когда Англия и Франция из-за союзнических обязательств вступились за Бельгию, Германии нужно было не повторить ошибку кайзера — не ввязаться в войну на два фронта.

В августе 1939 года мир висел на волоске, но еще мог быть сохранен. Всё зависело от того, сумеет ли Гитлер обезопасить себя с востока, заручившись поддержкой Сталина.

Если в Европе большая война еще только готовилась, то в восточной Азии она к этому времени шла уже третий год.

Принятая в мировой, вернее западной хронологии датировка Второй мировой войны (1939–1945) неверна и является пережитком прежнего, западоцентричного отношения к истории. Правы китайские историки, относящие старт этого массового самоистребления человечества к 1937 году.

И начала мировую войну не Германия, а Япония.

Политическая победа военной клики в 1936 году привела к тому, что уже через год империя приступила к завоеванию Китая.

Дату вторжения, 7 июля 1937 года, и следует считать днем начала Второй мировой войны. Из общего количества ее жертв (по разным оценкам от 50 до 60 миллионов человек) не менее 20 миллионов приходятся на китайское направление. Однако внимание западных историков азиатско-тихоокеанского театра войны в основном сосредоточено на событиях после 1941 года, когда Япония напала на США. Для СССР же японская агрессия с самого начала была предметом огромного и даже приоритетного беспокойства. Во второй половине тридцатых в Москве потенциальным «врагом № 1» считали не Германию с Италией и не «страны Антанты» (этот устаревший

термин по традиции еще использовался советской пропагандой), а «самурайскую Японию». Отношения с ней были накалены до последнего предела.

Долгое время СССР старался не допустить вооруженного столкновения с более сильной в военном отношении Японией и уступал. Самой болезненной жертвой был отказ от КВЖД, важного источника валютных поступлений. После того как японцы фактически оккупировали северо-восточный Китай, они выдвинули требование уступить железную дорогу марионеточному маньчжурскому режиму. В 1935 году Москва пошла на этот компромисс. Это было воспринято в Токио как проявление слабости. Напряженность не спала, а усилилась.

Дважды дело дошло до вооруженных столкновений: сначала среднего, а затем крупного масштаба.

Перестрелки на советско-маньчжурской (фактически советско-японской) границе происходили и раньше, но в июле-августе 1938 года из-за спора за клочок земли близ озера Хасан состоялось настоящее сражение, в котором приняли участие 15 тысяч советских солдат и около 10 тысяч японских. Двухнедельные кровопролитные бои не выявили победителя и завершились временным компромиссом. В Москве объявили о победе, но судя по тому, что командовавший войсками маршал Блюхер был арестован, боеспособность Красной Армии оказалась неважной.

Такое же впечатление сложилось и у японцев. Поэтому год спустя, летом 1939 года, Квантунская армия произвела новую пробу сил — на границе с советским сателлитом Монголией, у реки Халхин-Гол. На сей раз были задействованы более серьезные силы и развернуты крупномасштабные операции, в которых с обеих сторон участвовало около 100 тысяч солдат. Советскими войсками командовал комкор Георгий Жуков, чье имя тогда прогремело впервые. Он сумел обеспечить подавляющее преимущество на направлении главного удара и заставил японцев отступить. Каждая из сторон потеряла примерно по 20 тысяч человек убитыми и ранеными, то есть это было весьма масштабное столкновение. В настоящую большую войну оно не переросло, потому что в Токио «адмиральское» лобби взяло верх над «генеральским», то есть был сделан выбор в пользу не сухопутной, а военно-морской экспансии, направленной против США.

На противоположное, европейское направление переключила свое внимание и Москва, внешнеполитический курс которой именно в это время, в августе 1939 года, кардинальным образом переменился.

Внешняя политика Советского Союза подчинена одной главной цели

С конца двадцатых и до конца тридцатых международная политика СССР была подчинена одной главной цели: любой ценой избежать войны, пока не завершится грандиозная программа создания военной индустрии и укрепления вооруженных сил, развернутая после «военной тревоги 1927 года».

Сталин был прав, когда считал новую мировую войну неизбежной и когда не сомневался, что она не обойдет стороной СССР. Исходя из магистральной задачи выиграть время, советское правительство резко повернуло внешнеполитический курс и постоянно его корректировало. Наступательно-экспансионистская установка на экспорт революции ленинских времен сменилась осторожным маневрированием: социалистическое государство старалось не обострять отношений с агрессивными режимами, искало союза с менее враждебными державами, активно участвовало в движении за ограничение гонки вооружений (хотя само лихорадочно вооружалось).

Главный враг несколько раз менялся. Сначала в Москве больше всего опасались Японии, после 1933 года переключились на германскую угрозу, в период дальневосточных конфликтов 1938–1939 гг. снова переориентировались на «самураев, которые перешли границу у реки». Не забывали и о давних счетах с ближайшим заклятым врагом Польшей, но и здесь советская дипломатия вела себя примирительно — в 1932 году был подписан двухсторонний договор о ненападении.

По сравнению с милитаристскими режимами Германии, Японии, Италии остальные державы представлялись менее опасными, и Советский Союз все время пытался ослабить градус напряженности в отношениях с ними, а если получится, то и заключить оборонительный альянс. Первое получалось, второе — не очень.

Главным достижением стало установление дипломатических отношений с США в 1934 году. Самая антикоммунистическая и самая

большая из западных стран наконец признала «безбожное государство». Здесь Москве помогла конфронтация с Японией, которой опасались и в Вашингтоне, это была «дружба против Токио».

В 1935 году после семилетнего перерыва состоялся VII конгресс Коминтерна, который, следуя смене курса, тоже сделал поворот на 180 градусов и теперь стал ратовать за сотрудничество и взаимодействие с европейскими левыми, которые еще недавно считались «социал-предателями». «Все прогрессивные силы» призывались к объединению перед лицом фашистской угрозы. Этот демарш должен был продемонстрировать, что Москва окончательно отказывается от подрывной революционной деятельности в других странах и будет придерживаться легальных методов.

Объединение социалистов и коммунистов дало свои результаты, но не те, которых добивался Сталин. Победа Народного Фронта в Испании, как уже говорилось, вылилась в еще большее обострение обстановки, поскольку привела к военному путчу, гражданской войне и расширению фашистского блока. Весной 1936 года Народный Фронт одержал победу на выборах и во Франции, однако попытки заключить полноценный оборонительный союз с Парижем успехом не увенчались. В договоре, подписанном еще прежним французским правительством, содержалось туманное обещание, что «в случае угрозы нападения европейского государства на одну из сторон Франция и СССР немедленно начнут консультации». Дальше этого дело так и не пошло. Британия склонила Францию выбрать курс не антагонизации, а «умиротворения» Германии, что в 1938 году привело к Мюнхенскому «компромиссу».

Таким образом, поиски военного союзника на Западе успехом не увенчались.

Другим новым для СССР направлением деятельности стала «борьба за мир» на международном уровне и попытки создания «системы коллективной безопасности».

В 1934 году страна вступила в Лигу Наций, основанную 14 годами ранее для урегулирования межгосударственных конфликтов и предотвращения следующей мировой войны. Но в условиях эскалирующей агрессивности Италии, Японии и Германии эта интернациональная организация становилась всё более беспомощной. Никаких инструментов воздействия, кроме деклараций, устав Лиги не

предусматривал. В ответ на осуждение захватнических действий страна-виновница просто отказывалась от членства и более не считала себя связанной какими-либо обязательствами. Германия и Япония покинули Лигу в 1933 году, Италия — в 1937, после завоевания Эфиопии, Испания — как только там победили франкисты. (Будет лишен членства и СССР — за нападение на Финляндию, но к тому времени советская политика опять сделает резкий поворот).

Провалом закончились и попытки ограничить рост вооружений. Целых два года (1932–1934) в Женеве проходила представительная конференция, в которой участвовал и Советский Союз. Наркоминдел Литвинов сказал: «Советская делегация заявляла н заявляет, что представляемое ею государство согласно на полное разоружение, на частичное разоружение, количественное и качественное, что она готова идти в этом направлении так далеко, как только это позволит согласие других государств». Но «согласия других государств» (под каковыми, собственно, имелись в виду прежде всего Германия, Италия и Япония) получено не было. Такая же судьба ожидала и конференцию по ограничению военно-морских сил. СССР, у которого, впрочем, и не было сильного флота, выражал готовность «ограничиваться», враждебные ему государства — нет. Единственным результатом этих усилий стало двухстороннее советско-английское морское соглашение 1937 года, которое никак не ослабило напряженности и к тому же не распространялось на тихоокеанский регион, где наращивали свой флот японцы.

В период после Мюнхена в европейской политике развернулась сложная и рискованная дипломатическая игра. Всем игрокам было понятно, что дело идет к войне и что ее инициатором станет нацистский Рейх, «умиротворить» который Англии с Францией не удалось — уступки лишь распаляли аппетит Берлина. Если бы две из трех противоборствующих сил, англо-французский альянс и СССР, объединились, воевать на два фронта Гитлер не решился бы. Но ситуация, при которой Германия нападет только на кого-то одного из своих оппонентов, выглядела соблазнительно для другого — не участвующая в войне сторона оказалась бы в положении «третьего радующегося».

Поэтому тайные переговоры велись по всем трем линиям: Запад — Германия, Германия — СССР и СССР — Запад.

Первый шаг сделала Москва, больше всех обеспокоенная перспективой войны. В апреле 1939 года нарком Литвинов предложил Англии и Франции заключить договор об оказании военной помощи «восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Чёрным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств». В следующем месяце вместо Литвинова наркомом стал Вячеслав Молотов, совместивший эту должность с постом председателя Совнаркома, что показывало, какую важность СССР придает дипломатическому аспекту своей политики. Одновременно это был и жест в сторону Германии — чтобы антисемитскому Рейху не пришлось вести переговоры с евреем Литвиновым.

Англия и Франция прислали в Москву делегацию для обсуждения условий договора, но уровень представителей был невысок и они не обладали серьезными полномочиями. К тому же обе державы явно тянули время. Объяснялось это тем, что в Париже и особенно в Лондоне советский военный потенциал оценивали невысоко, а правительство Чемберлена надеялось договориться с немцами. Переговоры с Москвой для англичан были просто инструментом давления на Берлин. Одновременно в Лондоне происходили секретные консультации с германскими представителями. Посол Герберт фон Дирксен пишет в мемуарах, что высокопоставленный чиновник британского МИДа Горацио Вильсон, неоднократно встречавшийся с Гитлером, предложил программу урегулирования «взаимоотношений обеих стран во всей их полноте»: «Она не ограничивалась лишь экономической сферой, но затрагивала также вопросы политического и экономического характера. В ней рассматривалась проблема колоний и включены были предложения по приобретению сырья для Германии». В Москве знали об этих закулисных переговорах и относились к ним с крайней нервозностью.

Удобнее всего эта ситуация была для Гитлера. Он решал, с кем ему выгоднее договориться, а с кем воевать.

Как я уже писал, фюрер ошибочно предположил, что «мюнхенские» державы, отдавшие ему Чехословакию, не станут ввязываться в войну и из-за Польши. Это соображение перевесило.

В конце июля Германия дала понять советской стороне, что ищет путей к сближению. «Несмотря на все различия в мировоззрении, есть

один общий элемент в идеологии Германии, Италии и Советского Союза — противостояние капиталистическим демократиям. Ни мы, ни Италия не имеем ничего общего с капиталистическим Западом. Поэтому нам кажется довольно противоестественным, чтобы социалистическое государство вставало на сторону западных демократий», — было заявлено советскому представителю в Берлине.

В начале августа министр иностранных дел фон Риббентроп предложил Москве сделку. Если СССР не будет мешать немецкому вторжению в Польшу и сохранит нейтралитет в случае войны на Западе, Восточная Европа будет поделена между договаривающимися странами. Германия получит Данцигский коридор и контроль над основной частью Польши, а Советскому Союзу достанутся восточные польские области, «свобода действий» в отношении бывших российских колоний Балтийского региона и еще румынская Бессарабия.

Договорились очень быстро, всего за две недели. 23 августа мир был ошарашен известием о подписании германо-советского пакта о ненападении (секретные статьи о разделе чужих территорий опубликованы не были).

Устранив угрозу второго, восточного фронта, Гитлер сразу же, неделю спустя, напал на Польшу. Вопреки его надеждам западные державы не спасовали, и в Европе началась большая война.

Совершенно очевидно, что без «Пакта о ненападении» 1 сентября 1939 года война не началась бы, поэтому историки, возлагающие вину за это трагическое событие не только на Гитлера, но и на Сталина, правы.

Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I.

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II.

Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III.

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье I линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР.

Статья IV.

Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V.

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания.

Составлен в двух оригиналах на немецком и русском языках.

Москва, 28 сентября 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР
В. МОЛОТОВ.

За Правительство Германии
И. РИББЕНТРОП.

Газета «Правда»

Понятна, однако, и тогдашняя логика советского правителя. С его точки зрения он одержал блистательную дипломатическую победу: уберег свое государство от войны, получил дополнительное время для укрепления обороны и стравил между собой обоих врагов, «капиталистов» с «фашистами». Опыт Первой мировой войны позволял предположить, что это противостояние будет долгим и изматывающим. Линия на избавление от внешних угроз путем переориентации потенциального противника на иные задачи была продолжена и в отношениях с Японией. Там окончательно возобладала линия на агрессию против США. Отношения между Москвой и Токио стали почти идиллическими и завершились подписанием пакта о нейтралитете весной 1941 года.

Проблема, однако, в том, что логика Сталина оказалась по всем пунктам ошибочной.

Германия победит на западе намного быстрее, чем ожидалось. Пакт предоставил фюреру возможность, которой в 1914 году не было у кайзера: вести войну на одном фронте, не распыляя сил. В результате Рейх не только одержит военную победу, но очень усилится экономически, ибо заставит работать на себя промышленность оккупированных европейских стран.

Программа перевооружения, которая будет затеяна в СССР из расчета, что война продлится несколько лет, к июню 1941 года останется незавершенной, а граница не укрепленной.

Кроме того, уверенный в своем непогрешимом чутье, Сталин даст Гитлеру себя обмануть и после 13 лет интенсивной, на пределе сил, подготовки к войне все-таки будет застигнут нападением врасплох.

Роковые последствия имело и секретное соглашение о «разделе сфер влияния», побудившее Сталина перейти от пассивно-оборонительной политики к наступательно-экспансионистской.

Пакт с Германией побуждает Сталина перейти к экспансии

Едва устранив угрозу войны или во всяком случае надолго ее отсрочив (как казалось правителю), Сталин немедленно сменил государственный курс — начал расширять пределы своей державы. Эта была классическая имперская экспансия, не имевшая ничего общего с мировой революцией. Империя возвращала себе колонии, утраченные во время Гражданской войны, а отчасти захватывала новые.

17 сентября 1939 года, когда Польша из последних сил сопротивлялась превосходящим силам Вермахта, Советский Союз нанес своему давнему врагу удар с тыла. 34 дивизии и 16 механизированных бригад пересекли границу, захватывая беззащитные города и транспортные узлы. После этого нападения, совершенного без объявления войны, разгром Польши быстро довершился.

Советская пресса назвала военную операцию «освободительным походом» с целью «защиты жизни и имущества населения Западной Украины и Западной Белоруссии». В соответствии с секретным протоколом Пакта, победители разделили Польшу на немецкую и советскую зоны почти ровно пополам. В состав СССР вошли шесть украинских и пять белорусских областей.

Следующей на очереди была Прибалтика.

Первоначально «сферой интересов» Советского Союза немцы признали только Эстонию и Латвию, а Литву собирались забрать себе, однако при разделе Польши между союзниками произошло небольшое недоразумение. Немцы оккупировали часть территории, которая должна была отойти Москве, но Сталин «проявил понимание» и предложил «обмен». Немцы охотно согласились, еще и приплатили

деньгами. Теперь Литве предстояло разделить судьбу Латвии и Эстонии.

«Решение проблемы прибалтийских государств» (выражение Сталина) было осуществлено в два этапа. Сначала, осенью 1939 года, Эстонию, а затем Латвию и Литву вынудили подписать с Москвой «договоры о взаимопомощи» и размещении советских баз и гарнизонов — якобы для обеспечения безопасности этих стран.

Отказалась только Финляндия, которой кроме аналогичного «договора о взаимопомощи» в ультимативном тоне было предложено поменять населенную и обустроенную территорию Карельского перешейка, примыкавшую к Ленинградской области, на пустынные земли советской восточной Карелии.

Сталин решил на примере Финляндии показать остальным балтийским странам, что бывает за строптивость.

В конце ноября советские газеты объявили о том, что финляндская артиллерия обстреляла советскую пограничную заставу — то есть был использован тот же прием, которым Гитлер в 1939 году оправдал нападение на Польшу. (На самом деле у финнов на этом участке границы артиллерии не было). И тут же началось вторжение.

Однако война с маленькой страной оказалась неожиданно тяжелой. Финны сражались за свою родину умело и стойко. Советское командование, рассчитывавшее на легкую победу и плохо подготовившееся к боевым действиям, совершило несколько серьезных тактических ошибок.

Вместо блицкрига получилась затяжная, кровопролитная кампания, продлившаяся три с половиной месяца. В конце концов на финляндском фронте пришлось собрать почти три четверти миллиона солдат. С огромными потерями (333 тысячи убитых, раненых, обмороженных) Красная Армия прорвала финскую оборону только в марте 1940 года.

Победа при этом получилась неполной. СССР получил 40 тысяч квадратных километров территории и отодвинул границу от Ленинграда, но присоединить Финляндию не получилось. На следующий день после нападения, в первом же завоеванном населенном пункте, Москва учредила «Финляндскую демократическую республику» во главе с коминтерновским функционером Отто Куусиненом, рассчитывая в дальнейшем посадить в Хельсинки

просоветское правительство, но когда стало ясно, что Финляндию завоевать не выйдет, этот «проект» тихо закрыли. После подписания мира было объявлено, что ФДР «самораспустилась».

Теперь настало время присоединить три балтийские страны, где уже находились советские войска, а стало быть можно было не опасаться серьезного сопротивления. Торопиться заставляли и события на французском фронте, где Вермахт в мае-июне 1940 года с неожиданной легкостью разгромил союзников и дело шло к капитуляции. У Сталина были основания опасаться, что, развязав себе руки на Западе, фюрер передумает уступать Прибалтику.

Наступил второй этап аннексии.

В июне 1940 года Москва обвинила Эстонию, Латвию и Литву в несоблюдении договоров и предъявила неслыханное требование поменять состав правительств. Одновременно были введены большие воинские контингенты.

Новые марионеточные правительства немедленно провели выборы по советскому образцу, с результатами под 100 %, и тут же, не откладывая в долгий ящик, объявили о вхождении в СССР. В августе Союз расширился за счет новых республик: Эстонской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР.

Последним объектом экспансии стали восточные области Румынии.

Не дожидаясь завершения прибалтийской операции, через неделю после подписания Францией акта о капитуляции, Советский Союз потребовал от Румынии передать Бессарабию и Северную Буковину.

У Румынии был договор о взаимоподдержке с Англией и Францией, но в теперешних условиях никакой помощи от этих союзников Бухарест получить не мог.

Сопротивления советские войска не встретили. Румынский король Кароль II был вынужден смириться с потерей.

В СССР появилась еще одна союзная республика, Молдавская ССР, а часть новых земель вошла в состав Украинской ССР.

Теперь все секретные договоренности, заключенные между Москвой и Берлином год назад, были реализованы.

На новообретенных территориях проводилась форсированная «советизация» по уже выработавшейся к этому времени технологии.

Главной задачей была замена элит. Прежнюю безжалостно вычищали при помощи массовых репрессий. Новую в основном завозили извне.

Местные коммунисты и социалисты, с точки зрения Москвы, доверия не вызывали и сами стали объектом чистки. Вместо них в руководство союзных компартий и комсомольских организаций вошли назначенцы — этнические эстонцы, латыши, литовцы, украинцы, белорусы, молдаване, присланные из «метрополии».

Еще суровее новая власть обошлась с «непролетарским элементом», к которому была причислена и национальная интеллигенция. По данным историка А. Гурьянова, исследовавшего депортационные операции этого периода, в трех прибалтийских странах было репрессировано больше сорока тысяч «неблагонадежных». Кроме того, из новых регионов было депортировано около полумиллиона человек.

Наиболее жестокие меры были применены в отношении поляков, которые вызывали у Сталина особые опасения. Советские и германские оккупационные администрации поступили по одному и тому же сценарию: приняли решение физически истребить ту часть польской элиты, которая в будущем могла бы возглавить национальное сопротивление.

Немцы в течение полугода после аннексии провели акцию «Интеллигенция» (Intelligenzaktion), в ходе которой были казнены пятьдесят тысяч военных, священников, представителей образованного сословия и еще пятьдесят тысяч отправлены в концлагеря.

Советская спецслужба собрала в нескольких лагерях польских офицеров и полицейских, взятых в плен в сентябре 1939 года, и весной следующего года произвела серию тайных массовых расстрелов, самым известным из которых является расправа в Катыни. В общей сложности были убиты почти 22 тысячи человек. По сталинской логике это было совершенно разумной профилактической мерой: польский «контрреволюционный элемент» представлял бóльшую опасность, чем собственные граждане, которых НКВД истребляло в огромных количествах вообще ни за что.

Если сравнить карту СССР начала 1939 года с картой начала 1941 года, этот период выглядит настоящим триумфом Сталина.

В официозной политиздатовской брошюре «Территория и население СССР» (1940) провозглашалось: «Мудрая сталинская мирная

политика, неуклонно проводимая Советским Союзом, обеспечила нашей стране новые громадные победы. В 1939–1940 гг. страна социализма значительно расширила свою территорию… Капиталистическому миру пришлось потесниться. 23 миллиона рабочих, крестьян, интеллигенции, вырванных из-под ига капитализма, встали под знамя Советов». В общей сложности государство аннексировало 460 тысяч квадратных километров чужой территории.

Однако дальнейшие события показали, что эти приобретения лишь ухудшили положение Советского Союза в канун большой войны, к которой он так долго и напряженно готовился.

Я уже писал о том, что пакт «Молотов-Риббентроп» усилил Гитлера и позволил ему нанести концентрированный удар сначала по западному блоку, а затем и по СССР. Но и сталинская экспансия 1939–1940 годов имела для обороноспособности Советского Союза самые негативные последствия.

Перенос границы означал, что инженерно-защитная линия, проходившая по прежней границе, утратила значение. Пришлось возводить новую, и к июню 1941 года работы еще далеко не завершились. Поэтому танковые клинья Вермахта без труда пронзят советскую оборону.

Население новых областей, познакомившись с реалиями советской жизни и практикой массовых репрессий, в значительной степени проникнется враждебностью к социалистическому строю. Это приведет к широкому коллаборационизму на первом этапе немецкой оккупации и существенно обезопасит тыл Вермахта.

Результатом сталинских агрессивных действий стало расширение лагеря союзников Рейха.

В Румынии после потери восточных земель произошел фашистский переворот. Реваншистские настроения побудят новое румынское правительство присоединиться к войне на стороне Гитлера. Это прибавит Германии почти 700 тысяч солдат.

То же самое произойдет с Финляндией, сравнительно небольшая, но сильная армия которой в 1941 году перейдет в наступление, что чрезвычайно усложнит и без того тяжелую ситуацию, в которой окажется Советский Союз.

Но самым роковым следствием военной активности СССР стало решение Гитлера безотлагательно напасть на временного союзника, не

дожидаясь окончания боевых действий против Британии, изолированной на ее островах. Причиной, по которой фюрер ускорил события, была финская война, продемонстрировавшая, что Красная Армия слабее, чем казалась, и не готова к серьезным испытаниям.

В ноябре 1940 года Гитлер предложил Москве присоединиться к только что созданной «оси» Берлин — Рим — Токио в качестве четвертого партнера, но условия были неравноправными. В частности, во время норвежской кампании Германия разместила в Финляндии свои войска (что нарушало условия Пакта) и теперь не стала их выводить. Весьма твердо было объявлено, что СССР должен отказаться от видов на Балканы и не претендовать на свободный проход через турецкие проливы. Вместо этого Москве предлагалось «повернуть свои интересы в южном направлении» — в сторону Ирана и Персидского залива, то есть против британцев. По сути дела это был диалог старшего партнера с младшим. Когда же Сталин неприемлемые условия не принял, Гитлер отдал приказ готовить план «Барбаросса».

Таким образом «мудрая сталинская мирная политика», сделав в конце тридцатых резкий зигзаг и перестав быть как мудрой, так и мирной, стала одной из главных причин катастрофы 1941 года.

СССР ГОТОВИТСЯ К ИСПЫТАНИЯМ

Если внешняя политика Советского Союза тридцатых годов была устремлена на то, чтобы избежать войны, то все усилия государства во внутренней политике направлялись на то, чтобы к войне подготовиться. Для этого требовалось полностью перестроить промышленность и максимально увеличить мощь Красной Армии. Второе было невозможно без первого. Правительство выказывало решимость выполнить обе задачи любой ценой, и цена получилась очень дорогой. Были сломаны судьбы миллионов людей, разрушен уклад жизни большинства населения, травматизировано и запугано всё общество, но о цене, в которую обошлись индустриализация и наращивание военного потенциала, мы поговорим позже. Сначала — о том, как государство выполняло свою главную задачу.

— На первых порах казалось, что грандиозные планы индустриализации неосуществимы.

— При помощи крайних мер правительству удалось переломить ситуацию.

— За десять лет Красная Армия десятикратно выросла и полностью перевооружилась.

Грандиозные планы кажутся неосуществимыми

Партия сформулировала генеральную государственную задачу в 1928 году, после «военной тревоги». Основные стратегические решения, кардинально изменившие жизнь страны, были приняты именно тогда. Отказ от НЭПа и крестьянского хозяйства, курс на полную экономическую самодостаточность, отход от идеи мировой революции, укрепление партийного и общественного единомыслия (вернее запрет на малейшее разномыслие) — все эти шаги казались Сталину и его соратникам обязательными для ускоренной индустриализации.

Однако даже самые жесткие адепты этого курса, в том числе сам Вождь, в то время еще не сознавали, что для достижения поставленной цели придется пойти на куда более радикальные меры.

Марксистские иллюзии касательно преимуществ социалистической экономики и сознательности пролетариата еще не развеялись. Большевикам казалось, что достаточно разработать хороший план, идеологически воодушевить массы, всех как следует объединить под руководством партии, приструнить колеблющихся — и дело задвигается. Именно этим в 1928 году, как мы помним, занялись Сталин и его команда: отправились по регионам приструнивать и воодушевлять.

После того, как в декабре 1927 года на XV съезде ВКП(б) было принято решение о срочной индустриализации под лозунгом «догнать и перегнать передовые страны экономически», Госплан и Всесоюзный Совет Народного Хозяйства разработали пятилетнюю программу ускоренного промышленного развития. Она существовала в двух вариантах: «отправном» (трудном, но более или менее реалистичном) и «оптимальном», совершенно шапкозакидательском. Несмотря на возражения «правых уклонистов», Рыкова и Бухарина, ЦК взял на вооружение «оптимальный» вариант, впоследствии утвержденный декоративным «парламентом», съездом Советов.

К 1933 году национальный доход (в современной терминологии ВНП) следовало увеличить вдвое; объем промышленной продукции — почти втрое, причем машиностроения на 230 %, для чего предполагалось построить 1200 заводов. Предписывалось добыть 75 миллионов тонн угля (вдвое больше), выплавить 10 миллионов тонн чугуна (втрое), выработать 22 миллиарда киловатт электроэнергии (в три с половиной раза).

Но торопившему индустриализацию Сталину и этого казалось недостаточно. Во время пятилетки план еще несколько раз корректировался — в сторону увеличения, расширения и ускорения.

В 1930 году задание по выплавке чугуна подняли с десяти миллионов тонн до семнадцати. Вместо 55 тысяч тракторов приказали произвести 170 тысяч, вдвое увеличили план по цветным металлам и так далее.

Тогда же было принято решение о создании в дополнение к Донбассу новой угольно-металлургической базы на востоке, в Зауралье. Решение было стратегически оправданным (во время войны оно окажется спасительным), однако это накладывало на пятилетний план, и без того утопический, еще большую нагрузку.

Плюс к тому партия выдвинула лозунг, что пятилетку следует завершить в четыре года.

Взрыв оптимизма объяснялся тем, что фантастическому проекту неожиданно помог грянувший в это время кризис капиталистической экономики.

Главные мировые производители машин, станков, моторов не знали, где сбывать свою продукцию — а тут образовался новый, почти ненасытный рынок. По хорошим «кризисным» ценам в СССР стало поступать самое передовое оборудование, что существенно ускорило темпы индустриализации. В 1932 году, на пике депрессии, Советский Союз импортировал 50 % всей мировой машиностроительной продукции, а США вывозили в СССР три четверти всех производимых станков. Кроме того, на волне безработицы, работать на социалистическое государство приехало множество первоклассных иностранных инженеров.

Но этот «подарок судьбы» решил лишь одну из трех основных проблем индустриализации — технологическую. Две других никуда не делись. Во-первых, скудость финансовых ресурсов; во-вторых (и это главное), дефицит трудовой силы в отдаленных, малообжитых регионах, где находились основные стройки. Обе проблемы были связаны: у государства не имелось денег и средств, чтобы привлекать рабочих хорошими материальными условиями.

Сверхцентрализованное государство «ордынского» типа (а к началу тридцатых годов СССР восстановил один за другим все признаки этой модели) сильнó своей повышенной способностью к концентрации усилий в заданном властью направлении. Поскольку все материальные и нематериальные ресурсы были сосредоточены на развитии промышленности, она — вернее, некоторые ее отрасли — действительно росли стремительными темпами, однако темпы эти далеко отставали от заданных параметров, и чем дальше, тем больше.

После первого рывка во второй половине 1930 года наметилось замедление. Предполагалось, что за этот год объем производства взлетит на заоблачные 32 %, на деле же получилось около 20 % — тоже много, но «пятилетки в четыре года», да и в пять, никак не выходило.

Вместо назначенных 180 % к 1932 году промышленность выросла на 100 % (даже меньше, чем по забракованному «отправному» плану), машиностроение на 170 % вместо 230 %, чугуна выплавили 6

миллионов тонн вместо 17 миллионов, электроэнергии вместо 22 миллиардов киловатт выработали только 13,5 миллиардов. К тому же в народном хозяйстве из-за нарушения баланса перекосились все пропорции. Множество заводов стояли недостроенными, дорогостоящие проекты замораживались из-за нехватки капиталовложений и рабочих рук. Легкая промышленность из-за недофинансирования «просела», обострился дефицит повседневных товаров. Хуже всего, что сократилось сельскохозяйственное производство (о причинах будет рассказано в следующей главе), так что о сытых временах НЭПа пришлось забыть.

Чтобы снять с себя ответственность за провалы и неудачи, партия и правительство поступили точно так же, как во время кризиса хлебозаготовок, когда вину возложили на «кулаков». На самых проблемных участках «фронта индустриализации» виновниками объявили скрытых врагов из числа «спецов» — инженеров. Состоялась череда судебных процессов над «саботажниками» и «вредителями», широко освещавшаяся в прессе и сопровождавшаяся митингами «разгневанного народа».

Первое судилище устроили в 1928 году в связи с бедственным положением в горнорудной промышленности. Несколько сотен технических специалистов были арестованы по сфабрикованному «Делу об экономической контрреволюции в Донбассе». Процесс получил название «Шахтинского дела». Чекисты придумали целую вражескую организацию, связанную с белой эмиграцией и иностранными разведками. Пятеро обвиняемых были расстреляны, многие отправлены в тюрьму. По тому же рецепту проводились дела о «вредительстве» на оружейных заводах и на железнодорожном транспорте.

В момент, когда у пятилетки начались серьезные проблемы, в 1930 году, органы ОГПУ изобрели некую подпольную «Промышленную партию», якобы объединявшую 2000 специалистов-«вредителей», которые своими кознями срывали темпы индустриализации. Огромное следствие разделилось на множество судебных процессов поменьше — практически во всех отраслях промышленности.

Всё это были не столько расправы (хоть пострадало множество невинных людей), сколько, выражаясь по-современному, пиар-акции, объяснявшие народу, что во всех неудачах виноваты враги. В конечном итоге проблему с невыполнением пятилетнего плана власть решила незамысловато. На исходе 1932 года, пользуясь монополией на информацию, правительство вдруг мажорно сообщило народу, что всё намеченное блестяще осуществлено с опережением сроков — за четыре года и три месяца. Проверить эти сведения было некому, а тех, кто мог бы публично усомниться в их достоверности, в стране уже не осталось. Так во все учебники истории потом и вошло, что первая пятилетка завершилась блестящим успехом.

И всё же, хоть мегаломанский план и провалился, достижения индустриализации были впечатляющими — особенно на фоне Великой Депрессии, охватившей капиталистическую экономику.

За неполных пять лет возникли новые отрасли промышленности: тракторная, автомобильная, авиационная, танковая. Появились мощные электростанции, были построены или полностью реконструированы полторы тысячи заводов и фабрик — даже больше, чем планировалось. На востоке — в Кузнецке и Магнитогорске — возникла и начала работать вторая индустриальная база, которая спасет страну во время войны, после потери Донбасса.

Тут же был объявлен план второй пятилетки, не менее амбициозный. Однако выполнять эту программу режим собирался уже при помощи иных средств. Прежние были признаны недостаточными.

Правительство переламывает ситуацию

К решению главной проблемы, нехватки работников для гигантской перестройки экономики, сталинское правительство приступило в начале тридцатых, когда захлебывалась первая пятилетка, при помощи деаграризации, а затем использовала другой мощный инструмент — террор.

Существует два способа привлечения больших масс людей к нужной государству работе: экономический, то есть материально-стимулирующий, и насильственный — через принуждение и запугивание. Сталинская мобилизация использовала оба рычага в невиданном доселе масштабе, причем первый, экономический,

(выражусь безэмоционально) нестандартным образом. Не имея денег платить за труд адекватную плату, государство резко удешевило его стоимость, согнав с места и поставив под угрозу голодной смерти многие миллионы крестьян. Если в 1928 году в «социалистическом народном хозяйстве» трудились 11,4 миллиона человек, то в 1940 — больше 31 миллиона.

В социальном и гуманитарном смысле эта политика вылилась в настоящую катастрофу, о которой речь впереди, но свою задачу выполнила.

Если же посмотреть на сухие цифры — на динамику роста промышленности в тридцатые годы, картина получается следующая.

Вторая пятилетка (1933–1937), как и первая, была утверждена явочным порядком, уже после того, как началась — в 1934 году на XVII съезде ВКП(б). С учетом печального опыта первой пятилетки задачи ставились с меньшей залихватскостью. На 1933 год рост промышленного производства был запланирован не 32 %, как на 1932-ой, а 16,5 %. Объем капиталовложений предполагалось увеличить в два с половиной раза, и эта цифра не выглядела фантастической. Дополнительные средства высвобождались из-за резкого сокращения закупок оборудования и вообще импорта — начали давать продукцию собственные заводы. По официальной статистике («Журнал Госплана», 1936) в 1931 году было ввезено товаров на 1,1 миллиарда рублей, а в 1934 г. — только на 232 миллиона. Кроме того, СССР экспортировал всё, что только можно и даже что нельзя — например, продовольствие, которого в стране и так не хватало. Едва справившись с голодом (1934), уже на следующий год страна отправила на внешний рынок 1,5 миллиона тонн зерна. С середины тридцатых торговое сальдо впервые за долгое время стало активным.

Расширение масштабов строительства дало результаты. За пять лет появилось 4500 новых крупных предприятий, массовое внедрение машин увеличило производительность почти вдвое (что и неудивительно, учитывая прежний низкий уровень технической оснащенности). В целом промышленность выросла на 120 % и по своему общему объему вывела советскую экономику в 1937 году на второе место в мире после США — впечатляющий результат.

Показатели по основным для промышленности маркерам таковы: к концу пятилетки угля добывалось вдвое больше, чем в 1932 г.; чугуна

выплавлялось больше в два с лишним раза, стали — почти в три, производство электроэнергии выросло с 13,5 до 36,2 миллиарда киловатт; автомобилей — в восемь раз.

Третий пятилетний план (1938–1942), не выполненный из-за начала войны, на волне успеха второй пятилетки, опять отдавал гигантоманией. Теперь ставилась задача обогнать ведущие капиталистические страны не только по валу, но и по производству продукции на душу населения, а этот показатель в Советском Союзе был в пять раз ниже, чем в Европе. Продукция в основном была военного или смежного с военным назначения.

Приближение большой войны, остро ощущавшееся в 1938 году, действовало на экономическое планирование. Главные капиталовложения предназначались военно-промышленному комплексу. Новые профильные наркоматы — авиапромышленности, вооружения, боеприпасов, судостроения — резко наращивали производство. За первые два года пятилетки оно выросло почти в полтора раза.

Исследователь истории советского военно-промышленного комплекса Н. Смирнов пишет, что в 1940 году в стране было произведено военной продукции на 27 миллиардов рублей. Это позволило выпустить — за один год! — 13 700 пушек, 10 500 самолетов, 2 790 танков. Напомню, что тринадцатью годами ранее, перед началом индустриализации и военного «рывка», в Красной Армии имелось всего полторы сотни бронемашин, которые в то время уже считались главной ударной силой современной войны.

«Военный бюджет» на протяжении третьей пятилетки постоянно увеличивался — не только в денежном выражении, но и в процентном: в 1938 году — 18,7 %, в 1939 году — 25 %, в 1940 году — 32,6 %, а на 1941 г. долю собирались увеличить до 43,4 %.

Красная Армия растет и перевооружается

Пропорционально росту оборонной промышленности увеличивалась и армия.

До старта милитаризации, в 1927 году, в Красной Армии служило 586 тысяч человек. За годы первой пятилетки численность почти не увеличилась, потому что еще не заработали заводы, способные

обеспечить вооружением более крупный воинский контингент. Но во время второй пятилетки ситуация изменилась, и армия начинает стремительно расти.

В 1937 году она насчитывает уже полтора миллиона человек. После начала войны в Европе Наркомат обороны ввел всеобщий призыв, и численность поднялась до 3,3 миллиона человек. (У царской России, имевшей самую большую армию в мире, накануне Первой мировой войны под ружьем находилось 1,4 миллиона солдат.)

Но численный состав продолжался увеличиваться, и к 22 июня 1941 года невоюющий Советский Союз располагал армией в 5,1 миллиона солдат — в два с половиной раза больше, чем воюющая на пределе сил Англия.

Еще внушительней выглядела статистика вооружений.

У Красной Армии имелось 20 тысяч самолетов, 25 тысяч танков и 67 тысяч артиллерийских орудий. Для флота было спущено на воду более 200 боевых кораблей и 286 подводных лодок.

Следует, правда, учитывать, что эта сокрушительная мощь в значительной степени существовала на бумаге. Многие боевые машины, массово произведенные в первой половине тридцатых, технически устарели. Производственные линии, развернутые для выпуска самолетов нового поколения (истребителей И-15 и И-16, скоростных бомбардировщиков СБ и дальнолётных ТБ-7), а также превосходных танков Т-34, еще не вышли на полную мощность.

Большой проблемой было и качество. Вечная штурмовщина, страх сорвать план, желание отрапортовать об успехах сказывались на реальной готовности техники. Ее постоянно выводили из строя недоделки и частые поломки. НКВД без конца проводил «оперативные мероприятия по ликвидации и предупреждению вредительства в оборонной промышленности». Администраторов, инженеров, мастеров, простых рабочих арестовывали, расстреливали, и это только повышало градус нервозности, неразберихи. Самые жестокие репрессии во время предвоенного государственного психоза обрушились на кадры оборонной промышленности и армии — именно потому, что этому направлению власть придавала приоритетное значение.

Армия так скверно себя проявила во время финской кампании, потому что лишилась бóльшей части опытных военачальников, на чем мы еще остановимся. Плохое управление войсками и невысокий

профессиональный уровень офицерского и унтер-офицерского корпуса («среднего и младшего комсостава») объяснялись не только репрессиями, но еще и тем, что при столь быстром увеличении числа красноармейцев — в три с половиной раза за четыре года — просто неоткуда было взять достаточное количество подготовленных командиров.

Всё время открывались новые военные училища, в 1939–1941 годах они выпустили 48 тысяч лейтенантов, но для пятимиллионной армии, в основном состоявшей из малообученных солдат срочной службы, требовались совсем другие цифры.

Все эти недостатки проявятся в первые же дни войны, обернувшись тяжелейшими поражениями и огромными потерями. Это исторический факт. Но факт и то, что Красная Армия тем не менее выстоит, а советская оборонная индустрия справится со своей задачей.

Несколькими годами ранее это было бы совершенно невозможно. Н. Смирнов приводит цитату из докладной записки немецкого военного атташе фон Гартмана от 1933 года, где говорится: «Промышленность страны не в состоянии удовлетворить самые необходимые массовые потребности… Я считаю, что Красная Армия не в состоянии вести оборонительную войну против любого противника». К 1941 году ситуация существенно изменилась.

Это стало результатом огромного напряжения сил и колоссальных затрат — не только и не столько материальных, сколько человеческих. Они были чудовищно высоки.

ДЕАГРАРИЗАЦИЯ

Из всех эпохальных, драматических, необратимых перемен, произошедших со страной в описываемую эпоху, самой важной безусловно была деаграризация. Извечно крестьянская Россия оторвалась от земли; главный класс, который и был Россией, усох, размылся, рассыпался, превратился из абсолютного большинства в меньшинство.

Итальянский историк Андреа Грациози назвал это «величайшей крестьянской войной в европейской истории» и «великой драмой в двух актах». Первый развернулся в годы военного коммунизма, второй, после НЭПовской «интерлюдии», произошел в годы массовой коллективизации.

Но обычно используемый термин «коллективизация» не передает всего масштаба произошедшей метаморфозы. Дело не только в насаждении колхозов, они в постсоветские времена исчезнут. Но в России, Украине и Беларуси больше не будет землепашцев, в Казахстане, Кыргызстане и Туркменистане — скотоводов, в Узбекистане и Таджикистане — дехкан. Люди, веками жившие своим, пускай скудным, но самостоятельным хозяйством, навсегда отучатся от экономической самостоятельности.

Деаграризация является главным историческим событием сталинизма. Многое другое потом можно будет исправить или отменить, но не это.

Ленин наверняка одобрил бы удар, который его преемник нанес по «мелким хозяйчикам» и «частнокапиталистическим инстинктам», а это был именно удар, отнюдь не естественный ход социальной эволюции.

Социалистическая страна нуждалась в хорошо вооруженной армии; для этого требовалось быстро создать тяжелую индустрию; для индустрии требовалась дешевая рабочая сила; кроме деревни взять ее было негде — вот логическая цепочка, приведшая к деаграризации страны. Но имелись и другие цели: концентрация сельскохозяйственной продукции (основного богатства и основного источника валюты) в руках государства и установление тотального контроля над населением. В городах контроль осуществлялся через паспортную систему, прописку и обязательность работы на

государство. На селе — посредством закрепощения крестьян через систему колхозов.

Перелом был осуществлен намеренно и сознательно, хоть и не сказать чтоб планомерно. Линия партии несколько раз менялась.

— Первые попытки насадить социализм в деревне были неудачны.

— Ужесточение «коллективизации» нанесло по крестьянству смертельный удар.

— К концу тридцатых годов сломанная деревня стала послушной, но сильно оскудела.

Первые попытки насадить социализм в деревне

Поначалу правительство не затевало никаких грандиозных проектов, а всего лишь пыталось найти выход из трудной ситуации. К 1927 году рост сельского хозяйства, вызванный оживлением частного производства и расширением посевных площадей, остановился и начались проблемы с поставкой зерна, а его, наоборот, требовалось всё больше. «Военная тревога» поставила вопрос об индустриализации, и надо было изыскать на нее средства, увеличивать экспорт.

На XV съезде партии зазвучало слово «коллективизация», объединение крестьян-единоличников в крупные хозяйства, что позволило бы совместно приобретать технику и удобрения, а заодно отучило бы деревню от индивидуализма и приобщило к социалистическому мировоззрению. Идея была почерпнута из ленинской партийной программы 1919 года и впоследствии, с введением НЭПа, отложена на неопределенное будущее.

Но кризис госзаготовок зерна и дефицит бюджета понуждали искать выход из сложившегося положения. Как уже говорилось, в 1928 году Сталин попробовал «подтянуть» сельское хозяйство при помощи администрирования и ограбления «кулаков».

«Битва за хлеб», проводившаяся с применением методов «военного коммунизма», позволила в отдельных областях выколотить дополнительное количество сельхозпродукции, но в целом по стране эта практика себя не оправдала. Разрушение успешных «кулацких» хозяйств и, во многих случаях, беспорядочная реквизиция посевного фонда привели к тому, что в 1928 году госзаготовки были еще ниже, чем в 1927-м.

В городах стало не хватать хлеба, за ним теперь надо было стоять в очереди. В отдельных областях даже пришлось возвращаться к карточной системе.

Тогда Сталин решил, что нужно покончить с частным крестьянским хозяйством, поскольку оно малопроизводительно и трудно контролируется. Выход — в массовом создании колхозов. В план первой пятилетки помимо задач для индустрии вставили задачи для деревни. За отчетный период 20 % «дворов», то есть около 30 миллионов человек, должны были объединиться в колхозы и совхозы — добровольно.

На добрую волю власть впрочем особенно не рассчитывала и больше полагалась на принуждение. Двадцать пять тысяч партийных эмиссаров, так называемые «двадцатипятитысячники» разъехались по всей стране агитировать крестьян вступать в новые социалистические общины, куда каждый сдавал бы свою землю, скот, а то и инвентарь.

На бумаге результаты выглядели великолепно. За лето и осень 1929 года количество хозяйств, состоявших в колхозах, увеличилось двукратно. Газеты триумфально писали о «сплошной коллективизации». В годовщину Октябрьской революции генеральный секретарь выпустил бодрую статью «Год великого перелома», в которой утверждалось, что идея колхозного строительства овладела «широкими массами бедноты и середняков».

В план сразу же внесли коррективы. Теперь к концу пятилетки, то есть за два оставшихся года, предписывалось «социализировать» уже не 20 процентов, а «огромное большинство» хозяйств, и в первую очередь главные хлебородные районы.

Проблема, однако, состояла в том, что увеличение численности колхозников произошло в основном за счет бедняков, которые мало что могли принести с собой в коммуну или артель. Неудивительно, что колхозы в основной массе тоже получались бедными. Середняки предпочитали оставаться при своем хозяйстве.

Но директива есть директива. Если люди не желали вступать в колхозы добровольно, у сильного государства имелись и другие методы.

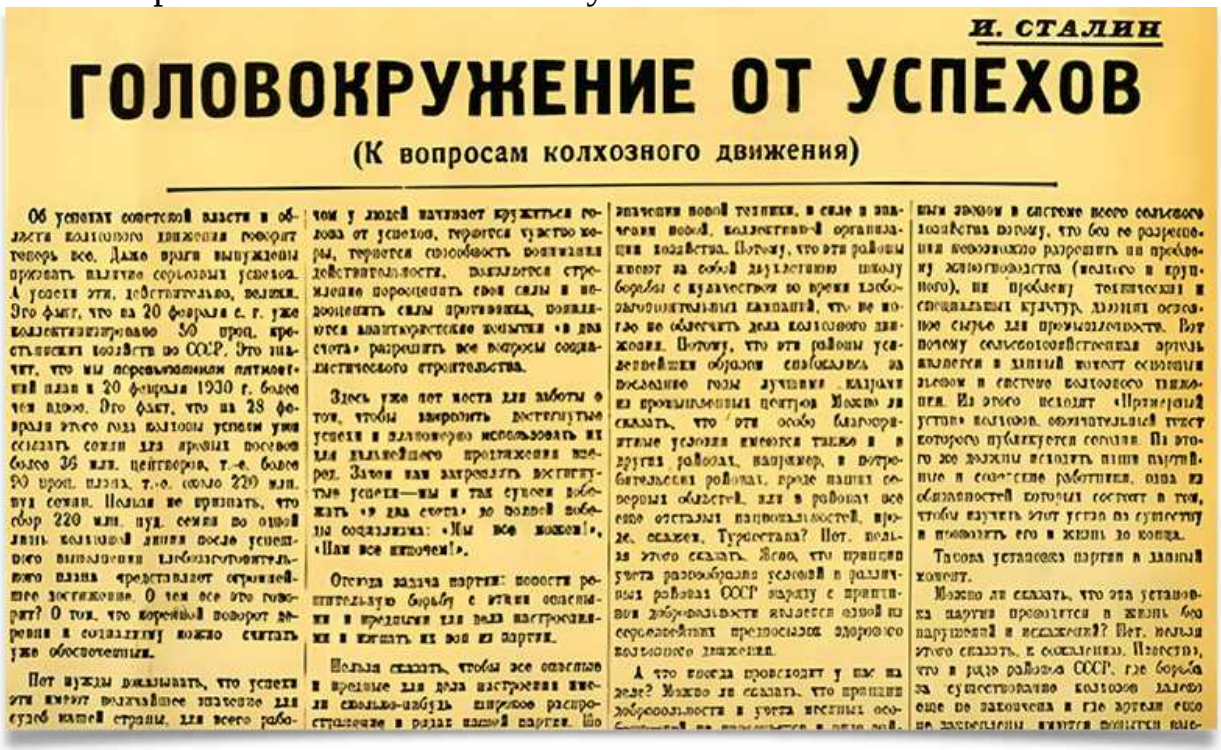
В начале 1930 года на местах были созданы «тройки» — чрезвычайные органы власти, состоявшие из руководителя парторганизации, председателя совета и начальника ГПУ. Их решением

любой крестьянин мог быть арестован и выслан. Такие депортации приобрели массовый характер. Кто по имущественным критериям не попадал в категорию «кулака», объявлялся «подкулачником». Соревнуясь между собой в рвении, «тройки» усердно перевыполняли план по «раскулачиванию». В некоторых районах доля «раскулаченных» доходила до четверти дворов.

Времена вооруженных восстаний остались в прошлом. За исключением отдельных эксцессов, когда обозленные крестьяне убивали особенно ретивых активистов, сопротивление носило глухой, пассивный характер. Вместо того чтобы сдавать скотину, крестьяне ее забивали. За несколько недель зарезали 15 миллионов коров. Поголовье свиней сократилось на треть.

Хуже всего было то, что под угрозой срыва оказалась приближающаяся посевная кампания.

И Сталин дал обратный ход. В те времена главным способом общения с народом у власти были газетные публикации, и в марте 1930 года Вождь обратился к стране с новой программной статьей. Она называлась «Головокружение от успехов». Вина за «перегибы» возлагалась на местное начальство, которое, оказывается, сгоняло крестьян в колхозы и коммуны насильно.



И. СТАЛИН

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ

(К вопросам колхозного движения)

Газета «Правда»

«Тройки» сразу притормозили свою активность, забой скота и саботирование прекратились. Весенний сев был спасен.

Но голос Вождя в деревне был воспринят как разрешение уходить из колхозов. И начался массовый исход. За весну «коллективизация», достигшая (во всяком случае по отчетам) 58 %, опустилась до 24 %. В некоторых областях, например в Московской, колхозов вообще почти не осталось.

Зато осенью крестьяне в своих хозяйствах собрали отличный урожай, да и колхозы — те, которые были созданы действительно добровольно — дали неплохие показатели.

Это, однако, не означало, что Сталин отступился от своего плана, вовсе нет. Именно в это время Вождь, по-видимому, и решил не просто ужесточить коллективизацию за счет более радикальных мер, но и изменить ее генеральную задачу. Успехи отдельных колхозных хозяйств давали основания надеяться, что для увеличения производительности и общего объема сельхозпродукции стране так много крестьянского населения и не нужно, тем более что скоро в колхозы начнут массово поступать трактора, а вот на стройках пятилетки освободившиеся рабочие руки очень пригодятся.

Ужесточение «коллективизации»

Формула изначального, ленинского большевизма складывалась из двух компонентов: идеальной цели (мировой революции) и готовности достичь этой цели любой ценой. Первая часть формулы, оказавшаяся нереализуемой, в сталинские времена отпала и была заменена целью труднодостижимой, но всё же не фантастической: обретением военной мощи. Но вторая часть сохранилась и была доведена до экстремальности. Суть сталинского метода управления и сталинизма в целом справедливо сводят к поговорке «лес рубят — щепки летят». И количество «щепок» при этом значения не имеет.

Бесчисленное количество книг описывает ужасы Большого Террора (и он безусловно чудовищен), но самое большое количество жертв относится не к 1937–1938 годам, а к 1932–1933, когда крестьянство уничтожалось как класс. Среди погибших не было громких имен, но счет шел не на сотни тысяч, а на миллионы. Как

выразился в Нобелевской лекции Иосиф Бродский: «В настоящей трагедии гибнет не герой. Гибнет хор». Именно это и произошло.

В официозном «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорится, что в 1930 году «широкие массы крестьянства повернули к социализму».

«Поворот» был организован следующим образом.

Страну разделили на три зоны: главные сельскохозяйственные регионы, второстепенные и все остальные, включая национальные республики. В первой зоне было приказано до конца 1931 года довести уровень коллективизации до 80 %, во второй — до 50 %, в третьей — до 25 %. В июне 1930 г. на XVI съезде Сталин выдвинул лозунг «развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации».

Теперь кампания насильственного сгона людей в колхозы проводилась не хаотически, а систематически, в соответствии с разнарядкой. За первую половину 1931 года количество колхозников увеличилось вдвое. По итогам 1932 года, на исходе первой пятилетки, коллективизацией было охвачено 62 % всех дворов, то есть в целом по стране партийная директива была выполнена. Но чрезвычайные меры на этом не закончились. В январе 1933 года пленум ЦК постановил передать управление колхозами и совхозами политотделам, в которых обязательно состоял представитель ГПУ. Эти органы совмещали с организационной функцией репрессивную, то есть управляли посредством страха.

Статистический успех «сплошной коллективизации» сопровождался тотальным развалом сельскохозяйственного производства. Возобновился массовый забой домашнего скота (общее поголовье уменьшилось наполовину), сократились посевы, урожай из-под палки собирался плохо.

Надежды, возлагавшиеся на механизацию колхозов, не оправдались. Количество тракторов действительно увеличилось почти впятеро, но зерна от этого больше не стало — наоборот. В «год великого перелома» генеральный секретарь сулил, что через три года, то есть в 1932 году, СССР станет «одной из самых хлебных, если не самой хлебной страной в мире», на деле же в 1932 году сбор зерна был даже ниже, чем в неурожайном 1929-м и намного ниже, чем в последний полноценный год НЭПа.

Низкий урожай, собранный осенью 1932 года, привел к тому, что теперь в городах уже повсеместно пришлось вводить продовольственные карточки, но главный удар пришелся по деревне, притом по регионам, которые всегда кормили страну: Кубани, Нижнему Поволжью, Украине.

Главной причиной кризиса стали реквизиция личных запасов зерна и провал колхозного производства в сочетании с чрезмерно высокой нормой госзаготовок (то есть изъятия государством продукции).

Самая катастрофическая ситуация сложилась на Украине и в Казахстане, где драконовские указания Центра применялись с дополнительными суровостями.

Голод на Украине, являвшейся главной житницей страны, был результатом не только общегосударственного курса на выколачивание запланированных заготовок любой ценой, но еще и политической установкой. Современный историк Сергий Плохий пишет: «Хотя голод поразил также Северный Кавказ, Нижнее Поволжье и Казахстан, только на Украине он имел явную этнонациональную окраску; он стал результатом сталинского решения прекратить украинизацию и совмещался с атакой на украинские партийные кадры». Разгрому подверглось и украинское культурное сообщество. Вторую по значению союзную республику в «профилактических целях», дабы не поощрять «уход в национализм», перевели из режима «коренизации» в режим русификации. Еще одной целью являлось ослабление самой массовой группы аграрного населения, украинского крестьянства, не столь давно развернувшего под руководством Махно большую антибольшевистскую войну и оказывавшего глухое сопротивление коллективизации.

Украинских крестьян не только оставили без припасов на зиму, но еще и обложили дополнительными штрафами за срыв заготовок. Целые села заносились на так называемые «черные доски», что означало полное прекращение снабжения, запрет на всяческую торговлю, а во многих случаях еще и кордонирование войсками. Патрули и загрядотряды не давали голодным крестьянам проникнуть в города, тоже отнюдь не сытые. Украинцы вымирали деревнями, были зарегистрированы случаи каннибализма.

Французский историк Николя Верт пишет: «…Мне кажется справедливым квалифицировать как геноцид действия сталинского режима, направленные на наказание голодом и террором украинского крестьянства». Сегодня украинский «Голодомор» официально признан геноцидом в десятках стран (но не в Российской Федерации).

В Казахстане «сплошная коллективизация» тоже имела явственные черты геноцида, атаки на весь народ. Она проходила под лозунгом борьбы с «кочевничеством», хотя все степное хозяйство испокон веков строилось на кочевом скотоводстве. Причиной было стремление установить государственный контроль над жизнью населения, а для этого требовалось прикрепить его к определенному месту жительства. Кроме того, республиканское начальство хотело отличиться перед Москвой отчетом о «высоких темпах коллективизации» и о создании скотоводческих «колхозов-гигантов».

В результате репрессий около двухсот тысяч семей вместе со скотом ушли через плохо охраняемую границу в соседний Китай. Те, кто остались, были ограблены, оставлены без помощи и обречены на голод. До коллективизации в Казахстане было почти 20 миллионов голов скота, теперь эта цифра сократилась в восемь раз.

Масштабы гуманитарной катастрофы, вызванной коллективизацией, оцениваются по-разному, поскольку специальной статистики не велось и количество людей, погибших от последствий недоедания или болезней, спровоцированных лишениями, посчитать очень трудно. Обычно в таких случаях оперируют данными об избыточной смертности и динамике численности населения. В 1932 году в стране было зарегистрировано 4 786 000 смертей; в 1933 — 11 450 000. Итоги всесоюзной переписи 1937 года получились такими, что их данные были немедленно засекречены, а организаторы объявлены врагами народа. С учетом «отложенных смертей» вследствие истощения и болезней, в общей сложности умерло, по-видимому, около 8,5 миллионов человек. Почти половина жертв по всему СССР пришлась на Украину. В процентном отношении больше всего пострадали казахи — в 1937 году их стало на 28 % меньше, чем в 1928.

Зато коллективизация победила.

Это означало, что львиной долей сельскохозяйственной продукции теперь владеет и распоряжается государство и что рынок труда

наводнился очень дешевой рабочей силой. Отток крестьян из голодающей деревни был так велик, что в 1932 году даже пришлось его притормаживать, чтобы колхозы не остались вовсе без работников.

В декабре, когда в стране была введена паспортная система и обязательная (а не уведомительная) прописка, колхозники паспортов не получили и без особого разрешения изменить место проживания не могли, то есть были поражены в правах и фактически превращены в крепостных.

Сломанная деревня

Опубликованный в 1938 году «Краткий курс ВКП(б)», отредактированный лично Сталиным и предназначавшийся на роль советского псалтыря, нисколько не исказил фактов, когда провозгласил: «Судьбу сельского хозяйства страны отныне будут определять не индвидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы».

Эта судьба была убогой. Времена товарно-продовольственной насыщенности рынка закончились вместе с НЭПом и больше при советской власти уже никогда не вернутся. Дефицит самых базовых продуктов станет константой советской действительности.

Деревенское население не только было поражено в правах по сравнению с городским, но и существовало в крайней бедности. Колхозы не платили ни фиксированных зарплат, ни пенсий. Крестьяне работали за так называемые «трудодни» — единицы учета, по которым после сбора урожая получали свою долю, но доля эта почти всегда была мизерной.

Объяснялось это, во-первых, тем, что колхозы как правило скверно управлялись и не обладали настоящей самостоятельностью; во-вторых, тем, что люди при всякой возможности отлынивали от подневольного труда; в-третьих, тем, что государство обложило эти хозяйственные структуры очень тяжелыми налогами.

Во времена НЭПа крестьянский двор выплачивал сельхозналог в размере (в среднем) 20 процентов, причем многодетные семьи получали льготы.

Колхоз же отдавал треть урожая государству, затем удерживал необходимое для собственных нужд и лишь после этого рассчитывался с работниками. Эта доля редко превышала 25 %. Таким образом, три

четверти того, что зарабатывал колхозник, доставалась не ему. Подобных поборов не существовало и при крепостном праве.

Реальная производительность сельского хозяйства никогда не дотягивала до плановой. В 1935 году партия постановила, что следует собирать ежегодно 130 миллионов тонн зерна. На деле собирали 70, максимум 80 миллионов тонн. Урожайность оставалась очень низкой: 7–8 центнеров с гектара (в Европе 14–16).

Продовольственные карточки в городах в 1935 году отменили, потому что страна триумфальных пятилеток не могла выглядеть нищенкой, но на селе, куда не добирались иностранные журналисты, не хватало даже черного хлеба, а белого и вовсе никогда не бывало.

При этом главных своих задач деаграризация, как уже говорилось, достигла.

Хоть валовой сбор зерна и пострадал, государственные закупки выросли — обирать колхозы было гораздо легче, чем трясти частников. В 1929 году госзаготовки дали государству 11 миллионов тонн, в голодном 1932 уже 22 миллиона тонн, а в последний предвоенный год больше 30 миллионов тонн.

Выполнена была и задача обеспечения строек и множащихся заводов дешевым трудом.

Согласно переписи 1939 года, пропорция городского и сельского населения за 13 посленэповских лет чудодейственно переменилась. Теперь в деревне жили не 82 % советских людей, а 67 %. Это означало, что свой образ жизни изменили по меньшей мере 25 миллионов человек. К концу сталинской эпохи соотношение стало 4:1 в пользу города. Прирост шел в основном за счет крестьян, которые правдами и неправдами бежали от колхозной неволи, нанимаясь на заводы и стройки.

В «Журнале Госплана» (№ 6, 1936) с удовлетворением сообщается: «За истекшие годы… и особенно за годы первой и второй пятилеток в огромной мере выросли кадры рабочих и служащих нашей страны». За семь лет, докладывает журнал, «армия рабочих» увеличилась на 111,3 %. Было 11,6 миллиона человек — стало 24,7 миллиона.

Средняя зарплата рабочего, в основной своей массе вчерашнего крестьянина, в это время составляла 230 рублей (обычные наручные часы являлись предметом роскоши и стоили 450 рублей, рубашка — 50

рублей). Труд действительно обходился работодателю-государству очень дешево.

ТЕРРОР

Сталинский режим, разумеется, не первый и не последний пример государства, применявшего массовый террор против собственного населения. Подобные страницы есть и в истории других стран. Имелись они и в России: в шестнадцатом веке при Иване Грозном и в начале двадцатого века при Ленине, во время Гражданской войны.

Однако экзекуция, развернутая Сталиным, имела особенности, сущностно отличающие это явление от прецедентов.

Сталинские репрессии не были вызваны паранойей полновластного диктатора, как это было у Грозного, который то зверствовал, то каялся. Не носили они и эмоционально-воспаленного характера, как «красный террор» после покушения на Ленина.

Это была целая система, выстроенная хладнокровно и расчетливо — как всё, что делал Сталин. И запущена она была для достижения конкретных, сугубо практических целей, которые со временем менялись или корректировались.

В тридцатые годы государственный террор должен был выполнить три задачи:

— Сталин использовал террор для перетасовки и дисциплинирования элит.

— Сталин использовал террор как способ контроля над обществом.

— Сталин использовал террор для формирования армии рабского труда.

Террор для элит

Репрессии, собственно, не прекращались на протяжении всех двадцатых годов. ЧК, а затем ГПУ производили множество арестов, тюрьмы и лагеря были переполнены, нередко выносились и расстрельные приговоры. По выражению британского историка Роберта Сервиса, «гроза грянула не из безоблачного неба, а была усилением уже бушевавшей бури».

Однако до начала «борьбы с кулачеством», первого этапа деаграризации, репрессии не носили системного или массового

характера. Кроме того, они практически не затрагивали «своих» — членов партии. Еще с ленинских времен существовало нечто вроде табу на физическое истребление соратников-большевиков. Их можно было обличать, шельмовать, лишать постов, исключать из партии, но не убивать. Даже заклятого, непримиримого врага Троцкого победитель Сталин уничтожить не решился, а всего лишь выслал из страны — уже в 1929 году, когда по всей стране шли повальные аресты крестьян.

В 1932 году произошел инцидент, подтвердивший, что негласный запрет на убийство заблудших «товарищей» сохраняется.

Бывший кандидат в члены ЦК Мартемьян Рютин, сосланный за «правый оппортунизм», попытался создать подпольную организацию «Союз марксистов-ленинцев» и составил декларацию, в которой осуждались эксцессы коллективизации и индустриализации, а также сталинская диктатура — говорилось, что «на всю страну надет намордник».

Никаких действий группа предпринять не успела. Все участники, полтора десятка человек, были арестованы по доносу. Но когда на Политбюро генеральный секретарь потребовал приговорить Рютина к смерти, даже самые близкие и верные сторонники не поддержали Вождя — решили, что это чересчур и противоречит «ленинским традициям». Дело ограничилось тем, что главаря посадили на десять лет, а остальные получили меньшие сроки или отправились в ссылку.

К этому времени фракционность и всякого рода «уклоны» в партии отошли в прошлое, споры и дискуссии прекратились, и установилось полное единовластие. Критика в адрес Сталина давно стала немыслимой. Он, подобно папе римскому, обрел статус непогрешимости, обязательный атрибут сакральности. Однако этого Вождю было недостаточно. Страну, которая проходила через эпоху «переломов», лихорадило. В верхнем эшелоне власти, конечно, все знали, что план первой пятилетки провален, что коллективизация привела к продовольственному кризису и голоду, что правитель совершил несколько тяжелых ошибок. А впереди предстояло еще много испытаний и потрясений.

В начале 1934 года случилось событие, продемонстрировавшее Сталину, что его опасения небеспочвенны. После беспрецедентного перерыва в три с половиной года состоялся очередной, семнадцатый съезд партии. Проводить его раньше Сталин не решался, потому что дела в стране шли совсем плохо, но теперь голод был преодолен и усилия по индустриализации позволяли перечислить в отчетном докладе много громких цифр. Печать нарекла собрание партийной верхушки «Съездом победителей», хотя до победы было еще очень и очень далеко. Съехавшиеся со всего Союза делегаты отлично знали ситуацию на местах. Публично, с трибуны, звучали одни панегирики и славословия в адрес Вождя, но на выборах нового ЦК, по традиции проводившихся тайно, произошло нечто неожиданное. В официальных результатах сообщалось, что Сталина выбрали почти единогласно. Однако подсчеты были сфальсифицированы. Впоследствии, в постсталинские времена, несколько уцелевших членов счетной комиссии рассказали, что Генеральный секретарь набрал максимальное количество голосов «против» — около 20 процентов. Сталин, естественно, об этом знал. Получалось, что немалая часть высшего эшелона политической власти относится к нему враждебно — и неизвестно, кто именно, поскольку голосование тайное. (Впоследствии все участники злополучного съезда окажутся под подозрением, и не двадцать процентов, а почти шестьдесят будут репрессированы. Еще хуже придется членам новоизбранного ЦК, которые все получили больше голосов, чем Сталин. Из 139 «лучших людей партии» 97 будут ликвидированы и еще пятеро покончат с собой).

Должно быть, именно в этот момент в Сталине окончательно созрела решимость довести ленинскую доктрину о монолитности партии до уровня абсолютной, нерассуждающей покорности, которую мог обеспечить только террор.

В отличие от других советских руководителей Сталин хорошо знал историю и извлекал из нее нужные ему уроки. Одним из самых чтимых им правителей был Иван Грозный, державший в лютом страхе свою «номенклатуру» — членов Боярской думы. В беседе с режиссером Сергеем Эйзенштейном, снявшим фильм «Иван Грозный», генеральный секретарь скажет: «Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что

он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств». Иосиф Виссарионович этой ошибки не повторит. Он «дорежет» всех, кого сочтет нужным, и даже с запасом.

Повод для того, чтобы отменить табу на истребление партийцев, предоставился в декабре того же 1934 года, когда член партии, некто Леонид Николаев застрелил руководителя ленинградской партийной организации Сергея Кирова. Убийство было совершено по личным мотивам. Николаев то ли ревновал к Кирову жену, работавшую в аппарате Смольного, то ли обиделся на увольнение — неважно. Важно для Сталина было то, что Николаева приняли в партию во времена, когда Ленинградом руководил «уклонист» Зиновьев. Органы ГПУ получили немедленный приказ соорудить масштабный заговор. «Ищите убийц среди зиновьевцев», — приказал Вождь, и чекисты взялись за дело.

События развивались так быстро, что впоследствии возникла версия, не устроили ли убийство сами спецслужбы — якобы Киров был слишком популярен в партии и Сталин воспринимал его как соперника. Эта гипотеза представляется маловероятной. Киров был сталинским назначенцем и надежным исполнителем, никогда не позволявшим себе малейшей нелояльности. Если б не выстрел Николаева, Сталин придумал бы какой-нибудь другой повод.

Сталин у гроба Кирова

Расправа началась в Ленинграде, где подавляющее большинство партийной номенклатуры выдвинулось при Зиновьеве, который правил городом почти десять лет. Сталин прибыл в Ленинград и лично возглавил чистку, чтобы показать чекистам, как они должны работать. Впоследствии ленинградский опыт будет использоваться «органами» повсеместно. Арестовали более шестисот ленинградских коммунистов, в подавляющем большинстве — руководящего звена. Самого Зиновьева тоже посадили, а заодно уж и Каменева, бывшего московского

начальника, что позволило открыть охоту на «каменевцев» и в столичном аппарате.

Затем активное разоблачение «троцкистов», «зиновьевцев» и «каменевцев» развернулось по всей стране. Теперь виновных определяли без лишних формальностей и исключением из партии не ограничивались. В срочно принятом постановлении ЦИК говорилось, что следствие по «террористическим» делам надлежит «заканчивать в срок не более десяти дней», «слушать без участия сторон», обжалования не допускать, а «приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении».

В 1935–1936 годах была проведена большая кампания по чистке всей партии. Формально это выглядело как обмен партбилетов, однако новые взамен старых получали далеко не все. Почти триста тысяч человек были «вычищены». В новых условиях это делало всех их кандидатами на арест.

Новое повышение градуса репрессий произошло летом 1936 года. До сих пор преобладали тюремные приговоры, теперь волной пошли расстрельные. Терроризирование партийно-советской элиты дошло до высшей точки. Началась эпоха так называемых «больших московских процессов», показательного истребления «боярских родов».

Зиновьев и Каменев, первоначально осужденные на тюремное заключение, были вновь посажены на скамью подсудимых «в связи с вновь открывшимися обстоятельствами». Следствие изобрело некий «Троцкистско-зиновьевский террористический центр», абсолютно фантазийную организацию, якобы находившуюся в контакте с эмигрантом Троцким и замышлявшую убийство советских вождей: Сталина, наркома обороны Ворошилова, ленинградского партсекретаря Жданова, наркома путей сообщения Кагановича, наркома тяжелой промышленности Орджоникидзе, украинского партсекретаря Косиора и киевского партсекретаря Постышева. (Орджоникидзе скоро застрелится, а Косиор и Постышев сами окажутся «врагами народа»). Все 16 обвиняемых, как упорствовавшие, так и покаявшиеся, были казнены.

В январе 1937 года в столице произошло следующее демонстративное судилище — над членами еще одной вымышленной организации, которую, не мудрствуя, нарекли «Параллельным антисоветским троцкистским центром». Главарями были объявлены

первый заместитель наркома тяжелой промышленности Георгий Пятаков, бывший нарком финансов Григорий Сокольников и знаменитый партийный журналист Карл Радек, все трое в прошлом члены ЦК. Остальные четырнадцать подсудимых тоже были крупными партийными и государственными функционерами. После ритуальных признаний в чудовищных преступлениях и столь же ритуальной кровожадной кампании в прессе и на проведенных по всей стране «митингах трудящихся» всех осудили. Тринадцать человек расстреляли сразу, остальных четверых потом убили в тюрьме.

Еще более «звездным» по составу обвиняемых был процесс «Право-троцкистского блока» в марте 1938 года. Судили бывшего главу правительства Алексея Рыкова, бывшего главного идеолога Николая Бухарина, бывшего наркома внутренних дел Генриха Ягоду и еще восемнадцать человек. Повторилось то же самое: фантастические признания, истерика народной ненависти и расстрельные приговоры всем кроме троих второстепенных фигурантов, которых убили позже.

Чтение «Краткого курса истории ВКП(б)» позволяет ощутить градус истерической кровожадности, разжигавшейся в обществе: «Эти белогвардейские козявки забыли, что хозяином Советской страны является Советский народ, а господа рыковы, бухарины, зиновьевы, каменевы являются всего лишь временно состоящими на службе у государства, которое в любую минуту может выкинуть их из своих канцелярий, как ненужный хлам. Эти ничтожные лакеи фашистов забыли, что стоит Советскому народу пошевелить пальцем, чтобы от них не осталось и следа», — захлебывается главный тогдашний молитвенник, и в этом стиле явственно звучит голос самого Сталина. Любой член номенклатуры, штудировавший это сочинение, несомненно сознавал, что и он — ничтожная «козявка», которую в любую минуту могут «выкинуть, как ненужный хлам».

К этому времени по всему Советскому Союзу уже целый год шли расправы локального масштаба. Органы НКВД «чистили» партийных и советских начальников республиканского, областного, районного уровней, в некоторых местах по два-три раза. В Москве и Московской области, например, из 136 секретарей районного уровня уцелели только семь.

Замена «ленинской» номенклатуры на «сталинскую», начавшаяся еще в двадцатые годы, теперь приобрела кровавый характер и стала почти поголовной. Если на XVII съезде (1934 г.) четыре пятых делегатов имели партийный стаж до 1921 года, то на XVIII съезде (1939 г.) таких ветеранов набралось всего 18 %. Иосиф Сталин, любивший военные метафоры, в одной из речей сказал, что в партии есть генералитет — три или четыре тысячи высших руководителей, офицерство — тридцать или сорок тысяч и унтер-офицерство — сто или сто пятьдесят тысяч низшего партийного комсостава. Так вот к 1939 году примерно 90 % «генералов» и «офицеров» были из коммунистов сталинской генерации.

«После завершения массового террора, в 1940 г., 57 % секретарей обкомов и ЦК компартий союзных республик были в возрасте до 35 лет, — пишет историк Олег Хлевнюк. — Совсем молодыми, в возрасте от 30 до 40 лет, свои должности заняли многие сталинские министры, генералы, директора важнейших предприятий, руководители творческих союзов и т. д. Из рук Сталина молодые выдвиженцы получили огромную власть — власть маленьких диктаторов. Они распоряжались судьбами и жизнями миллионов людей… Они влились в особую касту, жившую по своим законам и в своем привилегированном мире».

Но при этом вся иерархия политической и исполнительной власти трепетала и ходила по струнке. Со своими служебными обязанностями эти запуганные люди, может быть, справлялись и неважно, но с покорностью и исполнением любых приказов проблем у Сталина не возникало. В этом смысле его кадровая политика полностью удалась.

Самой опасной из советских профессий при этом являлась чекистская. Палачи очень легко сами попадали в руки палачей — как некогда опричники Ивана Грозного. Вождь очень хорошо усвоил правило: лучше всего сеют страх те, кто сами боятся.

Карательные органы несколько раз перетряхивались сверху донизу. Первым этапом репрессий руководил нарком Ягода, из числа ближайших помощников Дзержинского. Его сняли осенью 1936 года, следующей весной арестовали, публично растоптали на третьем «большом процессе» и казнили, хотя попавший в опалу палач молил о пощаде. «Перед всем народом и партией стою на коленях и прошу помиловать меня, сохранив мне жизнь», — написал он в прошении, и два дня спустя был казнен. Та же участь постигла всех помощников наркома, сверху донизу.

На смену старому поколению чекистов пришла команда Николая Ежова, выходца не из спецслужб, а из аппарата ЦК, личного назначенца Вождя. Новый «Малюта» был восславлен на всю страну, пресса восхваляла «ежовые рукавицы», которыми «железный нарком» душит контрреволюцию. Статус спецслужб вознесся на небывалую прежде высоту, когда Ежова сделали кандидатом в члены Политбюро — этой чести прежде удостоился только Дзержинский.

Фавор Ежова продлился два года. Затем он тоже был ошельмован и расстрелян, а вместе с ним сгинули все «ежовцы».

Помимо двух этих капитальных «чисток чистильщиков» все время проводилась замена одних исполнителей на других и на уровне местных органов НКВД — не через увольнение, а через арест и как правило смерть.

В справочнике «Кто руководил НКВД. 1934–1941» приводятся цифры, дающие представление о масштабах этого карательного процесса. Из 37 чекистов, носивших в 1935 году ромбы в петлицах (то есть имевших генеральское звание «комиссаров госбезопасности»), три года спустя в живых оставались только двое.

Для иллюстрации того, как проходили волны расправ внутри спецслужбы, процитирую докладную записку украинского наркома внутренних дел Александра Успенского (сентябрь 1938 года).

«Оперативную деятельность органов НКВД на Украине нужно разбить на три периода. Первый период охватывает конец 1936 года и первое полугодие 1937 года. В это время у руководства органов НКВД на Украине находился враг народа БАЛИЦКИЙ… Продолжателем предательской деятельности БАЛИЦКОГО в органах НКВД на Украине, как известно, явился изменник ЛЕПЛЕВСКИЙ. …Была проведена чистка аппарата органов НКВД от участников антисоветской заговорщической организации и шпионов иностранных разведывательных органов, насажденных в аппарате БАЛИЦКИМ и ЛЕПЛЕВСКИМ. За 1938 год в аппарате НКВД УССР было арестовано 261 предателей, участников правотроцкистской организации, других антисоветских формирований и шпионов иностранных разведывательных органов…», — рапортует новый нарком, который два месяца спустя, чувствуя неизбежность собственного ареста, инсценирует самоубийство, скроется и, объявленный во всесоюзный розыск, будет пойман и расстрелян.

Особой операцией можно считать массовую замену командирского состава Красной Армии, проведенную в 1937–1938 годах. Укрепление вооруженных сил являлось главной задачей всех усилий сталинского режима, а в понимании Вождя «укрепление» означало прежде всего тотальный контроль.

В середине тридцатых годов Красной Армией руководили победители в Гражданской войне, ее полководцы и герои, причем

многих в свое время, естественно, выдвинул председатель Реввоенсовета Троцкий. Самые прославленные из этих военачальников занимали в годы войны более высокие посты, чем Сталин, и проявили себя гораздо ярче.

Всю эту блестящую плеяду, а также выдвинутых ею командиров нижних уровней, Сталин считал контингентом ненадежным. Нужно было переподчинить вооруженные силы новым людям, обязанным своим взлетом Вождю.

Эта большая и рискованная «работа» была осуществлена с присущей Сталину осторожностью, в несколько этапов. Опирался он на своего ближайшего помощника Клима Ворошилова, назначенного наркомом в 1934 году.

Первый удар по армейской элите был нанесен в мае 1937 года, неожиданно. Только что, на пленуме ЦК, нарком Ворошилов бодро докладывал, что в армии «врагов вообще немного», поскольку партия направляет туда лучшие свои кадры. И вдруг открылся «военно-фашистский заговор» во главе с маршалом Тухачевским. Его сняли с поста первого заместителя наркома, а сразу вслед за тем арестовали. Другой заместитель наркома, Ян Гамарник, застрелился. Арестовали маршала Иону Якира и еще нескольких крупнейших военачальников.

Суд был закрытым и сугубо формальным. Через несколько дней после ареста обвиняемых расстреляли, во всех воинских частях прочитали приказ о «раскрытии предательской контрреволюционной военно-фашистской организации», после чего началось разоблачение «заговорщиков, вредителей и шпионов, окопавшихся в вооруженных силах».

Прошло несколько арестных волн, перемежаемых недолгими затишьями. Как и при чистках в НКВД, многих командиров сначала использовали для расправы над своими товарищами — в качестве судей, а потом убирали и самих. Это делалось для того, чтобы не возникло антагонизма между «органами» и армией. Группу Тухачевского приговорил к смерти суд из девяти военных; потом шестеро из них, один за другим, тоже были уничтожены.

В марте 1938 года арестовали еще одного маршала, Александра Егорова. В октябре того же года — маршала Василия Блюхера. Теперь главными героями Гражданской войны остались только сталинские сослуживцы маршалы Ворошилов и Буденный.

Общий итог репрессий в армии был таков: из 15 командармов уцелел один, из 10 полных адмиралов никто, из 67 комкоров — семь, из 42 высших политкомиссаров (армейского и корпусного уровня) — три, и так далее. Чем выше ранг, тем выше был и процент репрессированных, но даже на уровне полковых командиров потери составили половину кадров.

Задача, которой добивался Сталин, и тут была достигнута. Армия превратилась в абсолютно лояльный организм, на всех уровнях которого теперь были расставлены надежные люди. Гарантировано было и беспрекословное исполнение любых приказов. В этой обновленной армии страх перед начальством был сильнее страха перед любым врагом. Эти два фактора — неопытность карьерных выдвиженцев репрессионной эпохи и низкая инициативность запуганных командиров — дорого обойдутся Красной Армии в 1941 году.

Утверждая при помощи террора контроль над партийно-советскими органами и силовыми ведомствами, Сталин не меньшее значение придавал контролю над настроениями населения и проводил этот курс обычным для себя методом: контролировал тех, кто эти настроения формирует — деятелей культуры. У этого механистичного прагматика писатели были «инженеры человеческих душ», кинорежиссеры ни на минуту не смели забывать, что «из всех видов искусства важнейшим для нас [большевиков] является кино», и даже композиторы должны были проводить линию партии и «не отрываться от народа». (В результате бедный Шостакович напишет балет про кубанских колхозников, Прокофьев — ораторию «На страже мира»).

Порядок и дисциплинированность в сумбурной сфере искусства навести трудно, но страх — отличный дрессировщик. Надо сказать, что репрессии в этой страте советской элиты в процентном отношении выглядели не так ужасающе, как в трех предыдущих, но арифметика здесь не работает. Можно заменить одного партийного секретаря на другого (партия если от этого и пострадает, то бог с ней), но гибель каждого художника становилась невосполнимой утратой для страны.

Деятелей культуры, которых власть сочла вредными или пригодными для показательной экзекуции, расстреливали реже, чем функционеров и военных. Иногда просто отправляли за решетку, но,

поскольку люди этого сорта плохо приспособлены для выживания, тюремный срок часто оказывался равнозначен смертному приговору. На сайте «Бессмертный барак», посвященном памяти репрессированных, в рубрике «Поэты и писатели» 464 имени, в рубрике «Музыканты» 905 имен, и так далее.

Сталинский план по дрессировке культурно-художественного сообщества тоже вполне удался. Разномыслие исчезло, все виды искусства следовали указаниям партии, каких-либо нестандартных идей в «массы» с этой стороны не проникало. Правда, в результате этого асфальтирования советская культура, в двадцатые годы самобытная, интересная всему миру, невероятно поскучнела и посерела. Несвободный, тем более испуганный художник ничего яркого сотворить не может.

Террор как способ контроля над обществом

Но террор был инструментом не только для контролирования элит. Сталин использовал этот метод для управления всем населением.

Этот террор сущностно отличался от современного ему гитлеровского террора. Тот был чрезвычайно жесток, однако направлен главным образом против врагов Рейха и людей, которых Рейх считал для себя опасными или нежелательными. С собственными сторонниками и послушными гражданами Гестапо не расправлялось. Если так можно выразиться, это был «террор по правилам» — в том смысле, что правила всем подданным были понятны.

Цель сталинского террора была принципиально иной, в определенном смысле даже противоположной. Если Гитлер стремился заразить «арийцев» комплексом превосходства, то Сталин, наоборот, затаптывал советских граждан в землю, превращал в забитое, запуганное стадо. Террор проводился так, чтобы никто, даже самый верный сталинист, не чувствовал себя в безопасности. Со стороны могло показаться, что механизм репрессий действует иррационально — кромсает и давит кого придется, не разбирая кто виноват, а кто нет. Но в самой этой иррациональности была заложена ледяная рациональность. Террор был нужен прежде всего для внушения страха всем советским гражданам без исключения, а самая сильная разновидность страха — иррациональная.

Для того, чтобы общество мобилизовалось во имя поставленных сверху задач и выполняло их не раздумывая, на пределе сил, требовался эффективный мотиватор. И он был задействован. «Не за страх, а за совесть» люди работают не так напряженно, как «за страх».

Вот логика, позволяющая понять, зачем, начиная с середины тридцатых, проходят одна за другой карательные акции, как массовые, безадресные, так и направленные против отдельных групп населения, профессий или сообществ.

2 июля 1937 года на Политбюро было принято решение о том, что «тройки» (чрезвычайные трибуналы) отныне имеют право выносить смертные приговоры «в административном порядке». «ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке». В разосланной по инстанциям шифровке речь шла о «кулаках и уголовниках», но вышедший затем приказ по НКВД № 00447 уже назывался «Об операциях по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». «Другие антисоветские элементы», то есть кто угодно, и стали главным объектом развернувшейся всесоюзной кампании арестов.

Было и еще одно постановление ЦК, совсем уже секретное, о существовании которого известно из более поздней шифротелеграммы Сталина: «ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается, как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, — следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме». Таким образом узаконивалось применение пыток, которые в России были законодательно запрещены еще в 1801 году, причем в царском рескрипте изъявлялось желание, чтобы «само название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти человечества». Теперь истязания стали главным методом следствия, поскольку в судебную практику был введен тезис о том, что главным доказательством вины является ее признание. Это позволяло не тратить время на добывание улик и очень

убыстрило работу карательной машины. Следователи выколачивали нужное признание, тройка «в административном порядке» выносила приговор, палаческие бригады по конвейерному принципу приводили его в исполнение. Тех, кому повезло, отправляли по этапу. Если находились упрямцы, которые отказывались оговорить себя и под пыткой, это их не спасало. Тройки обходились и без признания вины.

Вера во всесилие планирования проявилась и в организации репрессий. В регионы сверху «спускались» квоты на необходимое число арестов («лимиты») и на «первую категорию», то есть на количество расстрелов. В подражание «ударным стройкам пятилеток» местные органы старались перевыполнить план — происходило своего рода «социалистическое соревнование»: кто выявит, разоблачит и арестует больше «врагов народа». Эта практика повсеместно распространилась не только из-за карьерных амбиций исполнителей, но и из-за страха проявить недостаточно усердия — это было бы равносильно самоубийству.

В «Синодике» Ивана Грозного, у которого советский Вождь учился ремеслу террора, записаны 3300 казненных. О количестве жертв сталинских «чисток» историки спорят до сих пор. Если привести официальные данные, собранные хрущевской комиссией ЦК в канун антисталинского XX съезда (далеко не полные), с 1935 по 1940 год было арестовано 1 980 635 человек, и 681 692 из них расстреляны. Три четверти арестов и 99 % казней приходятся на «Большой Террор» 1937–1938 гг., когда, собственно, и сформировалась государственная машина, главным топливом которой был страх.

Террор использовался и для достижения конкретных задач, в том числе стратегических.

Одной из таких целей, официально не декларировавшейся, было возрождение «великоросской» гегемонии, которую в свое время так осуждал Ленин. У Сталина была иная цель: не мировая революция, а воссоздание «единой и неделимой» российской империи. Для «единости» неполезно самобытное развитие всякого «неглавного» этноса. Кроме того, по мнению Роберта Сервиса, на Сталина большое впечатление произвела мобилизирующая потенция германского национализма — у Гитлера было чему поучиться.

Национальная политика СССР меняется. С интернационализмом и равенством народов было покончено. В «Коминтерне» происходит

капитальная замена кадров. Подавляющее большинство коммунистов-иностранцев отправляются за решетку или на расстрел — не за нелояльность, а просто потому, что этот контингент становится ненужен и обременителен. Партийно-административная элита союзных республик подвергается еще более жестокому разгрому, чем в РСФСР. В Средней Азии и в Закавказье берется курс на русификацию образования и всей культурной политики. Республикам, которые использовали латинский алфавит, было приказано перейти на кириллицу.

С особенным ожесточением истреблялись деятели нерусских национальных культур. На Украине НКВД придумало националистическую организацию «Всеукраинский центральный блок», к которой приписали цвет украинской творческой интеллигенции. В Белорусской ССР боролись с «Объединенным антисоветским подпольем». В Азербайджане — с «пантюркистами». В Средней Азии — с «панисламистами».

Никакой реальной оппозиции советской власти в национальных элитах не существовало, так что меры были сугубо «профилактическими» и демонстративными — обозначающими новый государственный курс.

Роберт Конквест, самый известный из западных историков террора, пишет: «Если рассматривать сталинский террор со статистическими данными в руках как массовое явление, а не с точки зрения отдельных личностей, то он предстает в более рациональном виде… Сталин, возможно, считал, что террористический эффект получается тогда, когда арестовывается и расстреливается определенная часть данной общественной группы. Тогда остальные приводятся к повиновению и подчиняются без жалоб. И с этой точки зрения не так уж важно, кто избран в качестве жертв — особенно если все или почти все ни в чем не виноваты». Однако, считая себя большим специалистом по национальному вопросу, в этой сфере Сталин действовал иначе. «Рациональность» проявлялась в том, что террор обрушивался на целые национальные группы, по тем или иным причинам сочтенные не вызывающими доверия. При тогдашней тщательно культивируемой шпиономании подозрительными были сочтены представители национальностей, у которых имелась собственная государственность: поляки, немцы, финны, латыши, литовцы, эстонцы, греки, корейцы и

так далее. В вышеупомянутом отчете хрущевской комиссии сообщается, что в ходе «террора по национальному признаку» было расстреляно 172 830 человек. Гораздо больше было арестованных, а из тех, кто остался на свободе, многие были уволены с работы как ненадежные.

Начинает опробоваться механизм этнических депортаций, который позднее станет обычной практикой.

Первой репрессированной национальной группой стали советские финны, в 1935 году поголовно выселенные из приграничной зоны. В 1936 году точно так же депортировали из западных областей несколько десятков тысяч поляков — отправили в Казахстан. Самой массовой репрессивной акцией тридцатых годов было перемещение с Дальнего Востока в Среднюю Азию корейцев (172 тысячи человек). Это произошло в 1937 году, на пике враждебных отношений с Японской империей, частью которой тогда являлась Корея. Всего же в течение пятнадцати лет будут депортированы «по национальному признаку» 17 этнических групп.

Нагнетание страха проводилось на всех уровнях, не только полицейском, но и пропагандистском, культурном, бытовом. Новая мораль «советского человека» провозглашала верховенство интересов партии (то есть государства) над личными привязанностями. Базовая «ячейка общества», семья, по самой своей природе обособляла индивида от внешнего мира, поэтому институт семьи оказался под двойным ударом.

В разряд высшей доблести теперь вводилось прежде невообразимое: доносительство на самых близких людей.

Весьма посредственная пьеса Константина Тренева «Любовь Яровая» — о том, как жена выдает на смерть любимого мужа, потому что он «враг», — была написана еще в двадцатые, но теперь ставилась по всему Союзу и сделала автора лауреатом Сталинской премии первой степени. На эту тему выходили и другие спектакли, фильмы, литературные произведения.

Мутная история об убийстве уральского подростка Павлика Морозова, произошедшем еще в 1932 году, теперь была перепридумана заново и наполнена высоким пафосом: герой-пионер пошел против собственного отца-вредителя (при том, что мальчик никогда

пионером не был и, кажется, ни на кого никуда не доносил). Около множества школ по всей стране герою поставили памятники, на его примере детей учили бдеть за собственными родителями — и такого рода доносы перестали быть редкостью.

Павлик Морозов на спичечной этикетке

Но на одну только пропаганду власти не полагались. Когда кого-то арестовывали, обычно та же участь постигала и жену, а детей отправляли в специальные интернаты. Поэтому супруги стали доносить друг на друга, тем более что не у всех отношения в семье были гладкими. Кроме того, вошло в традицию публично отказываться от арестованных родственников на собраниях и даже через газетные объявления.

Обычный гражданин СССР всё время ощущал себя под угрозой кары. Неосторожное слово, присутствие при сомнительном разговоре, плохие отношения с соседями или сослуживцами — всё могло повлечь за собой донос и потом ужасное наказание.

По закону 1940 года опоздание на работу более чем на 20 минут наказывалось урезанием зарплаты и полугодом «исправительных работ» по месту службы, а повторное — тюремным сроком.

В одном из своих последних писем, в 1922 году, Ленин рассуждает об использовании террора: «Если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый краткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут».

Иосиф Сталин развил этот постулат диалектически — доказал, что жестокости неплохо работают и на длинной дистанции. Народные массы их терпят и не ропщут. Ключ не в самих жестокостях, которые даже при массовости затрагивают лишь сравнительно небольшой процент населения, а именно в страхе, который охватывает всех.

Террор как способ формирования армии рабского труда

Деаграризации, которая резко увеличила число рабочих рук и сильно их удешевила, оказалось недостаточно для выполнения поставленных перед промышленностью задач.

На самых тяжелых стройках и производствах — особенно находившихся в отдаленных, не приспособленных для жизни районах — требовался принудительный, то есть рабский труд: вовсе бесплатный и не считающийся с большими человеческими потерями.

Идея превратить в рабов часть населения, как и идея опричного террора, была позаимствована Сталиным из отечественной истории. Чтимый Вождем царь Петр Великий создал первые гигантские «прото-гулаги», куда насильно сгоняли крестьян: на строительство воронежского флота и Санкт-Петербурга, на рытье каналов.

С каналов начала и советская власть. В 1931–1933 гг. для прокладки Беломорско-Балтийской водной трассы были использованы заключенные специально созданного «Белбалтлага», в общей сложности 280 тысяч человек. Затем для работ на канале имени Сталина между Москвой и Волгой в 1932–1937 гг. был учрежден «Дмитлаг». За пять лет через эту стройку прошло не менее 600 тысяч подневольных рабочих.

Эти эксперименты были сочтены настолько удачными, что Сталин принял решение вывести применение рабского труда на всесоюзный уровень и внести существенные коррективы.

Нужно было поставить на поток пополнение рядов бесплатной армии труда. Эту работу будет выполнять арестная машина НКВД. Она стала набирать обороты сразу после убийства Кирова.

Менялась организация рабочего процесса в лагерях. Раньше повышение производительности достигалось не только кнутом, но и пряником: заключенным засчитывали день работ за полтора дня «отсидки», стимулировали досрочным освобождением. Отныне ставка будет делаться только на кнут. Выпускать рабов на свободу будет сочтено нецелесообразным. В 1938 году Сталин, выступая на президиуме Верховного Совета, скажет: «…Мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться». Досрочное освобождение было упразднено, «работодни» в качестве льготы больше не засчитывались.

Для создания «атмосферы, в которой трудно испортиться», то есть отдельного, обособленного мира с собственными законами, нравами, ценностями и иным, коротким циклом жизни, было создано государство внутри государства — Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ). Александр Солженицын уподобит эту гигантскую структуру архипелагу, который состоял из островов, изолированных от остальной страны. Таких «островов» — лагерей, тюрем и иных мест заключения — возникнет около 30 тысяч.

Поскольку главным смыслом создания системы ГУЛАГа был вклад в экономику, в производственном отношении «островами» руководили не спецслужбы, а индустриальные наркоматы, в каждом из которых для этой цели существовал особый «главк». Всего было создано семнадцать подобных профильных управленческих центров. Труд заключенных активнее всего использовался в добывающей и горнорудной промышленности, на прокладке железных дорог, на строительстве гидроэлектростанций, новых городов в прежде пустынных регионах и так далее, и так далее.

Возникло несколько мощных пенитенциарно-производственных объединений, полуавтономных структур стратегического значения. Например трест «Дальстрой», созданный в 1931 году и позднее

разросшийся до гигантских размеров, ведал комплексным освоением всего северо-восточного края: разведывал и добывал полезные ископаемые, строил коммуникации, основывал города, управлял заводами, валил лес. «Контингент» треста, в подавляющем большинстве подневольный, насчитывал больше 200 тысяч человек.

Пополнение ГУЛАГа шло волнами. Массовый приток 1937–1938 гг. совпал с «кампанией большого запугивания» и увеличил население лагерей на 800 тысяч человек. Следующая волна, предвоенная, пришлась на период спада репрессий, когда вину за «перегибы» свалили на Ежова и назначили наркомом интеллигентного на вид Лаврентия Берию (в конце 1938 г.). Берия выпустил небольшой процент арестантов (в основном не из лагерей, а из тюрем) и сразу прослыл либералом, но в это же самое время на восток потянулись эшелоны из новозахваченных западных регионов, где происходила масштабная фильтрация «подозрительного элемента».

К началу войны трудовая армия ГУЛАГа составляла почти три миллиона человек.

Труд и условия жизни заключенных были очень тяжелыми. Формально они получали зарплату, но она равнялась 10 % минимальной, то есть практически отсутствовала. Стандартный рабочий день составлял 10–12 часов; калорийность питания, редко соблюдавшаяся, — на уровне половины нормы, предусмотренной для больших физических нагрузок. Из-за этого, а также из-за жестокого обращения и отсутствия медицинской помощи смертность в ГУЛАГе была очень высокой. В 1938 году, например, умерли 108 тысяч человек, в последний предвоенный год — 115 тысяч.

Широко применялись и смертные приговоры, выносимые лагерными «тройками» в «упрощенном порядке». Таких казней, не считая смерти от рук надзирателей, было произведено почти 28 тысяч.

Кадры ГУЛАГа, как и в целом по НКВД, пребывали в постоянном страхе за свою жизнь, что побуждало лагерных начальников всех уровней к крайней суровости. Три первых руководителя Главного управления — Коган, Берман и Плинер — были расстреляны.

Рабский труд огромной армии заключенных использовался советской промышленностью до самого конца сталинской эпохи. В общей сложности через систему ГУЛАГа прошло не менее 15 миллионов человек. Называют и более высокие цифры.

В тридцатые годы главным источником пополнения лагерной рабочей силы были репрессированные. В середине сороковых появился новый ресурс — пленные немцы и японцы, а также собственные солдаты, освобожденные из одних концлагерей, германских, чтобы попасть в другие.

Но сначала Советскому Союзу предстояло пройти через суровые испытания войны, к которой так долго готовились, и которая всё же застала страну врасплох.

ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ, 1941–1945

ФРОНТ

В задачу книги не входит подробный пересказ хода военных действий — это тема для многотомного исследования, и таких написано немало.

Здесь будет изложена лишь общая фабула событий, разделенная на три периода.

— В 1941 году Красная Армия терпела поражение за поражением, но главную битву выиграла: блицкриг провалился.

— В 1942–1944 гг. шла война на истощение, в которой Советский Союз оказался сильнее.

— В 1945 году союзники одержали полную победу сначала в западной Европе, а затем в восточной Азии.

Провал Блицкрига

Триумфальный для Германии 1940 год, когда были оккупированы Бельгия, Франция, Нидерланды, Дания, Норвегия, был подмочен неудачей «Битвы за Англию». Десантный план «Морской лев» предполагал, что перед высадкой будет уничтожена британская противовоздушная оборона, но Люфтваффе с этой задачей не справилось.

Тогда Гитлер решил, что англичане с их небольшой армией опасности для Рейха не представляют, на континент они не сунутся. Будет достаточно морской блокады, которую можно вести силами надводного и подводного флота.

Было несколько причин, по которым в Берлине приняли решение без промедления напасть на Советский Союз.

Во-первых, расширение на восток являлось частью гитлеровской доктрины «жизненного пространства», и теперь, когда руки на западе развязались, можно было приступить к ее осуществлению.

Во-вторых, лихорадочные военные приготовления «русских», равно как и их планы завершить программу перевооружения к середине 1942 года для немцев, конечно, тайной не являлись. Нанести удар следовало, пока СССР не укрепил новую границу и не заменил устаревшую боевую технику.

В-третьих, из-за финской войны у германского командования сложилось мнение, что советский колосс стоит на глиняных ногах и от сильного удара развалится.

Была и еще одна причина, финансовая. Содержать огромный, дорогостоящий Вермахт без ведения военных действий не имело смысла. Сухопутные бои велись только в северной Африке, где немцы и их итальянские союзники успешно теснили англичан. Потенциальный противник на суше оставался только один — Советский Союз.

Всю вторую половину 1940 года Германия ведет приготовления к «повороту на восток». В ноябре к трехстороннему пакту Берлин — Рим — Токио присоединяются Будапешт и Бухарест. Венгрия и Румыния соседствовали с СССР и могли предоставить Вермахту серьезную помощь, главное же — на их территории теперь можно было разместить силы вторжения.

Согласно замыслу самой большой в истории военной операции, получившей название план «Барбаросса», три армейские группировки «Север», «Центр» и «Юг» должны были вести наступление в направлении Ленинграда, Москвы и Киева. На первом этапе рассекалась и истреблялась сосредоточенная в приграничных регионах регулярная армия противника, затем танковые клинья при поддержке авиации устремлялись вперед и до наступления морозов выходили на линию Архангельск — Волга. Это был «блицкриг», расчет на быструю сокрушительную победу «в ходе кратковременной кампании» (цитата из приказа № 21, который фюрер подписал 18 декабря 1940 года). Там говорилось: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в западной части России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых крыльев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть пред-отвращено».

Датой начала войны Гитлер назначил 17 мая 1941 года. Завершить кампанию следовало за пять месяцев, то есть к концу октября.

Предполагалось стянуть к рубежу вторжения, от Балтики до Черного моря, основные силы германской армии — 183 дивизии и три воздушных флота. В нападении участвовали Финляндия, Венгрия, Румыния и Италия (последняя увязнет на Балканах и к началу операции прислать войск не сможет).

«Молниеносная победа» была возможна лишь при условии внезапности, а обеспечить скрытное сосредоточение четырех с половиной миллионов солдат на 3000-километровой границе представлялось задачей невозможной. И всё же она была достигнута.

Здесь сыграли роль два обстоятельства.

Немцы разработали комплекс мер с кодовым названием «Ауфбау Ост» («Восточное наращивание»), который совмещал переброску войск к советской границе с проведением многокомпонентной дезинформационной операции. Из самых разных источников в Москву поступали сведения, что Гитлер не повторит ошибки Наполеона и сначала добьет Англию, а уж потом станет добывать «жизненное пространство» на востоке; что, не сумев высадиться в Англии, немцы решили перенести направление главного удара в средиземноморский регион, через Балканы; что массовое перемещение армейских частей и техники производится, дабы вывести их из радиуса действия британской авиации. В операции прикрытия участвовали не только дипломаты, разведчики и всевозможные двойные агенты, но и сам фюрер. В ноябре 1940 года он радушно принимал в Берлине главу советского правительства Молотова и вел с ним весьма правдоподобную торговлю о будущем разделе мира, когда составление плана «Барбаросса» находилось уже на последней стадии.

Но еще важнее была самоуверенность Сталина, который не сомневался в своих аналитических способностях. Советский вождь был абсолютно уверен в том, что Гитлер действительно не повторит печальный опыт 1812 года и не затеет большую войну на востоке, пока сопротивляется Англия. Единственное, чего Сталин опасался — не сговорятся ли англичане с немцами о мире. В мае 1941 года, когда Рудольф Гесс, второе лицо в нацистской партийной иерархии, внезапно приземлился в Англии, казалось, что это опасение подтверждается. Но Черчилль в переговоры с Гессом вступать не стал, Лондон продемонстрировал решимость продолжать войну, и Сталин несколько успокоился — в тот момент, когда успокаиваться было никак нельзя.

Советская разведка, конечно, постоянно получала информацию о том, что немцы стягивают войска к границе. Но Сталин считал, что это происки британцев, которые пытаются спровоцировать обострение советско-германских отношений, и реагировал на тревожные сигналы с раздражением.

Можно сказать так: Сталин недооценил степень гитлеровского авантюризма. Осторожность и практицизм одного диктатора слишком контрастировали с азартностью и мистицизмом другого.

Ошиблись оба: Сталин на тактическом уровне, Гитлер на стратегическом.

План «блицкрига», и без того рискованный из-за жестких временных рамок, стал еще более зыбким, когда пришлось сдвигать сроки нападения.

Отсрочка произошла из-за ситуации, сложившейся на Балканах. Там одно за другим произошли два события, потребовавшие от Рейха срочного вмешательства.

При разделе мира между участниками нацистского пакта Греция «досталась» итальянцам, однако сначала надо было ее завоевать.

Вторжение началось в октябре 1940 года, но забуксовало. Греки получили помощь от англичан, перешли в контрнаступление и сильно потрепали армию Муссолини. К началу апреля 1941 года положение на греческом фронте стало таким тревожным, что Вермахту пришлось выручать незадачливого союзника. За три недели немецкие дивизии разгромили противника и оккупировали страну, но для этого понадобилось перебросить от советской границы всю 12-ю армию.

Одновременно, в конце марта, при участии британской разведки (есть сведения, что и советской) произошел переворот в Югославии. Удобное Берлину правительство было свергнуто. Допускать существование на южной границе Рейха враждебного режима Гитлер не мог. Югославскую «проблему» немецкая армия при помощи союзников по пакту тоже решила быстро, меньше чем за две недели, но опять-таки потребовалось снимать войска с восточного направления, а потом возвращать их обратно.

Нападение было сдвинуто с 17 мая на 22 июня. Впоследствии этого месяца Вермахту и не хватит — во всяком случае сам фюрер в конце войны объяснял неудачу «блицкрига» именно балканской отсрочкой.

Но вот «временные трудности» были наконец преодолены. Подготовка агрессии вышла на финишную прямую.

Хоть нападение и задержалось, в военном отношении Красной Армии это мало чем помогло. Кое-какие меры предосторожности были приняты. На запад из внутренних областей начали переводить войска,

ускорили строительство аэродромов и замену устаревших танков, самолетов, орудий на новые, привели в состояние боевой готовности противовоздушную оборону. Но всё это были половинчатые меры, тормозившиеся сверху. Сталин опасался, не сочтет ли Берлин, что СССР готовится напасть сам. Советский посол попросил аудиенции у Риббентропа, чтобы прояснить ситуацию. Тот от встречи уклонился. Тогда 17 июня ТАСС сделал беспрецедентное официальное заявление о том, что Германия «неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении» и что «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». Надеялись, что Рейх в ответ тоже сделает какой-нибудь миротворческий жест. Его не последовало, но даже это не убедило Сталина в том, что он ошибается. Во многих работах цитируется резолюция начальника советских спецслужб Берии от 21 июня: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников… за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией». В тот же день нарком докладывает наверх: «Я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!».

Но Гитлер напал той самой ночью. Неподготовленность Красной Армии и тщательно разработанный тактический план с самого начала принесли Вермахту ряд важных побед. Самой главной из них было достижение полного превосходства в воздухе.

По численности советские ВВС превосходили Люфтваффе, но одновременные авиаудары по аэродромам вывели из строя (по немецким сведениям) 1811 самолетов, причем 1489 из них даже не успели взлететь. Автор книги «1941. Горькие уроки: война в воздухе» Дм. Хазанов, ссылаясь на советские источники, пишет, что потери за два дня составили 3922 машины.

Разбомбленный советский аэродром

Контроль над небом обеспечил танковым штурмовым колоннам полный простор действий. Они без боя захватывали города, рассекали коммуникации, брали в клещи крупные группировки войск, которые, не получая снабжения, сдавались в плен.

В южном секторе, откуда войска были переправлены на Балканы, наступающие продвинулись несильно, но на севере, в Прибалтике, и в центре, на белорусском участке, в считанные дни пали Минск, Каунас, Вильнюс, Рига.

Удар, конечно, был очень силен, но масштабы катастрофы усиливались еще и из-за действий командования Красной Армии. Вернее, бездействия.

Государственная система, которую так долго и такой чудовищной ценой создавал Сталин, зиждилась на абсолютной власти Вождя. Только он и он один принимал все важные решения. Однако для правителя 22 июня стало потрясением, которое на время совершенно вывело этого расчетливого, целеустремленного человека из строя. Свидетели пишут, что Сталин несколько дней пребывал в подавленном состоянии, фактически самоизолировался. Политбюро собралось на экстренное совещание без него. С радиообращением к народу

обратился Молотов. Оперативный штаб руководства войной, Ставку Главного Командования, возглавил не Вождь, а нарком обороны маршал Тимошенко, верный сталинец, но неважный полководец, выдвинувшийся после тяжелой финской войны.

Первое распоряжение главнокомандующего («Директива № 3») продемонстрировала полное непонимание ситуации. В директиве приказывалось перейти в контрнаступление, окружить и уничтожить врага. Этот шапкозакидательский приказ, погубивший сотни тысяч солдат, был, несомненно, продиктован страхом прогневить Сталина — ведь в утвержденном им армейском уставе предписывалось: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории».

Тактика запугивания собственных командных кадров, осуществлявшаяся с 1937 года, была задействована вновь. Вину за череду поражений Москва возложила на отдельных генералов и показательно, в устрашение другим, с ними расправилась. Командующий Западным фронтом генерал Дмитрий Павлов, его начальник штаба генерал Климовских, командующий артиллерией генерал Клич, командующий IV армией Коробков и другие были арестованы, а затем расстреляны.

Эти репрессии еще больше парализовали растерянных, часто находившихся без связи советских военачальников. Они боялись отступать, даже когда этого требовала элементарная логика войны. Большинство потерь в «котлах», то есть окружениях, первых недель войны произошло именно по этой причине. В минском «котле» в плен попали 330 тысяч солдат, в гомельском — более 100 тысяч, в смоленском — больше 300 тысяч.

Ни одна армия в истории не потеряла столько людей пленными, сколько Красная Армия во Второй мировой войне. В общей сложности за годы войны сдались, по немецким данным, 5 миллионов 270 тысяч красноармейцев. Их участь была очень тяжелой — не только из-за того, что немцы сурово обращались с пленными, но и из-за политики советского правительства, в свое время не присоединившегося к

Женевской конвенции об обращении с военнопленными, а теперь провозгласившего всех сдавшихся изменниками.

Приказ 270, выпущенный 16 августа 1941 года, не только объявлял сложивших оружие «злостными дезертирами», но и сулил арест их семьям. (Угроза адресовалась прежде всего военачальникам, ибо о пленении обычных солдат узнать было неоткуда).

В результате красноармейцы содержались в немецких лагерях в ужасающих условиях, безо всякой помощи, и гибли сотнями тысяч. Вернулись из плена, по сведениям статистического исследования «Россия и СССР в войнах XX века», 1 836 562 человека — одна треть.

Еще одной вредоносной мерой, понизившей управляемость войсками, было восстановление «двуначалия» — возвращение в воинские части комиссаров, как в Гражданскую войну, когда большевики не доверяли «спецам» из бывших офицеров и приставляли к ним политических надзирателей.

Позднее, когда Сталин поймет, что с запуганными генералами много не навоюешь, террор в отношении полководцев будет отменен. Упразднят и двуначалие. Сразу начнут выдвигаться инициативные, смелые полководцы, которые приведут армию к победе. Но летом 1941 года активность и инициативу проявляли в основном генералы Вермахта.

Главной задачей советского командования было остановить этот хаотический откат на какой-то стабильной линии обороны. Ее несколько раз отодвигали на восток, перебрасывая из тыла резервы. В конце июля, уже за Смоленском и Псковом, фронт на время зафиксировался.

К этому времени Сталин наконец оправился от шока. 30 июня он возглавил новый орган чрезвычайной власти — Государственный Комитет Обороны (ГКО). 3 июля обратился по радио с речью ко всему народу («Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом»). 10 июля сменил маршала Тимошенко на посту руководителя Ставки, а затем еще и возложил на себя обязанности наркома обороны. Управление войсками до некоторой степени упорядочилось.

«Блицкриг» замедлился из-за того, что немцы растянули коммуникации и стали испытывать трудности с топливным снабжением

танковых частей, своей главной ударной силы. Неожиданностью для них стало и упорное сопротивление Красной Армии. Во многих случаях окруженные соединения, части и гарнизоны, оказавшиеся в безвыходной ситуации и по военной логике обреченные на капитуляцию, не складывали оружие, бились до последнего патрона, и это замедляло германское наступление.

Красная Армия, как и советское общество в целом, была чрезвычайно нездоровым организмом: скверно управлялась, грешила показухой, держалась на страхе перед начальством. Но в условиях иноземного вторжения и армия, и общество прониклись духом защиты отечества — войну сразу же нарекли «Отечественной», и в отличие от 1914 года, когда российские газеты использовали точно такой же термин, теперь название соответствовало всеобщему настроению. В 1941 году страна сражалась не за Босфор и Дарданеллы, не за далекую Сербию, а за выживание. Как бывает при поражениях, красноармейцы проявляли много героизма, которым всякая стойкая армия компенсирует ошибки в управлении — с хорошим командованием солдатам проявлять героизм не приходится. Так или иначе, упорство окруженных, отступающих, контратакующих советских войск вынудило Вермахт в конце июля приостановить стремительное наступление.

По итогам первого месяца войны группы армий «Север» (фельдмаршал фон Лееб) и «Центр» (фельдмаршал фон Бок) продвинулись на 500–600 километров от границы. Менее сильная немецко-румынская группа «Юг» (фельдмаршал фон Манштейн) на 300–350 километров. Прибалтика, Белоруссия, Молдавия, половина Украины были потеряны.

Гитлер был уверен, что война уже выиграна, да и начальник немецкого генштаба Ф. Гальдер пишет в своем дневнике: «…Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней». Однако оценка ситуации у фюрера и у руководства Вермахта не была одинаковой. Генералы считали, что нужно довершить разгром взятием советской столицы, Гитлер же до такой степени не сомневался в победе, что решил выполнить две задачи сразу: и вести наступление на Москву, и поскорее захватить сельскохозяйственные, промышленные и угольные районы юга, а затем выйти к нефтеносному Кавказу — топливо было для немецкой армии вечной проблемой.

Фюрер даже считал, что вторая задача важнее первой, поскольку СССР и так разбит.

На три недели установилась временная передышка. Красная Армия рыла укрепления, готовясь к обороне. Немцы перебрасывали войска и подтягивали резервы.

План «Барбароссса» был скорректирован с учетом фронтовых успехов. Москву и Ленинград теперь следовало захватить к 25 августа, к Волге выйти в начале октября, а в начале ноября уже добраться до бакинской нефти.

Вмешательство Гитлера в планы германского генштаба стало причиной провала «блицкрига»: у Вермахта просто не хватит сил вести операции такого масштаба одновременно на всех направлениях.

Группа «Север» начала наступление вполне успешно. В график она не уложилась, но взяла Таллинн и в начале сентября подошла к Ленинграду. Однако тут поступил другой приказ. Войска понадобились на ином участке. Фон Леебу оставили достаточно сил для блокады Ленинграда, но не для штурма.

На центральном векторе, ведущем прямо к Москве, где советское командование сосредоточило главные резервы, дела у немцев шли хуже. Сопротивление окруженных под Смоленском советских войск было подавлено только в начале сентября. Двигаться дальше фон Бок не мог, поскольку его лучшие танковые соединения были заняты на Украине, помогая Манштейну.

Зато на юге войска Рейха одержали крупную победу. Под Киевом им удалось окружить и полностью уничтожить войска советского Юго-Западного фронта. Командующий генерал-полковник М. Кирпонос погиб. В плен попали 665 тысяч человек. Через прорванный фронт немцам открылась дорога на Донбасс, в Крым, а оттуда на Кавказ. Дорога эта окажется небыстрой и нелегкой, потому что гарнизон Одессы продержится два с половиной месяца, а осажденный Севастополь много дольше. Однако блокируя города-крепости, Вермахт двигался дальше. В конце осени германские войска дошли до Ростова-на-Дону.

Но к этому времени приоритеты немецкого командования снова изменились. Нужно было брать Москву до наступления морозов. У Гитлера имелись все основания полагать, что эта задача будет

выполнена без особенного труда и он опять окажется прав: и доступ к ресурсам Юга получил, и вражескую столицу к сроку возьмет.

За три месяца войны Красная армия потеряла 2,8 миллиона человек (две трети из них пленными) и осталась почти без авиации. Под оккупацией оказались 40 % населения Советского Союза и половина материальных ресурсов. Потери Вермахта при этом были хоть и значительны, но не критичны.

В этой обстановке, на волне радужных ожиданий, была разработана операция «Тайфун». Началась третья фаза «блицкрига», которая должна была стать завершающей.

Вермахт сосредоточил для прорыва к Москве почти половину своего личного состава на Восточном фронте, треть авиации и три четверти танков, которым отводилась главная задача: взять советскую столицу в клещи.

Операция началась 30 сентября. Вначале она шла по плану. Танковые клинья на трех участках рассекли оборону, под Вязьмой в окружение попали четыре советских армии. Начальник германского Генштаба с удовлетворением пишет: «Операция «Тайфун» развивается почти классически… Противник продолжает всюду удерживать неатакованные участки фронта, в результате чего в перспективе намечается глубокое окружение этих групп противника».

Казалось, Москва обречена. 14 октября началась эвакуация правительственных органов, важных предприятий и самого ценного оборудования. Из-за этого в городе возникла паника, достигшая кульминации 16 октября. Пришлось вводить осадное положение и применять крайние меры вплоть до уличных расстрелов мародеров.

Но германское наступление замедлилось, а потом и вовсе остановилось. Окруженные под Вязьмой советские войска отказывались сдаваться, и немцам пришлось оттянуть с фронта 28 дивизий, которых в результате и не хватило, чтобы прорвать оборонительную линию, наскоро созданную в ста километрах к западу от Москвы. В ходе боев «котел» был разрезан на сегменты, но не все они были уничтожены. Часть солдат сумела вырваться и присоединилась к своим.

Для перегруппировки и подтягивания последних резервов немцы были вынуждены сделать перерыв в наступлении до середины ноября. Другой причиной задержки стали погодные условия. Стратегам

германского генштаба при разработке плана «Барбаросса» следовало бы опасаться не «генерала Мороза», а состояния российских дорог, в большинстве грунтовых. Во время осенней распутицы танки по ним кое-как проходили, но бензовозы и грузовики застревали. Немцам еще повезло, что температура раньше обычного стала минусовой и к середине ноября грязь уже замерзла. Это позволило танкам Гудериана (на юге) и Гёпнера (на севере) возобновить натиск.

Однако теперь соотношение сил переменилось. Германские танковые колонны обошли город и со стороны Калинина (Твери), и со стороны Тулы, передовые отряды достигли московских окраин — но здесь, в одном шаге от цели, наступление выдохлось.

Причина заключалась в том, что Гитлер переоценил свои силы и недооценил силы противника. В то самое время, когда у фон Бока иссякли последние резервы, командующий советским Западным фронтом Жуков и командующий Калининским фронтом Конев получали всё новые и новые подкрепления.

Во-первых, людские ресурсы СССР были несопоставимы с немецкими, а за месяцы, прошедшие с начала войны, мобилизационная машина набрала колоссальные обороты. В общей сложности за вторую половину 1941 года было сформировано 286 новых дивизий.

Во-вторых, что еще важней, с Дальнего Востока прибыли соединения, укомплектованные не новобранцами, а кадровыми солдатами. В октябре один из самых результативных советских разведчиков-нелегалов, коминтерновец Рихард Зорге, выяснил, что японской угрозы советскому Дальнему Востоку больше не существует: империя собирается воевать с американцами. Эта информация получила подтверждение и из других источников. В результате под Москву было переброшено 17 сильных дивизий, которые и решили исход битвы.

К началу декабря у Красной Армии накопилось достаточно сил, чтобы начать контрнаступление. И к северу, и к югу, и к западу от Москвы немцы сначала перешли к обороне, потом были вынуждены отступить.

В военном отношении победа Красной Армии выглядела довольно скромно. Ее потери существенно превышали немецкие, пленных взято почти не было, поредевшие германские части отходили организованно,

нанося ответные удары. К началу января линия фронта стабилизировалась всего в 200–300 километрах от советской столицы.

Но сражение под Москвой имело ключевое стратегическое значение. «Блицкриг» провалился. А поскольку Гитлер не рассчитывал на затяжную войну, да и не имел для нее достаточно ресурсов, это означало, что поражение Германии теперь — вопрос времени.

Тогда же, в декабре, произошло еще одно роковое для Рейха и его союзников событие. 7 декабря японцы напали на США, но их «блицкриг» тоже не удался. Уничтожить основные силы американского флота одним ударом не получилось. Поскольку Япония была союзницей Германии, Берлин тоже объявил Америке войну. Возникла перспектива открытия второго фронта, пока еще отдаленная, но неизбежная.

Самые кровопролитные сражения были впереди, но главная война развернется не между армиями, а между государственными системами и экономиками. Шанс победить одним наскоком, сугубо военными средствами, Гитлер упустил. Его авантюризм разбился о прочность советского государства. В условиях смертельной опасности и крайнего напряжения сил «ордынская» система продемонстрировала свои самые сильные качества: способность к тотальной мобилизации, монолитное единство и готовность на любые жертвы.

Война на истощение

Кампания 1942 года в целом очень похожа на предыдущую: сначала Вермахт одерживал победу за победой, а в конце года в решающем сражении победила Красная Армия.

Однако вернее и честнее описывать всякую войну не как череду доблестных побед, а как череду трагических ошибок. Противоборствующие стороны всегда соревнуются в том, какая из них совершит больше просчетов. Это и естественно, ведь любая война сама по себе — огромный провал, неспособность достичь целей мирными средствами.

Не является исключением и военная история второго года Отечественной войны. Оба верховных главнокомандующих, и немецкий, и советский, делали ошибки. Чаще всего причиной

поражения становилось личное вмешательство того или другого вождя в работу военных специалистов. При диктаторском режиме роль личности в истории гипертрофирована, в моменты кризиса этот фактор часто становится решающим.

Гитлер определил цель кампании с учетом сложившейся ситуации вполне логично. Если не получилось разгромить СССР с помощью одной только военной силы, если началась война на истощение — война экономик и ресурсов, то нужно максимально ослабить потенциал врага и максимально увеличить свой. Поэтому направлением главного удара теперь должна была стать не крепко защищенная Москва, а юг Советского Союза, и прежде всего нефтеносные районы. В 1940-е годы нефть являлась главным стратегическим сырьем.

Этот в принципе верный план сорвался, как мы увидим, по той же причине, что «Барбаросса» — из-за вечного гитлеровского авантюризма, надежды на удачу.

Но тяжкий промах допустил и Сталин. «Чудо под Москвой» (так писала зарубежная пресса, советские газеты чудес не признавали) вскружила Вождю голову. Он счел, что в войне уже произошел перелом, и потребовал от своих полководцев наступления, хотя Красная Армия все еще сильно уступала германской по боевым качествам. (Соотношение потерь в 1941 году составило, по самым щадящим подсчетам, 5:1, и даже в победоносном московском сражении советские войска потеряли почти вчетверо больше людей, чем германские).

Выступая в Ставке 5 января 1942 года, Сталин сказал: «Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Надо наступать». И приказал нанести удары и по группе «Центр» в районе Вязьмы, и на Донбассе, и в Крыму.

Десантная операция в Крыму к этому моменту уже началась. Большая войсковая группа захватила Керченский полуостров, но дальше продвинуться не смогла.

Наступление под Вязьмой с целью окружить немцев на Ржевском выступе стартовало 8 января и тоже ничего не дало. Красная Армия напрасно потеряла 770 тысяч солдат. «Ржевская мясорубка» станет самой длинной и самой кровопролитной драмой войны. Развязать этот узел удастся лишь после 13-месячных жестоких боев.

Эти неудачи показали, что советские войска не готовы успешно вести наступление сразу на нескольких направлениях, но Сталин решил

провести еще и большую операцию на юге. В первомайском приказе верховного главнокомандующего говорилось: «Приказываю всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения Советской земли от гитлеровских мерзавцев!»

План состоял в том, чтобы разгромить под Харьковом основные силы группы «Центр», прижать ее к морю и уничтожить.

Немцы ударили во фланги наступающим войскам Юго-Западного и Южного фронтов. Отступать Сталин запретил, и около 300 тысяч красноармейцев попали в окружение. Вырваться из «котла» удалось едва одной десятой.

Тогда же, в мае, погиб высаженный в Крыму десант. Еще 170 тысяч солдат были убиты или попали в плен. Теперь осажденный Севастополь был обречен и вскоре пал. Эвакуировать гарнизон не удалось — морем вывезли лишь старший комсостав.

Помимо фронтовых сражений, проигранных из-за чрезмерной самоуверенности верховного главнокомандующего, была совершена еще одна трагическая ошибка — самая тяжелая по своим последствиям. Минувшей осенью, когда войска фельдмаршала фон Лееба рвались к Ленинграду, все усилия советского командования были направлены на создание линии обороны. За «колыбель Революции» собирались биться до последней капли крови. О блокаде никто не думал, к ней не готовились. В городе было мало продовольственных запасов, эвакуация жителей не поощрялась — ленинградцев, наоборот, призывали к патриотизму и стойкости. В результате вывезли только 400 тысяч человек, в основном детей. Когда кольцо замкнулось, город остался почти без снабжения. За первую зиму блокады, самую страшную, от голода и лишений вымерла четверть населения.

Растратив силы в катастрофически неудачных операциях первой половины года, Красная Армия утратила с таким трудом обретенное численное превосходство и, когда немцы на юге перешли от обороны к наступлению, не выдержала удара. Отступление было таким же быстрым и беспорядочным, как прошлым летом.

Чтобы остановить панику, Сталин прибег к испытанному средству: снова задействовал механизм террора. Теперь он был направлен не на генералитет, как в 1941 году (никто из полководцев за

проигранные сражения репрессирован не был), а на рядовых красноармейцев. 28 июля был выпущен знаменитый приказ 227 «Ни шагу назад!», написанный главнокомандующим собственноручно и, судя по шероховатостям, никем не редактировавшийся. (Там есть не вполне грамотные выражения: «Красная армия… утекает на восток», «Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину»).

Суть состояла в том, что любое отступление без приказа теперь каралось немедленной смертью: «Паникеры и трусы должны истребляться на месте». Были созданы «заградительные отряды», сформированные из частей НКВД. Эти заслоны располагались в тылу войск и задерживали всех неорганизованно отступающих. Некоторых показательно расстреливали на месте, других отправляли в штрафные батальоны — новый вид боевых частей, использовавшихся для выполнения самых опасных заданий. Практика наказания повышенным риском гибели сохранялась до конца войны и использовалась очень широко. Согласно данным сборника «Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование», через штрафные роты и батальоны прошло 428 тысяч человек. Потери в этом особом роде войск были в среднем в пять раз выше, чем в обычных фронтовых частях.

Эффективность крайних мер, на которые пошло советское командование, историки оценивают по-разному. Судя по тому, что стремительное отступление после этого не замедлилось, она была невысокой. На северном направлении фронт к концу августа откатился до естественного рубежа — Волги. На юге еще дальше — до Кавказского хребта.

И здесь наступила очередь Гитлера совершать ошибки. Он опять, как осенью 1941 года, недооценил потенциал противника по восстановлению потерь в живой силе и технике. Фюрер приказал вести наступление сразу в двух направлениях: второстепенное на Сталинград и главное — на Закавказье, к нефти.

Повторилась та же история. Наступающие теряли меньше солдат, чем отступающие, но к немцам подкрепления поступали скудно, а в Красную Армию — сплошным потоком. На самом главном фронте — в состязании ресурсов — советская сторона была сильнее.

До нефти германские войска так и не добрались, хотя взяли Краснодар, Майкоп, Моздок, Нальчик. В горных условиях Кавказа основная ударная сила Вермахта, танки, была малодейственна, а к концу осени, когда перевес в пользу Красной Армии стал значительным (в артиллерии двойной, в авиации и бронетехнике почти двойной, в пехоте полуторный), наступление выдохлось.

На втором по важности, северном участке, Шестая армия генерал-полковника Паулюса дала втянуть себя в кровопролитные уличные бои в разрушенном Сталинграде, где ни от танков, ни от авиации особенной пользы не было.

Город не представлял собой такой уж стратегической ценности. Немцы могли бы форсировать Волгу в любом другом месте, менее укрепленном. Но битва приобрела для обеих сторон огромное символическое и политическое значение — исключительно из-за названия города. Гитлер требовал от Паулюса любой ценой взять «город Сталина», Сталин от своих полководцев — стоять насмерть.

Советские войска всё время получали подкрепления. К середине ноября группировке Паулюса противостояло 11 армий — более миллиона солдат. 17 ноября советские войска нанесли удар по флангам, прикрытым менее боеспособными румынскими дивизиями. За шесть дней операция по окружению Шестой армии была завершена. Советские полководцы — Георгий Жуков, осуществлявший общее руководство, и командующие тремя фронтами Николай Ватутин, Константин Рокоссовский, Андрей Еременко — показали, что Красная Армия научилась не только стойко обороняться, но и успешно атаковать.

Триста тысяч немецких, румынских и итальянских солдат оказались в огромном «котле» площадью 2 000 квадратных километров. Это было серьезной неудачей, но еще не катастрофой. У Паулюса хватило бы сил пробиться на запад и соединиться с войсками фельдмаршала Манштейна. Именно это рекомендовал Гитлеру германский генштаб. Но фюрер принял иное решение. На фоне затормозившего кавказского наступления еще и признать свое поражение у стен «города Сталина» он не хотел и дал Герингу, командующему Люфтваффе, убедить себя, что немецкая авиация сумеет создать «воздушный мост» — обеспечит окруженную армию

всем необходимым, а танковые дивизии Манштейна ударят с другой стороны, и поражение обернется победой.

Это была вторая военно-стратегическая ошибка германского главнокомандующего в кампании 1942 года. Расплата за нее наступит уже в следующем году.

Еще одна тяжелая ошибка носила не военный, а политический характер. Вермахт захватил территорию, на которой проживало 70 миллионов человек. С точки зрения нацистской идеологии это были представители неполноценных рас, и оккупационные власти обращались с местным населением соответственно: языком принуждения, насилия и угроз.

Примечательно, что у Сталина и Гитлера был один и тот же учитель — Чингисхан, создатель самой большой в истории империи, только Сталин и Гитлер позаимствовали у великого завоевателя разное. Советский правитель — сверхцентрализованную модель государства, в котором всё население состоит на службе; германский — методику ведения войны. При этом, если Сталину, кажется, и в голову не приходило, что он ученик Чингисхана (Вождь учился у учеников великого хана: Ивана III, Ивана IV, Петра I), то фюрер напрямую позаимствовал два монгольских военных изобретения.

Во-первых, рассечение вражеской обороны глубокими и быстрыми рейдами — только теперь они были не конные, а танковые. (Известно, что главный немецкий танковый стратег Гудериан очень интересовался тактикой монгольской войны).

Во-вторых, вслед за Чингисханом, немецкие власти активно и хладнокровно использовали психологическое оружие: запугивали население оккупированных стран акциями неслыханной в новые времена жестокости. В древности это позволяло монголам держать в повиновении территории, население которых многократно превышало размеры вторгшейся армии. Так же вели себя и фашисты. Понятия «военного преступления», введенное международными конвенциями, для них не существовало. И чем «неполноценнее» по гитлеровской градации была нация, тем жестче с ней обращались завоеватели. Были нации, подлежащие тотальному истреблению — евреи и цыгане. Были нации, подлежащие порабощению, — славяне. Малейшее неповиновение жесточайше каралось. Каждый случай сопротивления, даже если жители не имели к этому отношения, влек за собой кару по

принципу круговой поруки. Если где-то убивали немецкого солдата, ответом становился расстрел ста произвольно взятых заложников.

При всей отвратительности подобных методов во время «блицкрига» они вполне выполняли свою функцию: обеспечивали покорность тыла на период недолгой военной кампании. Но и в 1942 году, когда стало ясно, что скорой победы не будет, оккупационная политика дальновидней не стала. У белорусских и украинских крестьян не было причин любить советскую власть, разорившую их и насильно согнавшую в колхозы. Во многих местностях немцев встречали радушно или по крайней мере нейтрально. Но «Остминистериум» — министерство, управлявшее восточными колониями, вовсе не собиралось освобождать сталинских «крепостных». Рейх забрал их себе. Колхозы остались, подневольный труд тоже, только теперь крестьянами командовали не партработники, а немецкие коменданты.

Некоторые усилия по умиротворению населения Остминистериум все же предпринимал. Например, ввел органы самоуправления из коллаборантов, однако эти структуры занимались главным образом выколачиванием податей. Столь же бесплодной была и попытка возродить религиозные учреждения, уничтоженные советской властью. В это же самое время и Сталин изменил политику в отношении православной церкви, обратился к ней за поддержкой — и получил ее. Духовенство оккупационной зоны, пошедшее на сотрудничество с немцами, оказалось в положении изменников и авторитетом не пользовалось. Отношение местного населения к оккупантам стало активно враждебным, когда потребность в дешевом труде вынудила немцев организовать вербовку «остарбайтеров» для работы в Германии. Добровольцев нашлось немного, и с апреля 1942 года людей стали мобилизовать насильно. Около пяти миллионов человек были увезены на запад. Многие молодые мужчины предпочли уйти в леса к партизанам.

В 1941 году, во время великого отступления, в немецком тылу сражались лишь немногочисленные отряды из окруженцев, не доставлявшие Вермахту серьезных проблем. Но с 1942 года ситуация меняется. В лесных районах возникает партизанское движение, которое пользуется поддержкой угнетаемых, обозленных жителей. Справиться с этим сопротивлением немцы пытаются всё теми же репрессивными методами, которые лишь повышают градус ожесточения. Чтобы не

оттягивать с фронта боевые части (хотя иногда приходится делать и это), оккупанты объявляют набор в полицию из числа местных добровольцев и военнопленных, желающих вырваться из концлагерей. По количественным показателям эта мера выглядела успешной — в «шуцманы» или «полицаи» (от polizei) поступило в общей сложности 400 тысяч человек, но этот контингент был крайне ненадежен и нередко переходил на другую сторону.

Один из самых ярких эпизодов подобного «двойного перебежничества» — история Владимира Гиля, подполковника Красной Армии, который возглавил первый русский «отряд СС», позднее преобразованный в полк, а затем в бригаду.

Гиль и его солдаты усердно воевали с партизанами, участвовали в карательных акциях, но в августе 1943 года, перебив немецких инструкторов, перешли на сторону резистантов. Бригада переименовалась в «Первую антифашистскую» и доставила Вермахту много неприятностей. Сам Гиль не только получил прощение от советской власти, но был повышен в звании, а также награжден орденом.

Лишь после девяти месяцев охоты по белорусским лесам, собрав значительные силы, немцы смогли уничтожить этот крупный очаг сопротивления. Двойной перебежчик Гиль погиб в бою.

Через партизанские отряды прошли 800 или 900 тысяч человек. В боевом смысле эти силы серьезной опасности для немецкой армии не представляли, но диверсии на линиях коммуникаций, саботаж, уничтожение складов существенно дезорганизовали германский тыл. С 1943 года действия крупных отрядов координировались Центральным штабом партизанского движения в Москве и, следуя его приказам, активизировались всякий раз, когда происходили большие сражения.

Неспособность обеспечить стабильность тыла была хронической болезнью немецкого Восточного фронта, обострявшей его и без того трудное положение.

Кампания 1943 года отличалась от двух предыдущих. Боевое преимущество Вермахта постепенно уходило в прошлое. Красная Армия обрела воинский опыт, у нее появилась целая плеяда сильных

полководцев. Война производила свой «естественный отбор» — наверх пробивались не послушные, как в мирное время, а способные. Верховный главнокомандующий тоже многому научился — в большей степени, чем Гитлер. Во-первых, Сталин теперь прислушивался к мнению военных специалистов, а во-вторых, перестал полагаться на запугивание. Опыт научил его, что из напуганных генералов получаются плохие полководцы.

Весь год одна за другой шли кровавые битвы, в которых верх брали то немецкие войска, то советские. Война на истощение людских и материальных ресурсов продолжалась. Обе стороны напрягали все свои силы.

В январе Гитлер провозгласил «тотальную войну» с целью высвободить для фронта миллион мужчин. Ради этого была произведена трудовая мобилизация подростков, пожилых людей, женщин. Экономика теперь тоже должна была работать только на войну. Министр вооружений Шпеер расширял производство, активно используя подневольный труд пленных и привезенных с оккупированных территорий рабочих. С конвейеров сплошным потоком сходили танки, самолеты и пушки новых моделей. Численность Вермахта к лету достигла небывалой цифры — шесть с половиной миллионов человек. Почти две трети из них находились на Восточном фронте.

Какими средствами наращивал свою военную мощь СССР, будет описано в следующей главе, пока же довольно сказать, что и по количеству солдат в действующей армии, и по арсеналу боевой техники Красная Армия в это время уже значительно опережает германскую. Эвакуированная на восток промышленность заработала в полную силу, а кроме того, наладились поставки вооружения, боеприпасов, автомобилей и прочего снаряжения от союзников, прежде всего из США.

1943 год начался для Советского Союза триумфально. В феврале Шестая армия Паулюса, запертая в Сталинграде из-за амбиций фюрера, истощив силы, сдалась. Пропали не только 300 тысяч солдат, разрушился миф о непобедимости Вермахта.

Фельдмаршал Паулюс сдается в плен

Но сразу же после этого, в марте, фельдмаршал Манштейн, отведя войска с так и не покорившегося Кавказа, взял частичный реванш за Сталинград. В новом, уже третьем харьковском сражении (предыдущие были в 1941 и 1942 годах) немцы опять окружили вырвавшиеся вперед части Воронежского фронта и уничтожили почти половину атакующей группировки.

На восточном фронте наступило временное затишье, но на другом театре войны, в Северной Африке, произошел свой «Сталинград». В мае капитулировала германско-итальянская группировка в Тунисе. Англо-американская союзная армия взяла в плен 250 тысяч солдат. Теперь следовало ожидать высадки союзников в Италии.

У Гитлера возник новый рискованный план. Окрыленный мартовской победой Манштейна, фюрер решил нанести Красной Армии мощный удар, от которого она нескоро оправится, и тем самым

высвободить резервы для отражения попытки открытия в Западной Европе второго фронта.

После отступления от Харькова линия обороны советских войск выстроилась так, что в районе Курска образовался большой выступ, «Курская дуга». Если бы немцам удалось его «срезать», в окружение попали бы сотни тысяч красноармейцев. Это могло переломить ход войны.

Немецкое командование разработало операцию «Цитадель», сосредоточив на одном сравнительно небольшом участке 70 % танков и 60 % авиации всего Восточного фронта. Упорное сражение (вернее целый каскад сражений) продолжалось с начала июля до конца августа и состояло из двух этапов. На первом немцы наступали и добились некоторых успехов, но соединить свои «клинья», северный и южный, не смогли. Красная Армия выстояла. Наступление захлебнулось еще и потому, что как раз в этот момент, 9 июля, на Сицилии высадились американо-английские войска, а две недели спустя в Италии произошел переворот, и эта страна перестала быть союзником Германии. Пришлось срочно перебрасывать на запад резервы, предназначавшиеся для востока.

На втором этапе битвы, подтянув резервы, маршал Жуков, опять координировавший действия советских фронтов, перешел в контрнаступление и заставил противника отойти на линию, которая находилась западнее первоначальной.

В военно-тактическом отношении советская победа выглядела скромно. Немцы отступили организованно, пленных победители не захватили. Да и соотношение потерь было не триумфальным: Вермахт потерял около 400 тысяч солдат, Красная Армия — не менее 850 тысяч.

Впрочем, потери в живой силе у советских войск почти всегда были значительно выше, чем у противника, и даже не потому, что немцы более умело воевали — во второй половине войны Красная Армия научилась воевать не хуже. Причина была в отношении к собственным воинам.

Германское командование намного бережнее относилось к своим солдатам: избегало массовых пехотных атак, лучше снабжало личный состав, регулярно сменяло фронтовые подразделения, давая им отдохнуть, и меньше увлекалось сугубо политическими задачами,

которым Сталин придавал больше значения, чем количеству жертв. Очень много советских солдат бессмысленно гибло, когда Вождь требовал взять какой-нибудь город к той или иной знаменательной дате «любой ценой».

Соотношение боевых потерь Красной Армии и Вермахта в 1941–1945 гг. разными историками оценивается по-разному, чаще всего на уровне 4:1. (Без учета пленных, поскольку в плен попадет весь капитулировавший Вермахт).

В стратегическом смысле, однако, Курское сражение имело еще большее значение, чем Сталинградское. Гитлер поставил на карту всю мощь своей армии и проиграл. Силы Вермахта были подорваны. Он будет упорно сопротивляться еще полтора с лишним года, но время масштабных наступлений для него закончилось. С этого момента главной заботой германского командования становится «затыкание дыр» на разных участках огромного фронта и постоянное гадание, откуда ждать следующего удара.

Весь остаток 1943 года Красная Армия теснила противника — с неодинаковым успехом. На юге дела шли лучше всего: немцы отступили до Херсона, потеряли Киев, были блокированы на Крымском полуострове. В центре наступление давалось тяжелее, но всё же к концу года войска вышли на границу Белоруссии. На севере, в Карелии и около Ленинграда, движения не было на границу.

Союзники одерживают победу

Кампанию 1944 года в Ставке планировали как исключительно наступательную. В советской историографии она получила название «Десять сталинских ударов».

Вот эти «удары» в хронологическом порядке.

1. В январе была полностью снята блокада Ленинграда. Фронт на северо-западе, стабильный на протяжении двух лет и четырех месяцев, сдвинулся до эстонской границы.

2. В феврале четыре украинских фронта перешли в наступление на юге и дошли до Днестра и Карпатских гор.

3. С марта до начала мая шли бои за возвращение Одессы и Крыма, причем в Крыму было взято много пленных.

4. В июне началось наступление на северном фланге — против финских войск, которые в 1941 году быстро вышли на старую границу и дальше двигаться не стали. Все минувшие три года боевые действия в Карелии велись гораздо менее активно, чем на других направлениях. Финны сильно укрепились, но Красная Армия 1944 года очень отличалась от Красной Армии 1939 года. Все линии обороны были прорваны за короткий срок, и президент Маннергейм запросил мира.

5. Главный удар был нанесен в Белоруссии. Операция «Багратион», начавшаяся 23 июня и продолжавшаяся до конца августа, перемолола основные силы немецкого Восточного фронта. Группа армий «Центр» потеряла две трети личного состава, притом впервые с начала войны крупные соединения сдавались в плен, не исчерпав (как в Сталинграде) возможностей сопротивления. Это была уже не военная ошибка германского командования, а доказательство полного военного превосходства Красной Армии. Перед наступлением она обеспечила себе более чем трехкратное преимущество в солдатах, пятикратное в авиации, шестикратное в танках и десятикратное в артиллерии. Немцы потеряли всю Белоруссию, восточную часть Польши, Латвии и Литвы.

6. В июле-августе Первый Украинский фронт маршала Конева выбил немецкие и венгерские войска из Западной Украины.

7. В августе-сентябре возобновилось наступление на юге. Красная Армия отвоевала Молдавию, вторглась в Румынию и Болгарию, вынудив обе эти страны разорвать отношения с Рейхом и объявить ему войну.

8. В сентябре-октябре была занята почти вся Прибалтика. Лишь в Курляндии остался большой контингент германских войск, четверть миллиона солдат. Они были полностью блокированы с суши и получали по морю весьма скудную поддержку, но не сдавались вплоть до самого конца войны.

9. В сентябре-октябре двойным ударом было освобождено Закарпатье, в Югославии советские войска соединились с Народно-освободительной армией Тито и приблизились к южной границе Рейха.

10. В октябре-ноябре Карельский фронт очистил от немецких войск Северную Норвегию. По своему масштабу и стратегическому значению эта операция значительно уступала всем предыдущим и, видимо, была повышена до ранга «сталинского удара» для ровного счета.

В середине года, во время главного, пятого «удара», ситуация радикально изменилась. 6 июня союзники высадились в Нормандии большими силами. Теперь Второй фронт открылся по-настоящему. Если в боях на Апеннинском полуострове участвовало полтора миллиона американских и британских солдат, то во Франции после полного развертывания силы антигитлеровской коалиции дойдут до пяти миллионов, при подавляющем превосходстве в авиации, артиллерии, бронетехнике и боеприпасах.

В то же время союз, сколоченный Гитлером, стремительно разваливался. Италия, Финляндия, Румыния, Болгария перешли на другую сторону. Венгерский диктатор Хорти вступил в тайные переговоры с советскими представителями, и немцам пришлось инициировать переворот, чтобы не потерять этого важного сателлита. Самый мощный союзник, Япония, проигрывал войну на Тихом океане. Именно поэтому у американцев появилась возможность активно участвовать в европейских кампаниях.

Соотношение индустриального потенциала и сырьевых ресурсов противоборствующих сторон в 1944 году стало несопоставимым. При таком положении дел Германию могло спасти от разгрома только чудо — и Гитлер, будучи личностью мистического склада, всё еще на что-то надеялся: на ядерную бомбу, над которой работали немецкие физики, на ракеты «фау», которым не страшна британская противовоздушная оборона, на смерть больного президента Рузвельта, на ссору между капиталистами и коммунистами.

С июня 1944 года до мая 1945 года Германия сражалась исключительно из-за упрямства своего правителя. Самое большое количество жертв войны приходится именно на этот, последний период. Гражданское население немецких городов гибло сотнями тысяч под массированными бомбардировками. Нацистские «лагеря смерти» поставили на конвейер уничтожение узников. Кровавые сражения шли и на востоке, и на западе Европы.

Многие в Германии, даже в высших военных кругах, в это время уже считали фюрера опасным безумцем. В июле 1944 года, когда советские войска победоносно наступали в Белоруссии, а союзники благополучно завершали сложнейшую нормандскую операцию, группа генералов и старших офицеров Вермахта попыталась убить Гитлера и

устроить переворот. События 20 июля сильно романтизированы литературой и кинематографом, но на самом деле, если бы покушение удалось и к власти пришли бы более прагматичные, чем Гитлер, представители военной элиты, это вовсе не означало бы конца войны. Заговорщики собирались заключить мир с Западом, но вовсе не с Советским Союзом. Идея состояла в том, чтобы снова повернуть все силы на восток.

Можно не сомневаться, что такая перспектива нашла бы поддержку у многих представителей западных политических кругов. Отношения Сталина с президентом США и в особенности с британским премьер-министром были далеко не безоблачны. Наличие общего врага отнюдь не делало их единомышленниками, а в 1944 году, когда исход войны уже не вызывал сомнений, обе стороны всё больше и больше задумывались о последующем устройстве мира.

Через несколько дней после неудавшегося заговора произошло событие, напомнившее Западу, что Сталин, может быть, и меньшее зло, чем фюрер, но в будущем станет большой проблемой. В оккупированной Варшаве началось вооруженное восстание против германских властей, организованное подпольной Армией Крайовой. Красная Армия находилась всего в 20–30 километрах от польской столицы, но не пришла на помощь повстанцам, и немцы без помех подавили мятеж, залили его кровью. Дело в том, что, с точки зрения Сталина, это была злокозненная британская акция, затеянная, дабы посадить в Польше прозападное правительство и вырвать страну из послевоенной зоны советского влияния. Это правда: восстание было устроено эмигрантским польским правительством в спешном порядке именно с такой целью (что, конечно, нисколько не оправдывает сталинского демонстративного бездействия).

Последние месяцы войны были безжалостной и, в общем, бессмысленной бойней. Количество жертв могло бы быть меньше, если бы союзники действовали осторожней, давя Германию военным и экономическим превосходством. Но интересы послевоенного дележа сфер влияния заставляли политических лидеров подгонять своих полководцев. Главным призом была германская столица. В этой гонке у Советского Союза было преимущество. Во-первых, Красной Армии до Берлина было ближе. Во-вторых, она меньше берегла собственных солдат. В пользу западных союзников работало то, что в условиях

неминуемого поражения немецкие войска предпочитали сдаваться в плен американцам и англичанам, боясь (небезосновательно) попасть в сибирские лагеря. Поэтому на Восточном фронте сопротивление было ожесточенным, на Западном — далеко не всегда. В середине апреля группа армий «Б» сдалась в Руре, в конце апреля ее примеру последовала группа армий «С» в Италии — в то самое время, когда в Берлине шли бои за каждую улицу и каждый дом, а в «Курляндском котле» и осажденном городе-крепости Бреслау немецкие войска стояли насмерть.

Завершающие операции Отечественной войны на берлинском направлении велись под давлением временно́го фактора: любой ценой опередить союзников. Опередили, но цена получилась очень высокой. 200 тысяч советских солдат были убиты или покалечены в ходе прорыва к Берлину через Вислу и Одер, еще 350 тысяч в самом Берлине. Обугленный труп застрелившегося 1 мая Гитлера был слабой компенсацией за такие жертвы. Зато над Рейхстагом (бутафорским парламентом Третьего Рейха) развевалось красное знамя, и Сталин мог рассчитывать при торговле с союзниками на бо́льший кусок Европы. С той же целью уже после капитуляции Вермахта была проведена и Пражская операция: не допустить, чтобы Чехия оказалась по ту сторону будущей политической границы. Это обошлось Красной Армии еще в 50 тысяч солдат, потому что немцы не хотели складывать оружие перед страшными русскими и надеялись дождаться американцев.

Символично, что акт о капитуляции германское командование сначала подписало на Западном фронте (7 мая) и лишь затем на Восточном (8 мая).

Генерал-полковник Йодль подписывает акт о капитуляции

Война в Европе закончилась, но оставалась еще Япония, сдаваться не собиравшаяся.

Пока шли боевые действия против Гитлера и до победы было еще далеко, Соединенные Штаты, ведущие тяжелую борьбу на Тихом океане, настойчиво требовали от Советского Союза «зеркального» открытия второго фронта — на Дальнем Востоке, против Японии.

После мая 1945 года в Вашингтоне об этом уже жалели: было очевидно, что Америка справится и без помощи СССР, тем более что к концу подходили испытания нового мощного оружия, атомной бомбы.

Но теперь Сталин и сам стремился поучаствовать в разгроме последнего члена «Оси» и, соответственно, в дележе добычи. Из Германии к Тихому океану в спешном порядке перекидывались дивизии и техника.

Войска еще не полностью развернулись, когда американцы 6 августа нанесли ядерный удар по Хиросиме. На следующий же день

Москва объявила, что советско-японский договор 1941 года разорван. 9 августа — в день, когда состоялась вторая атомная бомбардировка, — советские войска перешли границу.

Организованное сопротивление Квантунской армии продолжалось лишь до 14 августа. В этот день император Хирохито подписал эдикт, предписывавший войскам сложить оружие. Началось беспорядочное отступление — с той же целью, что в Германии: не попасть в русский плен. Хаотичные локальные бои продолжались до тех пор, пока 2 сентября Токио официально не подписал акт о капитуляции. Этот день считается концом Второй Мировой Войны.

ТЫЛ

Неудача «блицкрига» означала, что одними военными средствами в этой войне победить невозможно. Самая главная битва развернется между государственными системами, экономиками, национальными богатствами враждующих сторон. Иными словами, судьба войны решится не на фронте, а в тылу. Вернее, тыл будет определять судьбу фронта. Расхожая фраза о том, что «победа ковалась в тылу» обычно употреблялась при рассказе о переводе экономики на военные рельсы. Но это был лишь один из трех факторов, приведших СССР к победе в изнурительной и долгой войне на истощение.

— Советская промышленность выдержала испытание войной.

— Война продемонстрировала высокую мобилизационную эффективность государства.

— Важным подспорьем для Советского Союза стала материальная помощь союзников.

Советская промышленность выдерживает испытание

В результате поражений начального периода войны основные силы регулярной Красной Армии были истреблены, но не меньший урон понесла и советская экономика. На потерянной территории до 22 июня 1941 года добывалось две трети советского угля, выплавлялось почти 70 % чугуна и почти 60 % стали, производилась половина продукции сельского хозяйства. Валовый объем промышленности к концу года сократился в два с лишним раза. Вся индустриальная «ось», тянувшаяся от Ленинграда до Азовского моря, была утрачена. Заводы центрального промышленного района хоть и остались по эту сторону фронта, но находились в пределах бомбового удара немецкой авиации, господствовавшей в небе.

Новой техники в действующую армию поступало мало, а старая почти вся была разбита или брошена. В декабре в строю осталось 1730 танков — из 24 598, имевшихся в июне по официальным данным.

После наступления на востоке в Рейх пошли эшелоны с донбасским углем, криворожской сталью, украинским зерном. В 1942 году Германия выпустила в четыре раза больше стали, в три раза

больше чугуна, добыла вчетверо больше угля, чем Советский Союз. Помимо собственно немецких заводов на экономику Рейха работало пять тысяч предприятий оккупированной Европы. На них использовалась дополнительная и даровая рабочая сила — более полутора миллионов пленных, захваченных еще в 1939–1940 гг. Казалось, что, не сумев разбить СССР военным напором, Германия додавит противника индустриальной мощью.

Но этого не произошло. Уже в конце 1942 года советская промышленность стала выпускать не меньше вооружения, чем германская, а затем и обогнала ее.

Здесь безусловно сказались сильные стороны так называемого «ордынского государства»: его высокая способность к быстрой мобилизации всех ресурсов. «Командные» методы управления экономикой очень средне, а то и плохо работали в мирное время, но в условиях предельного напряжения национальных сил оказались весьма действенными. Германское правительство размещало заказы на частных предприятиях, оплачивало их, должно было тратить массу усилий на логистику и согласование производственного процесса, разделенного на составляющие, потому что одна фирма делала моторы, другая ковала броню, третья изготавливала ходовую часть или шасси, и так далее. В советском государстве достаточно было выделять бюджетные средства и отдавать приказы. Это была изначально военизированная экономика. Германия пойдет по тому же пути лишь в 1943 году — в куда менее жестком варианте.

Во время войны настоящим правительством Советского Союза являлся Государственный Комитет Обороны, состоявший в 1941 году из пяти, а с 1942 года из восьми членов. Каждый из них, помимо прочих обязанностей, лично курировал какую-то отрасль промышленности: Вячеслав Молотов — танковую, Георгий Маленков — авиационную и так далее.

Но был и уполномоченный, который руководил всей экономикой в целом — Николай Вознесенский, первый заместитель председателя Совнаркома, занявший столь высокий пост в 37-летнем возрасте. Это был классический управленец сталинской школы — авторитарный, требовательный, грубый, но обладавший незаурядными организаторскими способностями. На протяжении всей войны Вознесенский был при Сталине главным экономическим стратегом.

Молотов вспоминает, что Вождь по всякому поводу непременно спрашивал, согласовано ли решение с Вознесенским.

Перевод советской экономики в чрезвычайный режим проводился по нескольким направлениям.

Во-первых, конечно, по линии финансовой политики. Она и до войны была сильно милитаризована, на оборонные нужды тратилось в среднем более 30 процентов бюджета, теперь же эти статьи расхода достигли 60 % (1943 г.). То есть (можно сформулировать и так) на 11-миллионную армию тратилось в полтора раза больше денег, чем на 80-миллионное население тыла и на все «невоенные» потребности страны.

Во-вторых, была осуществлена невиданного масштаба эвакуация заводов на восток. 1 500 крупных предприятий переместились в Поволжье, на Урал или еще восточнее — подальше от бомбардировок. Для перевозки оборудования и квалифицированной рабочей силы понадобилось полтора миллиона вагонов. Станки демонтировались, собирались заново — нередко прямо под открытым небом — и сразу начинали работать.

В-третьих, несмотря на очень тяжелую ситуацию с материальными и человеческими ресурсами, развернулось строительство новых военных предприятий и проводилась модернизация уже существующих. В 1942–1945 гг. появилось три с половиной тысячи новых заводов и фабрик, а семь с лишним тысяч были реконструированы. Для добычи электроэнергии спешно строились новые электростанции. Уголь Донбасса был утрачен, но эту потерю компенсировала усиленная эксплуатация восточных бассейнов — Кузнецкого, Карагандинского.

В-четвертых, СССР сразу же (а не на третий год войны, как Германия) перевел на военные рельсы всю свою промышленность, включая самые мелкие предприятия и даже кооперативы. Всё производство работало только на нужды фронта. Вместо тракторов выпускались танки, вместо обычной одежды — военная форма или парашюты, из обуви — только солдатские сапоги, и так далее. Производство товаров потребления фактически прекратилось.

Все эти экстренные меры начали давать результат во второй половине 1942 года, так что к Сталинградской битве снабжение армии начало налаживаться. В это время авиационная промышленность выпускала уже по 2 000 самолетов в месяц, а к 1945 году эта цифра

увеличилась до 3 400. Всего же за годы войны советская индустрия произвела 130 тысяч самолетов, 100 тысяч танков и 800 тысяч артиллерийских орудий — вдвое больше, чем Германия. На финальном этапе при наступлении плотность использования боевой техники в местах удара достигала 300 пушек и 60 танков на один километр. Это преимущество и обеспечило победу.

Не менее важной для ведения войны была проблема продовольственного обеспечения. Советское сельское хозяйство, как мы помним, и в мирное время пребывало в довольно жалком состоянии, подорванное колхозной системой. Теперь же, после потери основной житницы, после мобилизации работоспособных мужчин, при полном прекращении работы тракторных заводов и перенаправлении всего горючего на нужды фронта ситуация стала совсем критической.

Плакат с лозунгом, адресованным тылу: «Всё для фронта, всё для победы!»

Государство разрешило ее теми методами, которыми только и владело: максимальным принуждением, еще большим «закручиванием гаек». В городах повсеместно были введены продовольственные карточки, продукты исчезли из свободной продажи.

Крестьян, и так задавленных нуждой, обложили удвоенным сельхозналогом. Колхозы отдавали государству практически всю свою продукцию, и выжить в деревне можно было только за счет личного хозяйства — сохранились колхозные рынки. Цены на них по сравнению с довоенными выросли в 18 раз — это был показатель реальной инфляции, которую официальная статистика тогда не высчитывала.

Все эти драконовские меры так и не восстановили довоенный объем госзаготовок, но с учетом продовольственной помощи из-за рубежа, о чем будет рассказано ниже, позволили обеспечивать всем необходимым армию. В тыловых регионах несколько раз приходилось снижать норму выдачи по карточкам, но хроническое недоедание не разрослось до размеров повального голода, как во время Гражданской войны.

Мобилизация населения

Основным капиталом страны, однако, были не предприятия и не колхозы, а люди. Система, одним из краеугольных камней которой было огосударствление, то есть закрепощение народа, хорошо умела использовать этот ресурс. Навыки, накопленные за годы коллективизации, индустриализации, террора, были применены в полной мере во время войны.

Прежде всего требовалось обеспечить солдатами армию, которую после летних поражений 1941 года фактически пришлось создавать заново.

Всеобщий призыв военнообязанных, объявленный прямо 22 июня, касался мужчин 1905–1918 годов рождения, но впоследствии возрастные границы расширились с 18 до 50 лет, а в конце войны, когда мужчин осталось мало, нижний порог снизился до 17 лет.

Всего за годы войны в Красную Армию были призваны или поступили добровольцами — невероятная цифра — 29,5 миллионов

человек (некоторые источники называют и 40 миллионов). И это были не только военнообязанные.

В самый тяжелый период, когда немцы рвались к Москве и Ленинграду, а подкреплений не хватало, спешно создавались части «народного ополчения» — по примеру Отечественной войны 1812 года. В эти подразделения, которыми затыкали слабые участки фронта, брали всех подряд, вне зависимости от возраста, состояния здоровья и профессии. Многие шли добровольно, из патриотических побуждений, но иногда в ополчение записывали целые коллективы.

В рядах армии служило много женщин (800 тысяч), что в прежние эпохи было невообразимо, а во время Второй мировой войны стало обычным явлением — то же самое происходило в Германии, в Англии.

Но только в СССР придумали пополнять убыль солдат за счет заключенных. «Политических», как правило, в армию не брали, опасаясь измены, но тех, кто был осужден по «не-антисоветским» статьям, отправляли на фронт в массовом порядке — считалось, что добровольно. Подобным образом в 1941–1944 гг. Красная Армия получила почти миллион дополнительных бойцов.

Было бы странно, если бы мобилизация происходила без обычного системного устрашения. За дезертирство ввели смертную казнь, причем с конфискацией имущества, что обрекало семью осужденного на нищету. Паспортная система и институт обязательной прописки облегчали поимку тех, кто пытался уклониться от призыва. За время войны по «дезертирским» статьям в тылу было вынесено 336 тысяч приговоров (почти в десять раз больше, чем в Рейхе, который тоже не миндальничал с «уклонистами»).

Но людей мобилизовали не только в армию. Работа в тылу тоже была организована по законам военного времени. Здесь у советского правительства с его большим опытом эксплуатации и передислокации огромных людских масс тоже было преимущество перед Рейхом.

На время войны были отменены выходные и отпуска. Продолжительность рабочего дня повсеместно составляла 11, 12, даже 14 часов. Указ Верховного Совета от 26 декабря 1941 года объявлял всех работающих в военной промышленности «мобилизованными на производстве». Позднее этот режим неоднократно расширялся, охватывая всё новые сферы деятельности. Человек не мог уволиться по собственному желанию, не мог произвольно сменить место жительства,

не мог снять деньги со счета в сберкассе — все довоенные вклады были заморожены.

Широко практиковалась «трудовая мобилизация», то есть принудительное (и бесплатное или почти бесплатное) привлечение к работе в промышленности, строительстве или сельском хозяйстве. Подобным образом было задействовано 12 миллионов человек.

Дефицит рук, образовавшийся вследствие мобилизации мужчин в армию, восполняли использованием труда женщин, пенсионеров, подростков и даже инвалидов (инвалидам третьей группы, если они отказывались работать, отменяли пенсию).

Узников ГУЛАГа подвергли настоящему «трудомору». Им прибавляли нормы выработки, до предела увеличивали продолжительность смен и держали впроголодь. Смертность в лагерях подскочила втрое. Если в наполовину мирном 1941 году скончалось 7 % заключенных (тоже ужасная цифра), то в 1942 г. и в 1943 г. умерло больше 20 %.

Важным инструментом дисциплинирования была искусственно нагнетаемая атмосфера тревожности. Повсюду предполагались шпионы и скрытые враги. Органы НКВД десятками тысяч арестовывали «распространителей панических слухов», «антисоветских агитаторов», «саботажников». Уклоняющихся, прогуливающих, нарушающих дисциплину сурово наказывали — исправительными работами, а то и лишением свободы. Исследователь демографического аспекта репрессий В. Земсков пишет, что за годы войны такого рода карам было подвергнуто 7,5 миллионов человек.

Особым направлением государственной политики по укреплению тыла стали массовые репрессии против целых народов, которых сочли неблагонадежными или в чем-то провинившимися.

Первая волна коснулась советских немцев — их по переписи 1939 года в стране насчитывалось 1,2 миллиона, а в Поволжье даже существовала автономная республика, населенная потомками колонистов еще екатерининского времени. Всех их, без разбора, вывезли эшелонами в Сибирь и Казахстан.

Когда фронт двинулся на запад, началась расправа над народами, которые, по мнению Вождя, «плохо вели себя» во время оккупации. Обычно было достаточно небольшого количества коллаборационистов из какой-то этнической группы, и вся она считалась запятнанной,

ненадежной. Скажем, в Вермахте появился Калмыцкий кавалерийский корпус из военнопленных. Несмотря на громкое название, там служили всего несколько сотен человек, а в Красной Армии сражалось почти 30 тысяч калмыков, но жителей автономной республики это не спасло.

В ноябре 1943 года выселили карачаевцев — 70 тысяч человек. В декабре — калмыков. В феврале 1944 года — ингушей и чеченцев. В марте — балкарцев. В мае — крымских татар.

Исследовательница террора Энн Эпплбаум считает, что причиной этих депортаций было не избыточное возмездие за коллаборационизм, а обычная сталинская хладнокровная «профилактика»: «Скорее всего главным мотивом Сталина, по крайней мере при депортации кавказцев и крымских татар, было не воздаяние им за пособничество немцам. Более вероятно, что эти этнические чистки он задумал давно и использовал войну как предлог. Об «очищении» Крыма от татар думали еще русские цари с тех самых пор, как Екатерина Великая присоединила полуостров к Российской империи. Чеченцы тоже немало досадили российским царям, а еще больше — властям СССР. В советской Чечне в первые послереволюционные годы и после коллективизации 1929 года произошел ряд антирусских и антисоветских выступлений. Еще один мятеж случился незадолго до войны, в 1940 году. Судя по всему, Сталин просто хотел избавиться от этого беспокойного, глубинно антисоветски настроенного народа».

Все ссыльные считались «спецпоселенцами» и тоже использовались на принудительных работах, самых тяжелых. По данным книги «Демографические потери депортированных народов СССР», высылке подверглось около 2 миллионов человек. Более 20 % погибли в процессе транспортировки или не выдержали условий ссылки.

Репрессии оправдывались высшими государственными соображениями: тыл должен быть монолитным и надежным — ведь там ковалась победа.

Материальная помощь союзников

Выковать победу в тылу было бы еще сложнее, если б не колоссальная помощь, которую оказывали СССР союзники. В одиночку советская промышленность со стоявшими перед нею задачами возможно и не справилась бы — особенно после того, как в 1942 году Германия стала перестраивать свою экономику под нужды длинной войны.

В феврале этого года у Гитлера появился свой «Вознесенский» — тридцатишестилетний Альберт Шпеер, возглавивший весь оборонно-индустриальный блок. Этот технократичный администратор превратил индустрию Рейха в единый военно-промышленный комплекс, заработавший с еще большей эффективностью, чем советская «кузница победы». За два года германская военная промышленность увеличила объем производства почти втрое. Методы трудовой мобилизации во многом были похожи на сталинские. К станкам и конвейерам тоже встали женщины; имелся у нацистов и свой «ГУЛАГ» — лагеря для военнопленных, и свои «спецпоселенцы» — «фремдарбайтеры» (рабочие-иностранцы) — в общей сложности 7,5 миллионов бесплатной или почти бесплатной рабочей силы.

В 1944 году ведомство Шпеера производило в 5,5 раз больше истребителей, чем в 1942 году, выпустило почти 19 тысяч танков и самоходных орудий. Если учитывать соотношение потерь (Красная Армия за войну потеряла в боях 96 тысяч танков; Вермахт — 32 тысячи), этого было бы вполне достаточно для нужд фронта.

Однако у СССР имелся еще один существенный источник материальной помощи — поставки союзников. Боевой техники Красная Армия из-за границы получила относительно немного (10 % пушек и минометов, 15 % танков, 17 % самолетов), но было множество иных потребностей, которые полностью милитаризованная советская экономика обеспечить не могла.

Из США поступили две трети автомобилей, которыми пользовалась армия, и 60 % горючего для авиации; три четверти паровозов и 90 % вагонов; почти все станки; обмундирование, стратегическое сырье, полевые телефоны, радиостанции, медикаменты и многое, многое другое.

Может быть, важнее всего была помощь продовольствием, которого катастрофически не хватало. 80 % консервов для армии, две трети сахара, больше половины жиров прибывали из-за рубежа.

Соединенные Штаты были ведущей экономикой мира, их ВВП втрое превосходил германский, и Америка вовсю использовала свое главное оружие — индустриальную мощь.

Плакат 1941 г.

Программа помощи странам антигитлеровской коалиции (закон о лендлизе, «сдаче в аренду») была принята Конгрессом в марте 1941 года и первоначально предназначалась для Британии, в одиночку сражавшейся с фашизмом, а также для Китая, отражавшего японскую агрессию.

Но с ноября 1941 года основным получателем становится СССР. Одной из причин, по которым Германия в декабре 1941 года, вслед за Японией, объявила войну США, было намерение блокировать атлантические перевозки американской продукции, следовавшей в Британию и оттуда дальше, к советским берегам. Американской армии Гитлер не опасался, он был уверен, что разгромит русских раньше, чем те доберутся до Европы, а вот военные грузы из США, пополнявшие вражеский арсенал, являлись для Рейха серьезной проблемой.

Поставки производились без предварительной оплаты, на основании долгосрочных беспроцентных кредитов. Считалось, что техника «сдается в аренду» до конца войны. При этом машины, уничтоженные в боях, оплате не подлежали. Всего в СССР было поставлено продукции по тогдашним ценам на 13 миллиардов долларов, включая сюда и британскую помощь (примерно 10 % от общего объема). В современном (2024 г.) эквиваленте это 220 миллиардов долларов.

Из Соединенных Штатов помощь следовала морем, через Тихий океан, где охотились за добычей японские подводные лодки, и потом железной дорогой, по Транссибу. Маршрут из Англии, по Норвежскому и Баренцевому морю до незамерзающего Мурманска, а в летнее время до Архангельска был много короче, но еще опасней. Британские корабли шли большими «конвоями», под защитой боевых кораблей и часто погибали от немецких бомб и торпед. Больше ста судов не доплыли до порта назначения.

Таким образом, организационно-экономическая победа коммунистической системы над нацистской была достигнута за счет трех факторов: полной милитаризации народного хозяйства, тотальной мобилизации населения и колоссальной поддержки извне.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Война была не только «отечественной», но и мировой. На сей раз, в отличие от массового самоистребления человечества в 1914–1918 гг., когда между собой сражались однородные политические системы, в схватке сошлись три очень разных мира: нацистский, коммунистический и капиталистический, причем второй и третий объединились против первого. Это сотрудничество не было простым, и всё же свою задачу оно выполнило.

— Смертельная опасность заставила Запад и Восток на время преодолеть противоречия.

— Взаимное недоверие и различие интересов осложняли отношения между союзниками и готовили почву для новой конфронтации.

Запад и Восток преодолевают противоречия

Накануне 22 июня отношения Советского Союза с США были очень холодными, а с Великобританией — откровенно враждебными. В Вашингтоне, озабоченном японской угрозой, договор о нейтралитете, подписанный между Москвой и Токио в апреле 1941 года, вызывал настороженность. Англичане и вовсе считали Сталина союзником Гитлера, заключившим с Германией пакт о ненападении и продававшим Рейху стратегическое сырье. Во время Финской войны Британия поставляла армии Маннергейма боевые самолеты, артиллерию и боеприпасы. Когда шла воздушная «Битва за Англию», советская пресса явно симпатизировала немцам. Английские коммунисты по заданию из Москвы вели агитацию против «империалистической войны» и устраивали забастовки на оборонных предприятиях, то есть, с точки зрения правительства, занимались саботажем.

Начало восточного «блицкрига» в Лондоне восприняли просто как передышку, которую следует использовать для восполнения потерь. Западные эксперты были уверены, что СССР долго не продержится. Поэтому на раннем этапе войны англо-советское сотрудничество ограничивалось декларациями и обещаниями. Лишь через три месяца после вторжения состоялась первая встреча на серьезном уровне при

участии американцев, которые в войну еще не вступили, но были озабочены японской угрозой и считали, что быстрый разгром Советского Союза побудит Токио к агрессивным действиям. Как уже говорилось, с ноября 1941 года СССР был включен в программу лендлиза.

Но только после битвы под Москвой и Пёрл-Харбора начались переговоры о тройственном союзе. Долгое время они оставались непродуктивными. Английский министр иностранных дел Иден посетил Москву, нарком Молотов съездил в Лондон и Вашингтон, но договориться о совместных военных действиях не удавалось. Объяснялось это тем, что на фоне новых тяжелых поражений Красной Армии союзники не верили в прочность «восточного фронта». Они надеялись лишь на то, что «русские» продержатся еще какое-то время, «хотя бы до зимы».

В самый драматичный момент кампании 1942 года, в августе, британский премьер-министр прибыл с визитом в Москву для встречи с советским правителем. Уинстон Черчилль с самого начала был заклятым врагом большевизма и всегда считал Сталина исчадием ада, но теперь пришлось выбирать из двух зол меньшее. «Если бы Гитлер вторгся в ад, я бы выступил перед Палатой Общин с речью в защиту Дьявола», — сказал Черчилль. Вести, с которыми прибыл английский лидер, были нерадостными: у англичан пока нет сил на открытие второго фронта в Европе, они сосредоточат свои усилия в Северной Африке. Операция была довольно скромного масштаба и облегчить положение отступающей Красной Армии не могла. Решающее сражение войны Советскому Союзу предстояло выдержать в одиночку.

Лишь после Сталинграда, когда стало ясно, что СССР устоит, переговоры о втором фронте перестали быть отвлеченными. Это, однако, не означало, что они были простыми.

К 1943 году американцы успели собрать и обучить достаточное количество сухопутных войск, чтобы вести боевые действия в Европе, но стороны долго не могли договориться, где именно откроется второй фронт. Москва добивалась, чтобы удар был нанесен с запада, из Франции, откуда было ближе до германской территории; Черчилль настаивал на средиземноморском направлении.

Вопрос решился без участия Советского Союза. В январе 1943 года на конференции в Касабланке англичане и американцы договорились

высадиться в Италии. Так было проще — в Северной Африке у союзников скопились значительные силы.

Красная Армия выдержала немецкий удар под Курском, англо-американский десант захватил Сицилию, из войны вышла Италия, но все эти успехи победы не принесли. Вермахт по-прежнему был силен, линия фронта на западе и на востоке стабилизировалась, на севере Апеннинского полуострова вновь утвердилась власть Муссолини.

Для выработки согласованных действий и общей стратегии был создан новый инструмент — трехсторонние встречи на высшем уровне. Руководители ведущих держав антигитлеровской коалиции должны были договариваться между собой напрямую.

Первая историческая встреча этого формата состоялась 28 ноября — 1 декабря 1943 года в Тегеране, столице Ирана, оккупированного британскими и советскими войсками двумя годами ранее, по совместной договоренности. (Этот шаг был призван защитить нефтедобывающие районы Азербайджана и Персидского залива от возможного германского рейда).

Легкий на подъем Черчилль путешествовал часто, но для инвалида Рузвельта и для опасавшегося самолетов Сталина это было серьезным предприятием. Советский вождь доехал поездом до Баку и только оттуда совершил короткий перелет до Тегерана (это единственный случай, когда Сталин отважился на авиапутешествие).

Тегеранская конференция

Формат оказался действенным. По самому главному вопросу — о совместных военных операциях — стороны, хоть и не без труда, договорились. Был установлен тесный контакт между генштабами. Разрешился и вопрос о втором фронте. Черчилль уступил: высадку назначили в северной Франции. Готовность к компромиссу проявил и Сталин. Еще перед Тегеранской встречей он совершил акт, воспринятый на Западе как жест доброй воли. Зловещий Коминтерн, четверть века пугавший буржуазные правительства своей подрывной деятельностью, был упразднен. В последнем постановлении президиума организации объявлялось, что он «призывает всех сторонников Коммунистического Интернационала сосредоточить свои силы на всемирной поддержке и активном участии в освободительной войне народов и государств антигитлеровской коалиции для скорейшего разгрома смертельного врага трудящихся — немецкого фашизма». В СССР даже поменяли государственный гимн. Вместо прежнего,

призывавшего к восстанию «весь мир голодных и рабов», теперь стали петь про то, что «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь», то есть интернационалистский курс окончательно сменился великодержавным русским.

Пошел Сталин навстречу американцам и в вопросе, который в 1943 году занимал Рузвельта больше всего: о симметричном открытии второго фронта против Японии. Правда, Советский Союз пообещал перекинуть войска на Дальний Восток лишь после поражения Германии.

Прямым следствием тегеранских договоренностей стал разгром основных сил Вермахта летом следующего года. Грандиозное наступление Красной Армии в Белоруссии, операция «Багратион», совпало с не менее грандиозной операцией «Оверлорд», обрушившей на Германию с запада удар трехмиллионной американско-британской армии. Не имея возможности перебрасывать с фланга на фланг резервы, немецкое командование потерпело поражение на обоих направлениях. Война вошла в завершающую стадию. Теперь победа была всего лишь вопросом времени.

И между союзниками сразу же начались раздоры, «сердечное согласие» затрещало по швам.

Отношения между союзниками осложняются

Доверия между Москвой, Лондоном и Вашингтоном, собственно, не было и раньше. Периодически возникали подозрения — не пытается ли партнер тайно договориться с немцами о сепаратном мире. И подозрения эти были небезосновательны.

В самые первые недели войны, подписывая с Англией декларацию о совместных действиях, где говорилось, что стороны «не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия», Сталин пытался установить контакт с Берлином через болгарского посла в Москве. Предлагал отдать Прибалтику, Украину, Бессарабию, Буковину, Карельский перешеек. Ответа не получил — Гитлер был уверен, что легко дойдет до Урала.

Еще одна попытка заключить «новый брестский мир» была предпринята в октябре. В 1942 и в 1943 году велись тайные переговоры в Стокгольме, причем теперь немцы были намного покладистей и

выражали готовность ограничиться превращением Украины в «буферное государство».

Со стороны «Оси» сторонниками перемирия на Востоке были министр иностранных дел Риббентроп и министр пропаганды Геббельс. Последний предпочитал диктатуру, пускай коммунистическую, «гнилой западной демократии». Пытался предложить свои посреднические услуги и Муссолини. В апреле 1943 года попробовали помирить Берлин и Москву японцы, очень заинтересованные в выходе СССР из блока с Америкой и Англией. Они передали немецкие условия: граница 1939 года, но с украинской автономией.

Переговоры всякий раз срывались, но сведения о них доходили до союзников и заставляли их нервничать.

Те тоже были не без греха. Когда исход войны уже не вызывал сомнений, американцы имели секретные контакты с эмиссаром рейхсфюрера Гиммлера, договариваясь о частичной (только на западе) капитуляции, и — возможно — сепаратном мире. Во всяком случае такое впечатление сложилось в Москве, когда до нее дошли сведения об этих тайных встречах. Советская сторона потребовала подключить ее к переговорам, и они тут же прекратились.

В это время, зимой и весной 1945 года, обе стороны уже больше всего заботило послевоенное устройство мира, что в тогдашних реалиях означало раздел «сфер влияния». И здесь интересы были трудносовместимы. Всякий раз, когда лидеры коалиции начинали делить географическую карту, возникали конфликты. Было понятно, что новый мир станет биполярным и что эти полюсы окажутся в неминуемой конфронтации. Странам, которые попадут под контроль Москвы, рассчитывать на демократию и неприкосновенность частной собственности не придется.

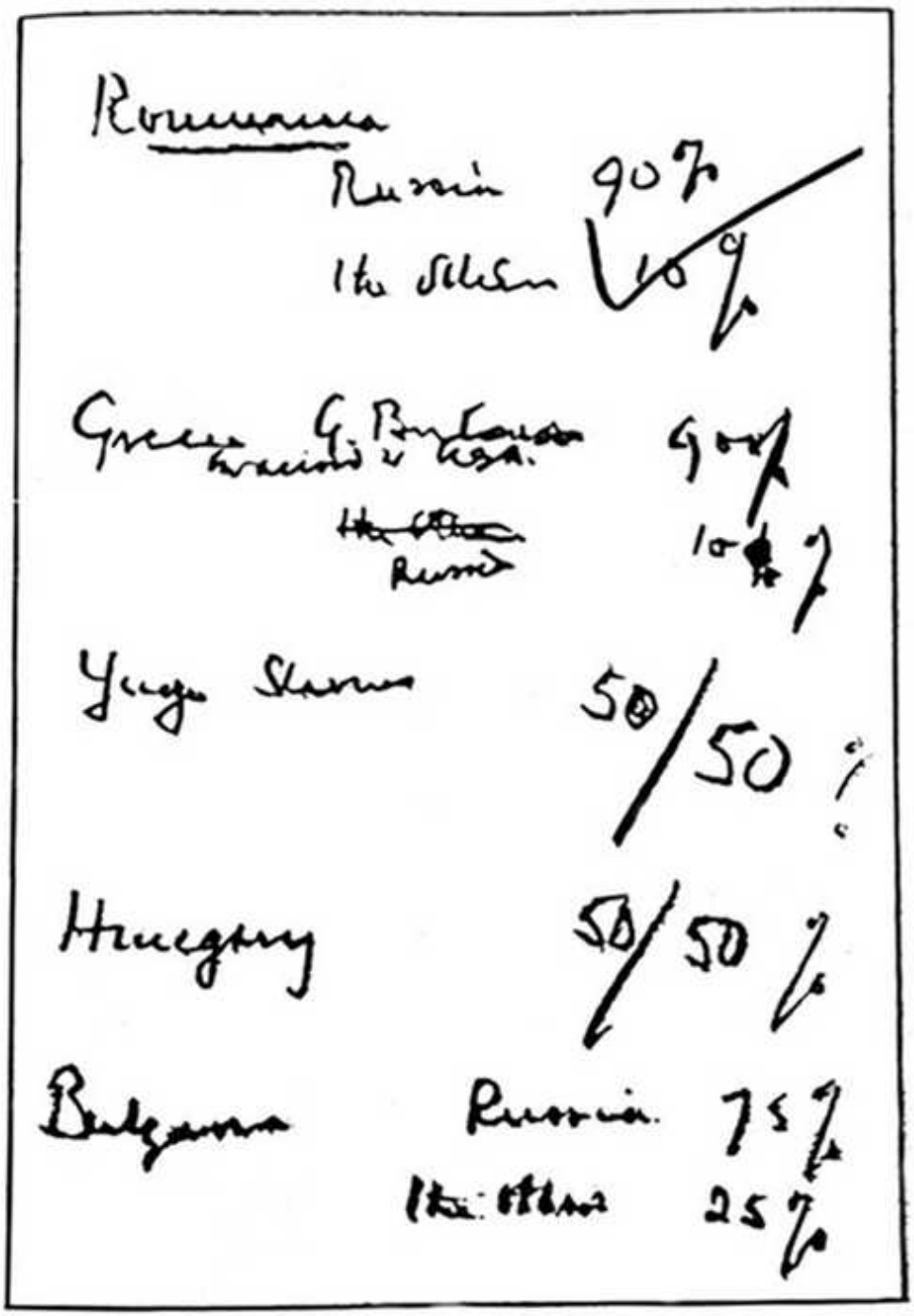
В Тегеране произошел весьма характерный эпизод. Трое лидеров обсуждали, как поступить после победы с Германией, чтобы эта страна в будущем вновь, уже в третий раз, не стала причиной новой мировой войны.

Сталин предложил простое решение: взять и расстрелять пятьдесят или сто тысяч немецких офицеров. Опыт у него, как мы знаем, был — точно так же он «профилактически» уничтожил пленных польских офицеров.

Рузвельт подумал, что это шутка, и засмеялся: «Может, хватит сорока девяти тысяч?». Черчилль лучше знал, с кем имеет дело, и возмутился. Тогда Сталин заявил, что действительно пошутил.

Вот почему грядущая судьба каждой восточноевропейской страны становилась источником долгой торговли.

В октябре 1944 года, когда Черчилль снова прибыл в Москву, он набросал на листке бумаги свои предложения. Болгария станет советской на 75 %, Греция на 10 %, Венгрия на 50 %, Румыния на 90 %, Югославия — пополам.



Churchill's copy of secret agreement with Stalin made in Moscow, October, 1944.

Записка Черчилля

Сталин согласился, но на следующий день Молотов предложил внести поправки: Болгария и Венгрия будут в советской «зоне влияния» на 80 %, Румыния — целиком. Об этом договорились, но «польский вопрос» остался подвешенным — после недавнего подавления Варшавского восстания он был слишком болезненным. То же касалось другой важной страны — Чехословакии. Эмигрантские правительства обоих этих государств находились в Лондоне, и у Черчилля имелись перед ними этические обязательства. Не хотел обострять отношения по этому поводу и Сталин, но у него на Польшу и Чехословакию имелись свои планы.

Однако осенью 1944 года Вермахт был еще силен, а победа казалась неблизкой. Иначе обстояли дела во время очередной встречи «большой тройки» — в феврале 1945 года в Ялте. Здесь предварительную торговлю довели до конца, почти по всем пунктам.

Польша к этому времени была занята Красной Армией, и это определило ее судьбу. Союзники признали уже работающее прокоммунистическое правительство, созданное в Советском Союзе. Германию решили разделить на четыре зоны оккупации (союзники потребовали выделить часть Франции). В обмен на отказ от Греции Сталин получил приоритет в Югославии. Болгария, Венгрия и Румыния считались вопросом решенным — они достанутся Москве. Обошли стороной острую проблему Чехословакии, которая в это время еще находилась под немецкой оккупацией. Американцы и англичане для проформы потребовали провести во всех странах «советской сферы» свободные демократические выборы, и Сталин пообещал. Всем было понятно, что за выборы могут быть под советским контролем.

Обсудили и раздел зон влияния на Дальнем Востоке после победы над Японией. Сталин получил обещание, что Монголия, советский сателлит, будет признана международным сообществом; что Южный Сахалин и Курилы отойдут к СССР; что Кореей союзники будут управлять совместно.

Но окончательный раздел карты мира зависел от того, куда дойдут войска каждой из сторон к моменту победы над Германией. Это не проговаривалось, но подразумевалось. Как мы видели, на последней стадии войны развернулась настоящая гонка. Западные союзники спешили продвинуться как можно дальше на восток, но у Сталина было

преимущество — он мог позволить себе не щадить солдат и захватил не только Чехословакию, но и половину Австрии.

Накопившиеся разногласия и взаимопретензии дадут себя знать после победы. Но вплоть до германской капитуляции союзники выступали единым фронтом. Это в конечном итоге и определило исход Второй мировой войны.

ВРЕМЯ ЭКСПАНСИИ, 1945–1953

РАНЕНАЯ СТРАНА

Четыре года государство было сосредоточено на одной-единственной цели — выстоять в войне. Но вот невероятно сложная задача была выполнена, и на смену ей пришла другая: перевести жизнь из военного режима в мирный.

Страна была тяжело ранена, она понесла невосполнимые потери, заплатила за победу огромными жертвами.

— Цена победы была колоссальной.

— Восстановление народного хозяйства тоже обошлось недешево.

Цена победы

О самом главном уроне — количестве потерянных человеческих жизней — споры ведутся до сих пор. Помимо искаженности официальных данных (в частности занижения боевых потерь) существует еще и разный подход к статистике: например, учитывать ли повышенную смертность среди мирного населения вследствие тягот военного времени — недоедания и вызванных им болезней, невыносимых трудовых нагрузок, аномально низкого коэффициента выживания у новорожденных и так далее, и так далее. Поэтому звучали очень разные цифры, в диапазоне от 20 до 50 миллионов. Неоспоримым фактом является то, что перед войной в СССР проживало почти 197 миллионов человек и в 1945 году при нормальном приросте население должно было бы достичь 215–220 миллионов, а по факту численность составила 170 миллионов, то есть страна в целом недосчиталась 21–23 % людей.

Материальный ущерб тоже с трудом поддавался исчислению. Эту работу провел, в частности, британский историк М. Харрисон. По его подсчетам получилось, что война обошлась СССР в 1,3 триллиона тогдашних рублей (военный ущерб плюс расходы военного бюджета плюс стоимость обратной конверсии военной экономики в мирную). Это соответствует 2,5 объемам ВНП предвоенного 1940 года.

За четыре года боев, бомбежек и обстрелов при движении фронта сначала на восток, а потом обратно на запад было разрушено 1 700

городов и поселков городского типа, 70 тысяч сел и деревень. Государственная комиссия подсчитала, что в стране разрушено 4,7 миллиона домов. Бездомными считались 25 миллионов человек, и состояние бюджета при иных неотложных приоритетах не позволяло надеяться, что жилищный кризис будет в обозримом будущем преодолен. По официальным данным государственные доходы в первый послевоенный год (1946) были в 1,8 раза выше, чем в последний довоенный (1940), но из-за дефицита товаров и форсированной денежной эмиссии индекс реальных цен вырос вчетверо, так что страна стала как минимум вдвое беднее.

Хуже всего дело обстояло с продовольствием. Главные хлебные регионы были разорены и почти обезлюдели, сельскохозяйственной техники там практически не осталось. Площадь посевов сократилась на треть, объем производства — на 40 процентов, урожайность, и раньше низкая, очень упала, но и такой урожай собирать было некому. В 1946 году даже на богатых украинских землях смогли собрать только по 3–4 центнера с гектара. В целом по стране колхозы дали вполовину меньше заготовок, чем перед войной. Перестала поступать и продовольственная помощь по ленд-лизу. В книге современного историка В. Зимы «Голод в СССР 1946–1947 гг.» говорится, что в этот период от голода страдало не менее ста миллионов человек, а два миллиона умерли. Цифры, приводимые в работе А.Шалака «К оценке масштаба голода 1946–1947 гг.», умереннее, но все равно чудовищны: миллион погиб от голода и еще полмиллиона от последствий недоедания. То есть полтора или два миллиона граждан страны-победителя, перенеся все тяготы войны, в уже мирное время лишились жизни из-за развала сельского хозяйства.

Вся страна сидела на голодном пайке, на карточках. Когда их в конце 1947 года отменили из пропагандистско-политических соображений, расплачиваться за это пришлось самому населению. Государство провело замену денежных знаков, фактически конфисковав у народа две трети наличных средств. При этом розничные цены на основные товары и услуги выросли в 2–3 раза.

Обнищание было следствием не только военной разрухи, но и полной реструктуризации экономики в 1941–1945 годах. Для реконверсии промышленности с оборонных задач на мирные

требовались огромные средства и рабочие руки, а того и другого катастрофически не хватало.

Работоспособные мужчины были призваны в вооруженные силы. Многие погибли или утратили трудоспособность (в стране было 2 с половиной миллиона инвалидов), да и демобилизация 11-миллионной армии была делом небыстрым, затратным, логистически сложным. Этот процесс растянется на много месяцев и полностью завершится лишь к 1948 г.

На Нюрнбергском процессе было заявлено, что Советский Союз лишился 30 % своего национального богатства, а на освобожденных территориях ущерб составил две трети. 32 тысячи заводов и фабрик были разрушены или сильно повреждены. Транспортные коммуникации в западных регионах, которые следовало восстанавливать в первую очередь, находились в параличе: 65 тысяч километров железных дорог и 13 тысяч мостов были разрушены.

Решать весь этот комплекс неподъемных проблем государство собиралось так, как оно единственно и умело: командно-мобилизационными методами.

Восстановление хозяйства

Как водится, правительство начало с разработки пятилетнего плана на 1946–1950. Задача была «восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень». Составление программы и контроль над ее исполнением были поручены тому же человеку, который во время войны руководил милитаризацией экономики — Николаю Вознесенскому, руководителю Госплана и заместителю главы правительства (оно с 1946 года называлось не Совнаркомом, а Советом министров).

По основным показателям — производству электроэнергии, угля, нефти, чугуна, стали, общему объему промышленного производства — к 1948–1949 гг. задача была достигнута. Отставало только сельское хозяйство, к концу пятилетки не сумевшее выйти на довоенный уровень. Но заводы тяжелой промышленности заработали, железные дороги воскресли, были отремонтированы прежние и построены новые электростанции, вышли на проектную мощность рудники и шахты.

Все эти достижения триумфально декларировались как доказательство преимуществ социалистического хозяйства и мудрого руководства Вождя.

Результаты действительно были впечатляющими, но отнюдь не уникальными. Восстанавливать разрушенную войной жизнь пришлось многим европейским странам. В среднем этот процесс занял полтора года (у стран, потерпевших поражение, дольше), так что Советский Союз еще и несколько задержался, но ведь его экономика и пострадала больше, чем британская и тем более неразбомбленная французская. Кроме того, западные страны получали помощь от США по «Плану Маршалла», о котором будет рассказано ниже, а советское государство не имело этого существенного подспорья.

Но у СССР были собственные инструменты, которыми не могли пользоваться другие правительства. Эти инструменты и обеспечили результат.

Во-первых, государство полностью распоряжалось всеми доходами и расходами, причем могло игнорировать фактор народного недовольства — ведь демократических выборов в стране не существовало. Это в Великобритании уставшее от тягот население переизбрало недавнего кумира Черчилля, а во Франции отправило в отставку героя Сопротивления генерала Де Голля. Сталину подобных неприятностей можно было не опасаться. Поэтому львиная доля бюджетных средств (88 % капиталовложений) тратилась на тяжелую, энергетическую и добывающую промышленность, а легкая промышленность, от которой зависит качество жизни, фактически игнорировалась. Уже поминавшаяся денежная реформа 1947 года была проведена еще и для того, чтобы сократить спрос на «товары народного потребления» — у людей просто не осталось на это средств.

Денежная реформа в изображении журнала «Крокодил»

К 1950 году зарплата в городах достигла показателей 1940 года (а те, в свою очередь, из-за расходов на индустриализацию, не превышали уровня 1928 года), но положение в деревне было намного хуже, чем до войны. Электричество работало только в 15 процентах поселений. По трудодням почти ничего не выдавали. Зарплата колхозника была в шесть — семь раз меньше, чем у рабочего. В деревне люди выживали за счет подсобных хозяйств, но по сравнению с 1940 годом сельхозналог многократно вырос — 1 100 рублей на среднюю семью (при том что в начале пятидесятых денежные выплаты в колхозе редко

превышали 40 рублей в месяц). При этом сельские жители еще и находились на положении крепостных — лишенные паспортов, они не имели права покинуть место жительства. Страна-победительница была очень бедна, большинство населения существовало в нищете.

Итак, внутренние ресурсы Советского Союза были ограничены. Поэтому главным двигателем восстановления стала эксплуатация внешних ресурсов. Советский Союз не получал помощи по «Плану Маршалла», зато имел доступ к материально-технической базе оккупированных территорий. В страну непрерывным потоком шли эшелоны с оборудованием, изъятым на немецких, венгерских, японских (в Маньчжурии) предприятиях. Очень часто вывозили инженеров и квалифицированных рабочих. Мощности и специалисты авиационного концерна «Юнкерс» были переправлены в Куйбышев — для производства реактивных и турбовинтовых двигателей; автомобильный гигант «Опель» перебазировался в Москву для выпуска легковых «Москвичей», и так далее. В недавнем исследовании историка Д. Фомина говорится: «…Восстановление советской экономики только на 19,4 % объясняется внутренним инвестиционным фактором. Очевидно, что послевоенный успех экономического развития СССР в значительной степени объясняется внешними факторами. Внешние факторы на 80,6 % объясняют послевоенные успехи восстановления народного хозяйства СССР».

Помимо вывоза оборудования и активного использования научно-технического ноухау (массово изымалась патентно-лицензионная документация) СССР получал и огромные денежные репарации от Германии, Венгрии и Румынии. Объем немецких денежных поступлений составил 4,4 миллиарда долларов.

Третьим рычагом быстрого восстановления являлась хорошо опробованная в тридцатые годы эксплуатация бесплатного труда. Децифит рабочих рук, следствие человеческих потерь за годы войны, был компенсирован из нескольких источников. В страну было ввезено большое количество военнопленных: 2,7 миллиона немцев и 600 тысяч японцев. Все они использовались на работах в течение многих лет (немцев репатриировали только в 1955 году).

Отправилась на принудительные работы и значительная часть освобожденных из немецких лагерей красноармейцев. По данным Г.

Кривошеина, шестая часть уцелевших в плену солдат (233 тысячи человек) были осуждены и отправлены по этапу.

Возобновилась и довоенная практика массовых репрессий с целью пополнить трудовую армию ГУЛАГа.

В мае 1947 года вдруг вышел указ об отмене смертной казни, но это отнюдь не означало либерализации режима. По статьям, прежде сулившим «высшую меру», теперь стали давать огромный 25-летний срок, и выносились подобные приговоры в массовом порядке. Одновременно ужесточились наказания за всякого рода мелкие нарушения. В отчете министерства внутренних дел говорилось: «Увеличение за последние годы общего числа заключенных объясняется в первую очередь тем, что принятые в 1947 году указы об усилении уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества и за кражи личной собственности граждан предусматривают исключительно длинные сроки заключения. На 1 января 1953 года из общего числа заключенных за указанные преступления в лагерях содержалось 1 291 919 человек». Когда лагерный контингент пополнился, смертную казнь снова вернули «ввиду поступивших заявлений от национальных республик, от профсоюзов, крестьянских организаций, а также от деятелей культуры».

В несколько волн прошли депортации украинцев и прибалтийцев, заподозренных в «антисоветских настроениях» либо просто «в порядке профилактики». Общее число жертв подобных «этнических» репрессий в 1945–1950 гг. составило около полутора миллионов человек.

Война закончилась, экономика частично демилитаризировалась, но методы государственного управления оставались всё такими же.

ЗА КУЛИСАМИ ВЕЛИЧИЯ

После войны Советский Союз, победитель фашизма, стал в глазах всего мира великой страной и сам проникся сознанием своего величия. Это было сущностно иное величие, чем в двадцатые и тридцатые годы — не идейное («у нас самый передовой строй»), а национальное («мы сильнее всех»). Соответственно переменились идеология государства и его целеустремления. Концепция «мировой пролетарской революции» была снята с повестки еще в конце двадцатых, теперь туда же отправилась и доктрина «социализма в одной отдельно взятой стране».

СССР перестает экспериментировать с новым общественным устройством и возвращается к прежней исторической модели — начинает воссоздавать Российскую империю со всеми ее традиционными чертами: самодержавностью, национализмом, готовностью платить за величие забитостью и нищетой собственного народа.

В последний период сталинского правления во внутренней жизни страны происходят три процесса:

— *Социалистическое государство превратилось в самодержавную империю.*

— *«Самодержец» постепенно утрачивал адекватность.*

— *«Наверху» развернулась борьба за влияние.*

Социалистическое государство превращается в самодержавную империю

Самодержавие, то есть абсолютная власть одного человека, установилось намного раньше, однако теперь Советский Союз превратился в империю, то есть государство, главной целью которого является экспансия — распространение своего влияния на как можно большее пространство. Эта империя была обращена не в будущее, а в прошлое — не создавала некую новую, небывалую государственную конструкцию, но явно и даже наглядно реставрировало империю российскую, только многократно усилившуюся за счет полноценного использования всех традиционных «ордынских» рычагов.

Марксистская риторика никуда не делась, но совершенно утратила содержательный смысл. Империи нужен весь мир, а не только «мир голодных и рабов».

Однажды, произнося тост, Вождь сказал: «Русские цари сделали много плохого. Они грабили и порабощали народ. Но они сделали одно хорошее дело: сколотили огромное государство — до Камчатки. Мы получили в наследство это государство». Бывший подданный царской России, Сталин испытывал ностальгию по монументальному государству, в разрушении которого в свое время поучаствовал.

«Красноармейцы» стали называться «солдатами», «командиры» — «офицерами», на мундирах появились старорежимные погоны, «наркомы» превратились в «министров», города украсились помпезными зданиями (этот стиль потом назовут «сталинский ампир»), войска на парадах маршировали точь-в-точь как в старые времена, подданные участвовали в крестных ходах (демонстрациях) и в обязательном порядке присутствовали на богослужениях (митингах и партсобраниях).

Существенно изменился пантеон национальных героев. Довоенным Чапаевым и Щорсам пришлось потесниться, уступить место прославленным полководцам монархической эпохи. Эта тенденция, возникшая во время войны из историко-патриотических соображений, в мирное время еще больше усилилась. Все войны и победы царской России сталинское государство восславило и апроприировало. Культивировалось и почтение к «правильным» (с точки зрения диктатора) царям: Ивану III, Ивану Грозному, Петру I. Примечательно, что самого главного из исторических царей-триумфаторов — Александра I, взявшего Париж, — чествовать не предписывалось, ибо он был либералом. Екатерина Великая генералиссимусу, видимо, не нравилась тем, что ввела дворянскую вольность и допустила непорядок — пугачевское восстание, а кроме того, Сталин вообще не одобрял начальников женского пола. Наркомы-министры и члены политбюро у него были сплошь мужчины.

Новацией по сравнению с романовской эпохой была активная ксенофобия и враждебная подозрительность ко всему иноземному. Отчасти это объяснялось тем, что, в отличие от царского режима, сталинский не полагался на иностранные инвестиции и мало зависел от иностранных технологий. Ставка делалась на развитие национальной науки, на собственные разработки. Народу нужно было внушить, что все главные научные достижения и раньше делались на Родине, что — как пелось в бравой песне времен Николая I — «матушка-Расея всему свету голова». Детей в школе учили, что паровоз изобрели братья Черепановы, самолет — Можайский, а радио — Попов. Одновременно с созданием мифологии русского научного первородства, всякий интерес к зарубежным научным исследованиям клеймился как «низкопоклонство перед Западом». Пресекались научный обмен и научные связи. Курс на разрыв с внешним миром, на восхваление собственных достижений проводился и во всех сферах культуры.

В политическом аспекте возвращение к российской имперскости, означавшее полный разрыв с ленинской идеей самоопределения наций, привело к замене интернационалистической идеологии на националистическую. Русский этнос вновь провозглашался старшим братом в «семье братских народов». В союзных республиках, совсем как в победоносцевские времена, проводилась форсированная русификация номенклатурной элиты, образования, делопроизводства.

С проявлениями любого иного национализма режим вел беспощадную, жестокую борьбу.

Во время войны на территориях, оккупированных немцами (и деоккупированных от советской власти), сформировалось несколько сильных национальных движений, добивавшихся создания или, вернее, восстановления собственных независимых государств. После ухода немцев и возвращения советских войск это сопротивление не ослабело, а усилилось.

Самым проблемным регионом для Москвы была Украина, где действовала Украинская Повстанческая Армия. Эта организация, насчитывавшая десятки тысяч бойцов, во время войны активно сражалась и против Вермахта, и против Красной Армии. Расчет был на то, что Германия и СССР истощат себя во взаимоистребительной борьбе, и это позволит Украине обрести независимость. Партизанские отряды УПА представляли собой серьезную угрозу и для немецкого, и

для советского тыла. Одной из самых громких акций повстанцев стало нападение в 1944 году на эскорт командующего 1 Украинским фронтом Ватутина, смертельно раненного в этом бою.

После отступления германской армии УПА еще долгое время сражалась с советскими гарнизонами, но силы были неравны. Органы госбезопасности производили массовые аресты среди подпольщиков и просто «подозрительных»; партизанские отряды истреблялись один за другим. Главнокомандующий УПА Роман Шухевич был убит в марте 1950 года при попытке задержания. К этому времени движение уже перешло от открытых боевых действий к подпольной борьбе.

В ходе репрессий МГБ произвело больше ста тысяч арестов и еще двести тысяч украинцев бессудно депортировало в отдаленные регионы. Погибли на этой внутренней войне около четверти миллиона человек.

Ожесточенная борьба шла и в Прибалтике, где, согласно советским отчетам, в начале 1946 года существовало более 400 очагов вооруженного сопротивления. Методы подавления национально-освободительного движения были те же. Сначала проводились войсковые операции, при помощи которых к 1947 году были истреблены все крупные отряды резистантов. Затем, на стадии уничтожения подполья, органы МГБ производили аресты и депортации. За четыре послевоенных года из Прибалтики отправили в Сибирь и Казахстан 142 тысячи «спецпоселенцев».

В сущности ничего принципиально нового — кроме масштабов и градуса жестокости — в этой репрессивно-колонизаторской политике не было. Точно так же подавляло освободительные движения и царское правительство. Империя, в которой один этнос провозглашается главным, а все остальные — второсортными, и не может быть ничем кроме как «тюрьмой народов».

«Самодержец» утрачивает адекватность

Культ Вождя, зародившийся в двадцатые годы по политическим мотивам и усиленно насаждавшийся в тридцатые, после войны превратился в настоящую религию. Изданный к 70-летию Сталина огромным тиражом сборник «Стихи о Сталине», составленный из восхвалений поэтов всех республик, очень напоминает молитвенник.

Начинается этот панегирик строками: «Тебе, краса всех городов земных! Тебе, мудрец, мудрейших из живых!», а заканчивается словами: «Одним человеком Земля жива».

Произошло два важных изменения. Во-первых, величие Сталина теперь было признано всем миром, оно перестало быть явлением сугубо внутренним. Из лидеров, считавшихся победителями фашизма, на своем посту остался только советский. Рузвельт умер в апреле 1945 года, Черчилль с Де Голлем отправились в отставку. Сталина одни славословили, другие после начала «холодной войны» демонизировали, но он безусловно считался главной политической «звездой» планеты.

Во-вторых, в свое величие уверовал и сам Сталин, который в довоенные времена относился к собственному прославлению сугубо прагматически. Однако победа в войне и всемирное восхищение породили в диктаторе мегаломанию. В конце сороковых и начале пятидесятых Сталин не признает себе ровней никого из мировых лидеров, обижается на целые страны и нации. Он, кажется, вытеснил из памяти свои просчеты и ошибки, обошедшиеся стране такими потерями в сорок первом году. В последний период жизни Сталин считал себя компетентным — самым компетентным — во всех без исключения вопросах, и его мегаломания по временам выглядела гротескной.

В 1947 году вышла официальная биография Вождя, напечатанная в 13 миллионах экземпляров. Каждая строчка была одобрена и выправлена лично Сталиным.

Стиль таков: «Гениальный стратег пролетарской революции смело и непреклонно, тщательно и осмотрительно вел партию вперед, ломая все препятствия на пути к намеченной цели, зорко следя за маневрами классового врага и блестяще предвидя его действия в ближайшем будущем, мастерски перегруппировывая силы в ходе самого наступления, закрепляя занятые позиции, используя резервы для развития успеха». Слово «мастерски» я выделил, поскольку оно встречается в тексте множество раз. Например, Сталин своей рукой вписал (сохранилась правка): «Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа и имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования». И в том же духе везде: «В своих письмах

и телеграммах Сталин давал мастерский анализ военной обстановки»; «Товарищ Сталин мастерски разработал и применил новую тактику маневрирования»; «Сталин выступает как крупный теоретик национального вопроса, мастерски владеющий марксистским диалектическим методом».

Таким он себя, видимо, и ощущал — Мастером, который всегда лучше всех всё знает и умеет.

Правитель всегда был категоричен и нетерпим к любым возражениям, но раньше в его поступках, неизменно расчетливых, не ощущалось вздорности. Теперь же генеральный секретарь ВКП(б), председатель Совета министров и генералиссимус (пресса именовала его «Вождем и Учителем», «величайшим корифеем всех времен и народов», «гениальным стратегом» и прочими благоговейными титулованиями), мог, на что-то раздражившись, или просто на досуге совершать довольно странные демарши, моментально обретавшие статус государственной политики.

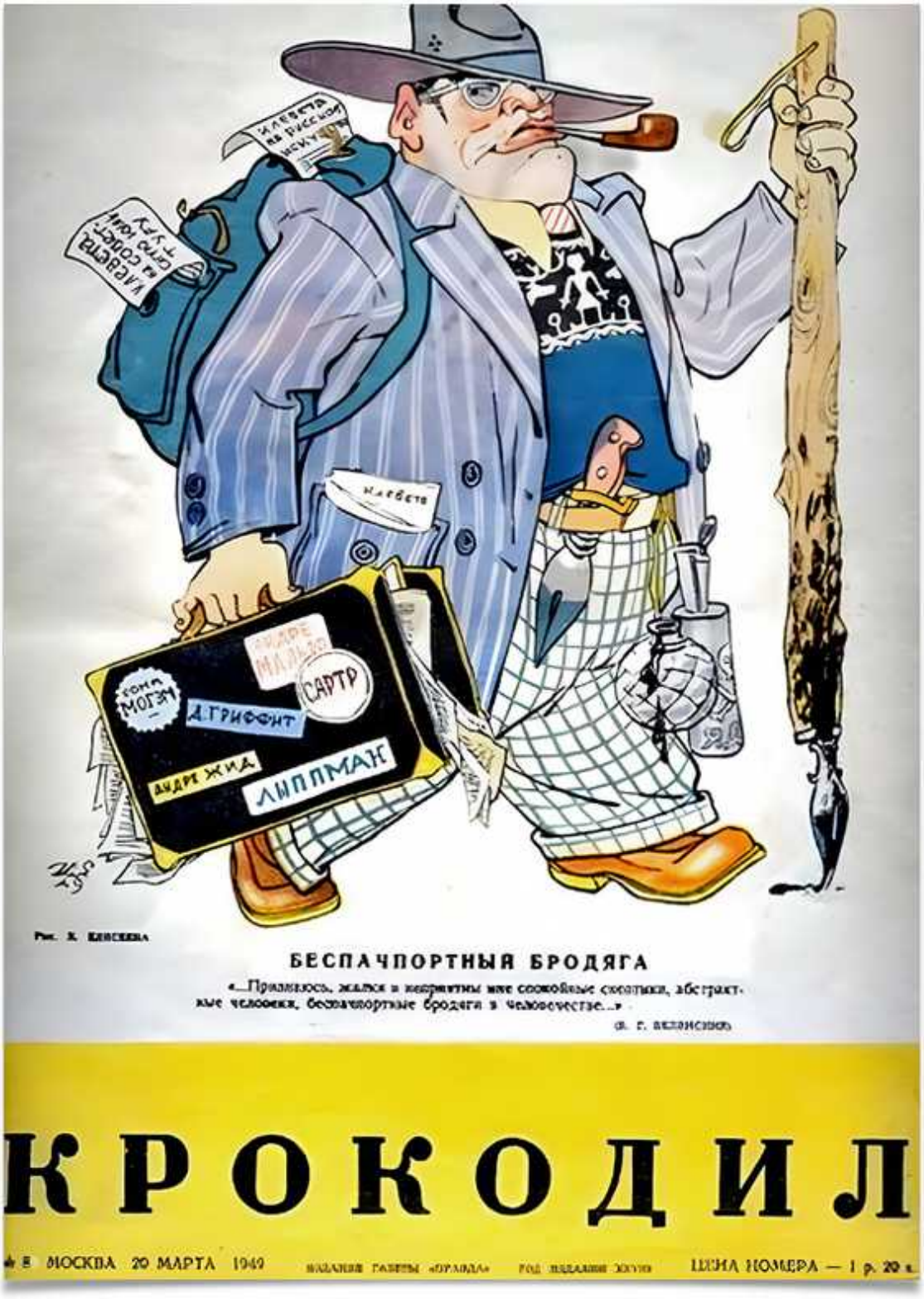
В 1946–1947 годах Сталин поруководил философией, раскритиковав недавно вышедший учебник, совершенно ортодоксальный, за «недостаточно марксистский подход». Результатом стали еще большее начетничество и совсем уж карикатурная ритуализация всей идеологической сферы.

В 1948 году Вождь вдруг заинтересовался биологией, усмотрев в ней «буржуазную» ересь — генетику, которая вредительствовала «пролетарскому», мичуринскому направлению. Один из ведущих генетиков академик Д. Сабинин застрелился, а сама генетика оказалась под запретом, что надолго затормозило развитие аграрной науки.

В 1950 году генералиссимус поучаствовал в двух ученых дискуссиях: сначала осудил западное влияние на советскую физиологию, после чего эта наука полностью изолировалась от мирового исследовательского процесса; потом снова переключился на гуманитарную сферу — выпустил работу «Марксизм и вопросы языкознания». Отечественная лингвистика сразу закоченела, опасаясь хоть на миллиметр отклониться от указаний Вождя. Он зачем-то между делом осудил «злоупотребление семантикой» — и это слово, а также любые семантические работы стали еретическими.

С конца сороковых годов Советский Союз, бывший оплот интернационализма и победитель германского нацизма с его патологической юдофобией, внезапно превращается в агрессивно антисемитское государство.

Осенью 1948 года начались репрессии против «Еврейского антифашистского комитета» — общественной организации, которая в годы войны собирала деньги на оборону в США, Канаде и Великобритании у представителей еврейского сообщества, и сумела привлечь более 30 миллионов долларов.



«Беспачпортный бродяга» — в 1949 году всем понятный заменитель слова «еврей»

Самого известного из руководителей комитета, знаменитого театрального режиссера Михоэлса, тайно убили, остальных арестовали и впоследствии почти всех расстреляли.

Вскоре после этого борьба с «безродными космополитами» (официальный эвфемизм, использовавшийся вместо слова «евреи») развернулась во всех сферах культуры, где было много деятелей еврейского происхождения.

Начали с театральных критиков, потом перекинулись на художников, литераторов, музыкантов, кинематографистов, архитекторов. Арестовали четыреста с лишним человек, во много раз больше было выгнанных с работы и вычищенных из профессии.

Причиной для гонений на национальную группу, еще недавно считавшуюся самой «сознательной» и «революционной», стало недовольство Сталина новым государством Израиль.

Это был крупный просчет сталинской внешней политики. «Гениальный стратег», помнивший времена, когда еврейские революционеры составляли основной кадровый ресурс Коминтерна, активно поддержал проект создания в Палестине еврейского государства. Расчет был на то, что у Москвы появится на Ближнем Востоке плацдарм для экспансии в этом важнейшем регионе. Но когда в 1948 году Израиль — в значительной степени благодаря Сталину — появился на карте, сразу же оказалось, что ориентироваться на СССР эта страна не намерена. И Вождь обиделся, а когда он обижался на какую-нибудь нацию, то обрушивал кару на всех ее представителей. Особенное возмущение у Сталина вызвал энтузиазм, охвативший советских евреев при создании национального государства. С этого момента они и стали «бродягами в человечестве» и «космополитами», вышедшими у партии из доверия.

Антисемитская кампания после 1949 года на время снизила обороты, но в последние месяцы жизни диктатора вышла на еще более воспаленный уровень — когда развернулось «Дело врачей-вредителей», якобы планомерно убивавших своих пациентов, руководителей партии и правительства. Большинство арестованных медиков были евреями.

Здесь сказался еще один, помимо мегаломании, болезненный симптом личностной деградации правителя. Старея, Сталин стал до параноидальности подозрительным, и больше всего по отношению к тем, кто находился рядом. Здоровье диктатора ухудшалось, а

придворным врачам он не доверял, их инструкций не выполнял. Когда главный терапевт кремлевского Лечсанупра В. Виноградов порекомендовал диктатору поменьше работать и побольше отдыхать, тот усмотрел в этом намерение отстранить его от власти, и академик отправился за решетку.

Н. Новик, начальник личной охраны Вождя, вспоминает, что под конец Сталин не доверял даже собственным телохранителям.

Однажды в автомобиле он вдруг грозно сказал: «Вы возите меня по одному и тому же маршруту. Под пули возите?». И после этого никогда не называл маршрут поездки заранее — лишь в дороге сообщал, куда его везти, и часто требовал ехать не прямо, а в объезд.

После смерти вскрытие обнаружит размягченные участки и чрезвычайно суженные кровеносные сосуды в сталинском мозге. По мнению врачей эта патология могла объяснять резкие смены настроений и болезненную подозрительность.

Сталинская паранойя обрушивалась и на тех, кто издавна считался вернейшими и надежнейшими его помощниками.

В 1951 году Сталин внезапно приказал арестовать свирепого, по-собачьи преданного министра госбезопасности Абакумова и устроил чистку в самом министерстве. В 1952 году уволил, а затем отправил в тюрьму своего многолетнего начальника охраны генерала Власика — за недостаточную бдительность. В начале 1953 года заподозрил бессменного личного помощника Поскребышева в том, что тот ворует документы, и тоже посадил.

К концу около Вождя уже не осталось людей, с которыми он начинал свое восхождение к власти.

Вячеслав Молотов, с середины тридцатых годов второй человек в государстве, целых 11 лет занимавший пост главы правительства, угодил в опалу в начале 1949 года, потеряв пост министра иностранных дел.

Неразлучный со Сталиным еще с Гражданской войны «первый маршал» Ворошилов начал утрачивать влияние в первые месяцы войны, когда оказался слабым полководцем. Положение его становилось всё более шатким. Никита Хрущев впоследствии

рассказывал, что Сталин подозревал, будто Ворошилов является английским агентом.

Лазарь Каганович, «железный нарком», тоже вышел из ближнего круга. Его еврейское происхождение теперь стало гандикапом.

Угодил в опалу и Анастас Микоян, нарком с 1926 года и член политбюро с 1935-го.

На XIX съезде партии, последнем, в котором участвовал Сталин, никто из этих прежних фаворитов не был включен в состав «руководящей пятерки».

Кроме самого Вождя в этот высший политический штаб вошли выдвиженцы эпохи «зрелого сталинизма»: Георгий Маленков, Лаврентий Берия, Николай Булганин и Никита Хрущёв.

Борьба за влияние

У всех этих людей, очень разных, имелось одно общее качество: они не принадлежали к категории «вождей». Это были выходцы из «второго эшелона» власти.

Георгий Маленков (р. 1901) начинал как партийный кадровик, постепенно поднимавшийся со ступеньки на ступеньку в аппарате ЦК и ставший кем-то вроде личного сталинского надсмотрщика за номенклатурой ВКП(б). Главные таланты Маленкова состояли в психологическом манипулировании Вождем и придворном интриганстве — тут ему не было равных.

Лаврентий Берия (р. 1899), человек весьма извилистой судьбы (в юности служил в контрразведке независимого Азербайджана), начал свою карьеру в Закавказье и в высшие органы власти попал только в 1938 году, на ключевую должность наркома внутренних дел. Берия тоже был искусным интриганом, но, кроме того, являлся хорошим организатором. Сталин поручал ему самые ответственные (и очень разные) направления деятельности. Перед войной Берия провел очередную, пост-ежовскую чистку в спецслужбах. В Государственном Комитете Обороны он курировал авиационную промышленность. В августе 1942 года был командирован на самый критический участок фронта — оборону Кавказа. В 1944–1945 гг. руководил массовой депортацией репрессированных народов. Затем возглавил и успешно осуществил работы по созданию ядерного оружия. На фоне тусклой

послевоенной плеяды «вторых лиц» Берия выглядит самой яркой фигурой. Силен он был еще и тем, что после ухода с должности наркома внутренних дел (в декабре 1945 г.) сохранил крепкие связи в органах госбезопасности, где на многих ключевых позициях находились его назначенцы.

Николай Булганин (р. 1895) в 1947 году сменил Сталина на посту министра обороны и был произведен в маршалы, хотя никогда не командовал войсками. Во главе вооруженных сил Вождю нужен был не герой войны, а человек послушный и неопасный. Эти два качества в конце сороковых стали главным залогом успешной карьеры. В 1949 году Сталин сделал удобного человека своим первым заместителем в Совете министров. При стареющем Вожде это означало, что работой правительства фактически руководит Булганин.

Ни у кого не вызывал опасений и Никита Хрущев (р.1894), сначала считавшийся «человеком Кагановича», но со временем приобретший самостоятельный аппаратный вес. В 1949 году он был переведен из украинских руководителей на должность московского партсекретаря и стал членом «ближнего круга», непременным участником ночных застолий Вождя — это был признак наивысшего статуса. Веселый, жизнерадостный Никита Сергеевич, готовый и спеть, и сплясать для скучающего диктатора, вероятно, тоже казался Сталину человеком безопасным, хотя, в отличие от Булганина, был очень непрост.

Берия, Булганин, Маленков, Хрущев

В первые послевоенные годы место главного фаворита занимал Андрей Жданов, которого Сталин после убийства Кирова поставил руководить Ленинградом. Жданов был силен, во-первых, личным доверием Вождя, а во-вторых, своей «командой», в которую входили заместитель председателя Совета министров Николай Вознесенский, секретарь ЦК Алексей Кузнецов, ленинградский партийный руководитель Петр Попков, председатель Совета министров РСФСР Михаил Родионов. Всё это были люди довольно молодые, немногим за сорок.

Сам Жданов курировал идеологию и культуру — сферы, которыми Вождь в это время особенно интересовался, на чем, собственно, и зиждилось влияние фаворита. Жданов инициировал — по желанию Сталина либо предугадывая его желания — публичные кампании, за которыми диктатор увлеченно наблюдал и в которые вмешивался. Кроме уже поминавшейся «философской дискуссии», Жданов «навел порядок» в композиторском цехе, осудив «формализм» в творчестве Вано Мурадели, Сергея Прокофьева и Дмитрия Шостаковича. Затем последовала экзекуция литературы, которая неправильно воспитывала молодежь «в духе наплевизма и безыдейности». Главный тезис ждановских разносов транслировал сталинскую идею о том, что искусство должно быть понятно простым людям. Вообще вся советская идеология этого периода была проникнута возвращением к догмам самого реакционного самодержавия, только лозунг «православие — самодержавие — народность» трансформировался в триаду правоверного марксизма, поклонения Вождю и «близости к народу».

Этот поворот был частью общего курса на реставрацию Империи. Культурно-идеологическим сопровождением этого процесса и ведал Жданов, координируя все свои действия со Сталиным.

Достигнутое положение позволило Жданову сильно потеснить конкурентов. В 1946 году при его участии был отправлен в опалу главный полководец минувшей войны Георгий Жуков (Сталин относился с ревностью к популярности маршала в войсках). Затем Жданов переиграл и сместил из секретарей ЦК Маленкова и тогда же нанес чувствительный удар по Берии, сковырнув с поста министра госбезопасности В. Меркулова, давнего бериевского соратника.

Но в 1948 году ситуация наверху изменилась. Жданов скоропостижно скончался, и Маленков с Берией, ставшие союзниками, снова резко пошли вверх. Они без труда справились с осиротевшей ждановской «командой», сконструировав так называемое «Ленинградское дело» о некоей мифической «антипартийной группе». Несколько десятков функционеров с «ленинградским прошлым» были арестованы и отправлены в пыточный застенок. Вознесенского, Кузнецова, Попкова, Родионова и еще троих рангом пониже расстреляли.

Но в самом конце жизни Вождь стал опасливо относиться к чересчур оборотистым соратникам, даже если они были полезны. Над

головой незаменимого Берии начали сгущаться тучи.

В 1951–1952 гг. в Грузии развернулось большое следствие по коррупции среди партработников мингрельского происхождения. Оно быстро приобрело политический характер, разрабатывалась версия о некоем антисоветском заговоре. Как обычно, версия была совершенно абсурдной (коррупция, разумеется, наличествовала, заговор — нет), но для мингрела Берии наступили тревожные времена. Его карьера, а скорее всего и жизнь закончились бы, не умри Сталин. Из-за этого впоследствии возникнет предположение, что смерть диктатора не была естественной и что к ней каким-то образом приложил руку предприимчивый Лаврентий Павлович, но это маловероятно.

Нет, Сталин свел себя в могилу сам. Его погубила болезненная подозрительность по отношению к врачам. 1 марта 1953 года у диктатора случился инсульт. Если бы на даче в Кунцево дежурила медицинская бригада (что было бы естественно, учитывая возраст и слабое здоровье главы государства), вполне возможно, что Вождя спасли бы. Но врачей в резиденции не оказалось. Запуганная охрана долго боялась войти в комнату без разрешения. Великий Вождь великой державы несколько часов пролежал на полу без медицинской помощи, время было упущено, и на четвертый день Сталин, не приходя в сознание, умер.

Его дочь Светлана, находившаяся рядом, так описывает конец диктатора, вместе с которым закончилась целая эпоха: «Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент — не знаю, так ли на самом деле, но так казалось — очевидно, в последнюю уже минуту он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью или перед незнакомыми лицами врачей. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть, — тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то наверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно, к кому или к чему он относился… В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела».

Воспитанную в любви к земному богу страну охватила горестная паника — народ слишком долго заставляли верить, что государство живет исключительно мудростью Сталина. На самом верху однако все вздохнули с облегчением, совсем как бояре после смерти Ивана Грозного. Теперь наступило их время. Жестокий тиран сгинул.

ГЕОПОЛИТИКА

После завершения войны в мире образовался новый геополитический порядок и происходили события, которые будут иметь важные исторические последствия.

— Сложилось новое, биполярное устройство мира.

— Возникло надгосударственное промосковское объединение — «социалистический лагерь».

— Соперничество сверхдержав привело к началу «холодной войны».

Новое, биполярное устройство мира

После Первой мировой войны была создана так называемая Версальская система международных отношений; после Второй мировой — Потсдамская, разработанная на конференции в Потсдаме сразу после победы над Германией. Главная цель архитекторов нового порядка была та же: уберечь планету от будущих глобальных войн, а еще лучше — от всяких войн. Для предотвращения вооруженных конфликтов и решения важных межгосударственных проблем предполагалось создать высшую ассамблею — Организацию Объединенных Наций, которая учтет неудачный опыт предыдущего подобного начинания, Лиги Наций. Идея вновь была американская. В тот раз ее выдвинул президент Вудро Вильсон, теперь — президент Франклин Рузвельт.

Проект обсуждался и был в общих чертах согласован еще на Ялтинской конференции в феврале 1945 года, а в Потсдаме получил окончательное оформление. При том что представительство в международном органе получали все страны земного шара, фактическое управление делегировалось Совету Безопасности, в котором статус постоянных членов получили только самые главные государства. Первоначально это были США, СССР, Великобритания и Китай. Позднее к ним присоединилась Франция, а Китай превратился в члена номинального, поскольку гоминьдановское правительство сохранило контроль только над Тайванем. В октябре 1945 года ООН приступила к работе, и очень скоро стало ясно, что практической

пользы от этого лебедя, рака и щуки будет ненамного больше, чем от Лиги Наций.

Гораздо большее значение имели не идеалистические, а политические договоренности, достигнутые в Потсдаме. Как обычно бывало в истории, победители делили между собой территории и сферы влияния. Некоторые из предыдущих соглашений были пересмотрены, другие уточнены.

У СССР в этой торговле имелись сильные козыри. Ценой огромных жертв Красная Армия продвинулась на запад дальше, чем предполагалось в Ялте — взяла не только Берлин, но и Прагу с Веной. Позиции Кремля усиливал и «левый поворот», почти повсеместно наблюдавшийся в Европе. Советский Союз стал очень популярен благодаря героической борьбе с фашизмом, заслужили уважение избирателей «красные» и «розовые» партии, коммунисты и социалисты, активно участвовавшие в сопротивлении. Кроме того, во многих странах из-за экономических тягот обострились социальные противоречия. В Англии консерваторы уступили большинство в парламенте лейбористам; во Франции и в Италии всерьез обсуждали — одни с ужасом, другие с надеждой — переход к социализму.

Но имелись сильные козыри и у американцев. Во-первых, экономическое лидерство и огромные финансовые возможности; во-вторых, новое мощное оружие — атомная бомба (первое испытание было проведено за день до начала Потсдамской конференции); в-третьих, близкая перспектива победы над Японией собственными силами — в отличие от Ялты, США уже не проявляли заинтересованности в советской военной помощи.

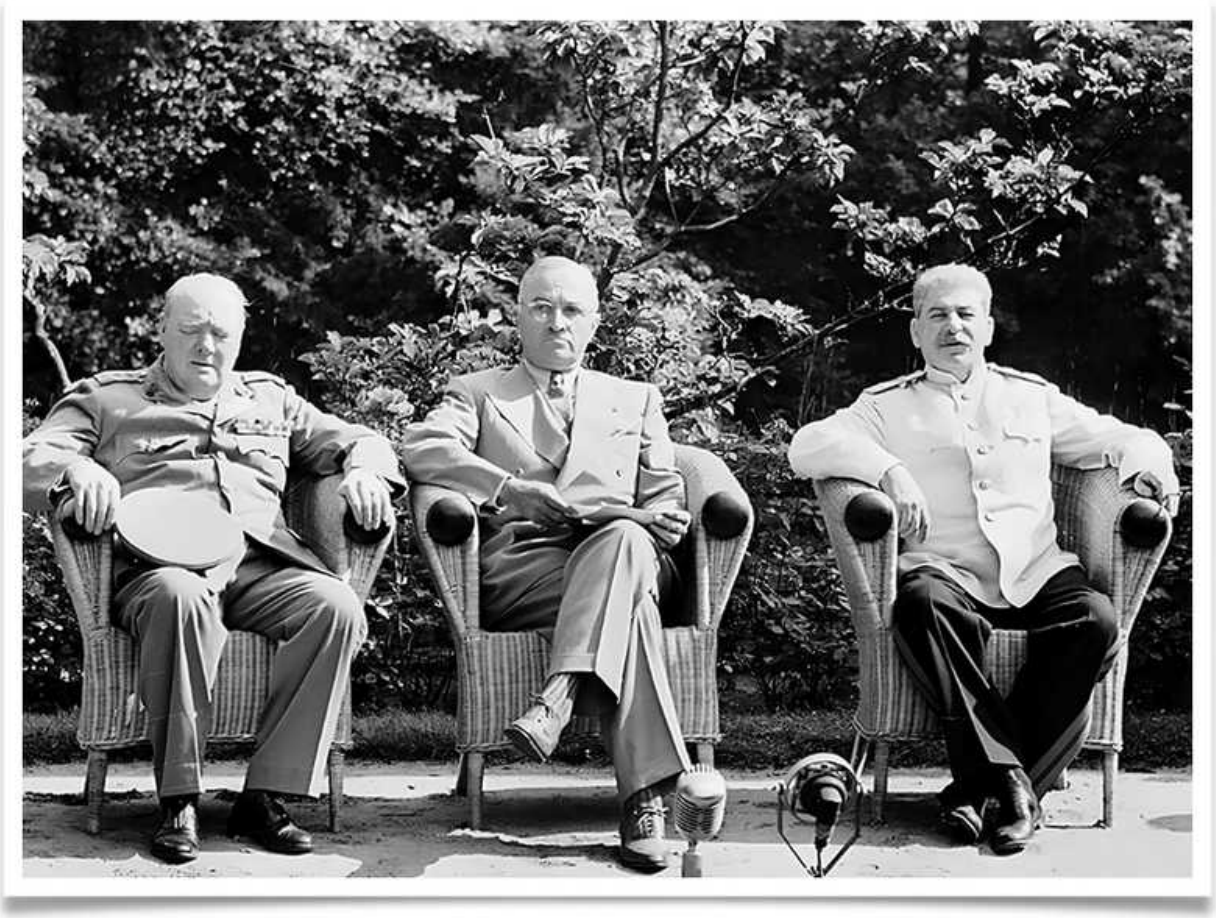
Переговоры были трудными и жесткими.

В очень упрощенном виде их результат можно описать так: Восточную Европу отдали Сталину в обмен на Западную Европу, то есть на отказ от вмешательства во внутреннюю политику западноевропейских стран.

Очень много времени было потрачено на обсуждение «германской проблемы», но она осталась подвешенной, и, как мы увидим, через некоторое время это приведет к острому конфликту.

Великобритания, которую вместо авторитетного Черчилля на итоговых заседаниях представлял мало кому известный лейборист Эттли, оказалась в положении аутсайдера. Бывшая великая империя

очень ослабела за время войны, находилась на грани банкротства и вот-вот должна была потерять главное свое колониальное владение — Индию. Франция вообще выпала из клуба великих держав. Таким образом, противоборствовали два основных игрока — Сталин и президент Трумэн.



Потсдамская конференция

Двухполюсная структура геополитики с центрами в Вашингтоне и Москве отныне становится постоянной. Любое решение, определяющее судьбы планеты или какого-то стратегически важного региона, впредь будет приниматься по согласованию двух сверхдержав. Если компромисса достигнуть не удастся, будут возникать кризисные ситуации, иногда кровопролитные.

В первые послевоенные годы компромисс обычно находился. Ни США, ни СССР не были заинтересованы в обострении. Все слишком устали от войны. К тому же у Трумэна уже была атомная бомба, а у

Сталина еще нет. И Советский Союз всячески демонстрировал миролюбие, используя для этого ООНовскую трибуну, «агентов влияния» из числа левой интеллигенции и все иные возможности.

Французским, итальянским и греческим коммунистам Москва предписывала воздерживаться от активных антиправительственных действий. Французы с итальянцами послушались, греки — нет. В 1946 году в Греции началась гражданская война, но СССР не оказал коммунистической стороне сколько-нибудь серьезной помощи.

Тогда же, в 1946 году, Советский Союз уклонился от конфронтации с британцами и американцами в Иране — вывел войска, находившиеся в этой стране пять последних лет.

Но постепенно напряжение между Москвой и Вашингтоном нарастало. Иначе быть и не могло: интересы сверхдержав постоянно сталкивались.

Каждая активно боролась за расширение своего влияния и сполна использовала средства, имевшиеся в ее распоряжении.

В 1946 году американский дипломат Джордж Кеннан представил в Государственный департамент аналитическую записку, в которой утверждалось, что мирное сосуществование с советским режимом невозможно, ибо он настроен на экспансию и будет укреплять свои позиции повсюду, где не встретит сопротивления. Западу следует создать систему противодействия этому натиску, опираясь на экономические возможности и атомный арсенал США, а также на колониальную инфраструктуру Британской империи.

На основании этой стратегии был выработан курс, который получил название «доктрины Трумэна». Он ставил целью «поддержку свободных народов, сопротивляющихся попыткам порабощения со стороны вооруженных меньшинств или внешнего давления». Речь шла о борьбе с коммунистической угрозой — прежде всего в Европе, где страны одна за другой становились советскими сателлитами. В Греции шла гражданская война, взрывоопасная ситуация складывалась в Турции. Вашингтон оказал правительствам обеих этих стран экстренную помощь, в том числе военную, но главным инструментом американской политики в Европе стали деньги.

«План Маршалла» (названный именем госсекретаря Джорджа Маршалла) предлагал странам, которые примут условия этого проекта, щедрую финансовую помощь для восстановления экономики, на 90 %

безвозвратную. На эти цели США намеревалось потратить 13,3 миллиарда долларов (примерно четверть триллиона в современном эквиваленте). На помощь могли рассчитывать все страны, пострадавшие от войны, в том числе и Советский Союз, но было очевидно, что экономика страны, принимающей американские субсидии, неминуемо попадет в зависимость от США. Для Москвы это было неприемлемо. Советское правительство отказалось от участия в плане и запретило странам Восточной Европы соглашаться на эту опасную поддержку.

В результате континент разделился надвое. 18 государств, присоединившихся к программе (фактически вся Западная Европа), не только получили серьезный толчок к развитию, но и резко «поправели» в политическом смысле. С засильем коммунистов в этих странах было покончено. Кроме того, капиталистическая экономика сделала важный шаг к формированию единого рынка.

«План Маршалла» стал первым в истории масштабным — и успешным — экспериментом по политическому использованию «мягкой силы», соединяющей экономическое стимулирование с политической пропагандой.

Однако и советское правительство не сидело сложа руки. Оно не имело возможности помогать своим союзникам финансами. В ответ на «план Маршалла» был разработан симметричный «план Молотова», но он так и остался декларацией, поскольку средств на оказание сколько-нибудь существенной помощи другим странам у Советского Союза не имелось.

Но Москва обладала иными возможностями и владела иными технологиями.

Возникновение «социалистического лагеря»

На «мягкую силу» СССР не полагался, да в этом и не было нужды. Почти во всех восточноевропейских странах были размещены советские военные базы и имелись представительства МГБ. С некоторыми модификациями был воспроизведен сценарий «добровольного присоединения» стран Прибалтики в 1940 году. Подавалось это как народное волеизъявление, но на самом деле в

каждой из стран была проведена тщательно разработанная операция с участием местных коммунистов и «агентов влияния».

Быстрее и проще всего Москва установила контроль над **Болгарией**. Формально страна продолжала оставаться монархией, но царь Симеон был ребенком и не мешал просоветскому Отечественному Фронту править. Во вторую годовщину антифашистского переворота, в сентябре 1946 года, провели референдум, и девяносто с лишним процентов болгар (на самом деле неизвестно сколько — процедура была чистой проформой) проголосовали за республику. Возглавил ее Георгий Димитров, последний руководитель Коминтерна, а также завотделом ЦК ВКП(б) и депутат Верховного Совета СССР — то есть советский функционер.

Мандат на управление **Польшей** Сталин выторговал себе еще на Ялтинской конференции. Условие «коалиционного правительства», поставленное Черчиллем, формально было соблюдено — в состав кабинета включили несколько лондонских эмигрантов. Но все ключевые портфели, а главное контроль над страной находились в руках московских представителей. Примерно полтора года ушло на подавление антикоммунистического сопротивления и замену всей административной инфраструктуры. Как и в Болгарии, для демонстрации всенародной поддержки устроили декоративный референдум о государственном строе.

Собственно коммунистической партии как таковой в Польше не существовало — были Польская рабочая партия и Польская социалистическая партия, но названия значения не имели. Обе партии следовали указаниям Москвы. В январе 1947 года они набрали на контролируемых выборах 80 % голосов (по официальным данным) и опять создали вроде бы коалицию. Однако в следующем 1948 году отношения между Востоком и Западом так ухудшились, что необходимость изображать многопартийность отпала. Обе структуры слились в Польскую объединенную рабочую партию во главе с верным сталинцем Болеславом Берутом.

В **Румынии** положение осложнялось тем, что молодой король Михай I был популярен в народе. В 1944 году он выступил инициатором антифашистского переворота, а затем стал союзником СССР и даже получил высшую советскую награду — Орден Победы. У Михая была репутация чрезвычайно «прогрессивного» монарха и

прозвище «короля-комсомольца». Некоторое время странное социалистическое королевство как-то существовало и с монархом, и с коммунистическим правительством. Просоветским силам приходилось считаться с тем, что большинство населения крестьянской страны поддерживает Михая. На выборах в ноябре 1946 года Крестьянская национальная партия набрала больше голосов, чем коммунистический блок, так что пришлось прибегнуть к фальсификациям. Вскоре КНП была запрещена и распущена.

В декабре 1947 года игры в монархию закончились. Премьер-министр Петру Гроза, выполняя инструкцию из Москвы, просто вызвал к себе короля, заставил его подписать акт отречения и покинуть страну.

В **Чехословакии**, которая в довоенное время принадлежала к числу самых развитых европейских стран, существовала похожая ситуация, только популярным лидером являлся не король, а президент Эдвард Бенеш.

Впервые он возглавил государство в 1935 году, во время оккупации руководил эмигрантским правительством в Лондоне, а в мае 1945 года вернулся на родину и был с энтузиазмом встречен народом. Бенеш снова стал президентом. Он пытался сотрудничать с Москвой, всячески избегал конфликтов, раз за разом шел на компромиссы. До поры до времени это удавалось, поскольку коммунисты не имели достаточной поддержки ни в Чехии, ни в Словакии. Перелом произошел в феврале 1948 года, когда коммунисты устроили в стране беспорядки и под угрозой советского вторжения заставили президента передать им всю полноту власти. Единственный не просоветский член нового кабинета министр иностранных дел Ян Масарик две недели спустя при невыясненных обстоятельствах выпал из окна.

После того как президент Бенеш отказался подписать новую конституцию, написанную коммунистами, ему пришлось уйти в отставку. Страну возглавил Клемент Готвальд, бывший секретарь Коминтерна. Таким образом Чехословакия стала полностью подконтрольна Москве только в 1948 году.

Не сразу была колонизирована и **Венгрия**. Коммунисты не имели в этой стране сильных позиций, первое время их власть держалась только на советских штыках. Первые послевоенные выборы в ноябре 1945 года, несмотря на все манипуляции, дали блоку коммунистов и социалистов всего треть голосов, но оккупационная администрация (ее

возглавлял маршал Ворошилов) настояла на том, чтобы главные министерские посты в коалиционном правительстве достались коммунистам.

Понадобилось время, чтобы подавить оппозицию и повысить электоральные шансы коммунистов. Ситуация в стране пока была не такая, чтобы заниматься прямыми фальсификациями. Коммунистам пришлось объединиться с разного рода лоялистами в Народный Фронт, да еще изменить избирательный закон, чтобы лишить права голоса «коллаборационистов» (почти десятую часть населения). В феврале 1947 года премьер-министра Ференца Надя угрозами вынудили не возвращаться на родину из зарубежной поездки. Но и после этого, на августовских выборах 1947 года, компартия смогла собрать только 22 % голосов. Она сформировала правительство в союзе с «попутчиками», лишила мандатов главную оппозиционную партию, затем объединилась с социал-демократами в Венгерскую партию трудящихся, и лишь после этого наконец почувствовала себя достаточно сильной, чтобы перестать изображать демократию. Этому способствовало и резкое похолодание международного политического климата. В 1949 году в Венгрии конституционно установилась однопартийная система — совсем как у «старшего брата», Советского Союза.

Новые соцстраны можно было бы назвать советскими доминионами или протекторатами. Они не только выполняли распоряжения, поступавшие из метрополии, но и старательно имитировали ее устройство — с локальным Вождем (назначаемым Москвой), руководящей ролью Партии, репрессиями и шпиономанией. Проводилась коллективизация, национализировались предприятия, рыночную экономику заменяла плановая. В январе 1949 года в Москве был провозглашен экономический союз соцстран, Совет Экономической Взаимопомощи, членами которого стали СССР, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Болгария. Эта организация стала еще одним инструментом контроля над «протекторатами» — экономическим, и намного более жестким, чем «мягкий» американский «план Маршалла».

В пяти вышеперечисленных странах-сателлитах был использован один и тот же модус операнди: сначала создавалась некая гибридная, квазидемократическая модель государственного устройства при

обязательном контроле коммунистов (читай — Москвы); затем следовал переход к прямой диктатуре. Лидер венгерских коммунистов Матьяш Ракоши называл этот ползучий захват власти «тактикой салями»: колбасу ведь не сразу запихивают в рот, а отрезают от нее по ломтику.

Контроль над «протекторатами» поддерживался по той же методе, что применялась в метрополии: через запугивание. В «братских странах» периодически инициировались аппаратные чистки, перетряхивавшие всю местную номенклатуру. В конце 1948 года Сталин распорядился снять, а затем и арестовать польского «наместника» генсекретаря Владислава Гомулку, что сопровождалось массовыми «посадками». В мае 1949 года был схвачен венгерский министр иностранных дел Ласло Райк. Его казнили, а заодно изобрели целый разветвленный заговор, многочисленные «участники» которого подверглись репрессиям. В Болгарии «врагом народа» оказался вице-премьер Трайчо Костов. В Чехословакии — глава компартии Рудольф Сланский (и с ним еще десяток высших руководителей).

Однако в **Югославии** сложилась ситуация, в которой подобные технологии были неприменимы.

Югославская коммунистическая партия, которую возглавлял сильный лидер Иосип Броз Тито, не была марионеточной и не управлялась из Москвы. Югославские коммунисты создали собственную армию, она вела борьбу с оккупантами и местными фашистами на протяжении всей войны и освободила страну, хоть и с помощью советских солдат, но более или менее самостоятельно. Самое существенное, что в Югославии не было советских гарнизонов.

В конце 1945 года после референдума (настоящего) бывшее королевство Югославия превратилось в федеративную республику. Она отнюдь не являлась демократией. По форме правления это была коммунистическая диктатура, безжалостно расправлявшаяся с оппозицией и пестовавшая культ собственного вождя.

Правительство Тито было настроено на сотрудничество с Москвой, рассматривало ее как старшего партнера — но не как инстанцию, чьи приказы подлежат безоговорочному выполнению. Сталин же исходил из ялтинских договоренностей, согласно которым самое большое балканское государство входило в его «зону» — он ведь

договорился с равными по статусу державами «обменять» Югославию на Грецию.

Из-за того, что Белград и Москва по-разному понимали характер двухсторонних отношений, и произошел конфликт. Тито противился сталинскому диктату, доходившему до мелочей, и большой Вождь, как это с ним случалось в пожилом возрасте, «обиделся» на вождя поменьше, а вместе с ним и на всю Югославию.

Раздор возник в начале 1947 года по относительно мелкому поводу (Сталин вмешался в югославско-албанские отношения) и потом разрастался, как снежный ком. Белград осмелился спорить, отстаивать свою позицию, и с точки зрения Сталина это являлось бунтом.

Ничем, кроме личного раздражения генералиссимуса, нельзя объяснить истеричную «югославофобию», охватившую советскую прессу. Вчерашняя братская страна вдруг стала врагом номер один, ее правительство — «фашистской кликой», а кавалер Ордена Победы маршал Тито — «главарем белградской шайки».

Советская карикатура на И. Тито

Дипломатические связи были разорваны. В странах советского блока начались репрессии против «югославских» агентов (по большей части вымышленных), в Югославии — репрессии против «агентов Москвы» (по большей части настоящих). Дело чуть не дошло до вооруженного конфликта — на границах Югославии с Венгрией, Болгарией и Румынией концентрировались войска. Если бы не смерть Сталина, произошло бы вторжение.

Совершенно неадекватное ожесточение Сталина против Югославии нанесло существенный ущерб имперским амбициям Москвы на юге Европы и позволило Белграду сохранить политическую независимость. Из-за Югославии социалистический лагерь, еще полностью не сформировавшись, уже перестал быть единым.

Относительную независимость от СССР имела и маленькая **Албания**, в которой, как и в соседней Югославии, коммунисты во время войны возглавляли антифашистское сопротивление и потому обладали реальной властью (а не получили ее благодаря советской поддержке). Лидер албанских коммунистов Энвер Ходжа являлся убежденным сторонником Сталина и во всем следовал его указаниям, но это было добровольное, а не принудительное сотрудничество, которое впоследствии, в постсталинские времена, будет прервано. В конце сороковых и начале пятидесятых годов Албания была сателлитом, но не протекторатом Москвы.

«Югославский вопрос», несмотря на всю свою воспаленность, имел региональное значение — в отличие от ситуации, сложившейся вокруг **Германии**, где столкнулись интересы сверхдержав.

Судьба бывшего Третьего Рейха была решена союзниками еще в Ялте и окончательно согласована в Потсдаме.

После долгих и трудных переговоров Германию поделили на четыре зоны оккупации: советскую, американскую, британскую и французскую, причем Москве достался самый большой кусок, поскольку в обмен на часть Берлина она получила Тюрингию и Саксонию.

В Потсдаме решили провести тотальную денацификацию и демилитаризацию Германии. Советский Союз, Польша и Чехословакия

забрали себе большие куски германской территории, откуда было выселено всё немецкое население.

Политическое будущее германского государства осталось открытым вопросом. Каждая сторона шла тут своим путем. Советские власти поначалу осуществляли прямое оккупационное управление через специальный орган — СВАГ, Советскую военную администрацию в Германии. Местные кадры поставляла Социалистическая единая партия Германии, созданная из уцелевших социал-демократов и вернувшихся на родину коммунистов-эмигрантов. На первых порах это была весьма немногочисленная организация. Впрочем, СВАГ пока и не собиралась предоставлять немцам самоуправление. Германия рассматривалась прежде всего как источник поступления трофеев.

И в советской, и в «западных» зонах попыток возродить единое германское государство не предпринималось — прежде всего потому что шансы договориться об общем решении становились всё менее реальными: противоречия внутри бывшей антигитлеровской коалиции постепенно обострялись. Немцы имели собственные органы власти только на региональном уровне — земельном и муниципальном.

Положение изменилось, когда «западная» сторона решила объединить контролируемые ею территории в единое экономическое пространство. Сначала американцы и англичане создали из своих секторов «Бизонию» (не от слова «бизон», а от слова «бизональный»); затем, в июне 1948 года, с присоединением французской части, возникла «Тризония», которая должна была созвать парламентское совещание для выработки конституции. Одновременно в западной Германии провели денежную реформу, не согласованную с Советским Союзом.

В Москве восприняли эти шаги как политико-экономическую диверсию и закрыли границы с Тризонией. Западный Берлин оказался в полной изоляции, остался безо всякого снабжения — фактически попал в заложники. Стало ясно, что потсдамский размен Саксонии и Тюрингии на часть столицы был плохим решением. Всего через три года после победы над фашизмом в Европе вновь возник большой международный кризис, чреватый войной.

Это и была война, только не традиционная, с применением оружия, а война нового типа — «холодная».

Начало «Холодной войны»

В то самое время, когда в Вашингтоне изучали докладную записку Кеннана о «политике сдерживания» СССР, ту же самую идею публично, на весь мир, озвучил Уинстон Черчилль. Он находился в отставке, то есть был частным лицом и мог позволить себе говорить без дипломатических околичностей. 5 марта 1946 года, гостя в США, бывший британский премьер произнес в Фултоне речь, где впервые назвал границу между советской и западной сферами в Европе «железным занавесом» и сказал об опасности «тоталитарного контроля», который стремятся повсеместно установить просоветские компартии. Единственным способом остановить этот процесс является консолидация военной мощи американо-английского альянса. «Из того, что я видел во время войны в наших русских друзьях и соратниках, я заключаю, что ничем они не восхищаются больше, чем силой, и ничего они не уважают меньше, чем слабость, особенно военную слабость», — повторил Черчилль выводы Кеннана. В Москве выступление недавнего союзника восприняли как декларацию нового, враждебного курса Запада (чем речь Черчилля, собственно, и являлась).

В 1947 году, когда этот курс принял форму американской экономической экспансии через «План Маршалла», а СССР в ответ ускорил процесс советизации восточноевропейских стран, отношения всё время ухудшались — в первую очередь из-за разногласий по германскому вопросу. В начале 1948 года в Лондоне состоялась встреча шести государств (США, Британии, Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга), где будущее западных зон Германии обсуждалось без участия Советского Союза. После этого СССР стал игнорировать заседания Союзнического Контрольного Совета, управлявшего Германией, и разразился Берлинский кризис.

Два с половиной миллиона западноберлинцев остались без продовольствия и топлива, полностью отрезанные от поставок по железным и автомобильным дорогам. Советская администрация выразила готовность выдавать продуктовые карточки горожанам, которые зарегистрируются в восточном секторе. В этом и заключался смысл блокады: кто не слушается, тот не ест. Однако этот план провалился. Предложением воспользовались всего 4 процента жителей,

потому что союзники создали небывалый по масштабам воздушный мост. В блокированный Берлин каждый день, в течение 11 месяцев, доставляли самолетами всё необходимое, в общей сложности переправив почти два с половиной миллиона тонн грузов (то есть по тонне на каждого западноберлинца).

Берлинцы встречают самолет с продовольствием

В качестве ответной санкции было наложено эмбарго на весь экспорт с советской стороны «железного занавеса». Экономический ущерб от этой меры в сочетании с эффективностью воздушного моста вынудили Сталина дать задний ход. В мае 1949 года блокада прекратилась.

Отношения были обострены до предела. У СССР в восточной Европе было расквартировано полтора миллиона солдат, у американцев — менее ста тысяч, но «холодная» война не превратилась в «горячую», потому что сработал фактор ядерного оружия: у США оно имелось, а у Советского Союза пока нет.

Однако вскоре баланс выровнялся. В августе того же года в СССР прошли испытания РДС 1, собственной атомной бомбы. Она была создана советскими учеными с использованием данных, полученных от разведки, и почти в точности копировала американскую. Предыдущей осенью был опробован и запуск первой баллистической ракеты Р-1, так что в распоряжении советской армии теперь имелись и ядерные заряды, и носители. Кроме того, Советский Союз вновь стал быстрыми темпами увеличивать размер своей армии, которая за четыре года (1949–1953) вырастет с 2,9 млн до 5,8 млн солдат и станет крупнейшей в мире.

Эти факторы совершенно изменили международную ситуацию. 1949 год во многих отношениях стал переломным.

Западный альянс приобрел юридическую форму — возникла Организация Северо-Атлантического Договора (НАТО), система коллективной безопасности на случай войны с Советским Союзом (других потенциальных противников не было). Кроме США и Британии в этот военный блок вошли Франция, Канада, Италия, Испания, Норвегия, Португалия, страны Бенилюкс и Исландия.

В Германии возникли два отдельных государства: Тризония превратилась в Федеративную Республику Германию, восточная Германская Демократическая Республика стала членом социалистического лагеря. Это размежевание заморозило германский конфликт, перевело его из острой фазы в хроническую. Однако тут же возник новый кризис, еще более опасный — на другом конце земного шара.

Затяжная гражданская война в Китае между коммунистами и гоминьдановцами (первым помогал Советский Союз, вторым — Соединенные Штаты) подходила к концу. Разбитая армия Чан Кайши готовилась к эвакуации на остров Тайвань, когда вождь победившей стороны Мао Цзэдун объявил, что красный Китай «присоединяется к антиимпериалистическому лагерю, возглавляемому Советским Союзом» и что советская коммунистическая партия является «нашим лучшим учителем». Это было колоссальной геополитической победой Москвы — во всяком случае, так воспринимался триумф китайских коммунистов в тот момент.

СССР был первым государством, признавшим новопровозглашенную Китайскую Народную Республику. США будут

еще много лет считать «настоящим Китаем» эмигрантское правительство маленького Тайваня.

В конце года состоялся визит Мао в Москву, где китайский лидер получил от довольного Сталина множество ценных подарков: кредит под мизерные проценты, КВЖД, возврат портов, полученных после победы над Японией.

«Великая дружба». Плакат 1950 г.

Но в «Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи» содержался пункт, чреватый серьезными последствиями. Статья 1, посвященная

японской военной угрозе, обязывала стороны оказывать друг другу «военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами», при этом было понятно, что демилитаризованная и оккупированная американцами Япония никакой опасности не представляет, в отличие от «союзных с ней государств», тоже упомянутых в статье.

Столкновение — уже не «холодное», а «горячее» — произошло в Корее.

Эта бывшая японская колония после 1945 года, подобно Германии, была разделена на две зоны оккупации: северную советскую и южную американскую. Коммунистический лидер Ким Ир Сен, в прошлом капитан Красной Армии, назначенный главой северокорейского правительства по распоряжению из Москвы, вынашивал планы объединения страны путем военного вторжения, за которым, по его убеждению, последует восстание южнокорейских трудящихся. Он просил поддержки у Сталина. Тот долго отказывал, понимая, что эта авантюра вызовет международный кризис, но в конце концов оставил вопрос «на усмотрение китайских товарищей», тем самым подчеркивая, какое большое значение придает отношениям с КНР.

Согласие «китайских товарищей» Ким Ир Сен получил и в июне 1950 года перешел границу. Без особенного труда его армия захватила почти весь полуостров кроме юго-восточного сектора. Здесь наступление застопорилось, поскольку США, заручившись мандатом ООН, вмешались в военные действия и перекинули из Японии свои войска. К американцам под флагом ООН присоединились контингенты 15 стран.

Никакого восстания трудящихся не произошло, и союзная армия погнала северокорейские дивизии в обратном направлении. Теперь уже антикоммунистические войска заняли почти весь полуостров, в том числе и северную столицу Пхеньян.

Оказавшись перед угрозой потерять «младшего брата», китайское руководство приняло решение ввести в зону конфликта свои вооруженные силы (считалось, что это исключительно добровольцы). После этого, согласно договору о взаимопомощи с КНР, Советскому Союзу пришлось тоже принять участие в войне, которая началась вопреки желанию Москвы и велась, собственно говоря, в интересах Пекина. В общей сложности СССР отправил в Корею 30 тысяч

военнослужащих — главным образом части ПВО и авиацию. Кроме того, Советский Союз снабжал Ким Ир Сена оружием и боевой техникой.

Линия фронта опять двинулась к югу. В начале 1951 года китайская армия взяла Сеул. Американцы прислали подкрепления, заставили китайцев отступить. С каждой стороны воевало примерно по миллиону человек, шли жестокие бои, но война перешла в позиционную стадию. Конца ей было не видно. Ситуация стала патовой и оставалась таковой пока жил Сталин, никак не желавший признавать поражение.

Смерть правителя советской сверхдержавы развяжет не только этот узел, но и многие другие, однако вместо них завяжутся новые. Соперничество двух сверхдержав останется, «холодная война» будет длиться десятилетиями, угрожая цивилизации ядерным апокалипсисом.

И всё же 5 марта 1953 года закончилась целая эпоха — не только для Советского Союза, но и для всего мира. Это очень хорошо сознавали современники. В спешно написанной и изданной в апреле 1953 года брошюре британского историка Исаака Дойчера (автора знаменитой фразы о том, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомными реакторами) говорилось: «Когда Сталин умер, весь мир вольно или невольно отдал дань покойному и легенде, витавшей над его гробом. В глазах последователей он был величественней, чем Моисей для библейских евреев, ибо вывел свой народ в Землю Обетованную. Большинство врагов, считавших его исчадием ада, тоже почтили Сталина, признав его смерть монументальным историческим событием, которое повлечет за собой бесчисленные последствия. О многих ли государственных деятелях говорят такое с уверенностью в день их кончины?».

Об истинно выдающихся — никогда, потому что они не оставляют после себя «бесчисленных последствий».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После февральской революции у России было два пути: либо перестать быть империей и разделиться на несколько государств, каждое из которых потом двинется своей дорогой — либо снова стать империей, но более крепкой, чем романовская. Сначала казалось, что произойдет первое. Этот процесс, собственно, уже и начался: «единая-неделимая» перестала быть единой и начала делиться. Однако большевистская партия с ее ставкой на диктатуру и монолитность остановила центробежные процессы, сохранив основную территорию бывшей державы, а затем к власти пришел лидер, который последовательно и не считаясь с жертвами реставрировал все опоры изначальной «ордынской» структуры в беспрецедентной жесткости.

Земного рая, который сулил пролетариату марксизм, не получилось, да и не могло получиться, ибо «ордынская» модель существует не для того, чтобы подданные благоденствовали, а для того, чтобы укреплялось и росло государство. В середине XX века страна жила так же бедно и трудно, как в начале столетия, а по многим параметрам значительно хуже: несвободнее и страшнее.

Провалился и ленинский проект самоопределения равноправных наций. Была воссоздана имперская система с коренным этносом-гегемоном, всемогущей метрополией и бесправными инородческими колониями. Страна опять стала «тюрьмой народов». Это не решило национальную проблему полиэтнического государства, а отложило неминуемый кризис до времен, когда «ордынские опоры» опять расшатаются.

Но в сталинскую эпоху сверхцентрализованное, гипермобилизационное государство продемонстрировало и свои сильные стороны. Оно сумело в короткие сроки подготовиться к тяжелейшей войне и одержать в ней победу; провело индустриализацию и технологическую революцию, которые сделали отсталую в прошлом страну второй экономикой мира после США. Конечно, разрыв между экономикой № 1 и экономикой № 2 был очень велик (советская отставала от американской примерно в пять раз), но в военном отношении образовался паритет и Советский Союз даже стал вырываться вперед — продвинулся дальше в разработке нового

разрушительного оружия, водородной бомбы. Эта особенность конкуренции двух сверхдержав — экономическая несоразмерность при военном равенстве — определит характер соперничества, которое примет вид гонки вооружений.

К середине пятидесятых годов мир представлял собой геополитическую конструкцию с двумя центрами притяжения. Экономически и технологически Америка была сильнее, поэтому Советскому Союзу отводилась роль «второй сверхдержавы». «Второй» сталинская держава была и в историческом смысле. Один раз Россия уже оказывалась в схожей ситуации. После победы над Наполеоном и взятия Парижа российская империя соперничала с тогдашним лидером, британской империей, за мировое первенство и тоже достигла гегемонии в Европе. Том моей «Истории», описывающий эпоху Александра Благословенного и Николая Незабвенного, так и назывался: «Первая сверхдержава» — «первая», потому что в XX веке появится «вторая».

Теперь история повторялась с другим оппонентом. Каждая из сторон стремилась расширить число своих сторонников, и в этом отношении Советский Союз пока действовал успешнее. Он превратил в зону своего влияния половину Европы — никогда власть российской империи не распространялась так далеко на Запад. Еще монументальнее была экспансия в восточном направлении (так, во всяком случае, ситуация выглядела в год смерти Сталина). Альянс с Китаем означал, что теперь четверть населения планеты живет по законам социализма, а распад старых колониальных империй, начавшийся в 1947 году с освобождения индийского субконтинента, сулил социалистическому лагерю множество новых союзников в Азии и Африке.

Геополитическая борьба между США и СССР за зоны влияния, конкуренция экономик и гонка вооружений станут главным сюжетным стержнем истории пятидесятых, шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годов двадцатого века, а затем, после распада советской «сверхдержавы», приведут Россию в двадцатые годы нового столетия к попытке реставрации былого величия. История, разворачивающаяся на наших глазах, является логическим продолжением событий вековой давности — ветвью дерева, растущего из 1917 года.

ХРОНОЛОГИЯ

1917

8 марта — В России начинается демократическая революция.

15 марта — Сформировано Временное правительство. Николай II отрекся от престола.

6 апреля — США объявили войну Германии.

16 апреля — Ленин возвращается в Россию.

1 мая — Кризис из-за «ноты Милюкова».

14 июля — Начало летнего наступления на фронте.

16 июля — Начало Июльских беспорядков в Петрограде.

20 июля — Временное правительство возглавил Александр Керенский.

9 сентября — Начало Корниловского мятежа.

25 октября — Создан Военно-революционный комитет при Петроградском совете.

7 ноября — Большевистский переворот.

8 ноября — II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов сформировал Совет Народных Комиссаров.

25 ноября — Начинаются выборы в Учредительное собрание.

6 декабря — Провозглашена независимость Финляндии.

20 декабря — Создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия.

27 декабря — Национализированы ба-нки.

1918

7 января — Создание белой Добровольческой армии.

19 января — В Петрограде разогнано Учредительное собрание.

22 января — Украинская Народная Республика провозглашает независимость.

23 января — Вышел декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

28 января — Выходит декрет об организации Рабоче-крестьянской Красной армии.

9 февраля — Германия заключает мир с Украинской Народной Республикой.

12 февраля — Турецкая армия приступает к оккупации Закавказья.

14 февраля — В России вводится григорианский календарь.

22 февраля — Начало наступления Добровольческой армии на Кубани.

3 марта — Заключение Брест-Литовского мира.

11 марта — Советское правительство перемещается из Петрограда в Москву.

5 апреля — Во Владивостоке высаживаются японские войска.

13 апреля — Гибель генерала Корнилова.

29 апреля — В Киеве к власти приходит гетман П. Скоропадский.

13 мая — Декрет о «продовольственной диктатуре». Начало военного коммунизма.

17 мая — Восстание Чехословацкого корпуса.

Июнь — Эпидемия «испанки» приобретает характер всемирной пандемии, которая продлится почти полтора года, унеся больше жизней, чем Первая мировая война.

8 июня — В Новороссийске затоплен российский Черноморский флот.

8 июня — В Самаре создан Комуч (Комитет членов Учредительного собрания).

6 июля — В Москве убит германский посол и начинается левоэсеровский путч.

Одновременно начинается офицерское восстание в Ярославле.

10 июля — Мятеж командующего советским Восточным фронтом М. Муравьева.

17 июля — Убийство царской семьи.

2 августа — Высадка в Архангельске англо-американских войск.

7 августа — Армия Комуча берет Казань и захватывает Золотой запас.

8 августа — На Западном фронте союзники начинают большое наступление, которое приведет к военному поражению Германии.

30 августа — Покушения на Ленина и Урицкого.

5 сентября — начало «Красного террора».

23 сентября — Вместо Комуча возникает новое белое правительство — Директория.

3 ноября — Власть Директории распространяется на Сибирь.

3 ноября — Австро-Венгрия выходит из войны, а в Германии начинается революция.

11 ноября — Окончание Первой мировой войны.

18 ноября — В результате переворота вместо Директории белые силы востока России возглавляет адмирал А. Колчак.

1919

18 января — Начало Парижской мирной конференции.

2 марта — Открывается Первый конгресс Коминтерна.

4 марта — Армия Колчака начинает наступать.

21 марта — Провозглашена Венгерская Советская Республика. Она просуществует 4 месяца.

6 апреля — Возникает Баварская Советская республика. Она не продержится и месяца.

28 июня — Подписан Версальский мирный договор.

3 июля — Армия Деникина начинает наступление на Москву.

28 сентября — Северо-Западная армия генерала Юденича начинает наступление на Петроград. Оно будет остановлено в конце октября.

11 октября — Красная армия на юге переходит в контрнаступление.

14 ноября — Взятием Омска завершается разгром армии Колчака.

Декабрь — Повсеместное отступление войск Деникина.

27 декабря — Остатки деникинских войск под началом генерала Я. Слащева на Перекопе одерживают победу над красными. Белые сохраняют контроль над Крымом.

1920

10 января — Первое заседание новообразованной Лиги Наций.

2 февраля — РСФСР признает независимость Эстонской республики.

2 февраля — Красная армия захватывает Хивинское ханство и продолжает движение к Каспию.

7 февраля — в Иркутске расстрелян Верховный правитель России адмирал Колчак.

21 февраля — Красная армия подавляет белое движение на Севере, взяв Архангельск.

28 февраля — Польские войска вторгаются на территорию Советской Белоруссии. Начинается Советско-польская война.

Конец марта — Паническая эвакуация разгромленных деникинцев из Новороссийска в Крым.

26 апреля — в Хиве провозглашена Хорезмская Народная Советская Республика.

28 апреля — Провозглашена Социалистическая Советская Республика Азербайджан.

7 мая — Киев занят польскими и украинскими войсками.

4 июля — Красная армия переходит в контрнаступление, польская армия отступает.

11 августа — РСФСР признает независимость Латвии.

13 августа — Начало Битвы за Варшаву. Сражение продлится 12 дней и закончится поражением красных.

19 августа — На Тамбовщине вспыхнуло крестьянское восстание, т. н. «Антоновщина».

8 октября — В Бухаре провозглашена Бухарская Народная Советская Республика.

7 ноября — Красная армия штурмует Перекоп. Шесть дней спустя остатки врангелевской армии покидают Крым.

15 декабря — В Брюсселе открывается конференция по германским репарациям, которые станут одной из причин прихода Гитлера к власти.

1921

25 февраля — Установление советской власти в Грузии.

1—18 марта — Кронштадтское восстание.

8—16 марта — X съезд РКП(б). Принятие решения о переходе к Новой экономической политике (НЭП).

16 марта — Подписание британско-советского торгового соглашения.

18 марта — В Риге подписан мирный договор с Польшей.

18 марта — Декрет «О замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом». Начало НЭПа.

26 мая — Белогвардейский переворот во Владивостоке.

11 июля — В Монголии устанавливается советская власть.

18 июля — В Москве создан Всероссийский комитет помощи голодающим.

1922

6 февраля — ВЧК преобразована в ОГПУ.

12 марта — Создан Федеративный Союз Республик Закавказья.

3 апреля — И. Сталин становится генеральным секретарём ЦК РКП(б).

10 апреля — Открытие Генуэзской конференции.

16 апреля — Рапалльский договор РСФСР с Германией.

26 августа — Япония объявляет о выводе войск из Сибири.

25 октября — Владивосток взят красными. Этот день считается датой окончания Гражданской войны.

30 декабря — I Всесоюзный съезд Советов провозглашает создание СССР.

1923

17–25 апреля — XII съезд РКП(б) — последний съезд «ленинской» эпохи, хотя сам Ленин по болезни не присутствует. Впервые среди «вождей» — кроме Ленина, Троцкого, Зиновьева и Каменева — звучит имя Сталина.

8 мая — Ультиматум Керзона.

13 октября — Создан Соловецкий лагерь, первый крупный объект будущего ГУЛАГа.

1924

26 января — Петроград переименован в Ленинград.

1 февраля — Великобритания признала СССР.

15 февраля — Стартует «ленинский» призыв в партию.

15 февраля — Созданы Узбекская Советская Социалистическая Республика и Туркменская Советская Социалистическая Республика вместо Туркестанской АССР, Бухарской Социалистической Советской Республики и Хорезмской Социалистической Советской Республики.

25 октября — В британской прессе опубликовано «Письмо Зиновьева».

1925

18 марта — Закон об обязательной военной службе.

17 июня — В Женеве принят Протокол о запрещении применения на войне ядовитых газов (и во время Второй мировой войны ни одна из

сторон их на фронте применять не будет).

9 ноября — В Германии основаны отряды СС.

18–31 декабря — XIV съезд ВКП(б) принимает курс на индустриализацию.

1926

4 января — В составе РСФСР появляется Дальневосточный край.

4 мая — В Англии начинается Всеобщая забастовка, которая продлится до 12 октября.

12 мая — В Польше происходит путч, в результате которого устанавливается диктатура Ю. Пилсудского.

23 июля — Пленум ЦК выводит Г. Зиновьева из состава Политбюро ЦК ВКП(б). Становится одним «вождем» меньше.

23 октября — Из Политбюро убирают еще двух «вождей»: Л. Троцкого и Л. Каменева.

5 декабря — Пуск Волховской ГЭС, первого крупного объекта плана ГОЭЛРО.

1927

23 февраля — «Нота Чемберлена».

12 апреля — В Китае начинается конфликт между коммунистами и Гоминьданом, который с перерывами продлится до 1949 года.

18–26 апреля — Началась разработка первого пятилетнего плана.

26 мая — Великобритания разрывает дипломатические отношения с СССР.

29 июля — «Декларация митрополита Сергия» о лояльности церкви по отношению к советской власти.

14 ноября — Троцкий и Зиновьев исключены из ВКП(б).

2 декабря — 19 декабря — XV съезд ВКП(б) утверждает программу коллективизации сельского хозяйства и исключает из партии оставшихся «левых» оппозиционеров.

14 декабря — Разрыв дипломатических отношений между Китаем и СССР.

1928

1 марта — Сталин провозглашает курс на интенсивную коллективизацию.

4 июля — 12 июля — Пленум ЦК ВКП(б). Дискуссия с «правой оппозицией» о методах индустриализации и судьбе НЭПа.

17 июля — 1 сентября — VI конгресс Коминтерна берет курс на разрыв с социал-демократами, что приведет к власти партию Гитлера.

1 октября — Объявлено о старте Первой пятилетки.

1929

24 января — Постановление Политбюро «О мерах по усилению антирелигиозной работы».

31 января — Троцкий выслан из СССР.

16–23 апреля — Пленум ЦК ВКП(б) осудил Бухарина и «правых уклонистов».

10 июля — Маньчжурский правитель Чжан Сюэлян захватывает КВЖД.

17 июля — СССР разрывает дипломатические отношения с Китаем.

Конец октября — Биржевой крах в США. Начинается Великий Экономический Кризис.

10–17 ноября — На пленуме ЦК ВКП(б) провозглашен курс на ускоренную коллективизацию.

15–25 декабря — В СССР пышно отмечают 50-летие Сталина.

27 декабря — Провозглашена политика «ликвидации кулачества как класса».

1930

26 января — ГПУ похищает в Париже главу Русского общевоинского союза генерала А. Кутепова.

2 марта — Махатма Ганди инициирует в Индии кампанию гражданского неповиновения колониальным властям.

9 декабря — Лига Наций представляет проект Соглашения о разоружении. СССР и Германия выступают против.

1931

4 февраля — Программная речь Сталина на конференции «хозяйственников»: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

18 сентября — «Мукденский инцидент»: провокация Квантунской армии с целью оккупации Маньчжурии.

7 ноября — Мао Цзэдун провозглашает Китайскую Советскую Республику.

13 ноября — Создание «Дальстроя» — гигантского строительно-промышленного треста, использующего главным образом труд заключенных.

1932

18 февраля — Маньчжурия, оплот японского владычества в Китае, объявлена независимым государством.

8 июля — Индекс Доу-Джонса падает до исторического минимума. Худший момент мирового финансового кризиса.

8 ноября — Президентом США становится Ф.Д. Рузвельт, который вскоре объявит программу выхода из кризиса.

27 декабря — В СССР вводится паспортная система.

1933

30 января — Гитлер становится канцлером Германии.

27 марта — Япония объявляет о выходе из Лиги Наций.

Июнь — Пик «Голодомора».

14 октября — Германия объявляет о выходе из Лиги Наций и Международной конференции по разоружению.

16 ноября — США и СССР устанавливают дипломатические отношения.

1934

26 января — 10 февраля — «Съезд победителей».

24 июня — Столица Украинской ССР перемещена из Харькова в Киев.

30 июня — В Германии начинается «Ночь длинных ножей», уничтожение верхушки штурмовых отрядов.

10 июля — Создан НКВД СССР.

17 августа — 1 сентября — Первый съезд советских писателей.

19 августа — На референдуме немцы голосуют за предоставление Гитлеру абсолютной власти.

18 сентября — СССР вступил в Лигу Наций.

1 декабря — Убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С. Киров. Начинается первая волна массовых репрессий.

1935

16 марта — Гитлер объявляет, что Германия в нарушение условий Версальского договора будет перевооружаться.

23 марта — СССР продает Маньчжурской империи КВЖД.

15 сентября — Германия принимает антисемитские «Нюрнбергские законы».

22 сентября — В Красной армии вводятся воинские звания.

2 октября — Начало Итало-Эфиопской войны.

1936

16 февраля — В Испании приходит к власти Народный Фронт.

26 февраля — Путч в Японии. Правительство страны начинают контролировать военные.

7 марта — Германия оккупирует Рейнскую область.

7 мая — Италия завершает захват Эфиопии.

17 июля — Начинается Гражданская война в Испании.

25 августа — Казнь осужденных по делу «Антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра».

25 ноября — Германия и Япония заключают «Антикоминтерновский пакт».

5 декабря — в СССР принята конституция. Упразднена Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Азербайджан, Армения и Грузия становятся союзными республиками.

1937

11 июня — Завершен процесс по «делу Тухачевского». Осужденные военачальники казнены.

7 июля — «Инцидент на мосту Марко Поло» в Пекине приводит к активным боевым действиям между Японией и Китаем. В китайской хронологии этот день считается началом Второй мировой войны.

30 июля — Приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», положивший на-чало Большому Террору.

11 октября — Нарком внутренних дел Н. И. Ежов повышается до статуса кандидата в члены Политбюро.

11 декабря — Италия выходит из Лиги Наций.

1938

3 февраля — Начало «Бухаринско-троцкистского судебного процесса».

12 марта — «Аншлюсс» Австрии.

29 июля — Начало боёв на озере Хасан.

29 сентября — Мюнхенское соглашение между Германией, Англией, Францией и Италией.

9 ноября — «Хрустальная ночь» в Германии.

1939

24 февраля — К «Антикоминтерновскому пакту» присоединилась Венгрия.

15 марта — Германия вторгается в Чехословакию.

28 марта — Падение Мадрида. Гражданская война в Испании заканчивается победой франкистов.

6 апреля — Англия и Франция подписывают договор о гарантиях для Польши в случае нападения «третьей стороны».

7 апреля — Италия вторгается в Албанию.

3 мая — Наркомом иностранных дел вместо Литвинова назначен Молотов.

28 мая — Начало боев на реке Халхин-Гол.

11 августа — В Москве начинаются переговоры о военном союзе с Англией и Францией.

23 августа — Подписание «Пакта Молотова-Риббентропа».

1 сентября — Германия нападает на Польшу.

17 сентября — СССР нападает на Польшу.

30 ноября — Начало Советско-финской войны.

14 декабря — СССР исключен из Лиги Наций.

1940

12 марта — окончание войны СССР с Финляндией.

10 мая — Начало немецкого наступления против союзнических войск.

10 июня — Италия вступает в войну на стороне Германии.

15 июня — СССР оккупирует прибалтийские страны.

22 июня — Франция капитулирует.

26 июня — В СССР ужесточается трудовое законодательство. Нарушение производственной дисциплины становится преступлением.

27 июня — Советские войска по соглашению с Германией занимают Бессарабию и Буковину.

1 августа — Начинается «Битва за Англию».

12 ноября — Визит Молотова в Берлин.

18 декабря — Запуск плана «Барбаросса».

1941

6 января — В Конгресс США представлен законопроект о «лендлизе».

27 марта — В Югославии происходит антигерманский переворот.

6 апреля — Германия и ее союзники вторгаются в Югославию.

13 апреля — СССР подписывает договор о нейтралитете с Японией.

6 мая — Сталин занимает пост председателя Совета народных комиссаров.

10 мая — Рудольф Гесс предпринимает попытку заключить мир с Англией.

14 июня — Заявление ТАСС с опровержением слухов о готовящейся войне.

22 июня — Нападение Германии на СССР.

25 июня — К Германии присоединяется Финляндия.

27 июня — В войну вступает Венгрия.

28 июня — «Минский котел».

30 июня — Создан ГКО (Государственный комитет обороны).

3 июля — Сталин обращается по радио к народу.

16 июля — В Красной армии восстанавливается институт комиссаров.

19 июля — Сталин становится наркомом обороны.

8 августа — Сталин объявлен Верховным главнокомандующим.

10 августа — Начало осады Одессы (город падет 16 октября).

25 августа — СССР и Англия вводят войска в Иран.

28 августа — Приказ о депортации поволжских немцев.

8 сентября — Начало блокады Ленинграда.

19 сентября — Пал Киев.

30 сентября — Начало Битвы за Москву.

19 октября — Правительство эвакуируется из Москвы в Куйбышев (Самару).

6 декабря — Начало советского контрнаступления под Москвой.

7 декабря — Япония нападает на США.

1942

20 января — Совещание нацистского руководства в Ванзее. Речь идет об «окончательном решении еврейского вопроса».

15 февраля — Японцы одерживают крупную победу: берут Сингапур.

12 мая — Начало катастрофического Харьковского сражения.

3 июля — Падение Севастополя.

28 июля — Приказ «Ни шагу назад».

12 августа — Московская конференция союзников.

13 сентября — Начало Сталинградской битвы.

23 октября — Наступление британских войск под Эль-Аламейном.

23 ноября — Окружение армии Паулюса под Сталинградом.

1943

1 января — Красная армия начинает наступление на Северном Кавказе.

12 января — Прорыв блокады Ленинграда.

13 января — Гитлер отдает приказ о тотальной мобилизации.

2 февраля — Капитуляция немецкой группировки в Сталинграде.

19 апреля — Восстание в Варшавском гетто.

13 мая — Капитуляция немецко-итальянских войск в Северной Африке.

10 июня — Упразднение Коминтерна.

5 июля — Начало Курской битвы.

10 июля — Высадка союзников на Сицилии.

25 июля — Падение режима Муссолини.

9 октября — Окончательное освобождение Кавказа.

6 ноября — Освобождение Киева.

28 ноября — Начало Тегеранской конференции.

1944

24 января — Начало Корсунь-Шевченковской операции.

27 января — Снята блокада Ленинграда.

19 марта — Немцы оккупируют Венгрию, чтобы не дать ей выйти из войны.

26 марта — Советские войска выходят к государственной границе (с Румынией).

9 апреля — Освобождение Одессы.

12 мая — Освобождение Севастополя.

6 июня — Начинается высадка союзников в Нормандии.

23 июня — Начало операции «Багратион».

3 июля — Разгром минской группировки Вермахта.

20 июля — Покушение на Гитлера.

1 августа — Начало Варшавского восстания.

19 августа — Начинается Ясско-Кишиневская операция.

25 августа — Освобождение Парижа.

4 сентября — Финляндия разрывает с Берлином.

9 сентября — Антифашистский переворот в Болгарии.

14 сентября — Наступление Красной армии в Прибалтике.

25 сентября — В Германии объявлена мобилизация мужчин в возрасте от 16 до 60 лет.

2 октября — Варшавское восстание подавлено.

13 октября — Освобождение Риги.

20 октября — Освобождение Белграда.

29 октября — Начало Будапештской операции.

16 декабря — Начало немецкого контрнаступления в Арденнах.

1945

14 января — Начинается наступление на Варшаву (взята 17 января).

21 января — Начало Висло-Одерской операции.

22 января — Красная армия форсирует реку Одер.

4 февраля — Начало Ялтинской конференции.

22 марта — Союзники форсируют Рейн.

5 апреля — СССР денонсирует пакт о нейтралитете с Японией.

29 апреля — Капитуляция немецких войск в Италии.

1 мая — Самоубийство Адольфа Гитлера.

2 мая — Взятие Берлина.

6 мая — Начинается последнее сражение европейской войны — Пражская операция.

7 мая — Германия подписывает акт о капитуляции и прекращает сопротивление.

16 июля — Испытание ядерной бомбы в США.

17 июля — Начинается Потсдамская конференция.

6 августа — Атомная бомбардировка Хиросимы.

9 августа — Советские войска переходят маньчжурскую границу.

9 августа — Атомная бомбардировка Нагасаки.

2 сентября — Япония подписывает капитуляцию. Окончание Второй мировой войны.

24 октября — Создана ООН.

20 ноября — Начало Нюрнбергского судебного процесса.

29 ноября — Создана Федеративная Народная Республика Югославия.

1946

25 февраля — Красная армия становится Советской армией.

5 марта — Речь Черчилля в Фултоне.

15 марта — В СССР народные комиссары становятся министрами.

18 марта — Принят пятилетний план восстановления народного хозяйства.

26 марта — Советский Союз выводит войска из Ирана.

26 мая — В Чехословакии коммунисты приходят к власти.

14 августа — Постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград».

27 октября — В Болгарии приходит к власти правительство Отечественного Фронта.

1947

12 марта — Обнародована «Доктрина Трумэна».

5 июня — Провозглашен «План Маршалла».

15 августа — Британия теряет свои индийские колонии. Появляются государства Индия и Пакистан.

14 декабря — В СССР отменены карточки.

16 декабря — Девальвирован рубль.

30 декабря — Румынский «король-комсомолец» Михай отрекается от престола.

1948

14 мая — Создано государство Израиль.

28 июня — Югославию исключают из просоветской организации «Коминформ».

24 июля — Начинается блокада Западного Берлина.

12 октября — ООН принимает «Всеобщую декларацию прав человека».

1949

18 января — Создание Совета Экономической Взаимопомощи.

4 апреля — Образование НАТО.

15 августа — Провозглашена Венгерская Народная Республика.

29 августа — В СССР состоялись испытания ядерной бомбы.

20 сентября — Создана Федеративная Республика Германия.

1 октября — Создана Китайская Народная Республика.

7 октября — Создана Германская Демократическая Республика.

1950

14 февраля — Подписан «договор о великой дружбе» между СССР и КНР.

25 июня — Войска коммунистической Северной Кореи вторгаются в Южную Корею.

30 сентября — Завершено «Ленинградское дело».

1951

8 сентября — В Сан-Франциско подписан мирный договор с Японией. СССР подписание пробойкотировал.

1952

18 июля — Приговор по делу «Еврейского антифашистского комитета».

5 октября — В Москве после тринадцатилетнего перерыва открывается съезд, на котором ВКП(б) переименована в КПСС.

20 ноября — В Чехословакии начинается процесс по «делу Сланского».

1953

13 января — В СССР начинается антисемитская кампания, получившая название «Дело врачей».

5 марта — Объявлено о смерти Иосифа Сталина.

9 марта — В Москве во время похорон Сталина из-за плохой организации гибнет много людей.